

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ

ГОДЪ XX.

Подъ редакціей *Л. М. Лопатина.*

Книга II (97).

МАРТЪ-АПРѢЛЬ.—1909 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Пименовская ул., соб. домъ.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Панметодизмъ въ этикѣ. (Къ характеристикѣ ученія Когена). Князя Евгенія Трубецкаго	121
Идея обожженія въ древне-восточной церкви. И. В. Попова	165 <u>e</u>
i	
Къ вопросу о методологiи и гносеологiи Декарта. М. Рубинштейна	143
Къ вопросу о природѣ драмы. Максимиліана Фота	170
Функциональная психологiя. (По поводу сочиненія Штумпфа: <i>Erscheinungen und psychische Funktionen</i> . 1907). А. Гринбаума	192
Ученіе Л. I. Петражицкаго о правѣ и его предпосылки. (Критическій и методологическій этюдъ). В. Гинцберга	204
Патологическое резонерство С. Суханова	261

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

Hugo Münsterberg. Philosophie der Werthe. Grundzüge einer Weltanschauung. S. VIII + 486. Leipzig. Ioh. Ambrosius Barth. 1908. Б. Яковенко	309
---	-----

II. Библиографическій листокъ.

Московское Психологическое Общество. (Отчетъ о годовичномъ распорядительномъ засѣданіи. Списокъ членовъ Психологическаго Общества)	324
---	-----

Объявленія.

Панметодизмъ въ этикѣ.

(Къ характеристикѣ ученія Когена.)

I.

„Кто пишетъ этику, тотъ какъ бы поселяется въ стеклянномъ домѣ“¹⁾. Это изреченіе Когена всего менѣе оправдывается его собственною „Этикою чистой воли“. вмѣсто „стеклянныхъ стѣнъ“ читатель находитъ здѣсь сложный лабиринтъ, окутанный густымъ туманомъ.

Съ первыхъ же словъ онъ сталкивается съ рядомъ недоумѣній. Прежде всего неясенъ самый *предметъ изученія*. Въ началѣ изслѣдованія авторъ говоритъ, что таковымъ является *человѣкъ*: онъ занимаетъ центральное мѣсто въ этикѣ, которая въ свою очередь является центральной дисциплиной въ философіи; поэтому *человѣкъ*—средоточіе и содержаніе всѣхъ цѣнностей послѣдней²⁾. Однако, рядомъ съ этимъ оказывается, что въ фундаментѣ этики *человѣкъ*—на второмъ планѣ. Здѣсь, по признанію Когена, представляется болѣе существеннымъ и важнымъ вопросъ объ искусственномъ, юридическомъ лицѣ. Неудивительно, что въ серединѣ своего изслѣдованія авторъ задается вопросомъ—приложима ли его этика къ *человѣку*³⁾.

Въ „Этикѣ чистой воли“ кромѣ фундамента есть еще и верхній этажъ, гдѣ *человѣкъ* какъ-будто является цѣлью. Но эта цѣль обладаетъ страннымъ свойствомъ: она отда-

1) Ethik. d. reinen Willens, стр. VIII.

2) Ibid., 2.

3) Ibid., стр. 389—390.

Вопросы философіи, кн. 97.

ляется отъ насъ, какъ только мы дѣлаемъ попытку къ ней приблизиться. И здѣсь намъ приходится днемъ съ фонаремъ искать человѣка. Мало того, изъ разсужденій автора оказывается, что истинному человѣку, тому самому, который является субъектомъ этики,—суждено оставаться вѣчнымъ искомымъ: сущность человѣка,—его „самость“ никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть дана: она намъ только задана: это—задача, которая никогда не можетъ быть разрѣшена 1).

Въ итогѣ этика чистой воли ищетъ и находитъ истинную душу человѣка „какъ бы по ту сторону“ индивидуальнаго явленія 2). Истинный индивидъ есть только идея 3).

Какъ же относится это ученіе къ человѣку эмпирическому, данному? Въ принципѣ оно его отрицаетъ: ибо оно вообще не признаетъ ничего даннаго. Противоположность между этикой и религіей именно въ томъ и заключается, что въ религіи вопросъ о *судьбѣ индивида*—тотъ центръ, вокругъ котораго все вращается 4). Между тѣмъ этика чистой воли относитъ всякое ученіе о загробной жизни индивида къ области миеологіи. На вопросъ о конечной его судьбѣ, о его безсмертіи, она отвѣчаетъ коротко и ясно: „знать не могу, а потому и знать не хочу“ 5). Правда, она включаетъ въ себя вопросы, „откуда и куда“ этотъ міръ и человѣкъ, не устраняетъ и вопроса о безсмертіи; но она ставитъ и обсуждаетъ ихъ „согласно правиламъ своей методикѣ“, иначе говоря, попросту сводитъ ихъ на нѣтъ: она замѣняетъ ихъ вопросомъ о „вѣчности“, который, какъ мы увидимъ, не имѣетъ ничего общаго съ индивидуальнымъ безсмертіемъ 6). Самое „личное единство“ индивида—не болѣе какъ эгоистическій предразсудокъ“. Мнимое единство лица на самомъ дѣлѣ есть только „единичность“ (Einzelheit),

1) Ibid., стр. 384, 340, 350, 392, 260.

2) Ibid., стр. 9.

3) Ibid., стр. 40.

4) Ibid., стр. 48.

5) Ibid., стр. 49, 414—415.

6) Ibid., стр. 52, 414—415.

которая дѣлаетъ человѣка экземпляромъ, частью стада, животнымъ, а не нравственнымъ существомъ. Личность— только абстракція, своего рода маска; человѣкъ же какъ единоличное существо намъ не данъ, а только кажется даннымъ. Самая психологія даетъ множество тому доказательствъ. Въ составѣ тѣла человѣка происходитъ непрерывная смѣна частей. Также и во внутреннемъ его мірѣ замѣчается безпрестанный переходъ отъ нормальной къ повышенной или къ пониженной духовной бодрости, отъ ослабленія вниманія къ полному пробужденію сознанія. „Не есть ли и въ психологическомъ смыслѣ самосознаніе нѣкотораго рода фикція? Развѣ мы не знаемъ о существованіи философовъ, которые сомнѣвались въ самой реальности „я“ и ее оспаривали, а на ея мѣсто ставили собраніе представлений?“ ¹⁾.

Если въ этикѣ чистой воли такимъ образомъ неясенъ ея предметъ и ея субъектъ, то по меньшей мѣрѣ столь же неясною остается ея задача и цѣль: ибо мы видимъ здѣсь „вѣчность“, къ которой невозможно приблизиться, потому что она отстоитъ на безконечно далекомъ разстояніи отъ каждаго даннаго пункта времени ²⁾. И такъ какъ при этомъ она недостижима для дѣйствительнаго душевнаго человѣка, то непонятно, какъ она можетъ служить для него задачей. А между тѣмъ кому же осуществлять нравственную задачу, какъ не живому человѣческому лицу? Отсюда—двойственность въ „Этикѣ чистой воли“. Согласно характерному признанію ея автора, она отвлекается отъ природы и отъ природныхъ свойствъ человѣка, потому что только въ этомъ отвлеченіи она можетъ осуществить свою чистоту; но таковъ тяготѣющій надъ нею рокъ, что она должна отрѣшиться отъ природы и однако прикована къ ней ³⁾: ибо нравственная задача не можетъ быть осуществлена помимо природнаго человѣка и человѣчества. Съ одной стороны, чистая

¹⁾ Ibid., 188—189, 230, 247—248, 235.

²⁾ Ibid. 411; ср. *Natorp*, Religion innerhalb der Grenzen der Humanität, 121.

³⁾ Ibid, 438.

воля не есть воля душевнаго, природнаго человѣка; съ другой стороны, для ея процвѣтанія необходимъ человѣкъ, притомъ человѣкъ съ здоровымъ желудкомъ ¹⁾).

Имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ противорѣчіями дѣйствительными или кажущимися? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо вникнуть въ особенности того „трансцендентальнаго“ или „чистаго“ метода Когена, который составляетъ душу его философіи. Для этого метода существенно, что онъ отвлекается отъ индивидуальнаго человѣка, исходитъ не изъ его души и не на ней сосредоточивается: это—„методъ чистоты“, который исходитъ изъ чистой мысли и отрѣшается отъ всего внѣшняго, конкретнаго, даннаго.

Общее положеніе, на которомъ строится какъ этика, такъ и логика Когена, заключается въ томъ, что чистой мысли ничего не дано извнѣ: все „данное“ она производитъ сама изъ себя: нѣтъ такого „нѣчто“, которое послужило бы для нея послѣднимъ основаніемъ ²⁾). Первое, изъ чего должно исходить изслѣдованіе, есть не вещь, а само познаніе вещей, поскольку оно дано въ наукѣ: только путемъ изслѣдованія познанія могутъ быть установлены самыя вещи. Не будучи намъ даны въ дѣйствительности, вещи только кажутся намъ данными: онѣ суть предметы (*Vorgwürfe*), т.-е. ихъ существованіе сводится къ тому, что мысль мечетъ ихъ передъ собою ³⁾).

Съ этой точки зрѣнія намъ становится понятнымъ отрицательное отношеніе „Этики чистой воли“ къ живому человѣку и къ его психикѣ. „Метода чистоты“ отбрасываетъ индивида и его душу, какъ и все вообще извнѣ данное. Для нея истиннымъ субъектомъ можетъ быть не что-либо эмпирическое, а только такое лицо, которое въ свою очередь является созданіемъ чистой мысли. Вещи—предмету соотвѣтствуетъ субъектъ какъ подлежащее, то, что мысль подкладываетъ подъ что-либо, единство, которое она кладетъ

¹⁾ Ibid., 295.

²⁾ Ibid., 101—102.

³⁾ Ibid., 93; *Logik d. reinen Erkenntniss*, 93, 276, 501, 55—56.

въ основу какой-либо дѣятельности. Вотъ почему въ этикѣ важнѣйшимъ результатомъ „методы чистоты“ является отдѣленіе элемента этического отъ элемента психическаго въ понятіи субъекта ¹⁾. Этический субъектъ не есть душа, не есть что-либо родившееся или прирожденное: самое понятіе характера, доброй или злой воли есть предразсудокъ. Именно этимъ по Когену опредѣляется огромное положительное значеніе „методы чистоты“ для этики. Еслибы субъектъ представлялъ собою нѣчто данное, рожденное и воспитанное въ опредѣленной средѣ, этика не имѣла бы смысла и не была бы возможна: она была бы цѣликомъ поглощена антропологіей и социологіей ²⁾. „Чистое“ есть вообще несмѣшанное, т.-е. свободное отъ всякаго эмпирическаго содержанія ³⁾; соотвѣтственно съ этимъ и субъектъ этики не есть эмпирический субъектъ: „чистая воля“ этого субъекта должна быть понимаема какъ прямая противоположность всему данному. Этимъ *чистая воля* отличается отъ *желанія*; послѣднее направлено на внѣшній предметъ, будь то пища или владѣніе или господство. Напротивъ, „чистая воля“ какъ и чистая мысль сама изъ себя производитъ все свое содержаніе ⁴⁾.

II.

Живой человѣкъ не находитъ себѣ мѣста въ „Этикѣ чистой воли“, потому что здѣсь онъ замѣняется отвлеченнымъ понятіемъ, точнѣе говоря, *методомъ, способомъ научной мысли о человѣкѣ*. Необходимость этой замѣны коренится въ самомъ существѣ „метода чистоты“. „За бытіе должно считаться только то, что можетъ произвести сама мысль“ ⁵⁾; „только то должно считаться даннымъ мысли, что она сама можетъ найти“ ⁶⁾. Бытіе вообще основано не въ себѣ самомъ:

¹⁾ Ibid., 95.

²⁾ Ibid., 96.

³⁾ Ibid., 29.

⁴⁾ Ibid., 142.

⁵⁾ Logik., 67.

⁶⁾ Ibid., 68.

оно возникает впервые въ мысли ¹⁾. „Мысль создаетъ основы (Grundlagen) бытія. Идеи суть эти основы, эти основоположенія (Grundlegungen) ²⁾).

Смысль всѣхъ этихъ сужденій какъ будто бы тотъ, что чистая мысль для Когена есть абсолютное. И въ самомъ дѣлѣ, онъ учитъ, что мысль сама въ себѣ имѣетъ свое начало или источникъ ³⁾. Ей принадлежитъ безграничная творческая самостоятельность ⁴⁾. Въ ея понятіи безконечно малаго заключается та *абсолютность*, которая обосновываетъ происхожденіе существующаго ⁵⁾. Наконецъ, мы находимъ у Когена самое рѣшительное утвержденіе *тождества мысли и бытія*. Весь смыслъ логики, по его признанію, заключается въ этомъ положеніи древняго Парменида: „нѣтъ той проблемы бытія, для разрѣшенія которой не заключалось бы задатковъ въ мысли ⁶⁾. Бытіе есть бытіе мысли. Поэтому мысль въ качествѣ мысли бытія есть мысль познанія“ ⁷⁾. Это ученіе о тождествѣ для Когена настолько выражаетъ собою принципъ истиннаго знанія, что съ его родоначальника—Парменида—онъ ведетъ начало научной философіи ⁸⁾.

Прибавимъ къ этому характерное признаніе Когена, что за логикою, именно вслѣдствіе ея ученія о тождествѣ, остается область интересовъ старой метафизики ⁹⁾, и разбираемое ученіе покажется намъ чрезвычайно схожимъ съ *панлогизмомъ* Гегеля. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи это сходство оказывается призрачнымъ: въ дѣйствительности между обоими ученіями есть дѣлая пропасть.

Отличіе Когена отъ Гегеля заключается въ томъ, что, признавая тождество мысли и бытія, первый не дѣлаетъ выте-

¹⁾ Ibid. 28.

²⁾ Ibid., 18.

³⁾ Ibid., 11.

⁴⁾ Ibid., 32.

⁵⁾ Ibid., 116.

⁶⁾ Ibid., 501.

⁷⁾ Ibid., 14.

⁸⁾ Ibid., 27.

⁹⁾ Ibid., 14.

кающаго отсюда прямого логическаго вывода, что мысль есть сущее. Принимая ученіе, которое может имѣть смыслъ лишь въ опредѣленной метафизической, монистической системѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрещивается отъ всякой метафизики. Онъ видитъ глубочайшее недоразумѣніе платонова ученія въ его метафизическомъ пониманіи идеи ¹⁾. Онъ упрекаетъ Канта за то, что тотъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“—въ плѣну у старой метафизики ²⁾ и видитъ сущность этическаго идеализма въ отрѣшеніи отъ метафизики всякаго рода ³⁾; по отношенію къ послѣдней идеалистическая этика и логика составляютъ методическую противоположность ⁴⁾. Главное же отличіе обоихъ мыслителей заключается въ томъ, что у Гегеля мысль типостазируется, превращается въ міровую сущность: тождество мысли и бытія здѣсь выражается въ понятіи абсолютнаго духа, и соотвѣтственно съ этимъ весь міровой процессъ понимается какъ процессъ діалектическій. Напротивъ, у Когена мысль, тождественная съ бытіемъ, есть мысль научная, выразившаяся въ *фактъ научнаго познанія*, т.-е. въ концѣ-концовъ—мысль человѣческая. Поэтому для него самая *„истина заключается въ признаніи научнаго разума: она основывается на немъ“* ⁵⁾. Пониманіе мысли какъ „сущаго“ совершенно ему чуждо; онъ далекъ отъ метафизическаго монизма и видитъ въ субстанціи лишь совокупность модусовъ ⁶⁾. Онъ категорически отрицаетъ абсолютную субстанцію въ гегелевскомъ смыслѣ ⁷⁾.

Здѣсь отличіе сказывается какъ нельзя болѣе рѣзко: если ученіе Гегеля есть *панлогизмъ*, то точка зрѣнія Когена можетъ быть охарактеризована какъ *панметодизмъ*. Для Гегеля истина—самъ объективный процессъ раскрытія Сущаго Разума; напротивъ, для Когена она—только правильный спо-

¹⁾ Ibid., 12.

²⁾ Ethik d. reinen Willens, 315—316.

³⁾ Ibid., 330—332.

⁴⁾ Ibid., 428, 431.

⁵⁾ Ibid., 91.

⁶⁾ Logik, 211.

⁷⁾ Ethik, 187.

собъ мысли человѣческой, научной, иначе говоря, — она есть методъ. „Истина“, говоритъ онъ, „заключается въ единомъ методѣ логики и этики. Она не можетъ быть обнаружена какъ данное. Она не можетъ быть принята какъ фактъ природы или исторіи, который лежитъ передъ нами или можетъ быть раскрытъ. Она не есть сокровище, но копатель сокровищъ. Она есть методъ, но не изолированный и не поддающийся изолированію методъ, а такой, который приводитъ въ гармонію основное различіе разумныхъ интересовъ“. Доводя до конца эту точку зрѣнія, Когенъ не останавливается ни передъ какими послѣдствіями: для него истина перестаетъ быть отличнымъ отъ науки *искомымъ*: онъ отождествляетъ ее съ самымъ процессомъ изслѣдованія: „истина состоитъ единственно въ исканіи истины“ ¹⁾.

Вообще, нѣтъ той истины въ сферѣ дѣйствительнаго или должнаго, которая бы для Когена не сводилась къ методу: всякій вообще предметъ, по его ученію, „заключается единственно въ чистомъ познаніи“ ²⁾. Это „всеобщее методическое значеніе предмета есть оружіе противъ предразсудка, будто, какъ говорится, предметъ намъ данъ“ ³⁾. Предметная дѣйствительность вообще сводится къ способу мысли, которая ее создаетъ: познаніе вещей, какъ оно дано въ наукѣ, первѣе самихъ вещей ⁴⁾; самое движеніе обозначаетъ не что иное, какъ единство всѣхъ методовъ ⁵⁾. Напрасно было бы съ этой точки зрѣнія искать въ дѣйствительности или надъ дѣйствительностью чего-либо отличнаго отъ мысли и ея методовъ: для Когена дѣйствительность сводится къ категоріи „единичнаго“, а абсолютное — къ гипотезѣ чистой мысли ⁶⁾, т. е., иначе говоря, къ методу. Самая идея Бога съ этой точки зрѣнія — не болѣе какъ *методическое поня-*

1) Ethik, 91.

2) Logik, 201.

3) Ibid., 276.

4) Ethik 93.

5) Logik 196; ср. Ethik, 130.

6) Logik, 505; Eth. 429.

tie: методика исчерпываетъ его содержаніе ¹⁾. Какъ въ логикѣ, такъ и въ этикѣ все сводится къ „методикѣ“. Цѣль нравственной дѣятельности человѣка и человѣчества есть „вѣчность“; но это—вѣчность не дѣйствительная, а только методическая. Она—не болѣе какъ нашъ способъ мысли о вѣчности, наша „точка зрѣнія“ (*Blickpunkt*). Она лишь постольку для насъ достовѣрна, поскольку она воздвигается на методическомъ основаніи.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы увидимъ, что всѣ вообще этическія понятія, какъ то—субъектъ нравственной дѣятельности, ея объектъ, свобода суть не болѣе какъ „методическія идеи“ или методы. Самое „человѣчество“, которое служить началомъ и концомъ нашей нравственной дѣятельности—не живое собирательное цѣлое, не единство во множествѣ индивидовъ, а только *способъ нашей мысли* о цѣли нашей дѣятельности. Для Когена понятіе цѣли исчерпываетъ собою понятіе человѣчества: „для понятія человѣчества нѣтъ болѣе точнаго содержанія, чѣмъ понятіе цѣли“ ²⁾. Относительно того же понятія цѣли въ „Логикѣ“ нашего автора говорится, что оно есть „методъ“ ³⁾.

Съ точки зрѣнія панметодизма мысль вообще, и въ частности мысль научная, создаетъ свои предметы. Только въ связи съ этимъ воззрѣніемъ намъ становится понятнымъ рядъ изреченій Когена, которыя во всякой другой системѣ могли бы показаться странными,—что Галилей создалъ матерію, потому что онъ ее впервые опредѣлилъ ⁴⁾, что воля не могла существовать раньше Платона, потому что Платонъ впервые создалъ этику ⁵⁾, что пророки измыслили че-

¹⁾ Ibid., 447.

²⁾ Eth., 410.

³⁾ Eth., 320.

⁴⁾ Logik, 309.

⁵⁾ Ibid., 125.

⁶⁾ Logik., 20; ср. Eth., 112: нравственности не было, пока она не была познана какъ таковая.

ловѣчество¹⁾ и Бога²⁾ и, наконецъ, что вся дѣйствительность природы покоится на нашемъ основоположеніи, гипотезѣ³⁾. Здѣсь рѣчь идетъ не о живой природѣ, а о „природѣ естествознанія“. Именно она обусловлена чистой мыслью⁴⁾, и только она представляетъ интересъ для Когена.

III.

Изъ предшествовавшего ясно, что въ изучаемой нами системѣ можно найти все, что угодно,—кромѣ жизни. Въ ней есть и Богъ, и человѣкъ, и вѣчность, и свобода, міръ матеріальный и міръ духовный. Но всѣ эти понятія у Когена получаютъ разъясненія, которыя во многомъ напоминаютъ сенатскія: они сводятъ на-нѣтъ все то, что они разъясняютъ. Въ результатѣ оказывается, что нѣтъ ни Бога, ни человѣка, ни вѣчности, ни свободы, ни міра матеріального, ни міра духовного. Есть только наши „точки зрѣнія“, „идеи“ и „категоріи“, словомъ,—способы нашей мысли. Вся живая дѣйствительность здѣсь лишена внутренней жизни и превращена въ какой-то методическій гербарій.

Эта черта дѣлаетъ намъ понятною попытку Когена „ориентировать“ этику въ юриспруденціи; она объясняетъ намъ въ особенности—основной парадоксъ его нравственнаго ученія—замѣну живого человѣка лицомъ юридическимъ, возведеніе послѣдняго въ нравственный идеаль и первообразъ.

Понятно, что философія, которая интересуется не самимъ міромъ дѣйствительнаго и должнаго, а только нашими на него точками зрѣнія, можетъ соприкасаться съ этимъ міромъ не непосредственно, а только черезъ посредство какой-либо научной дисциплины: мы можемъ знать методы лишь посколькѣ они выразились въ той или другой опре-

¹⁾ Eth., 146.

²⁾ Ibid., 87.

³⁾ Ibid., 435—436.

⁴⁾ Ibid., 437.

дѣленной наукѣ. Вотъ почему Когенъ не считаетъ даже нужнымъ доказывать своего основного положенія, что всякая философія должна ориентироваться въ *фактъ* данной науки. Онъ принимаетъ это положеніе какъ аксіому и считаетъ его *вѣчнымъ* элементомъ системы Канта ¹⁾.

Также нетрудно понять, почему Когенъ ищетъ опоры для этики именно въ юриспруденціи. Ему нужно освободить этику, во-первыхъ, отъ религіи, а, во-вторыхъ, отъ всякаго эмпирическаго элемента. Этотъ актъ освобожденія и совершается черезъ соединеніе этики и юриспруденціи: послѣдняя дѣлаетъ этику независимую съ двухъ сторонъ,—отъ мистики и отъ эмпирическихъ наукъ, въ частности—отъ психологіи ²⁾.

Религія интересуется живымъ индивидуальнымъ человекомъ и ставитъ его въ непосредственное отношеніе къ иному, нечеловѣческому міру ³⁾. Психологія и описательныя науки имѣютъ дѣло съ тѣмъ же неудобнымъ для этики конкретнымъ эмпирическимъ матеріаломъ. Все, конкретное индивидуальное въ „чистой этикѣ“ должно быть отброшено. Ея человекъ не есть индивидъ ⁴⁾. Ей нуженъ такой субъектъ, который былъ бы самъ продуктомъ чистой мысли, лицо не живое, а искусственное, *методическое*.

Какъ разъ такое лицо Когенъ находитъ въ юриспруденціи—лицо юридическое: это лицо и есть то самое, что сообщаетъ цѣнность правовѣдѣнію для этики. Проблемы обѣихъ наукъ объединяются именно въ понятіи лица—субъекта права. Вообще, лицо—ни въ какомъ случаѣ не есть *данный живой человекъ*: оно—только юридическое отвлеченіе ⁵⁾. Въ этомъ сочетаніи съ юриспруденціей „Этика чистой воли“ думаетъ найти достовѣрный базисъ для выясненія и обоснованія понятія человека, въ чемъ и заключается ея задача ⁶⁾.

1) Eth., 65.

2) Eth., 70—71.

3) Eth., 67.

4) Eth., 9, 76.

5) Eth., 75, 230.

6) th., E67.

Выясненіе понятія челоуѣка въ глазахъ Когена отнюдь не есть эмпирическое обобщеніе, иначе оно представляло бы психологическую задачу.—Психологія въ философіи вообще играетъ роль цѣннаго матеріала, но отнюдь не методическаго фундамента. Въ частности, для этики челоуѣческой индивидъ въ психологическомъ смыслѣ—только задержка, препятствіе ¹⁾).

Отъ этой „задержки“ спасаетъ юриспруденція: благодаря ея помощи этика находитъ „истиннаго челоуѣка“,—не того, который существуетъ въ дѣйствительности, а того, который долженъ существовать. Этика чистой воли имѣетъ своимъ предметомъ не природу и ея законы, а особаго рода бытіе—долженствованіе ²⁾): соотвѣтственно съ этимъ и субъектъ ея намъ не данъ, а только заданъ. Единство челоуѣка составляетъ не отправную точку этики, а ея конечную цѣль, предметъ ея исканія. Только въ единствѣ со всѣми прочими людьми челоуѣкъ обрѣтеть самого себя, свою *самость* (Selbst). Пока онъ—только изолированный индивидъ, пока онъ не возвысился надъ ступеню „множественности“ (Mehrheit), онъ еще не челоуѣкъ. Онъ становится таковымъ только какъ составная часть общности или всего (Allheit). Эта общность въ своемъ развитіи проходитъ черезъ рядъ ступеней и достигаетъ завершенія въ единствѣ всего челоуѣчества ³⁾).

Отсюда видно, что истинный челоуѣкъ по Когену можетъ быть найденъ только въ истинной формѣ общенія людей. А прототипомъ такого истиннаго общенія опять-таки является для него юридическое лицо. Только въ юридическомъ лицѣ находитъ себѣ выраженіе истинное единство, понятіе общности или всего (Allheit). Высшею же формой юридическаго лица является государство: въ немъ впервые челоуѣкъ становится челоуѣкомъ ⁴⁾—этическимъ лицомъ ⁵⁾).

¹⁾ Eth., 11.

²⁾ Eth., 13.

³⁾ Eth., 7—8, 80—81, 96, 260, 340, 384.

⁴⁾ Eth., 244.

⁵⁾ Eth., 283.

Превосходство правового общенія Когенъ старается выяснить путемъ сравненія съ общеніемъ религіознымъ или церковнымъ. Фактъ религіозной нетерпимости и вражды доказываетъ, что религія не объединяетъ, а раздѣляетъ людей: гдѣ есть церковное общеніе, тамъ есть и партикуляризмъ ¹⁾; также и семейство, народъ, вообще естественные союзы, основанные на кровномъ родствѣ, не осуществляютъ единства въ человѣчествѣ, ибо не побѣждаютъ племенного и расоваго антагонизма ²⁾). Только въ правовомъ общеніи и именно въ государствѣ преодолевается эта рознь и обособленность. Государство впервые превращаетъ „частность въ общность“. Ему одному подъ силу разрѣшить противорѣчіе между единичнымъ человѣкомъ и универсальной идеей человѣчества ³⁾).

Основная задача этики заключается въ томъ, чтобы освободить человѣка и человѣчество отъ естественнаго состоянія множественности, все привести къ единству: это объединение можетъ быть осуществлено не въ области чувственно-воспринимаемаго, гдѣ все раздроблено, а только въ отвлеченіи, въ абстрактномъ единствѣ юридическаго лица и въ особенности—государства ⁴⁾).

Изъ всѣхъ формъ человѣческаго общенія—только юридическое лицо въ состояніи одержать полную и окончательную побѣду надъ эгоизмомъ: сильнымъ противовѣсомъ противъ эгоизма служить, напимѣръ, чувство любви къ родинѣ: оно является способомъ расширенія нашего я. Но здѣсь эгоизмъ индивидуальный замѣняется эгоизмомъ коллективнымъ: патриотизмъ такъ же мало спасаетъ насъ отъ аффектовъ, какъ и религія. „Напротивъ, въ юридическомъ лицѣ аффекты не играютъ никакой роли“: въ немъ идетъ рѣчь только объ опредѣленномъ дѣйствіи воли,—о юридическомъ дѣйствіи. Поэтому въ юридическомъ лицѣ мы по-

1) Eth., 76.

2) Fth., 80.

3) Eth., 76, 82.

4) Eth., 80—81.

лучаемъ точное изображеніе „чистой воли“; въ немъ осуществляется ея самосознаніе. Въ этомъ и заключается тотъ „методическій выигрышь“, который этика извлекаетъ изъ понятія юридическаго лица ¹⁾. Въ частности, въ государствѣ мы отрѣшаемся отъ эгоизма и научаемся мыслить и хотѣть наше „я“ въ соотношеніи съ „ты“ со всею точностью, какую дѣлаетъ возможной право ²⁾. Тѣмъ самымъ государство преодолеваетъ солипсизмъ: самоопредѣленіе человѣка въ государствѣ уничтожаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что человѣкъ не есть изолированный индивидъ ³⁾.

Говоря о значеніи юридическаго лица, Когенъ доходитъ до паэоса: здѣсь, по его словамъ, наука права даетъ этикѣ нѣчто большее, чѣмъ примѣръ,—первообразъ,—недосягаемый ни для какой другой формы альтруизма ⁴⁾. Въ этомъ воодушевленіи съ необыкновенной яркостью сказывается отвлеченный характеръ когеновской этики. Идеальною, съ ея точки зрѣнія, представляется та форма объединенія людей, которая объединяетъ ихъ не въ дѣйствительной ихъ жизни, а только *въ методѣ*, въ понятіи.

Нетрудно убѣдиться, что все это „объединеніе“, которое прославляется у Когена, носить на себѣ характеръ фиктивный.

Въ дѣйствительности правовое объединеніе нисколько не преодолеваетъ внутреннюю рознь между живыми лицами: разграничивая сферы внѣшней свободы людей, право не преображаетъ ихъ внутренній міръ и, слѣдовательно, не преодолеваетъ ихъ эгоизма: юридическое лицо и, въ частности, государство, можетъ заключать въ себѣ множество лицъ, внутренне враждебныхъ другъ другу; оно можетъ служить цѣлямъ ихъ коллективнаго эгоизма. Какъ же оно можетъ быть прообразомъ истиннаго альтруизма?

Суть въ томъ, что въ „альтруизмѣ“ Когена, какъ и во

¹⁾ Ibid., 236, 237.

²⁾ Ibid., 256.

³⁾ Ibid., 357.

⁴⁾ Eth., 78.

всей его философіи, *нѣтъ души*: то объединеніе, которое онъ считаетъ идеаломъ, вовсе не есть *душевное* объединеніе. Въ своихъ *аффектахъ* люди могутъ оставаться совершенно чуждыми другъ другу,—какое дѣло этикъ чистой воли до душевнаго человѣка и его аффектовъ? То методическое объединеніе, къ которому она стремится—чисто разсудочнаго и поэтому—только дѣловаго свойства: его точнымъ изображеніемъ является *договоръ*, юридическая сдѣлка. Договоръ, по словамъ Когена, превращаетъ другого человѣка во вторую половину моего „я“; никакая любовь къ отечеству не въ состояніи совершить такого превращенія: она оставляетъ другого другимъ человѣкомъ ¹⁾.

Стоить присмотрѣться внимательнѣе, и мы увидимъ, что тайна этого чуда очень проста: она сводится къ весьма незамысловатой логической операциі: вмѣсто того, чтобы попытаться объединить въ одно цѣлое людей съ ихъ многообразными духовными и душевными качествами, въ чемъ состоитъ специфическая задача этики, Когенъ просто-напросто отвлекается отъ этихъ качествъ: человѣкъ интересуется его только какъ логическій терминъ правоотношенія: „Этика чистой воли“ становится на ту правовую точку зрѣнія, для которой люди—только субъекты юридическаго дѣйствія—сдѣлки (*Handlung*); тѣмъ самымъ стирается всякое *реальное* отличіе одного субъекта отъ другого. Праву не нужно духовнаго или душевнаго взаимнаго проникновенія двухъ индивидовъ: оно требуетъ объединенія лишь въ предѣлахъ правового отношенія, юридической сдѣлки между различными субъектами: къ этому и сводится для Когена сущность нравственнаго общенія ²⁾.

Отсюда видно, что его попытка разрѣшенія нравственной проблемы есть на самомъ дѣлѣ замѣна объединенія нравственнаго объединеніемъ логическимъ. Для христіанской этики другой человѣкъ есть „*ближній*“; для Когена же

¹⁾ Eth., 253.

²⁾ Ibid., 224.

онъ только—необходимое *логическое* дополненіе къ моему „я“, логическое его продолженіе; нѣтъ „я“ безъ „ты“, нѣтъ возможнаго договора, когда нѣтъ другого человѣка. Этотъ послѣдній составляетъ необходимое условіе моего самосознанія: „говорятъ ли о двухъ половинахъ одного и того же цѣлаго, что онѣ другъ другу—ближнія или самыя ближнія?“¹⁾.

Христіанская и вообще религіозная этика не удовлетворяетъ Когена прежде всего потому, что для нея единство людей въ Богѣ есть реальное, живое цѣлое. Для „этики чистой воли“, наоборотъ, объединенное человѣчество есть цѣлое только абстрактное, методическое. Объединяющимъ началомъ тутъ является не живой Богъ, а категорія „всего“ (Allheit); она объединяетъ не дѣйствительныхъ людей, а созданія чистой мысли—понятія. А образцомъ и нормой объединенія служитъ правоотношеніе.

Въ правоотношеніи ни одинъ субъектъ не сливается съ другимъ: каждый изолированъ отъ прочихъ; „но тѣмъ самымъ“, объясняетъ Когенъ, „они не изолированы, ибо они относятся другъ къ другу и въ этомъ соотношеніи образуютъ самосознаніе“²⁾. Иными словами, мы имѣемъ тутъ дѣло съ поотносительными понятіями, которыя логически объединены между собою, потому что нашъ разумъ не можетъ помыслить одно безъ другого; одинъ контрагентъ *немыслимъ* безъ другого. Внутренней связи между людьми тутъ нѣтъ никакой, но для договорныхъ отношеній ея и не требуется: одинъ контрагентъ всегда принимаетъ во вниманіе другого, не смотря на то, что каждый изъ двухъ думаетъ только о своей выгодѣ. Отсюда видно, что въ ассоціаціяхъ и вообще въ договорныхъ отношеніяхъ—не одинъ аффектъ, а сама чистая мысль побуждаетъ людей восполнять другъ друга³⁾. Это—то самое объединеніе людей, въ которомъ выражается нравственный идеаль „Этики чистой воли“.

1) Eth., 212—213.

2) Eth., 213.

3) Ibid., 218—219, 211—212.

У читателя естественно возникаетъ вопросъ, какъ можетъ чистая мысль объединять данныхъ въ опытѣ, эмпирическихъ людей. Но системы Когена этотъ вопросъ въ сущности не касается: у него рѣчь идетъ не объ эмпирическихъ людяхъ. Онъ прямо признаетъ, что всѣ построения „Этики чистой воли“ были бы несостоятельны, если бы „другой человѣкъ“ былъ только предметомъ опыта. И онъ пытается конструировать „другого человѣка“ а priori: „я и другое я“ (alter ego)—соотносительныя понятія: одно не можетъ сознать себя безъ другого и, слѣдовательно, одно а priori обусловлено другимъ ¹⁾. Такимъ образомъ, априорный человѣкъ составляетъ необходимое предположеніе, которое обуславливаетъ самую возможность „этики чистой воли“.

IV.

Изъ всего предшествующаго видно, что содержаніемъ „Этики чистой воли“ служить право: внѣ права, съ ея точки зрѣнія, нравственность пуста ²⁾. Такимъ образомъ, у Когена исчезаетъ всякое принципиальное различіе между этикой и философіей права; та и другая сливаются въ неразрывное тождество: чистая этика есть этика ученія о правѣ и государствѣ ³⁾.

Въ качествѣ высшей ступени юридическаго лица государство здѣсь занимаетъ центральное положеніе. Оно выражаетъ собою сущность человѣка, содержаніе его самосознанія, его цѣль, смыслъ, образецъ и руководящее понятіе. Сердце человѣка должно наполниться имъ, чтобы стать великимъ; мало того—государство, это—жизнь человѣческаго индивида,—то самое, что дѣлаетъ его человѣкомъ ⁴⁾. Вообще, Когенъ не скупится на слова для превознесения государства: онъ примыкаетъ къ „великой мысли“

1) Eth., 211—212.

2) Eth., 264.

3) Eth., 225.

4) Eth., 79, 244.

Платона, для котораго государственная душа—нѣчто вродѣ „міровой души“¹⁾. Онъ называетъ государство реальнѣйшимъ, живѣйшимъ и высшимъ благомъ²⁾ и дѣлаетъ его средоточіемъ всей культуры: ради государства поютъ поэты, ради него существуютъ философія и литература: послѣдняя находитъ себѣ смыслъ въ его единствѣ, хотя бы и казалось, что національной поэзіи чужды политическія мысли: философія и искусство раскрываютъ внутреннее содержаніе національной культуры, коей средоточіемъ является государство³⁾. Оно—„конституція духовъ“ и царство духовъ. Обыкновенно „царствомъ духовъ“ именуется церковь; по Когену это—заблужденіе: развитіе познанія, а, слѣдовательно, и сознанія, ввѣрено культурою не церкви а государству. Оно—распространитель теоретическихъ знаній, которыя составляютъ необходимое условіе нравственнаго могущества. Такимъ образомъ въ государствѣ „фикція юридическаго лица становится гипотезой субъекта въ его высшемъ выраженіи, какъ духа“⁴⁾. Въ немъ—точное и недвусмысленное изображеніе цѣнности нравственнаго самосознанія⁵⁾ и его сущности: ибо у единичнаго физическаго существа нѣтъ истиннаго самосознанія; послѣднее возникаетъ только у духа и въ царствѣ духовъ, т.-е. въ государствѣ⁶⁾.

Государство—„царство духовъ“—у Когена становится на мѣсто церкви: оно присвоиваетъ себѣ неограниченную полноту нравственнаго авторитета по отношенію къ личности. Здѣсь человѣкъ не долженъ имѣть своего особаго самосознанія, отличнаго отъ государственнаго: поэтому законъ, изданный государственною властью долженъ, признаваться выраженіемъ какъ государственнаго, такъ и инди-

1) Eth., 79.

2) Eth., 245.

3) Eth., 257.

4) Eth., 246—247.

5) Eth., 241.

6) Eth., 247—248.

видуального самосознанія: для личности онъ долженъ стать „путеводною звѣздою“. Только этимъ путемъ человѣкъ можетъ подняться надъ областью животнаго существованія: ибо, какъ ни плохъ каждый отдѣльный законъ, все же онъ—символь вѣчнаго и истиннаго закона ¹⁾. Поэтому Когенъ не видитъ „другого достовѣрнаго способа возвысить индивида до самосознанія и освободить его отъ эгоизма“, кромѣ безусловнаго подчиненія закону, каковъ бы онъ ни былъ.

Тутъ авторъ иллюстрируетъ свою мысль смертью Сократа.—Для нравственнаго міра аѣинскій законъ, на основаніи котораго казнили Сократа, былъ пробѣломъ и противорѣчіемъ, но Сократъ восполнилъ этотъ пробѣлъ своимъ истолкованіемъ: ибо *для его* самосознанія аѣинскій законъ, хотя и плохой, сталъ руководящимъ началомъ, которое возвысило его до самосознанія и до чистой воли ²⁾.

Для системы панметодизма ничего не можетъ быть характернѣ этого объясненія.—Съ перваго взгляда можетъ показаться, что надъ личностью стоитъ объективное начало—законъ государства: однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что верховнымъ нравственнымъ началомъ является не самый законъ, а *способъ отношенія къ нему личности*, которая можетъ сдѣлать злое добрымъ. Сократъ потому является героемъ въ глазахъ Когена, что онъ примѣнилъ къ закону правильный методъ. Онъ оправдалъ аѣинскій законъ тѣмъ самымъ, что ему повиновался. Но здѣсь возникаетъ самъ собою вопросъ: если законъ, каковъ бы онъ ни былъ, оправдывается нашимъ повиновеніемъ ему, то чѣмъ же оправдывается повиновеніе? Не ясно ли, что законъ, который нуждается въ высшемъ оправданіи и реабилитаціи передъ „нравственнымъ міромъ“, не можетъ быть самъ въ свою очередь высшимъ нравственнымъ критеріемъ!

¹⁾ Eth., 261—267.

²⁾ Eth., 264.

Здѣсь обнаруживается полная неудача попытки „ориентировать“ этику въ юриспруденціи. Въ юриспруденціи этика не находитъ того самаго, чего въ ней ищетъ Когенъ— нравственнаго содержанія. Само по себѣ юридическое лицо и въ частности государство есть пустая форма, въ которую можетъ быть вложено любое содержаніе,—нравственное, безнравственное или, наконецъ, безразличное въ нравственномъ отношеніи. Поэтому, чтобы „ориентировать“ этику въ юриспруденціи, волей-неволей приходится сначала ориентировать саму юриспруденцію въ этикѣ. Отсюда и получаются такія уродливыя противорѣчія: нравственнымъ критеріемъ для Сократа служить аѳинскій законъ: но нравственное содержаніе въ аѳинскій законъ вложено тѣмъ же Сократомъ.

Тотъ порочный кругъ, въ который впадаетъ здѣсь Когенъ, не есть что-либо случайное для его системы: въ немъ выражается коренной методологическій недостатокъ „этики чистой воли“. Съ точки зрѣнія марбургскаго философа этика относится къ юриспруденціи совершенно такъ же, какъ логика—къ математикѣ. Онъ называетъ этику логикою правовѣдѣнія ¹⁾. Слова эти могутъ имѣть только одно значеніе, что этика относится къ юриспруденціи, какъ форма къ содержанію, что въ этикѣ излагаются тѣ способы мысли, методы, которые примѣняются въ юриспруденціи и дѣлаютъ ее возможной.

Между формою и содержаніемъ, между методами науки и самой наукой, понятное дѣло, не можетъ быть никакого расхожденія. Поэтому изъ приведеннаго только что положенія Когена, казалось бы, слѣдуетъ, что право во всемъ своемъ составѣ должно быть нравственнымъ точно такъ же, какъ математика во всемъ своемъ составѣ логична: съ этой точки зрѣнія въ правѣ не можетъ быть не только ничего безнравственнаго, но и ничего безразличнаго въ нравственномъ отношеніи. Въ дѣйствительности, однако, между правомъ и нравственностью существуетъ совершен-

¹⁾ Eth., 65.

но иное отношеніе. О нравственности или безнравственности *самой науки* права говорить не приходится. Если бы даже вмѣсто многихъ спорныхъ ученій у насъ было единое безспорное ученіе о правѣ, оно въ большей своей части подлежало бы не этической, а только логической оцѣнкѣ. Правовѣдѣніе отвѣчаетъ на два основныхъ вопроса, — что право есть и чѣмъ оно должно быть? Пока оно занимается первымъ вопросомъ, пока оно изучаетъ только существующія правовыя отношенія или нормы, можно только спрашивать себя, логично оно или нелогично нелѣпо задаваться вопросомъ, нравственно оно или безнравственно. Что же касается самыхъ правовыхъ отношеній, то они не исключаютъ ни нравственного ни безнравственного содержанія.

На этомъ основаніи критики Когена и въ частности у насъ въ Россіи г. Спекторскій уже указывалъ на невозможность ориентировать этику въ юриспруденціи, т.-е. въ самомъ ученіи о правѣ. Возражая г. Спекторскому, новѣйшій русскій апологетъ Когена—В. А. Савальскій, нѣсколько видоизмѣняетъ защищаемое имъ ученіе. По его мнѣнію, Когенъ „ориентируетъ“ этику не въ существующихъ теоріяхъ о правѣ, а въ самомъ „фактѣ права государства и юриспруденціи, какъ науки“¹⁾. Но это объясненіе еще болѣе запутываетъ вопросъ, ибо, во-первыхъ, юриспруденція, какъ наука, не существуетъ внѣ противорѣчащихъ другъ другу теорій; а во-вторыхъ, самый „фактъ“ права и государства представляетъ собою пеструю смѣсь добраго и злого: ориентируя этику въ такихъ явленіяхъ, какъ афинское государство, мы вынуждены „исправлять“ факты путемъ истолкованія; но этимъ путемъ можно „ориентировать“ этику въ чемъ угодно,—въ смертной казни, въ рабствѣ и даже въ каннибализмѣ. Всякое безобразіе было когда-нибудь и гдѣ-нибудь узаконено государствомъ. А между тѣмъ, говоря словами Когена, нѣтъ иной нравствен-

1) Основы философіи права въ научномъ идеализмѣ, т. I, стр. 198—199.

ности, кромѣ нравственности въ правѣ и государствѣ ¹⁾. И напрасно было бы думать, что здѣсь рѣчь идетъ о государствѣ идеальномъ; Когенъ имѣетъ въ виду государство дѣйствительно существующее: вопросъ объ осуществимости въ историческомъ матеріалѣ этого государства принциповъ чистой этики для него совпадаетъ съ вопросомъ о *приложимости* послѣдней ²⁾. Отсюда видно, что было бы ошибочно предполагать вмѣстѣ съ В. А. Савальскимъ, будто этика Когена ориентирована лишь въ основныхъ понятіяхъ юриспруденціи ³⁾: на самомъ дѣлѣ она ориентирована во всемъ многообразіи юридическаго и государственнаго опыта.

Замѣчательно, что Когенъ не выполнилъ той основной и элементарной обязанности, которую налагала на него его теорія; онъ не сдѣлалъ даже попытки опредѣлить право; поэтому остается неизвѣстнымъ, въ чемъ собственно онъ хочетъ ориентировать свою этику, въ чемъ заключается то явленіе, которое рассматривается въ юриспруденціи, и какъ широка область послѣдней. Извѣстно, что и по этому поводу между юристами существуютъ величайшія разнорѣчія. Напримѣръ, съ точки зрѣнія профессора Г. Ф. Шершеневича къ области права въ строгомъ смыслѣ слова не относится не только право международное, но и право государственное. Напротивъ, съ точки зрѣнія профессора Л. І. Петражицкаго область права настолько широка, что она охватываетъ въ себѣ даже договоръ между діаволомъ и вѣдьмою, обычаи карточной игры и танцевальныя. Такія разногласія происходятъ отъ того, что ученые неодинаково смотрятъ на основныя понятія права, на то, что В. А. Савальскій называетъ его „категоріями“: они неодинаково опредѣляютъ какъ самое право, такъ и отдѣльные его элементы.

„Категоріи“ права не представляютъ собою что-либо данное, готовое, на что изслѣдователь могъ бы безъ

¹⁾ Eth., 92.

²⁾ Eth., 433—434.

³⁾ Цит. соч., стр. 200.

дальнѣйшихъ разсужденій опереться; такія понятія какъ субъектъ права, его объектъ и правоотношеніе имѣютъ различный смыслъ для различныхъ теоретиковъ: такъ, по Іерингу, нѣтъ субъекта права „безъ брюха“; по Петражицкому, напротивъ—субъекты права суть наши идеи, „эмоціональныя фантазмы“, лишенныя реальности. По Регельсбергеру и Дернбургу юридическія отношенія суть отношенія между лицами и между лицами и вещами, тогда какъ другіе ученые полагаютъ, что они всегда суть отношенія только между лицами. Поэтому „ориентировать“ этику въ категоріяхъ права значить ориентировать ее въ какомъ-либо опредѣленномъ ученіи о нихъ. Чьему же ученію слѣдуетъ Когенъ? Не ученію Іеринга, и не ученію Петражицкаго, и не чьему-либо другому, а своему собственному, ибо субъектъ права для него—идеальное существо „безъ брюха“ и вмѣстѣ съ тѣмъ—не „эмоціональная фантазма“, а категорія чистой мысли. Но если такъ, если основою новаго нравственнаго ученія у Когена является собственное ученіе о правѣ, то отсутствіе опредѣленія права уже само по себѣ является такимъ методологическимъ грѣхомъ, который дѣлаетъ негоднымъ все построеніе. Разъ Когенъ не выяснилъ содержанія и объема понятія права и не подвергъ его критикѣ, вся его этика, опирающаяся на право, должна быть признана ученіемъ *некритическимъ*.

Мы имѣемъ тутъ не какой-либо случайный промахъ или недосмотръ, а нѣчто гораздо большее. Въ составъ права, какъ мы уже говорили, входятъ нормы частью нравственныя по содержанію, частью безнравственныя, частью безразличныя въ нравственномъ отношеніи. Всякое опредѣленіе права, которое охватитъ собою эту пестроту и разнообразіе дѣйствительности, непременно должно обнаружить это расхожденіе права и нравственности, ту пропасть, которая ихъ раздѣляетъ. Поэтому для того, кто пытается ориентировать этику въ юриспруденціи, лучше избѣгать точныхъ опредѣленій; есть мысли, для которыхъ неясность—единственное спасеніе.

Эта неудачная вылазка въ область юриспруденціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ катастрофа для всей методы „чистой этики“. Съ одной стороны, какъ мы помнимъ, помощь юриспруденціи понадобилась Когену для того, чтобы дать чисто апіорную конструкцію ученія о нравственности, замѣнить въ немъ всякое *эмпирическое* содержаніе методами чистой мысли. Съ другой стороны, чтобы получить это содержаніе, пришлось незамѣтнымъ образомъ ввести въ систему эмпирическое данное—историческое государство съ его положительнымъ законодательствомъ. Колебаніе между государствомъ историческимъ и государствомъ-методомъ—одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ разбираемаго ученія. Въ ней съ величайшей наглядностью обнаружилась несостоятельность исключительнаго апіоризма въ этикѣ. Этика *чистой* воли попала въ *грязную* исторію.

V.

Этика чистой воли вообще не можетъ обойтись безъ эмпирическихъ предположеній и данныхъ; въ этомъ состоитъ одно изъ основныхъ противорѣчій всего нравственнаго ученія Когена. Съ одной стороны, оно отвлекается, какъ мы видѣли, отъ эмпирическаго, природнаго человѣка и человѣчества; но, съ другой стороны, оно предполагаетъ, что есть на свѣтѣ нѣкоторое „природное существо—человѣкъ,—способное къ чистотѣ“. Говоря словами Когена, чистота предполагаетъ природу и исторію ¹⁾. Можно замѣнить лицо физическое лицомъ искусственнымъ, юридическимъ и сдѣлать послѣднее центромъ тяжести нравственнаго ученія; но, во-первыхъ, юридическое лицо есть все-таки созданіе дѣйствительныхъ людей и безъ нихъ существовать не можетъ; во-вторыхъ, не будь живыхъ людей, оно ни для кого не могло бы служить образцомъ. И, наконецъ, въ-третьихъ, живые люди могутъ существовать лишь какъ часть природнаго цѣлаго.

¹⁾ Eth., 390, 436.

Гибель природы и гибель человѣчества была бы вмѣстѣ съ тѣмъ гибелью этики ¹⁾. Для вѣчности нравственнаго идеала нужна „аналогичная вѣчность природы“ ²⁾. „Для вѣчности нравственнаго прогресса не должно недоставать человѣческаго рода“: Когенъ не настаиваетъ на необходимости сохраненія опредѣленнаго морфологическаго типа человѣчества: ему нужно только, чтобы на свѣтѣ оставались существа, которыя бы обладали, во-первыхъ, логикой, а, во-вторыхъ, этикой: иначе нравственность должна была бы прекратиться ³⁾. Панметодизмъ заинтересованъ въ вѣчномъ существованіи возможныхъ носителей „метода чистоты“; при этомъ Когенъ ясно сознаетъ, что вѣра въ побѣду добра, въ его осуществимость въ дѣйствительности составляетъ неустранимое предположеніе всякаго нравственнаго ученія ⁴⁾. Гдѣ же гарантіи этой побѣды?

Тутъ Когенъ приходитъ къ неожиданному выводу. На 432 стр. своей „Этики“ онъ вдругъ замѣчаетъ огромный пробѣлъ въ методикѣ ея понятій, ошибку, которая грозитъ зачеркнуть всѣ ея результаты; это наводитъ его на мысль, что „этика должна принять понятіе Бога въ составъ своего ученія“ ⁵⁾. Назначеніе Бога сводится къ тому, чтобы обезпечить вѣчность природы и вѣчность человѣческаго рода для нравственности ⁶⁾. Идея Бога—противоядіе противъ всякаго пессимизма и квиетизма; она не оставляетъ мѣста для ужасной мысли о роковой случайности, тяготящей надъ человѣчествомъ и его культурою ⁷⁾. Богъ „гарантируетъ“ нравственному идеалу возможность развитія и усовершенствованія природы; идея Бога — нѣкотораго рода страхование вѣчности: она служитъ намъ порукою (Gewähr) въ томъ, что самоусовершенствованіе можетъ стать дѣй-

1) Eth., 438.

2) Eth., 440.

3) Eth., 445.

4) Eth., 452.

5) Eth., 439.

6) Eth., 440.

7) Eth., 450.

ствительностью на землѣ, дѣйствительностью въ правѣхъ и государствѣхъ. Она даетъ намъ увѣренность въ согласіи, гармоніи между природою и нравственностью. Богъ есть та правда, которая объединяетъ ту и другую; безъ Него всѣ нравственныя понятія не имѣли бы цѣны, такъ какъ ихъ приложимость не была бы обезпечена ¹⁾. Въ связи съ идеей Бога Когенъ говоритъ объ объединеніи человѣчества въ правдѣхъ, которая составляетъ цѣль и планъ всемірной исторіи ²⁾.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чисто метафизическимъ ученіемъ. Богъ можетъ спасти человѣчество отъ гибели, опредѣлить собою планъ всемірной исторіи, обезпечить побѣду Добра, словомъ,—быть всемірнымъ Провидѣніемъ лишь при томъ условіи, если Онъ—реальное и притомъ всемогущее Существо. И, однако же, въ началѣ своихъ разсужденій о Богѣ, Когенъ не даромъ считаетъ нужнымъ повторить, что его идеализмъ составляетъ методическую противоположность всему, что только носитъ названіе метафизики ³⁾. Приведенные тезисы получаютъ у него рядъ „разъясненій“, которыми, по обыкновенію, уничтожается въ нихъ всякій опредѣленный смыслъ.

Съ одной стороны, Богъ есть „гарантія“, но, съ другой стороны, оказывается, что Онъ—только наше методическое понятіе, которое должно восполнить методическій пробѣлъ. Онъ выражаетъ собою „необходимую связь между вѣчностью и природою, слѣдовательно,—между этикой и логикой; но именно этимъ доказывается методологическій характеръ понятія Бога“. Оно носитъ на себѣ „характеръ модальности“ и служитъ соединительнымъ логическимъ звеномъ между двумя членами философской системы. Въ точномъ смыслѣ слова понятіе Бога совпадаетъ съ понятіемъ истины или правды (Wahrheit). А относительно этого поня-

¹⁾ Eth., 463—465.

²⁾ Religion und Sittlichkeit, 57—58.

³⁾ Eth., 428; ср. 437.

тія мы уже видѣли, что оно не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего онтологическаго или метафизическаго. „Истина“ есть только соединительный мостъ между логикой и этикой¹⁾, „методъ“, общій той и другой наукѣ, „методическая связь“ между ихъ проблемами²⁾. Если мы вспомнимъ, что для Когена „истина состоитъ единственно въ исканіи истины“³⁾, то придется притти къ выводу, что Богъ съ его точки зрѣнія не есть что-либо отличное отъ нашего исканія Бога, ибо двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою. Богъ означаетъ связь закона сохраненія энергіи съ этическимъ самосохраненіемъ⁴⁾.

Здѣсь возникаетъ вопросъ—можетъ ли Богъ быть только методологическимъ понятіемъ, сводится ли онъ къ принципу гармоніи между двумя видами познанія, двумя науками? Когенъ отвѣчаетъ на это утвердительно; онъ въ свое оправданіе приводитъ историческія справки, изъ коихъ будто бы явствуется, что уже схоластика, начиная съ латинскихъ отцовъ церкви, истолковывала Троицу въ смыслѣ душевныхъ способностей: такъ у Тома Аквинскаго Сынъ Божій означаетъ интеллектъ, а Св. Духъ—волю. Главнымъ же доказательствомъ служить анализъ идеи Бога-Истины, изъ коего видно, что „методика“ исчерпываетъ собою полноту ея содержанія. Она „обозначаетъ собою не истину естествознанія и не истину нравственнаго познанія. Истина относится единственно къ согласію той и другой науки въ методикѣ основоположенія“⁵⁾. Иначе говоря, Богъ или Истина есть наша точка зрѣнія, пріемъ нашей мысли, то самое, что мы полагаемъ въ основу естествознанія и этики, какъ принципъ ихъ единства. Въ этикѣ нѣтъ ничего кромѣ законовъ и понятій, и разъ самъ человѣкъ—только понятіе, то Богъ—тѣмъ болѣе. Этическая цѣнность положенія—„Богъ

1) Eth., 441.

2) Eth., 187, 440.

3) Eth., 187.

4) Fth., 445.

5) Eth., 446—447.

есть Духъ“ заключается единственно въ томъ, что она подготавливаетъ насъ къ мысли—„Богъ есть идея“. Буквально понимаемые такіе атрибуты Божества, какъ „жизнь“, „личность“, „духъ“, коренятся въ мифологіи и для этики непригодны ¹⁾).

Методическій характеръ идеи Бога имѣетъ въ данномъ случаѣ огромное практическое значеніе. Если бы Богъ не въ качествѣ идеи, а въ качествѣ лица обезпечивалъ осуществленіе идеала, то возможность самоопредѣленія и самоусовершенствованія человѣка тѣмъ самымъ стала бы сомнительною ²⁾: тогда нравственный идеалъ былъ бы дѣломъ не человѣка, а исключительной божественной личности. Чтобы не оставить никакихъ сомнѣній относительно значенія идеи Бога, Когенъ объясняетъ, что она является единственно предметомъ знанія, а не вѣры ³⁾).

Новая неясность вносится въ ученіе Когена его признаніемъ трансцендентности Бога. Однако, нетрудно убѣдиться, что и тутъ нѣтъ ничего метафизическаго. „Трансцендентность“ въ данномъ случаѣ означаетъ вовсе не отрѣшенное существованіе Бога отъ міра: она выражаетъ собою только своеобразность *идеи* Бога, ея логическое отношеніе къ другимъ идеямъ. „Природа заключается въ совокупности законовъ, которые имѣютъ свое основаніе въ логикѣ: здѣсь Богъ рѣшительно не при чемъ. Нравственность состоитъ изъ совокупности этическихъ понятій, коихъ основоположенія въ концѣ-концовъ восходятъ къ логической методикѣ. Богъ не при чемъ и здѣсь. *Соответственно съ этимъ онъ трансцендентенъ обоимъ видамъ познаній*“ ⁴⁾). Словомъ, трансцендентность Бога—чисто логическаго, а не реальнаго свойства. Она означаетъ, что *понятіе* Бога, не входя въ составъ ни этики, ни логики, возвышается надъ той и другою и объединяетъ ихъ, будучи въ сущности чуждымъ обѣимъ.

¹⁾ Eth., 452—853.

²⁾ Eth., 454.

³⁾ Eth., 455.

⁴⁾ Eth., 464.

Тутъ, какъ и вездѣ у Когена, словесный туманъ прикрываетъ существенные недостатки содержанія. Не будучи въ состоянїи ни устранить, ни разрѣшить религиозную проблему, „Этика чистой воли“ прибѣгаетъ къ сложному обходному движенію и въ результатѣ впутывается въ безисходное противорѣчіе. Если Богъ дѣйствительно „гарантируетъ“ вѣчное продолженіе человѣческаго рода, то Онъ не можетъ быть „методомъ“. Если же Онъ только „методъ“, то какая же Онъ гарантія? Богъ-методъ не спасаетъ человѣка и человѣчество не только отъ гибели, но даже и отъ бессонной ночи. Въ концѣ-концовъ это — методъ страуса. Спасаться отъ страха конечной гибели человѣчества надеждою на нашу „идею“, которой завѣдомо для насъ не соотвѣтствуетъ ничего реального,—значить прятать голову подъ крыло.

VI.

Вмѣстѣ съ идеей Бога испаряется въ ничто идеаль „вѣчности“. По признанію самого Когена „вѣчность“ есть отвлеченіе: бытіе сообщается ей волей¹⁾. Однако же нетрудно убѣдиться, что никакая человѣческая воля не въ состоянїи сдѣлать дѣйствительностью призракъ.

„Вѣчность,—говоритъ нашъ авторъ,—не что иное, какъ точка зрѣнїя для не находящаго себѣ покоя (*rastlose*), безконечнаго стремленія впередъ чистой воли. Само по себѣ это означаетъ не вѣчное время и не вѣчное мѣсто, а только вѣчную работу. Къ этой вѣчности устремлена воля, на ней сосредоточивается самосознаніе“²⁾.

Не находить себѣ покоя можетъ только то стремленіе, которое никогда не достигаетъ цѣли: продолжаться вѣчно можетъ лишь та работа, которая не созидаетъ непреходящаго результата, не побѣждаетъ разрушительной силы времени. Это—муки Тантала, работа Сизифа, странствованіе вѣчнаго жида. Но то самое, что для древнихъ олицетворяло собой адскія муки, въ глазахъ Когена выражаетъ собою нравственный идеаль.

¹⁾ Eth., 427.

²⁾ Eth., 410.

Мы уже имѣли случай указывать, что „вѣчность“ представляется ему недостижимой. „Вѣчность означаетъ вѣчную задачу, задачу вѣчности“, которая никогда не можетъ быть разрѣшена. Въ безконечномъ прогрессѣ она должна остаться навсегда безконечно отдаленной точкой¹⁾). Она раскрывается не изолированному индивиду, а коллективному, собирательному самосознанію моральнаго лица. Индивидъ не находитъ въ ней безсмертія, но тѣмъ не менѣе Когенъ видитъ въ ней какое-то „утѣшеніе“ для человѣка.

Утѣшеніе это—довольно страннаго свойства: оно сводится къ тому, что въ своемъ стремленіи къ вѣчности, наша воля становится для насъ безусловно достоверною: жажда вѣчности и есть то самое, что удостовѣряетъ существованіе чистой воли, ибо чистая воля не можетъ ничего желать кромѣ вѣчности²⁾). Иными словами, утѣшеніемъ для жаждущаго должна послужить самая достоверность его жажды, которая никогда не можетъ быть утолена. Среди Сахары путнику грезится оазисъ, обильный источниками влаги. И вотъ его утѣшаютъ тѣмъ, что этотъ источникъ—только миражъ. Ему предстоитъ странствовать безъ конца, безо всякой надежды когда-либо напиться.

Никакого содержанія кромѣ вѣчнаго продолженія работы воли „вѣчность“ въ себѣ не заключаетъ³⁾). „Интересъ чистой воли и нравственнаго самосознанія направленъ единственно къ тому, чтобы не было остановки для жизни воли“⁴⁾). Нетрудно убѣдиться, что такимъ образомъ понимаемая „вѣчность“ есть вѣчный прогрессъ въ пустотѣ, ибо нравственный идеаль никогда не можетъ быть въ ней осуществленъ. Возможность достиженія нравственнаго совершенства находится въ противорѣчии съ основнымъ понятіемъ чистой воли: „это нравственное совершенство сдѣлало бы излишнею чистую волю и уничтожило бы ея самосознаніе“⁵⁾).

1) Eth., 411, 171.

2) Eth., 412.

3) Eth., 415.

4) Eth., 409.

5) Eth., 410.

Иными словами, съ достиженіемъ окончательнаго результата нравственная дѣятельность теряетъ смыслъ и должна прекратиться. Когенъ допускаетъ здѣсь возможность только относительнаго прогресса и относительныхъ результатовъ. Цѣнность науки не уменьшается для насъ отъ того, что она съ нашей точки зрѣнія не только не закончена, но и не можетъ быть закончена; такъ же точно дѣло обстоитъ и съ цѣнностью нравственности¹⁾. Это отрицаніе осуществимости безусловнаго совершенства тѣмъ болѣе поразительно, что Когенъ признаетъ центральное значеніе *идеи безусловной цѣли* для этики: по его словамъ, современному человѣку всего ближе къ сердцу вопросъ, имѣетъ ли дѣйствіе „абсолютную цѣль,—не такую цѣль, для которой человѣкъ истрачивается только какъ средство и орудіе, но такую, въ которой онъ, какъ человѣкъ, остается самоцѣлью человечества“²⁾. Въ чемъ же заключается это „абсолютное“? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это—сама чистая воля; она не обусловлена чѣмъ-либо другимъ внѣ ея; она сама себѣ служитъ основаніемъ и условіемъ; она отрѣшена отъ всякаго извнѣ даннаго предмета; для нея нѣтъ такого предмета, который былъ бы безусловнымъ какъ таковой. Въ собственномъ смыслѣ слова она—безпредметна, ибо всякій ея предметъ долженъ разрѣшиться въ дѣйствіе³⁾. И, однако, Когенъ категорически заявляетъ, что абсолютность чистой воли—лишь кажущаяся: она абсолютна *только въ методѣ*. Въ методѣ она полагается какъ условіе и масштабъ всѣхъ цѣнностей⁴⁾. Отсюда ясно, что безусловное для этики Когена—не сама чистая воля, а единственно ея методъ.

Методъ чистой воли можетъ проявиться только въ дѣйствіи; этимъ и объясняется, почему въ этикѣ Когена дѣй-

1) Eth., 411.

2) Eth., 321.

3) Eth., 185—186.; ср. 201, гдѣ Когенъ видитъ въ безпредметности отличіе чистой воли отъ желанія.

4) Eth., 187—188.

ствіе, независимо отъ его результата становится цѣлью. Для него „чистая воля ни въ какомъ случаѣ не есть абсолютная воля въ томъ ложномъ смыслѣ абсолютнаго, которое означаетъ всеобщее и въ самомъ себѣ самостоятельное бытіе“. То бытіе абсолютной субстанціи, которое уничтожила логика, должно быть признано пустою иллюзіей и въ этикѣ. Въ этикѣ чистой воли можетъ итти рѣчь не объ этомъ пустомъ бытіи, а только о бытіи дѣйствія—„о томъ бытіи, которое, въ дѣйствиіи впервые возникаетъ“. Что же касается дѣйствія, то у него нѣтъ иного содержанія и иного предмета кромѣ того, который въ немъ самомъ заключается и въ немъ совершается. „Для воли не существуетъ никакого другого предмета и, слѣдовательно, никакого абсолютнаго предмета кромѣ самаго дѣйствія, которое есть условіе“ ¹⁾. Здѣсь дѣйствіе—и содержаніе и предметъ ²⁾. Въ этомъ называется отличіе между мыслью и волей. „Для мысли предметъ есть содержаніе и цѣль; а дѣйствіе есть средство, чтобы произвести предметъ. Въ волѣ, напротивъ, цѣлью и содержаніемъ служить дѣйствіе. А предметъ—не что иное, какъ средство произвести и осуществить дѣйствіе“ ³⁾.

Словомъ, въ „Этикѣ чистой воли“ дѣйствіе утверждается какъ самоцѣль и самоцѣнность. Съ этимъ связывается у Когена одинъ изъ важнѣйшихъ для оцѣнки его философіи тезисовъ. Именно потому, что воля исчерпывается дѣйствіемъ, она, по его словамъ, достигаетъ высшаго предѣла „рефлексивной имманентности“. Въ дѣйствиіи воля не только не выходитъ изъ себя во внѣшній міръ, но наоборотъ, въ немъ и чрезъ него она уходитъ внутрь, завершаетъ свое самоуглубленіе ⁴⁾. Когенъ не замѣчаетъ того, что этимъ его ученіемъ весь волевой процессъ превращается въ сплошную бессмыслицу. Если смыслъ существованія воли—въ ней самой, то къ чему это стремленіе дѣйствовать и проявляться во внѣш-

1) Eth., 187.

2) Eth., 186.

3) Eth., 175.

4) Eth., 175.

немъ, эмпирическомъ мірѣ? Если самая сущность „чистой воли“ заключается въ безусловномъ отрѣшеніи отъ всего даннаго, эмпирическаго, то какъ можетъ этотъ эмпирическій міръ стать для нея цѣлью? Болѣе того, какъ можетъ онъ стать для нея средствомъ? Если эмпирическія средства могутъ служить цѣлямъ чистой воли, то не ясно ли, что она эмпирически обусловлена, зависитъ отъ внѣшняго предмета и, слѣдовательно, вовсе не есть „чистая“ воля. Если же, какъ говоритъ авторъ „чистой этики“, въ дѣйствіи и чрезъ дѣйствіе воля не входитъ во внѣшній міръ, а наоборотъ, только уходитъ внутрь себя, то не очевидно ли, что вся ея *внѣшняя* дѣятельность призрачна, пуста, а, стало быть, и безцѣльна?

Всѣ попытки Когена—поставить передъ чистой волей какую бы то ни было цѣль—терпятъ крушеніе. По его словамъ, „цѣль есть методъ: поэтому она никогда не можетъ стать вещью“ ¹⁾. На самомъ дѣлѣ цѣль-методъ не можетъ стать не только вещью, но и вообще реальностью; поэтому неудивительно, что у Когена цѣли нравственной дѣятельности превращаются въ способы достиженія цѣлей, эти послѣднія въ свою очередь въ способы и т. д. до безконечности. Всѣ его разсужденія вращаются въ порочномъ кругу, изъ котораго нѣтъ выхода.

По самой природѣ своей „чистая воля“ не можетъ быть обращена на что-либо внѣшнее. Поэтому содержаніемъ ея самосознанія является не какой-либо отличный отъ нея объектъ, а *субъектъ* ²⁾. Точнѣе говоря, въ чистой волѣ субъектъ и объектъ совпадаютъ. „Я есть только часть, сторона, одно изъ проявленій „ты“ ³⁾. Понятно, что для чистой воли самосознаніе является истиннымъ мотивомъ, глубочайшимъ руководящимъ и рѣшающимъ двигателемъ ⁴⁾, ибо для нея цѣлью является субъектъ.

1) Logik., 309.

2) Eth., 203.

3) Eth., 258.

4) Eth., 207.

Что же это за цѣль?—Какъ только мы присматриваемся къ ней ближе, она улетучивается какъ призракъ. Мы уже видѣли, что по Когену субъектъ нравственной дѣятельности, или „самости“, не только не данъ, но и никогда не можетъ быть данъ: ему суждено оставаться навѣки только задачей¹⁾, и потому—задачей неразрѣшимой. Правда, въ одномъ мѣстѣ Когенъ намекаетъ на возможность, если не окончательнаго, то, по крайней мѣрѣ, приблизительнаго ея разрѣшенія. Онъ говоритъ, что „самость есть ступень въ ея самоосуществленіи“²⁾. Казалось бы, это изреченіе можетъ имѣть только одинъ опредѣленный смыслъ,—что наше „я“ есть нѣкоторая становящаяся реальность, которая подлинно существуетъ, но не можетъ считаться готовою или законченною въ какой-либо моментъ времени, такъ какъ она непрерывно развивается. Однако, Когенъ возражаетъ противъ такого пониманія и признаетъ его остаткомъ „психологическаго, сенсуалистическаго предразсудка“. На самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, самости нѣтъ въ процессѣ развитія не только въ качествѣ совершеннаго, но и въ качествѣ совершающагося³⁾: будучи нашей задачей и цѣлью, волящее я никогда и ни въ какомъ случаѣ не должно быть понимаемо какъ психологическій источникъ, какъ могущество или сила такъ называемаго самосознанія⁴⁾. Оно не дано не только какъ эмпирической фактъ, но даже и какъ первообразъ, ибо въ немъ все сводится къ самоопредѣленію, къ дѣйствию. Не субъектъ является источникомъ дѣйствія, а какъ разъ наоборотъ: относительно чистой воли можно сказать: „въ началѣ было дѣйствіе“⁵⁾.

Субъектъ—не отправная точка нравственной дѣятельности; а ея конечная цѣль. Въ этомъ состоитъ руководящая точка зрѣнія ученія Когена о свободѣ и въ этомъ—главное

1) Eth., 384, 338—339, 347.

2) Eth., 350.

3) Eth., 351.

4) Eth., 260.

5) Eth., 348.

отличіе отъ ученія Канта. Кантъ понимаетъ свободу какъ „умопостигаемую причинность“, какъ способность субъекта самопроизвольно начинать рядъ дѣйствій; для него свобода есть реальное, дѣйствительное самоопредѣленіе, ибо она служитъ проявленіемъ умопостигаемаго характера человѣка, его „нумена“: послѣдній представляетъ собою подлинную сущность, вещь въ себѣ. Напротивъ, Когенъ удаляетъ изъ понятія свободы все реальное. Для него „умопостигаемый характеръ ни въ какомъ случаѣ не означаетъ умопостигаемую причину“: онъ—только идея, только цѣль, только задача ¹⁾).

Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо самостоятельномъ духовномъ дѣятелѣ, который бы предшествовалъ самоопредѣленію и нравственному законодательству. Нравственное законодательство не есть продуктъ, или проявленіе „самости“: наоборотъ, оно направлено къ созданію самости“ ²⁾). Усвоивъ кантовскую терминологию, Когенъ учитъ, что свобода есть „автономія“; но въ результатѣ его истолкованія какъ отъ свободы, такъ и отъ автономіи остается одна пустая скорлупа,— „Авто-номія“—греческое слово, которое состоитъ ихъ двухъ корней *αὐτός*—самость и *νόμος*—законъ. По Когену онъ обозначаетъ не проявленіе какой-либо реальности, а сочетаніе двухъ задачъ—закона и самости. Какъ „законъ“ и „самость“ суть не что-либо данное, а только заданное, поэтому и „автономія“ никогда не можетъ быть дана: она цѣликомъ сводится къ „задачѣ“ ³⁾), при чемъ разрѣшеніе этой задачи было бы ея уничтоженіемъ. „Такимъ образомъ,— заключаетъ Когенъ,— свобода разъяснена (*umgedeutet*) и превращена въ конечную цѣль, въ самоцѣль“ ⁴⁾). Понятіе автономіи здѣсь замѣняется понятіемъ „автотелии“: смыслъ послѣдняго сводится къ тому, что лицо есть цѣль въ себѣ ⁵⁾

1) Eth., 392.

2) Eth., 339.

3) Eth., 325.

4) Eth., 322.

5) Eth., 323.

Здѣсь мы сталкиваемся съ новой попыткой — наполнить конкретнымъ содержаніемъ отвлеченную схему „чистой этики“. Подъ руками Когена она внезапно превращается въ социалистическую систему. Понятіе „самоцѣли“ кладетъ рѣзкую грань между лицомъ и вещью. Если лицо есть безусловная цѣль, то вещь есть безусловное средство. „Вещь обладаетъ цѣнностью, — т. е. рыночною цѣною, ибо цѣнность есть цѣнность оборота. Напротивъ, у лица нѣтъ цѣнности: у него есть достоинство“. Возможно ли согласовать съ достоинствомъ личности рыночную оцѣнку цѣнности работы? Въ этомъ заключается великій вопросъ современной политики и, сообразно съ этимъ, современной этики ¹⁾).

Когенъ находитъ обоснованіе социализма въ третьей формулѣ категорическаго императива Канта: „дѣйствуй такъ, чтобы человѣчество какъ въ твоемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого всегда было бы для тебя цѣлью и никогда только средствомъ“. Выраженное здѣсь пониманіе человѣка, какъ самоцѣли, по Когену находитъ себѣ послѣдовательное и законченное выраженіе только въ социалистическомъ строѣ: всякій другой общественный строй превращаетъ человѣческаго индивида въ средство, орудіе культуры: въ социализмѣ индивидъ впервые получаетъ значеніе, соотвѣтствующее его достоинству: поэтому въ немъ раскрывается новый, истинный смыслъ свободы. Не о томъ идетъ здѣсь рѣчь — является ли человѣкъ первоначальнымъ источникомъ и первоначальнымъ виновникомъ своего дѣйствія; по Когену, эта метафизическая задача можетъ интересовать Буриданова осла; дѣйствительно, интересенъ лишь вопросъ о томъ, является ли человѣкъ безусловной цѣлью дѣйствія ²⁾).

Нетрудно убѣдиться, что весь этотъ переходъ отъ „чистой этики“ къ социализму на самомъ дѣлѣ есть грубѣйшій логическій скачокъ. Все, что учить „чистая этика“ о лицѣ-самоцѣли, относится не къ живому человѣку, не къ психо-

¹⁾ Eth., 322.

²⁾ Eth., 320—321.

логическому субъекту, а къ субъекту этическому, который, какъ мы видѣли, въ эмпирическомъ мірѣ не данъ, а заданъ. Напротивъ, въ социализмѣ „самоцѣлю“ является именно данный въ опытѣ психологической субъектъ — живой человѣческой индивидъ. Если мы замѣнимъ субъекта этического субъектомъ психологическимъ, у насъ ровно ничего не останется отъ „чистой этики“; наоборотъ, если мы поставимъ цѣлью нашей дѣятельности не живого человѣка, а абстрактное „этическое“ лицо, то почему намъ не обходиться съ живымъ человѣкомъ какъ съ средствомъ? Тогда у насъ ничего не останется отъ когеновскаго пониманія „соціализма“.

Переходъ отъ чистой этики къ социализму, такимъ образомъ, явно невозможенъ: кромѣ логическаго скачка въ немъ есть и логическое противорѣчіе. Оставаясь на почвѣ „чистой этики“, Когенъ категорически заявляетъ, что „никакой индивидъ, никакая личность не должна имѣть безусловной цѣнности для нравственной самости и надъ нею“¹⁾. Между тѣмъ весь его социализмъ утверждается на началѣ „самоцѣли“ и самоцѣнности того же индивида-личности. Собственно говоря, у Когена не одно, а два противорѣчащихъ другъ другу пониманія субъекта нравственной дѣятельности или „самости“. Съ одной стороны самость есть только задача, только цѣль, которая никогда не можетъ совпасть съ „множественнымъ человѣкомъ“ и стать эмпирическимъ даннымъ; съ другой стороны, она — эмпирически обусловленное, множественное явленіе. Когенъ допускаетъ, что „самость“ человѣка можетъ быть убита, что ее можно уничтожить взрывомъ динамита²⁾. Мало того, ея дѣеспособность можетъ быть подорвана голодомъ или болѣзнію. „Вопросъ желудка“, которымъ занимается социализмъ, — на самомъ дѣлѣ есть вопросъ о сохраненіи той жизненной силы, которая необходима для „чистоты“ самосознанія и воли; поэтому онъ цѣликомъ входитъ въ область „чистой этики“³⁾.

1) Eth., 340.

2) Eth., 355.

3) Eth., 395.

Изъ всего предшествующаго ясно, что на вопросъ, поставленный въ началѣ настоящаго изслѣдованія, приходится дать безусловно отрицательный отвѣтъ. — „Этика чистой воли“ не только неприменима къ человѣку, она даже вовсе его не касается и проходитъ мимо него. Пока Когенъ остается вѣренъ своимъ принципамъ, онъ разсуждаетъ только о человѣкѣ искусственномъ, „методическомъ“, о человѣкѣ-„понятіи“, объ „идеѣ“, которая никогда осуществиться не можетъ. Напротивъ, какъ только заходитъ рѣчь о человѣкѣ живомъ, дѣйствительномъ, этика чистой воли испаряется въ ничто: ея авторъ впадаетъ въ полное противорѣчіе съ ея началами.

Этикѣ „чистой воли“ въ сущности нѣтъ дѣла до человѣка: ее интересуеетъ лишь вопросъ о методѣ. Но отсюда вытекаетъ жестокой для нея выводъ: человѣку также до нея рѣшительно нѣтъ дѣла.

VII.

Заключеніе.

Остается подвести итоги нашему изложенію и сдѣлать заключительные выводы. Разбираемое ученіе интересуеетъ насъ съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, оно есть *система чистаго апіоризма*, попытка свести философію къ системѣ апіорныхъ понятій; во-вторыхъ, оно представляетъ собою одно изъ наиболѣе типичныхъ въ наше время проявленій *чистаго раціоналистическаго имманентизма*. Обѣ эти стороны въ ученіи Когена неразрывно связаны между собою. Чистая мысль все изъ себя черпаетъ, сама создаетъ все свое содержаніе: это значитъ, во-первыхъ, что она не можетъ воспринять въ себя никакого содержанія извнѣ, изъ какихъ либо эмпирическихъ данныхъ и, во-вторыхъ, что вообще нѣтъ ничего ей запредѣльнаго или внѣшняго. Нѣтъ бытія трансцендентнаго чистой мысли: мысль тождественна бытію. Отсюда видно, что панметодизмъ, который все сводитъ къ „точкамъ зрѣнія“, „гипотезамъ“ и способамъ дѣйствія чистой

мысли и чистой воли, ведетъ борьбу на два фронта: противъ эмпиризма и противъ всякой метафизики, въ особенности противъ метафизики религіозной. Мы уже убѣдились, что съ обѣихъ сторонъ онъ терпитъ полное пораженіе.

Прежде всего априоризмъ въ ученіи Когена не выдержанъ по всей линіи. То внутреннее противорѣчіе между требованіемъ „чистоты“ и безсознательнымъ эмпиризмомъ, которое мы отмѣтили въ „этикѣ чистой воли“, проходить красной нитью черезъ всю философскую систему марбургскаго профессора. Въ его логикѣ мы видимъ совершенно то же самое. Съ одной стороны, вся наука обусловлена а ргіогі системой категорій—понятій чистой мысли; съ другой стороны, вся система категорій обусловлена рядомъ эмпирическихъ данныхъ—фактомъ данной науки, даннымъ ея состояніемъ, фактомъ существованія рода человѣческаго и даннымъ состояніемъ его культуры. У Канта, какъ извѣстно, выведена въ „Критикѣ чистаго разума“ неподвижная система категорій, которыя носятъ на себѣ печать всеобщности и необходимости. У Канта категоріи—независимы отъ эмпирическихъ фактовъ именно потому, что онѣ обусловливаютъ собою возможность познанія *вообще*, возможность опыта *вообще*. Совершенно другое мы видимъ у Когена: у него бытіе категорій зависитъ отъ существованія *данной* науки, т.-е. въ концѣ-концовъ отъ частнаго факта. „Всеобщность и необходимость“ съ этой точки зрѣнія вовсе не являются существеннымъ свойствомъ категорій: онѣ—подвижны и измѣнчивы, ибо онѣ—не болѣе, какъ предположенія, гипотезы измѣнчиваго человѣческаго знанія. „Прогрессирующая наука ищетъ и, сообразно съ своимъ фактическимъ прогрессомъ, находитъ болѣе глубокія и точныя основанія; поэтому она должна вновь формулировать свои начала и, сообразно съ этимъ, мѣнять свои основныя понятія. Поэтому о неизмѣнныхъ основахъ науки не можетъ быть и рѣчи“¹⁾. Всего менѣе

¹⁾ Logik, 499.

какая-либо таблица категорій можетъ претендовать на исчерпывающую полноту. Разъ прогрессируетъ наука, должны прогрессировать и „чистыя познанія“. По Когену новыя проблемы вызовутъ новыя категоріи, ибо онѣ потребуютъ новыхъ предположеній ¹⁾).

Съ одной стороны, у нашего автора въ силу тождества мысли и бытія вся дѣйствительность такъ или иначе сводится къ категоріямъ, или, что то же, къ методамъ мысли. Съ другой стороны, категоріи обусловлены подвижной, текучей и несомнѣнно отличной отъ нихъ дѣйствительностью— фактомъ науки, которая составляетъ частное проявленіе культуры. То же противорѣчіе мы нашли и въ этикѣ, гдѣ, „чистая“, т.-е. безусловно апіорная, нравственность также эмпирически обусловлена рядомъ психическихъ и физическихъ фактовъ. Ученіе Когена нѣсколько напоминаетъ манію того ботаника, который отрицаетъ существованіе живыхъ цвѣтовъ и признаетъ дѣйствительно существующимъ только свой гербарій и способы сушенія вошедшей въ него флоры. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не можетъ не вспомнить, что гербарій обязанъ своимъ происхожденіемъ прогулкамъ въ поляхъ и лѣсахъ, что безопасность этихъ прогулокъ обуславливается высокимъ состояніемъ культуры и въ частности существованіемъ хорошо организованнаго государства. И мысль его не въ состояніи выйти изъ порочнаго круга: съ одной стороны, не будь этого гербарія и этихъ способовъ сушенія,—не было бы флоры; съ другой стороны, не будь флоры, не было бы и гербарія. Такого рода мысли приходятъ въ голову только кабинетнымъ ученымъ. Когенъ попалъ въ положеніе узника въ платоновой пещерѣ. Онъ принялъ тѣни, мелькающія на стѣнѣ его темницы, за самую дѣйствительность. Есть двѣ величины, которыя для него заслоняютъ все на свѣтѣ— весь міръ существующаго и должнаго: это, во-первыхъ, тѣ научныя методы, которыя наполняютъ жизнью его ученый

¹⁾ Logik, 342—343.

кабинетъ, и, во-вторыхъ, та государственная организація, которая охраняетъ спокойствіе этого кабинета. Не потому ли наука замѣнила для него дѣйствительный міръ, а государство—нравственный идеаль? Среди нѣмецкихъ философовъ это боготвореніе научнаго знанія въ связи съ культомъ государства—явленіе не единственное въ своемъ родѣ: оправданіемъ тутъ можетъ служить высокое состояніе нѣмецкой науки и то справедливое довѣріе, которое внушаетъ къ себѣ нѣмецкая государственность. Зарожденіе ученія Когена въ Германіи во всякомъ случаѣ понятнѣе, чѣмъ увлеченіе имъ въ Россіи.

Рационализмъ разбираемаго ученія и его имманентизмъ—явленія того же порядка, какъ и его апіоризмъ. Здѣсь выразилось настроеніе мысли, которая себѣ довлѣетъ и не хочетъ знать о чемъ-либо запредѣльномъ: въ атмосферѣ ученаго кабинета она находитъ себѣ полное и окончательное удовлетвореніе. Съ этимъ связана вражда противъ какого бы то ни было метафизическаго и религіознаго исканія, ожесточенное отрицаніе трансцендентнаго. Одно изъ основныхъ положеній Когена заключается въ томъ, что міръ, доступный чистой мысли, есть міръ единственно реальный и единственно возможный: для него вообще нѣтъ такого предмета, который бы не былъ предметомъ познанія. Онъ отвергаетъ понятіе „вещи въ себѣ“: поэтому міръ явленій превращается для него въ подлинно сущее, въ абсолютную реальность, внѣ которой ничего не существуетъ; въ его системѣ—вещь въ себѣ сводится къ методической формулѣ, а съ „явленія“ окончательно совлекается видимость „кажущагося“, неистиннаго бытія ¹⁾). Поэтому его этикѣ нѣтъ дѣла до трансцендентнаго: она по существу антиметафизична и антирелигіозна. Для нея *реальна только чувственная природа* ²⁾).

Послѣднее утвержденіе какъ будто странно звучитъ въ

1) Eth., 25—27; Logik, 213, 422.

2) Eth., 28, 51.

устахъ автора „чистой логики“, для котораго бытіе тождественно чистой мысли. И, однако, впаденіе въ плоскость эмпириі неизбежно для мыслителя, который не можетъ или не хочетъ подняться на высоты метафизическаго умозрѣнія. Сама изъ себя человѣческая мысль не въ состояніи родить никакого содержанія: она черпаетъ его или изъ того, что надъ нами, или изъ того, что подъ нами. Мыслитель, который отвергъ все потустороннее, таинственное, горнее, долженъ неизбежно утверждать смыслъ своего существованія въ чемъ-либо здѣшнемъ, поюстороннемъ: у него нѣтъ крыльевъ, чтобы подняться надъ областью чувственно воспринимаемаго.

Яркое тому доказательство являетъ собою „философія Когена“. Въ мірѣ явленій она находитъ не только безусловную реальность, но и безусловную цѣнность. Этотъ міръ наполняетъ собою всю ея схему безусловнаго. Включеніе идеи Бога въ „методику понятій“, для нашего мыслителя по крайней мѣрѣ, столь же характерно, какъ и его вражда противъ религіи; онъ не просто отвергъ религію, а вынулъ изъ нея душу: взялъ идею Бога и превратилъ ее сначала въ пустую оболочку, а затѣмъ наполнилъ чисто земнымъ содержаніемъ. Идея Бога у Когена означаетъ, что здѣшняя чувственная природа въ сочетаніи съ нашей земной государственностью представляетъ собою безусловную правду, предѣлъ всякаго совершенства и потому должна быть сохранена навѣки. Иначе говоря, идея Бога здѣсь—только санкція и апопоеозъ для всего здѣшняго: это—печать божественнаго для жизни тѣхъ существъ, которые „обладаютъ логикой и математикой“.

Мы уже видѣли, что этотъ апопоеозъ оканчивается жалкимъ крахомъ. Этика Когена впутывается въ безысходныя противорѣчія, и намъ ясно почему: мы уже видѣли, что одни изъ нихъ обуславливаются невозможностью обойтись въ философіи безъ эмпирическихъ данныхъ и, слѣдовательно, коренятся въ самое существѣ чистаго апіоризма. Другія объясняются невозможностью для философа устра-

нить тѣ необходимыя метафизическія и религіозныя предположенія или гипотезы, на которыхъ покоятся вся наша жизнь и сознание.

Борьба Когена противъ метафизики неудачна прежде всего потому, что онъ не въ состояніи вытравить метафизику даже изъ собственной своей системы. Что сказать о философскомъ ученіи, которое вѣритъ въ безусловную реальность міра явленій? Развѣ не очевидно, что оно заключаетъ въ себѣ рядъ сужденій о подлинно сущемъ, т.-е. въ концѣ-концовъ онтологію? Послѣдовательный отказъ отъ метафизики, называетъ ли онъ себя позитивизмомъ, агностицизмомъ или какъ-нибудь иначе, неизбѣжно облекается въ форму скептицизма. Онъ утверждаетъ, что мы лишены всякой возможности знать, есть или нѣтъ за предѣлами явленій какая-нибудь реальность. Совершенно иное мы видимъ у Когена: разъ онъ отрицаетъ существованіе запредѣльнаго, міръ явленій тѣмъ самымъ превращается для него въ абсолютное. Такимъ образомъ противорѣчіе лежитъ въ основѣ борьбы нашего писателя противъ метафизическаго міросозерцанія. Его гносеологія есть въ концѣ-концовъ въ самой своей основѣ догматическая метафизика.

То же должно сказать и о его этикѣ. Мы видѣли, что эта этика почитаетъ въ человѣкѣ „самоцѣль“ и „самоцѣнность“: она высокаго мнѣнія о „человѣческомъ достоинствѣ“ и безусловно осуждаетъ все то, что ему противорѣчить; мы помнимъ, что эти разсужденія наводятъ Когена на мысль о міровой цѣли, о планѣ всемірной исторіи. Тутъ мы имѣемъ не простую послѣдовательность мыслей, а необходимую логическую связь. Признавать человѣка „самоцѣлью“ можно только съ точки зрѣнія абсолютной, универсальной цѣли. Почитать его какъ „безусловную цѣнность“ значить—предполагать, что онъ является таковою не въ нашемъ только человѣческомъ мнѣніи, а въ объективномъ строѣ мірозданія. Если человѣкъ—только преходящее явленіе, которое сегодня есть, а завтра должно

исчезнуть, если онъ не объективно дорогъ съ точки зрѣнія міровой цѣли, для вселенной, то онъ обладаетъ цѣнностью весьма относительною. Даже для насъ—людей, человѣкъ можетъ быть безотносительно дорогъ лишь при томъ условіи, если онъ—возможный носитель безусловно-божественной, а потому—непреходящей жизни. Попытка Когена—устранить изъ области философіи вопросъ о судьбѣ человѣка крайне неудачна и притомъ совершенно непослѣдовательна, ибо въ концѣ-концовъ и онъ признаетъ, что увѣренность въ сохраненіи человѣческаго рода—необходимое предположеніе этики. Спрашивается, что же такое это безсмертіе рода, если смертенъ каждый отдѣльный индивидъ, входящій въ его составъ? Возможна ли вѣра въ человѣчество тамъ, гдѣ нѣтъ вѣры въ человѣка? Та и другая неотдѣлима отъ вѣры въ торжество добра, въ окончательную побѣду жизни надъ смертью. Съ одной стороны, Когенъ не въ состояніи вполнѣ отъ нея отрѣшиться; съ другой стороны, она не умѣщается въ прокрустово ложе его „системы“ и служить здѣсь элементомъ противорѣчія.

Смысль жизни и смыслъ нравственности предполагаетъ то самое „запредѣльное“, горнее, которое отрицается ученіемъ Когена. Нельзя безнаказанно отрицать то самое, чѣмъ живетъ человѣческая душа. Міросозерцаніе, которое отвергаетъ *необходимыя гипотезы* духовной и душевной жизни, тѣмъ самымъ становится бездушнымъ. Съ этой точки зрѣнія ученіе Когена заслуживаетъ вниманія, какъ типическое въ своей цѣльности построеніе. Умертвивши Бога, онъ не оставилъ на свѣтѣ ничего живого и превратилъ міръ въ царство тѣней. И небо, и земля, и міръ духовный, и міръ тѣлесный, и Богъ, и человѣкъ, все у него изсушено и превращено въ „методу“.

Кн. Евгеній Трубецкой.

Идея обоженія въ древне-восточной церкви.

Идея обоженія, (*θεοποίησις, θεώσις*) которая въ современномъ богословіи является совершенно забытой, составляла самое зерно религиозной жизни христіанскаго Востока. Она оставила свой слѣдъ на всѣхъ проявленіяхъ церковной мысли, христіанской нравственности, благочестія и культѣ. Выясненію сущности и значенія идеи обоженія въ двухъ ея главнѣйшихъ формахъ и будетъ посвященъ дальнѣйшій очеркъ.

Религиозныя упованія христіанскаго Востока очень точно выражаютъ слѣдующія сотеріологическія формулы. „Богъ сталъ человѣкомъ, чтобы человѣкъ сталъ богомъ“. „Сынъ Божій содѣлался сыномъ человѣческимъ, чтобы сыны человѣческіе содѣлались сынами Божиими“ ¹⁾. „Господь принялъ на Себя наше и, принеся сіе въ жертву, уничтожилъ это и облекъ насъ въ Свое“ ²⁾. „Какъ Господь, облекшись плотію, содѣлался человѣкомъ, такъ мы, люди, воспріятые Словомъ, обожаемся (*θεοποιούμεθα*) ради плоти Его“ ³⁾! „Дольній человѣкъ (Исусъ) содѣлался Богомъ, послѣ того, какъ соединился съ Богомъ и сталъ съ Нимъ едино, потому что препобѣдило лучшее, чтобы и мнѣ быть богомъ, поскольку

1) *Irenaeus. Contra Haereses. III, 10, 2 Migne, Ser. gr. T. 7. Рус. пер. свящ. Преображенскаго. Москва, 1871. Ср. Athanasius Alexandr. De incarnatione et contra arian. 8. Migne, ser. gr. T. 26, с. 996. Рус. пер. Моск. духов. акад. Изд. 2, ч. III, стр. 257.*

2) *Athanasius Alex. Ad Epict. 6. Migne, T. 26, с. 1060—1061. Рус. пер. ч. III, 296*

3) *Athanasius Alex. Contra arian. III, 34. Migne XXVI, с. 397. Рус. пер. II, 324.*

Онъ сталъ человѣкомъ“¹⁾. Для современнаго уха подобныя выраженія звучать слишкомъ притязательно, но на языкѣ древнихъ народовъ слово Богъ не имѣло того безусловнаго значенія, съ которымъ оно употребляется нами. Священное писаніе называетъ Моисея богомъ по отношенію къ Фарону (Исх. IV, 16; VII, 1), раба, отказавшагося воспользоваться своимъ правомъ получить свободу въ субботній годъ, оно повелѣваетъ привести „предъ боговъ“, т.-е. въ собраніе судей для заключенія соотвѣтствующаго юридическаго акта (Исх. XXI, 1—7). Въ псалмѣ 81-омъ находятся слова, послужившія библейскимъ основаніемъ для ученія, выраженіемъ котораго были приведенныя выше сотериологическія формулы: „Богъ сталъ въ сонмѣ боговъ (судей Израилевыхъ); среди боговъ произнесъ судъ. Доколѣ вы будете судить неправедно и оказывать лицепріятіе нечестивымъ?.. Я сказалъ: вы боги и сыны Всевышняго всѣ вы. Но вы умрете, какъ человѣки, и падете, какъ всякій изъ князей“. Въ подобномъ же значеніи употреблялось это слово въ литературѣ и жизни классическихъ народовъ, и общественное мнѣніе не находило ничего оскорбительнаго для чувства или необычнаго въ томъ, что, напр., указы Домиціана выходили съ громкимъ надписаніемъ — *dominus ac deus noster Domitianus sic fieri iubet*. Патристическая литература надолго сохраняетъ то-же словоупотребленіе. Григорій Богословъ говоритъ, что благотворитель становится богомъ для нуждающихся, потому что подражаетъ Божію милосердію²⁾. По словамъ того же отца церкви, высокое призваніе пастыря состоитъ въ томъ, чтобы „быть богомъ и творить богами“³⁾. Такимъ образомъ, „стать богомъ“ для

1) *Gregorius Theologus*. Or. XXIX, 19 *Migne* Ser. gr. T. 36, col. 100, A. Рус. пер. ч. III, стр. 59. Сравни. *Jrenaeus*, lib. V, Praefatio; lib. V, 30, 3. *Gregorius Theologus*, Orat. I, 5. *Migne*. T. 25, col. 397. Рус. пер. Ч. I, стр. 4—5. *Dionysius Areopagita*, De Eccles. Hierarch. II, 2, 1. *Migne*, Ser. gr. T. 3, col. 393.

2) *Gregorius Theologus*. Orat. XIV, 26. *Migne*, T. 35, col. 896. Рус. пер. Ч. II, стр. 27.

3) *Ibid*. Orat. II, 73. *Migne*, 35, col. 481, B. Рус. пер. Ч. I, стр. 47. Подобныя выраженія встрѣчаются нерѣдко въ церковномъ богослуженіи, напр.,

того времени не значило вырасти до величія абсолютнаго и вознестись до безпредѣльности Его совершенствъ. Въ понятіи бога необходимо мыслились только безсмертіе, блаженство и сверхчеловѣческая полнота и интенсивность жизни. Основною чертою религиозныхъ упованій, выразившихся въ сотеріологіи древней восточной церкви, служить жажда физическаго обновленія чрезъ общеніе съ божественною природою. Идеаль нравственнаго совершенства этимъ, конечно, не исключался, но святость личности разсматривалась отчасти въ качествѣ условія, отчасти же въ качествѣ результата преобразованія божественною силою самой природы человѣка. Однако, эта общая всей восточной патристической литературѣ идея обоженія не всѣми понималась одинаково.

Всякій народъ въ своей религиозной жизни обыкновенно разслаивается на нѣсколько пластовъ. Утонченныя концепціи Достоевскаго, Хомякова и Соловьева, продукты школьнаго богословія и старушка, плетущаяся съ катомкой за плечами къ чудотворной ракъ—все это различные типы пониманія одного и того же символа. Не могло быть иначе и въ Византіи. Уже въ концѣ второго вѣка религиозныя чаянія восточной церкви отливаются въ двѣ существенно различныхъ формы, тождественныя по своей основной мысли, но расходящіяся въ ея конкретномъ пониманіи. При всей своеобразности, съ которой эти формы выступаютъ въ отдѣльныхъ догматическихъ системахъ, онѣ не исключаютъ другъ друга и, освѣщая одинъ и тотъ же предметъ, только съ разныхъ сторонъ, легко могли совмѣщаться въ одномъ и томъ же сознаніи. Но въ видахъ раздѣльности изложенія ту и другую необходимо разсмотрѣть особо. Въ церковной литературѣ первое направленіе представлено сочиненіями раннихъ малоазійскихъ писателей, а потомъ твореніями св. Иринея, Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Алексан-

„да твоє покажешѣ явѣ неизреченное второе снитіе... стоя посредѣ *боговъ*, апостоль, на *Ѣаворѣ*, Моисея же и Илію неизреченно осіялъ еси“ (Изъ канона на Преображеніе Господне).

дрійскаго и остатками литературы монофизитовъ. Второе отразилось въ трудахъ Климента Александрійскаго, Оригена, Каппадокійцевъ, Псевдо-Діонисія Ареопагита, Максима Исповѣдника. Первое своими корнями уходило въ самую глубь народной вѣры, всегда положительной и осязательной; второе—достояніе богослововъ наиболѣе образованных—облекалось въ философскія формы и не чуждалось лучшихъ сторонъ неоплатонизма, владѣвшаго тогда всѣми умами и привлекавшаго къ себѣ всѣ сердца. Осаждаясь въ сгущенной атмосферѣ долинъ, первое направленіе отличалось массивностью своихъ понятій, наглядностью образовъ, опредѣленностью тенденцій. Второе, витая въ разрѣженной атмосферѣ безплотнаго, цѣнило выше всего отвлеченное и терялось въ неопредѣленности сладкихъ предчувствій. Исходною точкой для перваго служила обоженная плоть Христа, для втораго христіанское ученіе о Богѣ въ неоплатонической обработкѣ. Поэтому первое направленіе мы назовемъ реалистической формой идеи обоженія, а второе—идеалистической.

I.

Реалистическая форма идеи обоженія.

Переходя къ анализу реалистической формы идеи обоженія, мы попытаемся выяснитъ ея сущность и значеніе въ исторіи догматовъ.

А. Для вѣрнаго пониманія сущности религиозныхъ чаяній, о которыхъ мы говоримъ, необходимо имѣть въ виду, что въ основу преобразования природы человѣка они полагали физическое соединеніе Божества съ душою и тѣломъ спасаемыхъ. Для мышленія древнихъ иногда не существовало той рѣзкой грани, которая въ нашемъ сознаніи раздѣляетъ понятія духа и матеріи. Для него духъ—это та же матерія, но въ высшей степени тонкая и разрѣженная. Бл. Августинъ до 31 года своей жизни не могъ представить себѣ ничего непротяженнаго, не могъ вообразить ничѣмъ не занятого пространства и мыслилъ Бога въ видѣ тонкой эфирной

субстанціи, разлитой во всей вселенной ¹⁾). Наиболѣе яркое выраженіе эта тенденція получила въ матеріалистической системѣ стоиковъ. Не допуская существованія чего-либо безтѣлеснаго кромѣ пространства, времени и мысленнаго, эти философы приписывали тѣлесность не только сущностямъ, но и всѣмъ свойствамъ. Качество предмета есть своеобразное напряженіе присущей ему пневматической матеріи, распространяющееся наподобіе тока отъ центра къ периферіи и отъ периферіи возвращающееся къ центру. Такъ какъ каждый предметъ имѣетъ много качествъ, то необходимо было выяснитъ, какимъ образомъ эти качества, подобныя какимъ-то матеріальнымъ флюидамъ, могутъ совмѣщаться въ одномъ и томъ же тѣлѣ. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и служило ученіе стоиковъ о различныхъ видахъ соединенія веществъ. Употреблявшіеся при этомъ термины: *παράθεσις*, *σύγκλιξις*, *μίξις*, *κράσις*—имѣли строго опредѣленный смыслъ.

Παράθεσις—это соприкосновеніе тѣлъ своею наружною поверхностью, какъ въ мѣркѣ зерна, въ которой смѣшаны бобы и пшеница. *Σύγκλιξις* болѣе всего приближается къ современному понятію химическаго соединенія. Этимъ терминомъ называлась такая связь двухъ веществъ, при которой послѣднія, взаимно проникая другъ друга, терпятъ измѣненіе въ своей сущности и свойствахъ и образуютъ третье вещество, не похожее на свои составные элементы. Наоборотъ, *κράσις* и *μίξις* въ переводѣ на современный языкъ обозначали механическое смѣшеніе веществъ въ жидкомъ растворѣ и характеризовались двумя признаками. Во-первыхъ, соединеніе двухъ тѣлъ признавалось въ этомъ случаѣ настолько тѣснымъ, что съ каждой частицей одного изъ нихъ мыслилась данной частица другого. Даже предпологалось, что, въ случаѣ смѣшенія веществъ въ неравномѣрной пропорціи, меньшее въ количе-

¹⁾ *Augustinus*. Confessiones, VII, I. Corp. script. eccles. latin. T. 33. Рус. пер. изд. кievск. дух. акад. T. I, стр. 155—158.

ственнымъ отношеніи распространяется по всему протяженію большаго. Капля вина, упавъ въ море и растворяясь въ немъ, расширяется до его послѣднихъ предѣловъ. Во-вторыхъ, два тѣла, такъ глубоко вѣдряясь другъ въ друга, сохраняютъ однако безъ всякихъ измѣненій свою сущность и свои свойства. Такъ соединяются огонь и металлъ въ раскаленномъ желѣзѣ, душа и тѣло въ человѣкѣ¹⁾.

Стоическіе понятія и термины, которыхъ мы только что коснулись, получили широкое распространеніе въ патристической литературѣ. По ихъ схемѣ церковные писатели представляли себѣ соединеніе духа и матеріи, благодати и вещества таинствъ, Бога и плоти, называя его смѣшеніемъ (μῆσις), сраствореніемъ (κρᾶσις). Ближе всѣхъ подходитъ къ стойкамъ Тертуллианъ. Проникнутый матеріализмомъ этой философской школы, онъ говоритъ въ своемъ трактатѣ о крещеніи: „вещество, занимающее низшее положеніе, съ естественною необходимостью принимаетъ въ себя свойства вещи, находящейся надъ нимъ. Въ особенности все матеріальное способно заимствовать свойства духовнаго, потому что послѣднее, благодаря тонкости своей субстанціи, легко проникаетъ въ первое. И теперь; во время крещенія, послѣ призыванія, Духъ Св. немедленно нисходитъ и, оставаясь вверху воды, освящаетъ ее изъ себя, и вода, освященная такимъ образомъ, сама впитываетъ (combibunt) въ себя силу освящать“²⁾. Тертуллианъ усвоилъ стоическія воззрѣнія во

¹⁾ *Ed. Zeller. Die Philosophie der Griechen. Th. III 1. 2 Aufl. S. 106--118, особ. S. 115. Anm. 2. Ср. Ad. Harnack, Lehrbuch der Dogmengeschichte. 3 Aufl. B. II, S. 359—360.*

²⁾ *Tertullianus. Die baptismo, 4. Migne Par. lat. T. I, с. 1311—1312.* Подобное же массивное представленіе объ отношеніи благодати и вещества таинствъ встрѣчается въ популярныхъ бесѣдахъ восточныхъ писателей. „Внимательно взирай, говоритъ Кириллъ Иерусалимскій, на купель крещенія не какъ на простую воду, но какъ на духовную благодать, подаваемую вмѣстѣ съ водой. Ибо какъ приносимое на жертвенникѣ, по природѣ будучи просто оскверняется призываніемъ демоновъ, такъ и, наоборотъ, простая вода, по призываніи на нее Св. Духа, Христа и Отца, приобретаетъ силу святости“ (*Cyrillus Hierosol. Orat. Catechet. II, 3; Migne, Ser. гр. Т. 33. Рус. пер. моск. дух. академіи стр. 37*) „святое миро, по призываніи, не простое уже или, какъ бы ска-

всемъ ихъ объемъ, но онъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Прочимъ церковнымъ писателямъ чуждъ стоическій матеріализмъ въ представленіи о способъ соединенія Бога и человѣка, но, не принимая стоическихъ терминовъ въ строгомъ значеніи, они все же мыслили это соединеніе по крайней мѣрѣ по ихъ схемѣ. Стремясь, съ одной стороны, реализовать въ сознаніи мысль о физическомъ соединеніи Бога и человѣка, съ другой,—сохраняя строгое понятіе о духовности Божества, они пользовались образами смѣшенія, растворенія, но сопровождали послѣдніе высказываемой или подразумеваемой оговоркой, которая отнимала у нихъ грубо чувственный, матеріальный смысл ¹⁾. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Оригенъ имѣлъ точное понятіе о духовности Бога и Логоса и разумѣлъ подъ нею не тонкую матеріальность, а нѣчто совершенно противоположное матеріи, какъ бытію протяженному и дѣлимому, но это не мѣшало ему представлять отношеніе Божества Логоса къ Божеству Отца по матеріальной схемѣ смѣшенія. Логосъ есть Богъ по причастию, потому что „онъ первый вслѣдствіе пребыванія у Бога вовлекъ въ себя отъ Божества Отца“. Съ своей стороны, Онъ обожаетъ прочихъ боговъ, безъ зависти передавая имъ Божество, которое почерпнулъ для себя отъ Отца ²⁾. Такое же строгое понятіе о духѣ имѣлъ и Василій Великій, но мыслилъ объ отношеніи Духа Св. къ природѣ ангеловъ по той же схемѣ. „Все, что ни освящается, освящается только присутствіемъ Духа. Поэтому вызываетъ къ бытію ангеловъ Зиждительное Слово—Творецъ всего, а освященіе имъ подаетъ Духъ Св. Ибо ангелы со-

заль иной, обыкновенное миро, но дарованіе Христа и Духа св., отъ присутствія Божества Его содѣлавшееся дѣйственнымъ“ (ibid. Orat. Mystag. III, 3. *Migne*. Ser. gr. T. 33. Рус. пер. стр. 290).

¹⁾ Такова, напр. терминологія Григорія Богослова и Григорія Нисскаго. См. К. Holl, *Amphilochius von Iconium in seinem Verhältniss zu den grossen Karpadoziern*. Tübingen, 1904, S.S. 189—190; 226—227.

²⁾ *Origenes*. In Ioan. Lib. II, 2. Ed. Preuschen (Die griechische christl. Schriftsteller. Origenes, B. IV, s. 54—55).

зданы не младенцами, которые бы потомъ сдѣлались достойными принять Духа, но въ первоначальный составъ и, такъ сказать, растворъ ихъ сущности была вложена святость. Потому-то они не склонны ко грѣху, будучи немедленно, какъ бы нѣкоторымъ составомъ, покрыты освященіемъ¹⁾. Этимъ между прочимъ Василій Великій объясняетъ возможность грѣхопаденія ангеловъ. Природа ихъ сложна. Она состоитъ изъ ихъ сущности и святыни, подаваемой Духомъ. Эту заимствованную отъ нѣ святость они могутъ утрачивать. Въ противоположность имъ, для Духа Св. грѣхъ невозможенъ, потому что въ Немъ сущность и святыня совпадаютъ, суть одно и то же²⁾. Итакъ, основою обоженія является физическое соединеніе Божества съ человѣческой природой, подобное смѣшенію, срастворенію.

Такое тѣсное соединеніе Бога и человѣка произошло впервые въ лицѣ Искупителя. Сынъ Божій, воплотившись, пронизалъ Своей пневматической природой всѣ фибры и изгибы воспринятыхъ Имъ души и тѣла человѣка Исуса. При такомъ сраствореніи двухъ природъ, противоположныхъ по своимъ качествамъ и несоизмѣримыхъ по силѣ, естественно должно было произойти какъ бы исчезновеніе свойствъ слабѣйшей природы: человѣческія свойства должны были померкнуть въ блескъ Божества. Такъ кусокъ темнаго и холоднаго желѣза, брошенный въ раскаленную печь, вбираетъ огонь во всѣ свои поры, и наши чувства перестаютъ уже ощущать въ немъ свойства металла, а воспринимаютъ только блескъ и жаръ огня³⁾.

Человѣкъ даже въ состояніи своей первобытной чистоты слабъ и склоненъ ко грѣху, но Богъ сообщилъ свою свя-

¹⁾ *Basiliius Magnus*. Homil. in ps. XXXII, 4. *Migne*, P. gr. 29, T. col. 333 CD. Рус. пер. моск. дух. академіи ч. I, 224.

²⁾ *Ibid.* Ep. VIII, 10. *Migne*. P. gr. T. 32, col. 261—264. Рус. пер. ч. VI, стр. 37—38.

³⁾ *Origenes*. De principiis II, 6, 6. Рус. пер. каз. дух. акад., стр. 132—133. Стоическій образъ желѣза и огня со времени Оригена становится обычнымъ въ патристической литературѣ для выясненія способа соединенія двухъ природъ во Христѣ.

тость и силу Іисусу, и вслѣдствіе этого Христось не могъ согрѣшить ¹⁾. Человѣкъ не можетъ властвовать подѣ демонами, исцѣлять болѣзни, творить чудеса. Богъ въ лицѣ Іскупителя, пользуясь тѣломъ, какъ орудіемъ, изгонялъ бѣсовъ, воскрешалъ мертвыхъ, ходилъ по водамъ ²⁾. Вызванный изъ бездны небытія, вѣчно скользящій надъ нею, всегда готовый снова низвергнуться въ пучину ничтожества, человѣкъ носить въ своемъ тѣлѣ тлѣніе, какъ какое-то ядовитое начало. Богъ—само бытіе, сама жизнь. Соединившись съ человѣкомъ Іисусомъ, Онъ истребилъ въ его тѣлѣ принципъ тлѣнія и передалъ ему свое собственное безсмертіе. „Тѣло Христа, облеченное въ безплотное Божіе Слово, не боится уже ни смерти, ни тлѣнія, потому что имѣеть ризою жизнь ³⁾“. „Божество какъ бы намастило это святое тѣло и неизреченно вложило въ него Свою собственную свѣтлость и нетлѣніе“ ⁴⁾. Поэтому, если Христось умеръ, то лишь вслѣдствіе того, что Божественному Логосу угодно было временно отдалиться отъ Своего тѣла, но смерть не могла удержать въ своей власти этотъ храмъ самой жизни, и человѣкъ, воспринятый Богомъ, воскресъ въ третій день и побѣдилъ принципиально послѣдняго врага жизни—смерть ⁵⁾.

Повинуясь закону развитія, человѣческая природа Христа постепенно проникалась божественными свойствами ⁶⁾. Вотъ Онъ младенець, и никто не подозреваетъ въ Немъ Бога. Одиннадцати лѣтъ Онъ уже удивляетъ Своею мудростью книжниковъ и старцевъ. Потомъ ап. Петръ узнаетъ въ

¹⁾ *Athanasius Alex. Contra arian. I, 51 и 60. Migne, P. gr. T. 26, col. 117—119. 137. Рус. пер. ч. II, 243. 255.*

²⁾ *Ibid. Contra arian. III, 31. Migne, T. 26, с. 389. Рус. пер. II, 409. Dionysius Areopagita. Ep. IV. Migne. S. gr. T. 3, col. 1072.*

³⁾ *Athanasius Alex. De Incarn. 44. Migne Ser. gr. T. 25, col. 173—176. Рус. пер. I, 248—249.*

⁴⁾ *Cyrillus Alex. De adorat. in spiritu et veritate. L. IX. Migne. Ser. gr. T. 68, col. 597. Рус. пер. т. I, 131.*

⁵⁾ *Athanasius Alex. Contra arian. III, 57. Migne, T. 26, с. 445. Рус. пер. 440—441. De Incarn. 31. Migne. T. 25, col. 149. Рус. пер. I, 231.*

⁶⁾ *Athanasius Alex. Contra arian. III, 53. Migne, 26, col. 436. Рус. пер. II, 435.*

Немь Сына Божія, вслѣдъ за Петромъ видяты это и прочіе ученики ¹⁾. На Фаворѣ сквозь покровы плоти льются потоки божественной славы, ибо Богъ—есть свѣтъ. „Даже одежды Свои Христосъ показалъ бѣлыми какъ свѣтъ, потому что изъ всего тѣла Спасителя истекла слава Божества Его и во всѣхъ членахъ сіялъ свѣтъ Его“ ²⁾. По воскресеніи не всѣ и не во всякомъ состояніи могутъ видѣть чувственными очами одухотворенное тѣло Спасителя, входящее чрезъ затворенныя двери. При вознесеніи на небо челоуѣчество Христа становится предметомъ поклоненія для ангеловъ, и уже само оно, а не въ качествѣ лишь орудія, дѣлается животворящимъ и получаетъ способность творить чудеса. „Дадеса ми всякая власть на небеси и на земли (Мѣ. XXVII, 18), говоритъ возносимое челоуѣчество ³⁾. Оно садится теперь одесную славы Всевышняго и, сохраняя свои очертанія, сіяетъ божественнымъ блескомъ, какъ на Фаворѣ ⁴⁾. Далѣе этого церковнаго ученія пошелъ Григорій Нисскій. „По воскресеніи Христа,—говоритъ онъ,—Его плоть, оставаясь по природѣ плотью, претворилась въ море нетлѣнія, и все челоуѣческое перемѣнилось въ божеское и безсмертное естество; не осталось въ немъ ни тяжести, ни вида, ни цвѣта, ни твердости, ни мягкости, ни очертанія по величинѣ“ ⁵⁾. Пользуясь стоической аналогіей, смыслъ которой

¹⁾ Ibid. Contra arian. III, 52. Migne, 26, col. 432—433. Рус. пер. II, 433—434.

²⁾ *Ефремъ Сиринъ*. Слово 32. Твор. въ рус. пер. ч. II, 52. На этой идеѣ построено все богослуженіе на Преображеніе. „Очернѣвшее Адамово естество, преображся, облистати паки сотворилъ еси, претворивъ е въ Твоего Божества славу же и свѣтлость..“ (2 стихира на стиховнѣ). Что свѣтъ, который былъ виденъ на Фаворѣ, есть проявленіе самой природы Божества, это ясно выражено въ 3-й пѣсни канона Козмы. „Богъ слово сый, весь земля бысть, всему Божеству смѣсивъ челоуѣчество во ипостасѣ Своей, юже во двю существу Моисей и Илія видѣша на горѣ Фаворстѣ“.

³⁾ *Athanasius Alex.* Contra arian. I, 42. Migne, 26, col. 97—99. Рус. пер. II, 231—232. Ibid. III, 38. Migne, 26, col. 405. Рус. пер. II, 418. Ibid. III, 40. М. 26, с. 409. Рус. пер. II, 420—421. Ibid. III, 43. М. 26, с. 416; Рус. пер. II, 424. Ibid. III, 48. М. 26, с. 424—425. Рус. пер. II, 429—430.

⁴⁾ *Gregorius Theolog.* Epist. I ad Cled. Migne Ser. gr. T. 37, col. 181 В. Рус. пер. ч. IV, стр. 161.

⁵⁾ *Gregorius Nyssenus.* Adversus Apollinar. 42. Migne. Ser. gr. 45, col. 1224. А. Рус. пер. ч. VII, стр. 156—157.

былъ указанъ ранѣе, Григорій сравниваетъ челоѡчество Христа съ каплею уксуса, упавшею въ море и расширившеюся до послѣднихъ предѣловъ его неизмѣримаго протяженія. Подобно этой капль и челоѡчество Спасителя растворилось въ Его Божествѣ ¹⁾.

Мысль объ обоженіи челоѡческой природы Христа вслѣдствіе ея соединенія съ Божествомъ получила свое крайнее выраженіе въ ученіи наиболѣе послѣдовательныхъ и непримиримыхъ монофизитовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Юліанъ Галикарнасскій (такъ называемыхъ афеартодокетовъ, или фантазіастовъ). Они утверждали, что уже съ самаго момента соединенія Бога съ челоѡкомъ Иисусомъ, т.-е. со времени зачатія послѣдняго, тѣло Искупителя по силѣ обитающаго въ немъ ипостаснаго безсмертія потерпѣло настолько глубокія измѣненія, что перестало быть единосущнымъ челоѡческому тѣлу, сдѣлалось нетлѣннымъ и чуждымъ всего, что логически связано съ понятіемъ смертности и тлѣнныя—возрастанія, обмѣна веществъ, увяданія. Такъ кровь Богочелоѡвка не была подобна земной и разлагающейся челоѡческой крови, но обратилась въ божественную, неземную и нетлѣнную. Безсмертіе и неизмѣняемость были для обоженнаго тѣла Христа естественнымъ состояніемъ, а проявленія смертности природы лишь абстрактною возможностью. Поэтому, если Христось испытывалъ голодь, страдалъ, умеръ, то это было актомъ Его доброй воли и чудомъ, которое совершилъ Искупитель, чтобы раздѣлить участь тѣхъ, для спасенія которыхъ Онъ пришелъ. Въ этомъ ученіи мы имѣемъ дѣло съ логикою идеи, не желающей считаться съ историческими документами, которые христіанство имѣетъ въ Евангеліяхъ ²⁾.

¹⁾ Ibid. Adv. Apollinar. ad Theophilum. *Migne*, 45, col. 1276 CD. Рус. пер. ч. VII, стр. 208—209.

²⁾ *Ad. Harnack. Lehrbuch der Dogmengeschichte.* 3 Aufl. 1894 B. II, S. 386—387. *Joh. Junglas, Leontius von Byzanz. Studien zu seinen Schriften, Quellen und Anschauungen.* Paderborn, 1908, S. 102—103. *И. Троицкій. Изложене вѣры церкви армянской.* СПб. 1875. Стр. 139—164. *Gieseler, D Commentationis, qua Monophysitarum variae de Christi persona opiniones*

Но Христось есть глава обновленнаго чловѣчества. Въ Его лицѣ Божество соединилось не съ однимъ только Иисусомъ, но со всѣмъ родомъ чловѣческимъ, поэтому и искупленные Имъ достигнуть подобной же славы.

Христось излилъ на вѣрующихъ Духа Св., и Духъ самою Своею сущностью срастворяется съ ихъ душой и тѣломъ. Это физическое соединеніе отличается отъ воплощенія только тѣмъ, что чловѣческое я сохраняетъ свою самостоятельность и не сливается съ Духомъ Св. въ одну личность и одно самосознаніе. Поэтому оно называется тѣми же терминами смѣшенія, срастворенія, та же аналогія огня и желѣза служить для его нагляднаго поясненія ¹⁾. „Соединившійся съ Господомъ не есть только духовный или святой, но одинъ духъ съ Господомъ. Онъ срастворился съ Божествомъ (*ἀνεκράθη*) и сталъ едино съ Богомъ“ ²⁾. Въ сознаніи Макарія Египетскаго единеніе души съ Богомъ сближается съ воплощеніемъ. „Преображаясь по снисхожденію и чловѣколюбію, Богъ плототворить Себя (*σωματοποιεῖ εἶναι*), входитъ въ единеніе (*ἀναμίχεται*), воспринимаетъ святая души и, по изреченію Павла, бываетъ съ ними одинъ духъ“ ³⁾. Когда Духъ Св. нисходитъ на чловѣка и соединяется съ нимъ столь тѣсно, послѣдній становится богоноснымъ или духоноснымъ, и его природѣ передаются божественныя свойства. Силою Духа Св. онъ творить знаменія ⁴⁾, его умъ, сверхъестественно обновленный, видитъ видѣнія, получаетъ откровенія, въ себѣ самомъ созерцаетъ свѣтъ Божества. Самъ Духъ творить въ немъ заповѣди

inprimis ex ipsorum effatis recens editis illustratur, particulae I et II. Gottingae 1835. 1838.

¹⁾ *Cyrillus Alexandr.* De adorat. in spir. et verit. Lib. III, *Migne*, Ser. gr. 68, col. 297. Рус. пер. I, 173. *Macarius Aegypt.* Hom. IV, 14. *Migne*, Ser. gr. 34. Рус. пер. изд. 2, стр. 30—31.

²⁾ *Amphilochius Iconien.* Fragm. Adv. haeret. Изд. *G. Ficker*, Amphiloichiana. Th. I. Leipzig, 1906, S. 39.

³⁾ *Macarius Aegypt.* Hom. IV, 9—10. Ср. De elevat. ment. 6. Рус. пер. стр. 27—28, 1406.

⁴⁾ *Ibid.* Hom. L, 1. Рус. пер. стр. 314; Hom. XXX, 6. Рус. пер. стр. 233.

Господни. Нравственное настроеніе человѣка становится чисто какъ кристалль, и это достигается безъ усилій съ его стороны. Радость, отблескъ божественнаго блаженства, наполняетъ его сердце. Но окончательнаго прославленія искупленные достигнуть только послѣ всеобщаго воскресенія. Христось одождитъ Духа Св. на рассыпавшіяся въ прахъ кости, и Духъ сообщитъ этимъ останкамъ безсмертіе собственной природы. По воскресеніи жизнь тѣла окончательно выступитъ изъ сферы физическаго и будетъ сохраняема непосредственно силою Духа Св. Въ настоящее время для поддержанія жизни тѣло нуждается въ пищѣ, жилищѣ, одеждѣ, тогда всѣ эти нужды будутъ удовлетворяться дѣйствиємъ Духа Св., проникающаго тѣло и сообщающаго ему неѣлннѣ, безсмертіе и прославленный, свѣтоносный видъ ¹⁾.

Б. Вотъ сущность надеждъ, увлекавшихъ сердца широкихъ массъ населенія восточной половины христіанскаго міра. Вѣяніе этихъ чаяній, этихъ страстныхъ порывовъ къ безсмертію и божественной славы чувствуется на всемъ протяженіи догматическихъ споровъ и оказываетъ могучее вліяніе на развитіе вѣроученія. Если воплощеніе Сына Божія было моментомъ соединенія Божества и человѣчества, и если личность Искупителя была каналомъ, чрезъ который божественныя силы нисходятъ къ роду человѣческому, а человѣкъ восходитъ къ Богу, то въ ней необходимо допустить, во-первыхъ, наличность божественной и человѣческой природы, а во-вторыхъ, самое тѣсное соединеніе той и другой. И мы дѣйствительно видимъ, что именно съ точки зрѣнія идеи обоженія христіанскіе писатели ведутъ

¹⁾ Матеріалы, на основаніи которыхъ изложенъ отдѣлъ о физическомъ преобразованіи человѣческой природы дѣйствиємъ Духа Св., см. въ нашихъ брошюрахъ: „Религіозный идеалъ св. Аѳанасія Александрійскаго“. Сергіевъ посадъ, 1904, стр. 48—60, 74—94. „Мистическое оправданіе аскетизма въ твореніяхъ преп. Макарія Египетскаго. Сергіевъ посадъ, 1905, стр. 25—60. *Ed. Weigl. Die Heilslehre des hl. Cyrill von Alexandrien. Mainz, 1905, S. 196—201, 296—300, 328 и др.*

полемику противъ ученій, отклоняющихся отъ этого требованія.

Въ древней церкви такъ называемые эвѣониты видѣли во Христѣ простаго человѣка, родившагося отъ Иосифа и Маріи и превосходящаго другихъ только мудростью и справедливостью ¹⁾. Св. Иринеи горячо оспариваетъ это ученіе. Если Христосъ не Богъ, то принципъ безсмертія не проникъ въ нашу тлѣнную природу, и мы попрежнему остаемся смертными. „Какимъ образомъ,—воскликаетъ онъ,—человѣкъ перейдетъ въ Бога, если Богъ не перешелъ въ человѣка“? „Ибо мы никакъ не могли бы получить нетлѣнія и безсмертія, если бы не были соединены съ нетлѣніемъ и безсмертіемъ“ ²⁾.

Въ IV в. аріанство самымъ существеннымъ образомъ затрогивало религиозныя чаянія, связанныя съ идеей обоженія. Если во Христѣ воплотилось ангелоподобное существо, созданное Богомъ изъ ничего, то какимъ образомъ человѣкъ станетъ причастенъ субстанціальной жизни? Его физическаго соединенія съ Богомъ все еще не послѣдовало, и ядовитое начало смертности остается безъ измѣненія въ его тѣлѣ. На этомъ основана вся политика Аѳанасія Великаго противъ аріанъ. Ея доминирующій мотивъ — „если бы Слово, будучи тварью, сдѣлалось человѣкомъ, то человѣкъ все еще оставался бы тѣмъ, чѣмъ былъ, не соединившись съ Богомъ“ ³⁾, „не обожился бы человѣкъ, сочетавшись съ тварью“ ⁴⁾, потому что „тварь не могла бы соединить прочихъ тварей съ Богомъ, сама нуждаясь въ соединяющемъ“ ⁵⁾,

Но если съ точки зрѣнія религиозныхъ упованій необходимо было признать въ лицѣ Иисуса Христа воплощеніе Бога, то

¹⁾ *Irenaeus*, *Contra haereses*. I, 26, 1—2. *Migne*, Ser. gr. T. 7. Ср. рус. перев. свящ. Преображенскаго.

²⁾ *Ibid.* IV, 33, 4; III, 19, 1—2.

³⁾ *Athanasius Alexandr.* *Contra arian.* II, 67. *Migne*, ser. gr. T. 26, col. 289. Рус. пер. II, 350.

⁴⁾ *Ibid.* II, 70, *Migne*. 26, col. 296. Рус. пер. II, 353.

⁵⁾ *Ibid.* II, 69, *M.* 26, с. 293. Рус. пер. II, 352, ср. II, 41. *M.* 26, с. 233. ус. пер. II, 315.

не менѣе послѣдовательно было настаивать и на Его чело-
вѣческой природѣ. При отрицаніи реальности послѣдней
также выпадало звено, соединяющее Бога съ человѣкомъ.
Между тѣмъ для многихъ, проникнутыхъ восточнымъ или
платоническимъ презрѣніемъ къ матеріи, идея воплощенія
казалась соблазнительной и недостойной Бога. Эти люди
утверждали, что Сынъ Божій носилъ лишь видимость тѣла,
или же скрылъ Себя подъ оболочкой, сотканной изъ пнев-
матической субстанціи. Такъ отрицалась Его реальная связь
съ человѣкомъ, а слѣдовательно и возможность спасенія.
На это именно и указывали Игнатій Богоносецъ и св. Ири-
ней. На своемъ крестномъ пути въ Римъ Игнатій писалъ
малоазійскимъ церквамъ: „если Христось страдалъ при-
зрачно, то зачѣмъ я въ узахъ? Зачѣмъ я молюсь о томъ,
чтобы могъ бороться со звѣрjami? Значить я напрасно умираю“¹⁾. „Если Господь принялъ плоть изъ другой сущно-
сти, говорить Ириней, то не примиренъ съ Богомъ чело-
вѣкъ“²⁾.

Аполлинарій Лаодикійскій, какъ ему казалось, по очень
вѣскимъ рациональнымъ соображеніемъ полагалъ, что Сынъ
Божій воспринялъ только тѣло и душу человѣка, но не
умъ—источникъ самосознанія и самоопредѣленія. Насколько
эта догматическая теорія о неполной челоуѣческой природѣ
Искупителя противорѣчила сотеріологіи и религіознымъ
чаяніямъ, это легко видѣть изъ полемики противъ нея Гри-
горія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Севера Антіо-
хійскаго. Исходною точкой для ихъ критики аполлинаріан-
ства служила сотеріологическая аксіома: „что не воспри-
нято, то и не спасено“³⁾. Если не весь челоуѣкъ соеди-
нился съ Божествомъ, возражали Аполлинарію церковные
писатели, то та часть, которая оказалась внѣ воздѣйствія
Божества, не получила исцѣленія и обновленія. А между

1) *Ignatius Antiochen.* Ad Trall. X; ad. Smirn. IV. *Lighthoot*, The Apostolic Fathers, Part. II, vol. II p. 175—176. 299—300.

2) *Irenaeus*, Contra heresies. V, 14,3.

3) *Cyrillus Alexandr.* In. Iohan. Lib. VII. *Migne*, ser. gr. T. 74, col. 89.

тѣмъ умъ, иниціаторъ грѣха и руководитель челоуѣка, въ особенности нуждается въ обновленіи ¹⁾.

Съ той же точки зрѣнія необходимо было признать въ лицѣ Искупителя самое тѣсное и нерасторжимое соединеніе двухъ природъ, такъ какъ только при этомъ предположеніи можно было говорить о передачѣ божественныхъ свойствъ челоуѣческой природѣ. Вотъ почему ученіе Несторія о нравственномъ соединеніи Сына Божія съ челоуѣкомъ Иисусомъ встрѣтило такое единодушное осужденіе со стороны церкви.

Вліяніе идеи обоженія не ограничивается догматами, стоящими въ прямой связи съ личностью Искупителя, но идетъ гораздо далѣе. Вотъ нѣсколько фактовъ.

Спасеніе создается Духомъ Святымъ. Именно черезъ Него Богъ дѣйствуетъ въ спасаемыхъ. Но если Духъ Св. не Богъ по природѣ, то Онъ не можетъ возвысить челоуѣка надъ границами твари. Эта невозможность и выдвигается въ полемикѣ съ духоборцами Аѳанасіемъ Александрійскимъ, Василиемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ. „Не вѣрю,—говоритъ послѣдній,—не вѣрю въ возможность спастись чрезъ равночестнаго мнѣ. [Если Духъ Св. не Богъ, то пусть прежде самъ сдѣлается Богомъ, а потомъ уже обожить меня“ ²⁾. „Если чрезъ пріобщеніе Духа мы дѣлаемся причастниками Божія естества, то безуменъ тотъ, кто утверждаетъ, что Духъ естества тварнаго, а не Бо-

¹⁾ *Gregorius Theologus. Ad Cled. I, Migne, Ser. gr. I. 37 col. 184 A. Рус. пер. Ч. IV, стр. 162. Ibid. col. 188 B. Рус. пер. Ч. IV, 164—165. Devita sua 610—630 Migne, 37 col. 1071—1072. Рус. пер. Ч. VI, 22—23. То же говоритъ Кириллъ Александрійскій, исходя изъ принципа: „что не воспринято, то и не спасено“. Тексты собраны въ сочиненіяхъ: *Weigl. Die Heilslehre des hl. Cyrillus von Alexandrien. Mainz. 1905, 3. 104—105. Rehrmann. Die Christologie des hl. Cyrillus von Alexandrien. Hildeshaim, 1905. S. 35. Sqq.* Ту же мысль высказываютъ послѣдователи Севера Антиохійскаго. См. *Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor hrsg. v. K. Ahrens. Leipzig 1889 S. 192.**

²⁾ *Gregorius Theologus. Orat. 34,12 Migne. Ser. gr. T. 36. col. 252. Рус. пер. ч. III, стр. 157.*

жія. Даже тѣ, въ комъ пребываетъ Духъ, обожаются Духомъ. А если Духъ творить богами, то нѣтъ сомнѣнія, что природа Его есть природа Бога¹⁾).

Ученіе объ евхаристіи у многихъ церковныхъ писателей носитъ на себѣ печать уже раскрытыхъ сотеріологическихъ идей. Черезъ это таинство божественный принципъ безсмертія вводится въ организмъ человѣка. Плоть Христа была тѣломъ Самой Жизни. Она стала носителемъ силъ, которыми все оживляется и сохраняется въ бытіи. Христосъ прикасался къ мертвымъ и черезъ Свое тѣло передавалъ жизнь уже умершимъ. Если черезъ одно прикосновеніе обоженной плоти мертвое оживало, то тѣмъ дѣйствительнѣе причащеніе животворящей евхаристіи, усвояемой всѣмъ нашимъ тѣломъ. Она преобразитъ, говоритъ Кириллъ Александрійскій, въ свое качество, т. е. въ безсмертіе, тѣхъ, кто дѣлается ея причастникомъ черезъ вкушеніе. Вода, подогрѣваемая въ котлѣ, воспринимаетъ свойства огня. Точно также, путемъ смѣшенія съ истинною Жизнію теряемъ и мы свою естественную слабость и претворяемся въ Жизнь²⁾. Григорій Нисскій сравниваетъ принципъ тлѣнія, овладѣвшій физической природой человѣка послѣ грѣхопаденія первыхъ людей, съ ядовитымъ началомъ, проникшимъ въ тѣло, разрушительное дѣйствіе котораго можетъ быть остановлено лишь противоядіемъ, также введеннымъ въ организмъ. Такимъ противоядіемъ служитъ евхаристія. „Тѣло, преданное на смерть Богомъ, входя въ наше тѣло, цѣлое претворяетъ и обращаетъ въ себя. Какъ вслѣдствіе примѣси тлѣтворнаго къ здоровому все смѣшеніе стало ни къ чему негоднымъ, такъ и безсмертное тѣло, когда бываетъ въ принявшемъ его, все претворяетъ въ свое естество... Поэтому необходимо возможнымъ для естества спо-

1) *Athanasius Alexandr.* Ad. Serap. I, 24. *Migne*, Ser. gr. 26. Col 585—588. Рус. пер. III, 36. *Basilius Magnus.* Adversus Eunom. III, 5. *Migne*, ser. gr. 29, col. 665. Рус. пер. III, 113.

2) *Cyrillus Alexandr.* In Ioan. Evang. Lib. IV, c. 2. *Migne*, Ser. gr. T. 73, col. 577—580. Рус. пер. т. 13, стр. 50—52.

собомъ (т.-е. путемъ вкушенія) принимать въ себя животворящую силу Духа“¹⁾.

Начиная съ IV в. въ ученіи о Дѣвѣ Маріи становится все болѣе и болѣе замѣтно воздѣйствіе того круга понятій, которыя сводятся къ идеѣ обоженія. Источникомъ всѣхъ преимуществъ и прославленія Богоматери служитъ совершенно исключительная физическая близость ея къ Сыну Божию: она носила Его въ себѣ, была Его храмомъ, престоломъ, она питала Его и держала въ своихъ объятіяхъ. Вслѣдствіе этого мысль объ ея грѣховности или тлѣнности ея тѣла является совершенно недопустимой и противорѣчитъ всѣмъ требованіямъ религіознаго чувства. Какъ обитаніе Божества въ лицѣ Искупителя было причиной безгрѣшности и бессмертія Его человѣчества, такъ пребываніе Бога въ утробѣ Дѣвы во время ея чревоношенія очистило ее отъ грѣха и сохранило нетлѣнными ея дѣвство въ самомъ рожденіи и ея тѣло въ самой смерти. Носившая въ себѣ Жизнь не могла видѣть ислѣнія. „Съ появленіемъ солнца просвѣтляется и глазъ, сверкаетъ при свѣтѣ его. И Марія подобна оку. Вселился въ нее свѣтъ, омылъ ея умъ, чистыми сдѣлалъ ея помыслы, уцѣломудрилъ попеченія, освятилъ дѣвство ея“²⁾. „Какимъ образомъ, восклицаетъ Іоаннъ Дамаскинъ въ своей бесѣдѣ на успеніе Божіей Матери,—смерть поглотила бы... исполненную дѣйственности Духа Св., родившую безъ болѣзней, всецѣло соединившуюся съ Богомъ?.. Какимъ образомъ тлѣніе овладѣло бы тѣломъ, которымъ была воспринята Жизнь? Это несообразно и совершенно чуждо богоносной душѣ и тѣлу“³⁾. Но и въ этомъ пунктѣ крайніе монофизиты не остановились предъ

1) *Gregorius Nyssenus*. Oratio Catechet. magna c. 37. *Migne Ser. gr. T. 45*, col. 93, BC. Рус. пер. т. IV, стр. 96—97. Ср. *Irenaeus*, Contra haereses, IV, 18, 5; V, 2, 2—3. *Cyrillus Alexandr.* in Ioan. Evang. Lib. IV, c. 2. *Migne*, ser. gr. T. 73., col. 565. Рус. пер. т. 13, стр. 40.

2) *Ефремъ Сиринъ*. Марія и Ева, 2. Рус. перев. изд. моск. дух. акад. ч. V, стр. 284—285. Слово 40-е на еретиковъ. Рус. пер. ч. II, 282, 286—287.

3) *Joannes Damascenus*, Homil. 2 In dormit. B. V. Mariae. 2—3. *Migne*, Ser. gr. T. 96, col. 725—728.

выводомъ, который вытекалъ изъ основного положенія ученія объ обоженіи. Если нетлѣніе есть слѣдствіе физическаго соединенія человѣка съ Богомъ, то Дѣвѣ Маріи, думали они, необходимо приписать нетлѣніе тѣла съ самаго момента зачатія въ ея утробѣ Богочеловѣка. Леонтій Византійскій, который сообщаетъ намъ объ этомъ интересномъ фактѣ, возражаетъ послѣдователямъ Юліана, что самое рожденіе, несомнѣстимое съ понятіемъ нетлѣнія, опровергаетъ ученіе о безсмертіи, сообщенномъ Богоматери съ момента вселенія въ нее Слова Божія ¹⁾. Крайніе выводы, сдѣланные монофизитами изъ идеи обоженія, которые мы отмѣчали и ранѣе, повидимому и нанесли смертельный ударъ ея реалистическому пониманію. Термины *κράσις* и *μίξις*, употреблявшіеся ранѣе авторитетными церковными писателями, а теперь скомпрометтированные еретиками, были осуждены четвертымъ вселенскимъ соборомъ и вышли изъ употребленія. „Во Христѣ, пишетъ Іоаннъ Дамаскинъ, формулируя окончательный результатъ эристологическихъ споровъ, соединены два совершенныя естества—божеское и человѣческое—не чрезъ смѣшеніе или сляніе, или сраствореніе, или претвореніе“ ²⁾. Самое ученіе объ обоженіи подвергается ограниченіямъ, которыя стояли еще внѣ кругозора церковныхъ писателей IV вѣка. Этимъ обстоятельствомъ въ церковномъ сознаніи на первый планъ выдвигалось идеалистическое пониманіе идеи обоженія, къ которому мы теперь и переходимъ.

II.

Идеалистическая форма идеи обоженія.

Въ наиболѣе чистомъ видѣ идеалистическая форма идеи обоженія отразилась въ сочиненіяхъ, приписанныхъ Діонисию

¹⁾ *Leontius Byzantin.* Migne, Ser. gr. T. 86, 2, col. 1325 D. Ср. *Ioh. Junglas.* *Leontius von Byzanz.* Studien zu seinen, Schriften, Quellen und Anschauungen. Paderbon. 1908. S. 102—103.

²⁾ *Іоаннъ Дамаскинъ.* Точное изложеніе православной вѣры. Москва, 1844 стр. 143.

сію Ареопагиту. Въ нихъ вовсе не содержитсяъ элементовъ, характеризующихъ первое направленіе. Въ твореніяхъ Григорія Богослова и Григорія Нисскаго также преобладаетъ идеалистическій элементъ, но въ нихъ встрѣчаются и реалистическія формулы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ обоженіи челоуѣчества Христа и всеобщемъ воскресеніи.

Въ основѣ идеалистической формы идеи обоженія лежитъ философское понятіе о Богѣ, сложившееся подъ воздѣйствіемъ неоплатонической философіи. Поэтому свою характеристику мы должны начать именно съ этого пункта. Нѣтъ надобности доказывать при этомъ вліяніе неоплатонизма параллелями. Для читателя, знакомаго съ позднѣйшими системами, построенными на принципахъ платоновской философіи, это будетъ ясно изъ самаго изложенія. Здѣсь необходимо сдѣлать лишь одну оговорку. Христіанское понятіе о Богѣ, свойственное перечисленнымъ писателямъ и особенно Псевдо-Діонисію, вся система котораго опредѣляется ученіемъ Прокла, не исчерпывается тѣми философскими элементами, которые единственно мы и намѣрены отмѣтить. При всемъ сближеніи христіанскихъ писателей съ неоплатонизмомъ, ихъ ученіе о Богѣ никогда не отождествлялось съ неоплатоническимъ и не утрачивало своего специфически-христіанскаго характера. Для неоплатониковъ Богъ—это физическая сила, безсознательная въ своей внутренней жизни и не свободная во внѣшнемъ самораскрытіи. Онъ не вступаетъ въ нравственные и личныя отношенія съ челоуѣкомъ, Его промысль въ мірѣ—только законосообразная связь причинъ и слѣдствій. Молитвы челоуѣка не восходятъ къ Нему и, если исполняются, то лишь благодаря симпатіи частей вселенной, отвѣчающихъ предопредѣленнымъ въ ея механизмѣ отзвукомъ на сознательныя измѣненія въ челоуѣческомъ духѣ. Въ христіанской литературѣ Богъ—всегда нравственная, свободная и сознательная личность, въ безмѣрной любви нисходящая къ нуждамъ и страданіямъ челоуѣческаго ничтожества. Но

для выясненія смысла идеи обоженія намъ необходима именно неоплатоническая оправа этого понятія; поэтому въ дальнѣйшихъ строкахъ мы ея только и коснемся.

Богъ по Своему существу непостижимъ. Онъ не есть ни тѣло, ни образъ, ни видъ, ни количество или качество. Онъ выше сущности, бытія, блага, красоты, разума ¹⁾. „Онъ превосходитъ всякое свойство, движеніе, жизнь, воображеніе, мнѣніе, имя, слово, размысленіе, разумъ, сущность, основаніе, единеніе, границы, безграничность и все сущее“ ²⁾. Поэтому можно съ достовѣрностью сказать, что не есть Богъ, но всякая положительная квалификація имѣетъ символическій характеръ и составляетъ тѣнь и слабый отблескъ дѣйствительности ³⁾.

Но отдаленный отъ міра и сокровенный въ Своей сущности Богъ есть все же Творецъ вселенной и цѣль всеобщихъ стремленій.

Какъ Творецъ, Онъ всему сообщаетъ Себя Самого, на всемъ отпечатлѣвая Свой идеи, предопредѣленія, образы. Изъ Него, какъ изъ центра, на всю природу струятся божественныя силы: бытіе, благо, жизнь, красота, сознаніе, единство. Онѣ вызываютъ вещи къ бытію и сообщаютъ имъ качественную опредѣленность. Божество разлито во всемъ мірѣ. „Богъ въ духахъ, душахъ и тѣлахъ, на небѣ и на землѣ, вездѣ и во всемъ тотъ же. Онъ въ мірѣ, вокругъ міра, надъ міромъ. Онъ выше небесъ и всего существующаго. Онъ — солнце, звѣзда, огонь, вода, дыханіе вѣтра, роса, облако, камень, скала — все сущее и ничего изъ существующаго“ ⁴⁾. Онъ живетъ и дѣйствуетъ въ качественной опредѣленности міра. Отсюда все полно Божества, все причастно Ему, даже демоны, ибо и они существуютъ, живутъ, мыслятъ ⁵⁾, даже небытіе, ибо и оно становится пре-

¹⁾ *Dionysius Areopagita*. De divin. nom. I, 1. *Migne*. Ser. gr. III, col. 585—588.

²⁾ *Ibid.* De div. nom. I, 5. *M.* col. 593. De Myst. theol. C. IV. *M.* col. 1040.

³⁾ *Ibid.* De div. nom. XIII, 3. *M.* col. 981.

⁴⁾ *Ibid.* De div. nom. I, 6. *M.* col. 596.

⁵⁾ *Ibid.* De div. nom. IV, 23. *M.* col. 725 B.

краснымъ и благимъ, если, какъ отрицаніе всего чувственнаго, мыслится въ Богъ ¹⁾. Но не все въ одинаковой степени носить въ себѣ Бога. Чѣмъ совершеннѣе, сложнѣе, богаче содержаніемъ созданіе, тѣмъ полнѣе отражаетъ оно въ себѣ Творца. Неорганическая природа только существуетъ, растеніе уже и живетъ, животное не только живетъ, но и чувствуетъ, человѣкъ сверхъ того имѣетъ разумъ—вотъ лѣстница существъ по степени ихъ приближенія къ Богу.

Такъ какъ всякое бытіе, благо, красота, жизнь происходятъ отъ Бога, то все, что стремится сохранить или умножить эти блага, въ сущности стремится къ Богу. Богъ есть цѣль всеобщихъ стремленій. Камень, сопротивляясь ударамъ молота, охраняетъ свое бытіе—отпечатокъ Божества,—и въ этомъ выражается его стремленіе къ Богу. Растеніе борется не только за бытіе, но и за жизнь, животное обращено къ Первопричинѣ всего своей способностью чувствовать, а человѣкъ стремится къ Богу волей и познаніемъ. Изъ этого всеобщаго стремленія къ Источнику бытія возникаетъ гармонія вселенной. Каждая часть твари и въ себѣ самой, и въ другихъ созданіяхъ любитъ только отображеніе Бога, и это связываетъ всю вселенную узами взаимнаго влеченія. Видимое солнце—символь Бога. Наша пища, одежда, топливо, самое наше тѣло есть трансформация солнечнаго луча, и къ этому источнику силъ въ любви и радости тянется все живое и чувствующее ²⁾.

Такимъ образомъ жизнь міра движется по кругу: силы Божія, изливаясь изъ Его простаго существа, дробятся, какъ лучъ свѣта въ граненомъ хрусталѣ, и по мѣрѣ удаленія отъ своего источника ослабѣваютъ въ интенсивности, а образовавшаяся такимъ образомъ множественность въ своемъ стремленіи къ Богу снова разрѣшается въ единство.

Въ чемъ заключается характерная черта изложеннаго уче-

¹⁾ Ibid. De div. nom. IV, 7. M. col. 704 B.

²⁾ Ibid. De div. nom. V, 3. M. col. 817.

³⁾ Ibid. De div. nom. IV, 4. M. col. 700; I, 5. col. 593; IV, 10, col. 708.

нія о Богѣ, и въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ содержанію священнаго писанія?

Если для выясненія этого вопроса мы возьмемъ исходной точкой обыденныя отношенія между людьми, связанными дружбой или любовью, то безъ труда убѣдимся, что въ любимомъ насъ влекутъ къ себѣ или его физическія совершенства—талантъ, умъ, сила, красота, или нравственная высота характера. Въ отношеніи вѣрующей души къ Богу можетъ доминировать та или другая сторона. Библия говоритъ и объ онтологическихъ совершенствахъ Бога, какъ Творца и Промыслителя, и объ Его нравственныхъ отношеніяхъ къ избранному народу; но религіозное чувство пророковъ питалось главнымъ образомъ представленіями второго порядка. „Когда Израиль былъ юнъ,—читаемъ въ кн. прор. Осіи,—Я любилъ его и изъ Египта вызвалъ сына моего... Я самъ приучалъ Ефрема ходить. Я носилъ его на рукахъ Своихъ, а они не сознавали, что Я врачевалъ ихъ. Узами человѣческими Я влекъ ихъ, узами любви, и былъ для нихъ какъ бы поднимающимъ ярмо съ челюстей ихъ и ласково подкладывалъ пишу имъ. Но народъ Мой закоснѣлъ въ отпаденіи отъ Меня... Какъ поступлю съ тобою, Ефремъ? Повернулось во Мнѣ все сердце Мое, возгорѣлась вся жалость Моя! Не сдѣлаю по ярости гнѣва Моего, не истреблю Ефрема, ибо Я Богъ, а не человѣкъ“ (X, 1—9). Въ этихъ словахъ, воспроизводящихъ основной тонъ пророческихъ писаній, мы вращаемся въ сферѣ чисто нравственныхъ отношеній и понятій. Богъ—это Отецъ, нѣжный воспитатель, Богъ ревнитель и милостивый Судія. Далѣе—и это очень важно—всѣ эти представленія непосредственно находятъ отзвукъ въ вѣрующемъ сердцѣ. Совсѣмъ иной духъ вѣдетъ въ изложенномъ нами ученіи Ареопагита о Богѣ. Оно выдвигаетъ на первый планъ идею творческаго отношенія Бога къ міру. Его понятіе о Богѣ слагается исключительно изъ онтологическихъ категорій. Богъ есть бытіе, красота, жизнь, единство, подобіе, равенство, движеніе. Религіозные порывы человѣка онъ ставитъ въ одинъ рядъ съ сопротивле-

ниемъ камня ударамъ молота, съ цѣпкостью жизни въ растеніяхъ, съ инстинктомъ самосохраненія животныхъ, какъ явленіе того же порядка. Среди именъ Божіихъ, объясненію которыхъ авторъ посвящаетъ специальное сочиненіе, есть только два, за которыми съ перваго взгляда можно признать моральный характеръ — справедливость и миръ, — но ближайшій анализъ именно этихъ понятій особенно наглядно показываетъ, насколько Ареопагитъ склоненъ обращать нравственное въ космическое. Богъ справедливъ, потому что, сохраняя несмѣшаннымъ все индивидуальное, подаетъ каждому виду бытія равномѣрность, красоту, симметрію, распредѣляя ихъ соотвѣтственно достоинству недѣлимаго и его мѣсту въ природѣ ¹⁾. Богъ—миръ, потому что Онъ есть источникъ гармоніи и порядка вселенной. Онъ влагаетъ каждому недѣлимому стремленіе къ самосохраненію, т. е. къ миру съ самимъ собой. Онъ все связуетъ цѣпью причинъ, чтобы природа не расплывалась въ безграничномъ и неопредѣленномъ. Какъ миръ, Богъ вложилъ въ нашъ умъ способность обобщать единичныя представленія и составлять изъ нихъ общія понятія ²⁾. Все это имѣетъ такъ мало этического содержанія, что употреблять слово миръ въ этомъ смыслѣ значить вмѣсто прямой рѣчи пользоваться метафорой. Итакъ, понятіе о Богѣ, съ которымъ мы встрѣчаемся въ сочиненіяхъ Псевдо-Діонисія, отличается космическимъ характеромъ и преобладаніемъ въ немъ онтологическихъ атрибутовъ Божества, а это въ значительной степени предопредѣляетъ свойства религіозности, связанной съ нимъ. Къ выясненію этой послѣдней мы теперь и переходимъ.

Для христіанскихъ писателей той группы, которая въ настоящее время насъ интересуетъ, такъ же, какъ и для писателей, болѣе далекихъ отъ философскихъ вліяній, спасеніе состоитъ въ обоженіи. Не менѣе послѣднихъ жаждали они участія въ божественной жизни и тяготились грани-

¹⁾ Ibid. De div. nom. VIII, 7. M. col. 893, 896.

²⁾ Ibid. De div. nom. XI, 1—3. M. col. 948, 949, 952.

цами, въ которыя ставить человѣка естественный порядокъ вещей. Такъ же, какъ и богословы реалистическаго образа мыслей, они возлагали всѣ упованія на благодать Божію, побѣждающую и пересоздающую естественное, и надѣялись достигнуть конечной цѣли и назначенія человѣка только путемъ единенія съ Богомъ. Но именно съ этого пункта начинается расхожденіе двухъ теченій. Для реалистическаго направленія участіе въ божественной жизни есть слѣдствіе проникновенія души и тѣла божественными силами Духа Св., которое мыслилось по схемѣ стоическаго смѣшенія тѣлъ. Для богослововъ идеалистическаго направленія точкой физическаго соприкосновенія человѣческой природы съ Божествомъ служить умъ, который, будучи обоженъ общеніемъ съ Богомъ, передаетъ обоженіе и тѣлу, находящемуся въ его обладаніи. Но параллелизмъ между воплощеніемъ Сына Божія и обоженіемъ искупленныхъ сохраняется и здѣсь. Первый ясно формулировалъ эту мысль Оригенъ. Богъ и плоть — слишкомъ различны по своей сущности, поэтому божественной природѣ было бы невозможно соединиться съ тѣломъ безъ всякаго посредства. Такимъ посредствующимъ началомъ между ними служила человѣческая душа Христа, съ которою предварительно и вступаетъ въ ипостасное единеніе Божественный Логосъ. Для души, какъ средней субстанции, не было естествененно облечься въ тѣло, съ другой стороны для нея, какъ субстанции разумной, не было естествененно воспринять Бога. Созданная отъ вѣка вмѣстѣ съ прочими духами, душа Христа въ противоположность прочимъ душамъ, въ большей или меньшей степени отпавшимъ отъ Бога, пламенѣла неизмѣнно любовью къ Творцу и своей любовью „неотдѣлимо и неразлучно пребывала въ Немъ, какъ въ истинѣ и вѣчномъ свѣтѣ, и, всѣмъ существомъ своимъ воспринимая всего Сына Божія и, входя въ свѣтъ и сіяніе Его, сдѣлалась однимъ духомъ съ Нимъ“¹⁾. Ученіе Оригена

¹⁾ *Origenes. De principiis*, II, 6, 3. Рус. пер. изд. казан. дух. акад. выпускъ I, стр. 129—130.

съ устраненіемъ лишь идеи предсуществованія душъ приняла въ свои богословскія системы Григорій Богословъ и Григорій Нисскій и сдѣлали это тѣмъ охотнѣе, что оно могло служить очень вѣскимъ философскимъ аргументомъ противъ Аполлинарія, отрицавшаго наличность человѣческаго ума въ лицѣ Иисуса Христа. „Богъ несоединимъ съ плотью,—пишетъ Григорій Богословъ,—а душа и умъ суть нѣчто посредствующее, потому что съ одной стороны они живутъ вмѣстѣ съ плотью, съ другой—созданы по образу Божію. Поэтому Божіе естество, соединяясь съ сроднымъ Себѣ, чрезъ это сродное вступило въ общеніе съ грубостью плоти“ ¹⁾. Точно также и человѣкъ обожается при посредствѣ ума. Умъ подобенъ зеркалу. Если онъ обращенъ къ Богу и отражаетъ въ себѣ Его красоту, то и тѣло—это зеркало зеркала,—подчиняясь уму, носитъ на себѣ отблескъ его божественной красоты ²⁾. „Я буду богомъ,—говоритъ Григорій Богословъ,—когда душа вступитъ въ единеніе съ Божествомъ“ ³⁾. „Задача души въ томъ, чтобы и худшее въ человѣческой природѣ постепенно утончать, привлекать къ себѣ и возводить горѣ. Ставъ руководительницей для служебнаго вещества и обративъ его въ сослужителя Богу, душа должна быть для тѣла тѣмъ же, чѣмъ Богъ для души“ ⁴⁾. Съ теченіемъ времени это ученіе стало господствующимъ и вошло въ точное изложеніе православной вѣры Іоанна Дамаскина, который въ этомъ сочиненіи подвелъ итоги развитію вѣроученія въ патристическій періодъ.

¹⁾ *Gregorius Theologus. Carmina, Poem. dogm. Sec. I, 10, 59—60, Migne, Ser. gr. T. 37 col. 469. Рус. пер. ч. V, стр. 42.*

²⁾ *Gregorius Nysenus. De homin. Opi 7. XII. Migne, ser. gr. T. 44, col. 161 C. Рус. пер. ч. I, стр. 117—119.*

³⁾ *Gregorius Theologus. Carmina. Poem. de seipso. Sec. I, 54, 17—18. Migne, ser. gr. T. 37 col. 1399. Рус. пер. ч. V, стр. 26.*

⁴⁾ *Ibid. Orat. II, 17. Migne, ser. gr. T. 35, col. 428. Рус. пер. ч. I, стр. 21.* Та-же мысль встрѣчается у Прокла: „всякое тѣло обожается чрезъ обоженную душу, всякая душа черезъ божественный умъ, всякій умъ чрезъ причастіе божественной энады“. См. *H. Koch, Pseudo-Dionysius Areopagita in seinen Beziehungen zum Neuplatonismus und Mysterienwesen. Mainz, 1900, S. 191.*

„Богъ вселяется чрезъ умъ въ тѣла святыхъ“, пишетъ онъ ¹⁾).

Если Божество входитъ въ общеніе съ человѣческой природой чрезъ посредство ума, а умъ есть носитель свободы, органъ познанія и руководитель чувства, то этимъ самымъ выдвигается элементъ самодѣятельности души, идущей навстрѣчу божественной любви, которая нисходитъ къ человѣку. Для христіанскихъ мыслителей идеалистическаго направленія обоженіе есть во-первыхъ, нравственное единеніе съ Богомъ, уподобленіе Его свойствамъ, во-вторыхъ, единеніе интеллектуальное, то внутреннее единство, которое устанавливается между познающимъ субъектомъ и познаваемой истиной, въ-третьихъ, сліянiе двухъ недѣлимыхъ въ чувствѣ взаимной любви, когда ледяная перегородка, раздѣляющая два самосознающихъ атома, таетъ, и двѣ личности, какъ шарики ртути, коснувшись другъ друга, соединяются какъ бы въ одно существо. Человѣка соединяетъ съ Богомъ богоподобіе нравственно измѣненной личности, экстазъ ума и экстазъ любви.

А. „Кто въ жизни своей уподобляется отличительнымъ чертамъ Божьей природы, тотъ самъ нѣкоторымъ образомъ дѣлается тѣмъ же, съ кѣмъ обнаружилъ сходство точнымъ уподобленіемъ“ ²⁾): вотъ основная мысль нравственнаго элемента въ идеѣ обоженія. Очень часто въ эту форму облакается самый обыкновенный призывъ къ христіанской жизни. Въ 373 году послѣ какихъ-то народныхъ волненій жители Назіанза въ страхѣ ожидали жестокой расправы со страны властей. По этому поводу Григорій Богословъ обратился къ градоначальнику со словами: „въ человѣкѣ всего болѣе божественно то, что онъ можетъ благотворить. Ты можешь стать богомъ, ничѣмъ не жертвуя изъ своего имущества, а только оказавъ милость и

¹⁾ *Ioannes Damascenus*. De fide orthod. Lib. IV, 15. *Migne*, Ser. gr. T. 94 col. 1164 D.

²⁾ *Gregorius Nyssenens*. Di orat. dom. V. *Migne*, ser. gr. I. 44, col. 1177 B. Рус. пер. Ч. I, стр. 451.

прошеніе: не пропускай случая къ обоженію“ ¹⁾. Человѣкъ, проникнутый смиреніемъ, „уподобляясь Богу, самъ облекается въ Его блаженный образъ“ ²⁾. „Кто освободился отъ страстей, тотъ сталъ выше человѣка и претворился по естеству въ божественное“ ³⁾. „Святость и чистота дѣтства оказываются нѣкоторымъ образомъ боготворящими, дѣлая людей участниками славы единого истинно святого и непорочнаго Бога“ ⁴⁾. Прощающій грѣхи брату „показываетъ, что онъ уже внѣ предѣловъ человѣческой природы и уподобляется по добродѣтели самому Богу, такъ что дѣлая то, что свойственно дѣлать одному Богу, повидимому, и самъ дѣлается вторымъ богомъ, ибо оставленіе грѣховъ есть преимущественное свойство Бога“ ⁵⁾.

Нетрудно однако замѣтить, что преобладаніе въ понятіи о Богѣ онтологическихъ предикатовъ оказываетъ свое вліяніе и на идею нравственнаго уподобленія Богу. Какъ въ самомъ ученіи о Богѣ нравственныя черты Высочайшей Личности истолковываются въ космическомъ смыслѣ, такъ и въ области этики нравственное совершенство разсматривается подъ угломъ зрѣнія уподобленія метафизическимъ свойствамъ Бога. Своей санкціи мораль ищетъ не столько въ томъ, что „Богъ есть любовь“, сколько въ томъ, что Онъ есть монада. Этотъ наклонъ при внимательномъ чтеніи можно замѣтить уже въ сочиненіяхъ Григорія Нисскаго. „Блаженны миротворцы“—это не тѣ только, которые въ обществѣ сѣютъ миръ и уничтожаютъ распри, но и тѣ, „которые прекращаютъ междоусобную брань въ себѣ самихъ“, давая окончательный перевѣсъ уму надъ страстями и создавая гармонію личности. „Божество просто, неслож-

1) *Gregorius Theolog. Orat. XVII. Migne, s. gr. 35, col. 976 D.* Рус. пер. ч. II, стр. 79.

2) *Gregorius Nyssenus. De beatitud. Or. I. Migne, T. 44. col. 1200 D.* Рус. пер. Ч. II. стр. 367.

3) *Ibid. in cant. cant. hom. I. Migne, 44, col. 776. C.* Рус. пер. ч. III, стр. 25.

4) *Ibid. De virgin. I.* Рус. пер. ч. VII, стр. 288.

5) *Ibid. De orat. dom. V. Migne, 44 col. 1177 B.* Рус. пер. ч. I, стр. 450.

но, неопиcуемо... Подобно Богу и челоѣвѣческая природа дѣлается въ этомъ случаѣ простой, неопиcуемой и какъ бы въ подлинномъ смыслѣ единой, такъ что въ ней одно и то же есть видимое съ тайнымъ и сокровенное съ видимымъ“ ¹⁾. Въ Ареопагитикахъ, соотвѣтственно настойчивости, съ которой въ ученіи о Богѣ выдвигается идея монады, эта черта проводится систематически и господствуетъ надъ всей этической терминологіей автора. Отрекшійся отъ зла „сталъ единовиднымъ и далъ обѣтъ всецѣло сочетаться съ Единымъ“ ²⁾. Люди порочные „стремятся къ вещественнымъ и многострастнымъ перемѣнамъ“ ³⁾. Кающійся—это челоѣвѣкъ „не вполне еще ставшій единовиднымъ“ ⁴⁾. Христіанскіе аскеты называются монахами „по ихъ нераздѣльной и единовидной жизни, которая объединяетъ ихъ въ благочестивомъ отверженіи раздѣляющихъ заботъ и дѣлъ житейскихъ и возводитъ къ богоподобному единству“ ⁵⁾. Это единство получаетъ свое выраженіе въ гармоніи личности, побѣдившей свое внутреннее раздвоеніе, въ мирѣ и согласіи христіанскаго общества, изъ котораго изгнаны эгоистическія стремленія и теоретическія заблужденія, всегда индивидуальныя въ противоположность всеобщности истины ⁶⁾. Поэтому „всякое таинство приводитъ наши раздѣленные жизни къ единовидному обоженію и, при богообразномъ сближеніи различныхъ людей, всѣмъ даетъ общеніе и единеніе съ Единымъ“ ⁷⁾. Итакъ, осуществленіе идеала евангельскаго совершенства отображаетъ въ челоѣвѣкѣ основное и высшее свойство Божества—Его единство и простоту. Миръ, излившійся изъ Божественной монады и раздробившійся въ множественности отдѣльныхъ явленій, восходитъ къ перво-

1) Ibid. De beatitud. VII. *Migne*, 44, col. 1289 D. Рус. пер. ч. II, стр. 466—467.

2) *Dionysius Areop.* De eccles. hierar. II, 3, 5. *Migne*, ser. gr. 3., col. 401. B.

3) Ibid. III, 3, 7. col. 433 D.

4) Ibid. III, 3, 7. col. 436. B.

5) Ibid. IV, 1, 3. col. 533 A.

6) Ibid. De divin. nom. IV, 6. Col. 701. B.

7) De eccles. hierar. III, 1. col. 421 C.

начальному единству въ свободно созданной простотѣ нравственной личности.

Идея обоженія предполагаетъ физическое общеніе чловѣка съ Богомъ. Между тѣмъ, при первомъ знакомствѣ съ изложенной группой понятій кажется, что они не заключаютъ въ себѣ ничего мѣстическаго и представляютъ собою не болѣе, какъ извѣстную форму нравственной проповѣди. Въ дѣйствительности, и въ этомъ случаѣ обоженіе понимается въ смыслѣ реального присутствія Бога въ чловѣкѣ. Но если въ основѣ реалистическаго ученія объ обоженіи лежитъ стоическая схема смѣшенія, то здѣсь такой основной схемой служить платоническая идея причастія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно имѣть въ виду, во-первыхъ, космологическую концепцію неоплатониковъ, принятую съ существенными измѣненіями, которыя для насъ въ настоящемъ случаѣ не важны, христіанскими мыслителями, а во-вторыхъ, свойственное древней мысли представленіе о необходимомъ внутреннемъ отношеніи между первообразомъ и образомъ.

Природа распадается на два элемента. Ея пассивная основа—безкачественная матерія, не имѣетъ въ себѣ ничего божественнаго. Хотя она и происходитъ отъ Бога, но есть отрицаніе Божества, Его лишеніе, недостатокъ, предѣлъ, за которымъ бытіе положительное переходитъ въ свое отрицаніе. Міръ причастенъ Богу въ своемъ активномъ элементѣ. Богъ проникаетъ его своими силами, но не какъ Существо, не имѣющее съ нимъ ничего общаго. Первопричина всего живетъ и дѣйствуетъ именно въ качественной опредѣленности міра. Бытіе міра—это сила бытія, исходящая отъ Бога. „Ничто не можетъ пребывать въ бытіи, не пребывая въ сущемъ,—говоритъ Григорій Нисскій,—собственно же и первоначально сущее есть Божіе естество, о которомъ по необходимости нужно вѣрить, что Оно во всѣхъ существахъ есть самое пребываніе ихъ“¹⁾ Точно также красота міра

¹⁾ *Gregorius Nyssenus. Orat. catech. mag. 32 Migne, 45, col. 80 D.* Рус. пер. ч. IV, стр. 82.

есть отблескъ божественной красоты. Такимъ образомъ природа обожена реальнымъ присутствіемъ въ ней Бога ¹⁾. Но изъ всѣхъ частей міра только человѣкъ свободенъ; только онъ усиліями своей воли можетъ уподоблять себя Богу и по мѣрѣ этого уподобленія воспринимать въ себя все болѣе и болѣе божественныхъ силъ. Присутствіе Бога въ свободно созданной качественной опредѣленности нравственнаго характера есть его обоженіе.

Объемъ и значеніе этой мысли станетъ для насъ еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ тѣсно сближала патристическая литература первообразъ и подобіе. Сочиненія писателей, которымъ посвященъ настоящій отдѣлъ, даютъ намъ для этого не много матеріала, но тенденціи ихъ ученія мы въ правѣ комментировать на основаніи позднѣйшаго явленія, въ которомъ онѣ достигли своего полного выраженія. Если предъ вами лежитъ тонкая ткань, рисунка которой во всѣхъ его подробностяхъ не воспринимаетъ глазъ, возьмите лупу и рассмотрите расположеніе нитей чрезъ увеличительное стекло. Послѣ этого вы легко будете различать тонкій рисунокъ и простымъ глазомъ. Такъ точно и въ нашемъ вопросѣ. Идея необходимой связи между первообразомъ и образомъ, которая предносилась двумъ Григоріямъ и Псевдо-Діонисію, когда они говорили объ обоженіи чрезъ уподобленіе Богу, достигла своего полного развитія и была выяснена со стороны всѣхъ ея логическихъ послѣдствій, когда жгучая потребность полемики съ иконоборцами создала достаточныя побуженія для дѣятельности мысли въ этомъ направленіи. Въ такомъ завершенномъ видѣ мы находимъ эту идею на страницахъ сочиненій Θεодора Студита въ защиту иконопочитанія. Тотъ,

¹⁾ Діонисій Ареопагитъ говоритъ о фактическомъ обоженіи природы въ доступной для нея мѣрѣ (De div. nom. IX, 5 col. 912 D. XII, 3, col. 912 D. XII, 3, col. 972 A.; II, 7, col 645. A.) Максимъ Исповѣдникъ пошелъ дальше. Онъ распространялъ идеалъ обоженія человѣка на всю природу. Чрезъ Христа сначала обожается человѣкъ, а чрезъ человѣка будетъ обожена и вся природа.

кто, взирая на благоухающую красоту Божества говорить, Ареопагитъ, отображаетъ ее въ себѣ и становится подобенъ ей, напоминаетъ собою художника, который внимательно смотритъ на лицо, служащее первообразомъ для его портрета, не отвлекается ни къ чему, находящемуся предъ его глазами и ничѣмъ не разсѣивается, а лишь старается воспроизвести оригиналъ со всею точностью. Такой художникъ „сдѣлаетъ, если такъ можно выразиться, *двойникъ того, кого изображаетъ, и представитъ дѣйствительность въ подобіи, первообразъ въ образъ и одинъ въ другомъ кромѣ различія сущности*“¹⁾. Подчеркнутыя слова Ареопагита стали лозунгомъ для защитниковъ иконъ. Всякое изображеніе предполагаетъ первообразъ и образъ. Дѣйствительное тѣло Христа есть первообразъ, Его икона—образъ. То и другое тѣсно связано между собою. Тѣло Христа въ себѣ самомъ имѣетъ образъ, очертаніе, внѣшній видъ. И этотъ же самый образъ въ силу подобія присущъ иконѣ. Поэтому между первообразомъ и образомъ есть различіе въ веществѣ, природѣ, сущности, но въ отношеніи къ подобію они—одно и то же. „Изображеніе Христа не есть что-либо другое по сравненію со Христомъ, кромѣ различія сущности“²⁾. Необходимое реальное отношеніе между первообразомъ и образомъ выражается съ одной стороны въ томъ, что образу передается сила, присущая первообразу, съ другой въ томъ, что все, совершаемое надъ образомъ, восходитъ къ первообразу.

Икона полна божественныхъ силъ. Богъ находится вездѣ, но не въ одинаковой степени, а соотвѣтственно способности даннаго бытія къ воспріятію Божества. Обоженная плоть Христа вся проникнута Божествомъ. Но плоти свойственъ образъ, очертаніе, которые въ лицѣ Христа также были носителями божественной силы. Икона содержитъ въ себѣ не всю обоженную плоть, а лишь ея тѣнь,

¹⁾ *Dionysius Areop.* Eccles. hier. IV, 3, 1 col. 473, C.

²⁾ *Theodor. Stud. Antirrh.* III, 14 *Mine.p* Ser. gr. 99 col. 425. Рус. пер. изд. спб. академіи. Спб. 1907. Т. I, стр. 184.

ви́шній образъ, очертаніе, а потому и Божество присутствуетъ въ ней, насколько можетъ вмѣстить эта тѣнь ¹⁾).

Такъ какъ честь, оказываемая образу восходитъ къ первообразу, то тому и другому воздается одно и то же поклоненіе. „Когда поклоненіе воздается Христу, оно воздается и Его изображенію, какъ находящемуся во Христвъ; и когда поклоненіе воздается Его изображенію, то оно воздается и Христу, ибо въ изображеніи поклоняемый есть именно Христовъ. И если Христу, безспорно, поклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, то ясно, что всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ несомнѣнно поклоняется и Его изображенію, какъ находящемуся во Христвъ“ ²⁾). Какъ поклоненіе иконѣ, такъ равно и оскорбленіе ея относится къ Самому Христу. Приведа въ доказательство этого сказаніе о поруганной и пронзенной копьемъ иконѣ Господа, источившей кровь и воду, которыя исцѣляли больныхъ, Феодоръ Студитъ прибавляетъ: „все относящееся къ подобію имѣетъ такое общеніе съ первообразомъ; что и страданія изображенія Христова являются страданіемъ Самого Христа ³⁾).

Столь тѣсное необходимое отношеніе между иконой и первообразомъ основывается именно на ихъ подобіи, сходствѣ: Гдѣ нѣтъ этого подобія, тамъ нѣтъ и отношенія между ними. Дерево, золото, серебро, вообще вещество, на которомъ сдѣлано изображеніе, не имѣютъ никакого значенія. Защитники иконъ настойчиво проводили ту мысль, что вещество не поклоняемо ⁴⁾), такъ какъ икона, на кото-

¹⁾ „Божество настолько и присутствуетъ и является поклоняемымъ въ иконѣ, насколько присутствуетъ въ ней, какъ въ тѣни соединенной съ нимъ плоти“... „Оно присутствуетъ также въ изображеніи креста и въ другихъ божественныхъ предметахъ, но не по единству природы, такъ какъ эти предметы—не плоть, обожествленная, но по относительному ихъ къ нему участию“. Ibid. Antirr. II, 12 M. col. 344. Рус. пер. стр. 128.

²⁾ Ibid. Antirr. II, 18; M. col. 364. Рус. пер. стр. 141. Ср. III, 7; M. col. 432. Рус. пер. стр. 188.

³⁾ Ibid. Antirr. II, 19. M. col. 365. Рус. пер. стр. 142—143.

⁴⁾ Ibid. III, 2, M. col. 421. Рус. пер. стр. 180.

рой стерлось изображеніе, „сжигается, какъ дерево послѣ этого бесполезное“ ¹⁾. Съ другой стороны православные полемисты сходились съ иконоборцами въ томъ, что не можетъ быть иконъ Бога Отца, такъ какъ Онъ неописуемъ, не имѣетъ образа и очертаній, которыя могли бы быть воспроизведены на иконѣ. Наконецъ, иконы неискusstнаго письма поклоняемы лишь въ степени ихъ соотвѣтствія первообразу. „Иконѣ воздается поклоненіе не постольку, поскольку она отступаетъ отъ сходства съ первообразомъ, но поскольку она представляетъ подобіе съ нимъ, такъ какъ въ извѣстномъ отношеніи (и неискusstно написанная икона) представляетъ образъ, одинаковый съ первообразомъ“ ²⁾.

Итакъ, космологическая концепція и философская теорія, позднѣе выдвинутая православными въ защиту иконопочитанія, показываютъ, какое тѣсное отношеніе церковная мысль устанавливала между первообразомъ и образомъ, а это въ свою очередь бросаетъ яркій свѣтъ на религиозный смыслъ ученія объ обоженіи чрезъ уподобленіе Богу. Въ душѣ, уподобившейся Богу, Онъ пребываетъ реально. Такъ ангелы „настолько отобразили и напечатлѣли въ себѣ Благо, что сдѣлались вторичными свѣтами и посредствомъ изліяній и передаваній перваго Свѣта могутъ просвѣщать другихъ“ ³⁾. Человѣкъ, отобразившій въ себѣ Бога, становится какъ бы Его живою иконой, носителемъ Его божественныхъ силъ ⁴⁾; и о святыхъ Іоаннѣ Дамаскинѣ говоритъ то же, что и объ иконахъ: „честь, воздаваемая усерднымъ нашимъ сослужителямъ, доказываетъ любовь къ общему Владыкѣ, и почитаніе образа переходитъ къ Первообра-

¹⁾ *Ioannes Damasc. De imagin. Or. III. Migne, Ser. gr. 94, col. 1368.* А. Рус. пер. *Бронзова.* Три защитительныя слова противъ порицающихъ св. иконы стр. 124.

²⁾ *Theodor Stud. Antirrh. III, 5. M. col. 421.* Рус. пер. стр. 180—181.

³⁾ *Gregorius Theolog. Orat. theolog. II, 31. Migne. ser. gr. T. 36, col. 72.* В. Рус. пер. ч. III, стр. 40.

⁴⁾ *Ioannes Damasc. De fide Orthod. IV, 15. Migne: Ser. gr. 94, col. 1164—1165.* Рус. пер. 263—264.

зу“¹⁾. Такъ общность основной идеи связала въ церковномъ сознаніи два догмата—почитанія святыхъ и иконъ²⁾.

Б. Въ столь же тѣсное единеніе съ Богомъ человѣкъ можетъ войти и познаніемъ. Но онъ встрѣчаетъ препятствіе къ этому въ своей природѣ, которую поэтому онъ долженъ преодолѣть и превзойти.

Въ своемъ обычномъ состояніи человѣческая мысль не можетъ проникнуть въ тайны Божественной природы. На все она смотритъ сквозь цвѣтныя стекла своей субъективности, и потому все для нея окрашено въ ея собственные цвѣта. Формы человѣческаго мышленія прямо противоположны свойствамъ Бога, какъ объекта познанія. Богъ—безусловная монада, человѣческой умъ живетъ въ сферѣ множественнаго и познаетъ истину по частямъ. Богъ не матеріаленъ, душа сопряжена съ плотью и влачитъ на себѣ оковы чувственности. Для Вѣчнаго все дано въ одномъ остановившемся мгновеніи, но нашъ умъ раздробляетъ цѣлостность этого мгновенія и представляетъ вѣчность въ видѣ безначальнаго и безконечнаго протяженія того же времени. Писаніе называетъ Бога духомъ, огнемъ, любовью; мудростью, но когда мы попытаемся реализовать эти образы въ своемъ мышленіи, то неизбѣжно положимъ на нихъ печать тѣлесности и множественности. Съ представленіемъ духа мы связываемъ движеніе и распространеніе въ пространствѣ; огонь мы не можемъ представить безъ свойственнаго ему цвѣта и волнующихся очертаній. Говоря о любви и премудрости Божіей, мы всегда разумѣемъ любовь и мудрость человѣческія³⁾. Итакъ, говоритъ Григорій Нисскій, „на что бы ни смотрѣлъ нашъ умъ, онъ

1) Ibid. IV, 16. Col. 1172. С. Рус. пер. стр. 268.

2) Въ защиту почитанія иконъ приводились многочисленныя доказательства чисто церковнаго характера: ссылки на св. писаніе и преданіе, аргументація догматическаго характера, соображенія пользы и т. д. Для насъ было важно остановиться лишь на философской сторонѣ этихъ доказательствъ.

3) *Gregorius Theolog. Orat. theol. II, 13. Migne, ser. gr. T, 36, col. 41. Рус. пер. ч. III, 22 — 23. Ср. Orat. theol. I, 6, col. 17. Рус. пер. ч. III, стр. 8. Orat. 37, 4. Col. 285, D.*

видить только самого себя, воображая, что видит нѣчто высшее себя¹⁾. „Всѣ наши понятія о Богѣ,—продолжаетъ онъ,— не что иное, какъ идола и кумиры, запрещенные десятословіемъ“²⁾. Отсюда правило: „кто, увидѣвъ Бога, понялъ то, что видѣлъ, это значитъ—не Его онъ видѣлъ“³⁾. Или: „слово о Богѣ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ непонятнѣе“⁴⁾.

Чтобы войти въ интеллектуальное соприкосновеніе съ Богомъ, умъ человѣческой долженъ постепенно освободиться отъ тиранніи формъ своего мышленія—чувственности и множественности. На эту высоту его возводитъ откровеніе. Оно приспособлено къ свойствамъ человѣческаго мышленія и по существу своему есть переходъ истины изъ состоянія единства и духовности въ состояніе множественности или матеріальности⁵⁾. Все, что можетъ служить точкою отправленія въ стремленіи ума къ познанію Бога—природа, писаніе, историческая личность Христа—все это въ совокупности не болѣе, какъ обширная аллегорія, которую надо разгадать. Если откровеніе идетъ отъ единого къ многому, отъ духовнаго къ чувственному, то восхожденіе челоуѣка въ область божественнаго должно совершаться въ обратномъ порядкѣ. Путь къ Богу въ общемъ очеркѣ намѣченъ уже Климентомъ Александрійскимъ, а вполне завершенную форму это ученіе получило въ Ареопагитикахъ. „Представимъ себѣ, говоритъ Климентъ, какой нибудь матеріальный предметъ и отвлечемъ отъ него какъ физическія его свойства, такъ и геометрическія, т.-е. три пространственныхъ измѣренія. Оставшаяся послѣ этого

1) *Gregorius Nyssenus*. In *Ecclesias*. Hom. VII. *Migne*, ser. gr. 44, col. 729 В. Рус. пер. ч. II, стр. 331.

2) *Ibid.* De *vita Moysis*. M. col. 377, В. Рус. пер. I, стр. 317.

3) *Dionysius Areopag.* Ep. I. *Migne*. Ser. gr. 3, col. 1065, ср. *Gregor. Nyss.* De *vita Moys.* M. col. 404, А. Рус. пер. I, стр. 346.

4) *Gregorius Theol.* Otat. theol. II, 21. *Migne*. 36, col. 53, В. Рус. пер. ч. III, 29.

5) *Dionysius Areopag.* De *eccles hierar.* I, 4, 5. *Migne*, s. gr. III, col. 376—377.

точка есть монада, но имѣющая положеніе въ пространствѣ. Если мы отвлечемъ отъ нея и это послѣднее, то получимъ монаду въ безусловномъ смыслѣ. Такъ, отрѣшившись отъ представленія обо всемъ тѣлесномъ и такъ называемомъ безтѣлесномъ, мы повергнемъ себя предъ величіе Христа, а отсюда чрезъ посредство святости дойдемъ уже и до представленія о Безконечномъ, познавъ не то, что Онъ есть, а то, что Онъ не есть“ 1). Въ процессѣ интеллектуальнаго восхожденія къ Богу Ареопагитъ, опираясь уже на болѣе развитыя представленія своихъ непосредственныхъ литературныхъ предшественниковъ — главнымъ образомъ Григорія Нисскаго, — отмѣчаетъ три стадіи.

Первая. Познаніе начинается съ самыхъ конкретныхъ символовъ природы и писанія. „Получивъ бытіе отъ истинной Красоты, природа во всѣхъ своихъ частяхъ носить отблескъ этой Красоты“. Такъ солнце есть символъ Бога, все творящаго и все привлекающаго къ себѣ 2). Цвѣты и зелень луговъ—образъ кратковременности человѣческой жизни и мимолетности его счастья 3). Виноградъ напоминаетъ о Томъ, Кто Самъ назвалъ Себя Лозою 4). Безплотность души указываетъ на безтѣлесность Бога, а способность мысли переноситься въ одно мгновенье за тысячи верстъ, простираться въ прошедшее и будущее есть образъ Божьей вѣчности и непротяженности 5).

Св. писаніе также полно символовъ. „Оно выразило въ загадкахъ, образахъ, аллегоріяхъ и такъ называемой темной рѣчи высокія истины, относящіяся къ созерцанію и превосходящія пониманіе обыкновенныхъ людей“ 6). Съ

1) *Clemens Alexandr. Strom.* V, 11, 6—15. По изд. *Otto Stäblin*, Leipzig, 1906. В. II, s. 374.

2) *Dionys. Areop. De coelest. hierar.* II, 4. *Migne*, s. gr. col. 444. Ep. IX, 2. col. 1108.

3) *Basilus Magnus.* In hexaëm. V, 2. *Migne*, Ser. gr. T. 29, col. 97, С. Рус. пер. ч. I, стр. 67—68.

4) *Ibid.* V, 6. Col. 108. Рус. пер. ч. I, стр. 73—74.

5) *Ibid.* Hom. in illud, atten. tibi ipsi. 7. *Migne*, T. 31, col. 213, 216. Рус. пер. ч. IV, стр. 43—44.

6) *Origenes.* Contra Cels. VII, 10.

Вопросы философіи, кн. 97.

этою цѣлью „Оно облакаетъ неизреченное Благо въ человѣческія огневидныя одежды, говоритъ объ Его очахъ, устахъ, рукахъ, окружаетъ Его чашами и кубками“. Эти образы слѣдуетъ понимать соотвѣтственно духовности и величію Существа, къ Которому они относятся ¹⁾).

Вторая стадія—познаніе Бога путемъ отвлеченнаго мышленія. Понятія, къ которымъ человѣкъ приходитъ, обобщая конкретныя данныя чувственныхъ воспріятій, точнѣе отображаютъ природу Бога. „Познавая сущее чрезъ умозаключеніе отъ слѣдствія къ причинѣ и такимъ образомъ сводя многообразіе сущаго къ единству, человѣческая мысль приближается къ способу познанія ангеловъ“. Бытіе, единство, равенство, благо называются въ Ареопагитикахъ духовными и безтѣлесными именами Бога ²⁾).

Къ этой же стадіи относится духовное познаніе Божественнаго Логоса въ историческомъ явленіи Христа. Сынъ Божій, сходя съ неба и вступая въ границы человѣческаго слова и дѣятельности, со всѣхъ сторонъ закрылся плотью, какъ завѣсой ³⁾). Отсюда и откровеніе въ человѣчествѣ Христа не заключаетъ еще послѣдней и окончательной истины. По мнѣнію Климента Александрійскаго, только простой вѣрующій (начинающій и необразованный) можетъ ограничиться познаніемъ тѣлеснаго явленія Логоса, извлекая отсюда для себя нравственное назиданіе. Христіанинъ совершенный, гностикъ, долженъ проникать своимъ духовнымъ взоромъ за покровы плоти и восходить къ созерцанію Самого Божественнаго Слова. Оригенъ допускалъ, что самое тѣло Христа измѣнялось соотвѣтственно степени духовнаго развитія тѣхъ, съ кѣмъ Онъ обращался: однимъ это тѣло казалось не имѣющимъ „вида, ниже доброты“, другимъ представлялось прекраснымъ и божественнымъ ⁴⁾).

¹⁾ *Dionysius Areopag.* De div. nom. I, 8. *Migne*, ser. gr. III, col. 597; IX, 5, col. 928—929.

²⁾ *Ibid.* VII, 2, col. 868.

³⁾ *Gregorius Theol.* Orat. 39, 13. *Migne*, 36, col. 349. А. Рус. пер. Ч. III, стр. 217. Поem. Dogm. 9, 54. *Migne*, 37, col. 460. Рус. пер. Ч. IV, стр. 204.

⁴⁾ *Origens*, Contra Cels. II, 64. VI, 75—77.

По традиціи, широко распространенной въ Александріи, святые на небѣ найдутъ для себя неизъяснимое блаженство въ созерцаніи безплотнаго Божества, праведники же, не вполне совершенные, не пойдутъ далѣе созерцанія прославленнаго челоуѣчества Христа ¹⁾. Все это показываетъ, что восточная мистика имѣла отношеніе исключительно къ безплотному, и ей было совершенно чуждо переживаніе обстоятельствъ земной жизни Спасителя, живость котораго на Западѣ иногда влекла за собой даже образованіе стигматъ.

Третья стадія. Челоуѣкъ можетъ возвыситься въ своемъ познаніи не только надъ чувственнымъ воспріятіемъ, но и надъ самымъ разумомъ, надъ дискурсивнымъ мышленіемъ и его формами. Ставъ такимъ образомъ выше самого себя, превзойдя самую свою природу, онъ входитъ въ непосредственное единеніе съ Богомъ, какъ бы отождествляется съ Самимъ Непознаваемымъ. Это — состояніе экстаза. Психологически оно характеризуется, во-первыхъ, утратою сознанія не только чувственныхъ воспріятій, но и абстрактныхъ идей. „Оставивъ все видимое,—не только то, что воспринимаетъ чувство, но и что видитъ разумъ, умъ непрестанно идетъ къ болѣе внутреннему, пока пытливостью своей не проникнетъ въ незримое и непостижимое и тамъ не увидитъ Бога“... ²⁾. По выраженію Ареопагита „въ стремленіи къ созерцанію необходимо оставить и чувства и дѣятельность ума, все чувственное и умопостигаемое, все сущее и несущее“ ³⁾. Исчезновеніе сознанія объекта мышленія съ необходимостью влечетъ за собою въ качествѣ втораго признака экстаза ослабленіе самосознанія. Въ этомъ состояніи, по словамъ того же автора, „умъ не существуетъ ни для себя, ни для другихъ, а существуетъ единственно для Того, Кто превъше всего“ ⁴⁾. Вмѣстѣ съ утратою со-

¹⁾ *Cyrellus Alexandr.* Glaphyra, lib. II, 2 *Migne*, ser. gr. T. 69 col. 428—429.

²⁾ *Gregorius Nyssen.* De vita Moysis. *Migne*, T. 44, col. 376—377. Рус. пер. Ч. I, стр. 316.

³⁾ *Dionysius Areop.* De myst. theol. I, 1. *Migne*, ser. gr. III, col. 997.

⁴⁾ *Ibid.* I, 3. Col. 1001.

знанія субъекта и объекта весь механизмъ обычной психической дѣятельности какъ бы останавливается. Смѣна чувствъ и мыслей, обуславливающая воспріятіе времени, на мгновеніе прекращается, и душа соприкасается съ неподвижною вѣчностью. „Ставь мыслью вдали отъ всего измѣняемаго и превратнаго, душа находится въ непреложномъ и неуклонномъ состояніи и роднится съ Непреложнымъ и Неизмѣняемымъ“ ¹⁾. Наконецъ, состояніе экстаза связано съ ощущеніемъ близости Божества, непосредственнаго единенія съ Нимъ, отождествленія. „Умъ, выходя изъ себя, становится Божіимъ“ ²⁾.

Такое соприкосновеніе съ Богомъ есть обоженіе души, какъ бы воспріятіе ею въ себя Бога. Для древней философіи былъ еще совершенно неясенъ творческій характеръ человѣческаго познанія. Она всегда разсматривала познавательную дѣятельность ума, какъ воспріятіе имъ объекта познанія. Согласно гносеологіи бл. Августина, идеи г.-е. законы логики и математики, нормы эстетическихъ и нравственныхъ сужденій не являются простыми способами дѣятельности мышленія, но, существуя внѣ сознанія и независимо отъ него, воспринимаются интеллектомъ такъ же, какъ свѣтъ воспринимается глазомъ ³⁾. Поэтому въ патристической литературѣ познаніе всегда сравнивается съ питаніемъ души. О познаніи Бога Августинъ говоритъ: „мнѣ казалось, будто я слышу голосъ Твой, съ высоты вѣшающей ко мнѣ: Я хлѣбъ для созрѣвшихъ возрастомъ; возрастай и вкушай Меня; но не ты Меня обратишь въ себя, какъ пищу въ плоть свою, а ты въ Меня обратишься“ ⁴⁾. Въ соотвѣтствіе этому общему воззрѣнію, Григорій Нисскій говоритъ:

¹⁾ *Gregorius Nyssen. De orat. dom. II. Migne, ser. gr. 44, col. 1140. С. Рус. пер. Ч. I, стр. 404.*

²⁾ *Dionysius Areop. De divin. nom. VII, 1. Migne, s. g. III, col. 868. IV, 11, col. 708—709.*

³⁾ *I. Storz. Die Philosophie des hl. Augustinus. Freiburg in Breisgau 1882 S. 46—85.*

⁴⁾ *Augustinus. Confessiones, VII, 10. Рус. пер. Т. I, стр. 177.*

„кто позналъ естество постоянное, тотъ узрѣлъ дѣйствительно сущее благо, и что узрѣлъ, тѣмъ овладѣлъ, потому что созерцаніе этого блага есть обладаніе Имъ“ ¹⁾. Объ обоженіи души чрезъ созерцаніе символически повѣствуетъ писаніе, когда рассказываетъ, что „Моисей въ теченіе сорока дней подъ покровомъ мрака (во время синайскаго законодательства) причащался присносущной жизни и былъ внѣ естества, потому что въ это время не имѣлъ нужды и въ пищу для тѣла“ ²⁾.

Вотъ путь интеллектуальнаго восхожденія къ Богу. Откровеніе подобно великолѣпному храму: сначала человѣкъ вступаетъ въ портики, галереи, многочисленные корридоры и переходы. Стѣны украшены мозаикой и картинами. Онѣ блещутъ яркостью красокъ, разнообразіемъ и пластичностью художественныхъ образовъ. Далѣе слѣдуетъ рядъ пустыхъ, геометрически правильныхъ залъ съ несложными символическими изображеніями по стѣнамъ. Наконецъ, онъ достигаетъ священной ниши, таинственно скрытой тяжелыми завѣсами, за которыми его охватываетъ глубокая тьма и молчаніе, но въ этомъ мракѣ и тишинѣ разлито вѣяніе Неизъяснимаго.

В. Процессъ интеллектуальнаго восхожденія души къ Богу, по воззрѣніямъ и личному религіозному опыту церковныхъ мистиковъ, связанъ съ развитіемъ очень интенсивнаго чувства. Они много говорятъ о любви вѣрующей души къ Богу, даже объ эросѣ. Сочиненія обоихъ Григоріевъ полны глубокаго лиризма. Элегіи Назіанзена съ удивительною силой воспроизводятъ основной тонъ въ настроеніи его эпохи. Толкованіе Григорія Нисскаго на Пѣснь Пѣсней, если на это сочиненіе взглянуть какъ на исповѣдь души, ищущей Бога, должно быть отнесено къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній патристической литературы. Попы-

¹⁾ *Gregorius Nyssen. In Eccles. hom. I. Migne, 44, col. 624. С. Рус. пер. Ч. II, стр. 210.*

²⁾ *Gregorius Nyssen. De vita Moysis. Migne, ser. gr. 44, col. 321, A. Рус. пер. Ч I, стр. 251.*

таемся теперь разобраться въ характерѣ и источникѣ жизни ихъ сердца.

Прежде всего возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ понятіе о Богѣ, слагавшееся изъ сухихъ логическихъ абстракцій, могло возбуждать такой энтузіазмъ. Идеи монады, бытія, равенства сами по себѣ, конечно, не могли вызывать волненій чувства, но онѣ напоминаютъ собою вогнутое зеркало. Если на холодную поверхность такого зеркала падаютъ тепловые лучи, то, собираясь въ его фокусѣ, они могутъ воспламенять горючія вещества. Такъ и абстрактное понятіе о Богѣ можетъ согрѣвать сердце лишь теплою отраженныхъ чувствъ. Религіозное настроеніе христіанскихъ идеалистовъ питалось изъ двухъ источниковъ: во-первыхъ, тѣмъ высокимъ наслажденіемъ, которое связано съ духовною самодѣятельностью, а во-вторыхъ, живымъ чувствомъ природы. На первое указываетъ ихъ теорія познанія, на второе—понятіе о Богѣ, въ которомъ такъ рѣзко выдѣляются онтологическіе предикаты Божества.

Наслажденіе духовной самодѣятельности возбуждаетъ въ насъ все недоговоренное. Сильнѣе всего насъ волнуютъ такіе художественные образы, которые, возбуждая мысль и фантазію, оставляютъ достаточный просторъ для ихъ внутренней самодѣятельности. Этому правилу вполне удовлетворяетъ всѣмъ извѣстная скульптурная группа Лаокоона. Два огромныхъ удава напали на жреца и его юношей-сыновей. Борьба въ самомъ началѣ, никто еще не раздавленъ страшными объятіями, никто не упалъ. Самое сильное еще впереди. Художникъ далъ могучій толчокъ нашему воображенію и оставилъ его на распутіи между надеждой на избавленіе жертвъ и подавляющей картиной торжества самого отвратительнаго звѣря надъ самымъ тонкимъ и прекраснымъ произведеніемъ природы. Иное впечатлѣніе производитъ картина Рѣпина въ Третьяковской галереѣ. Грозный убилъ своего сына. Взята самая высокая нота, все договорено до конца. Убийца вскочилъ, опрокинулъ тронъ, прижимаетъ къ сердцу поникшую голову царевича съ про-

битымъ вискомъ, и темная, густая кровь течетъ между его пальцевъ. Далѣе воображенію итти некуда, и картина производитъ исключительно физиологическое дѣйствіе: кровь и безумные глаза Грознаго...

Характеръ религіознаго настроенія Каппадокійцевъ очень ясно указываетъ на психологическій источникъ, о которомъ мы только что сказали. Основная черта ихъ сердечной жизни—безпокойство души, вѣчное исканіе одного безграничнаго всеудовлетворяющаго блага, постоянный приливъ и отливъ, смутныя стремленія, возвышающія и повергающія наземь, зовущія, какъ тѣни весенней зари, и безнадежныя, какъ ноябрскія сумерки, яркія молніи почти разгаданныхъ тайнъ и горькое чувство безсилія всѣхъ попытокъ. „Возлюбленный, говоритъ Григорій Богословъ, пронизываетъ умъ лучомъ своего свѣта и тотчасъ убѣгаетъ отъ быстро движущагося ума. Чѣмъ болѣе онъ познается, тѣмъ болѣе удаляется, и тѣмъ именно, что какъ бы вырывается изъ рукъ, зоветъ и влечетъ за собою душу“... „Какъ море сущности неопредѣлимое и безконечное... въ неясныхъ отблескахъ и едва ощутимыхъ очертаніяхъ оттѣняется Онъ въ нѣкоторый обликъ дѣйствительности. Онъ улетаетъ прежде, чѣмъ Его представить мысль, и ускользаетъ отъ нея, когда, казалось бы, она начинаетъ постигать Его. Это—молнія. Она внезапно озаряетъ нашъ духовный взоръ и тотчасъ исчезаетъ, оставляя послѣ себя тьму еще болѣе глубокою. Тѣмъ, что есть въ Немъ постижимаго, Онъ привлекаетъ къ Себѣ, непостижимымъ же возбуждаетъ еще больше желанія и жажды“ 1).

Этому чувству исканій соотвѣтствуетъ и та канва, которой всего охотнѣе пользовались для литературнаго выра-

1) *Gregorius Theologus Orat. XXXVIII, 7. Migne, ser. gr. T. 36, col. 317.* Рус. пер. ч. III, 196. Ср. *Orat. XLV, 3. Ibid. col. 625, 628.* Рус. пер. Z. IV, стр. 124—125. *Poem. Dogm. VII, 1—12. Migne, ser. gr. T. 37, col. 438—439.* Рус. пер. ч. IV, стр. 193. *Gregorius Nysse. De vita Moysis. Migne, ser. gr. T. 44, col. 401.* АВ. Рус. пер. ч. I, стр. 343—344. 345. Ср. in cant. cantic. *Hom. II, Migne, l. 44, col. 777.* CD. *Hom. IV, col. 845.* АВ. *Hom. V, col. 860.* ВС. *Hom. VI, col. 892—893.* *Hom. VIII, col. 940—941.* Ср. рус. пер. ч. III, стр. 27, 104, 120—121, 157, 211—213.

женія своего настроенія. Такой канвой была кн. Пѣснь Пѣсней, а въ комментаріяхъ на нее всего полнѣе отразилась эта мистика исканій. Чтобы убѣдиться въ соответствіи этой канвы самому рисунку, сравнимъ основной тонъ приведенной выдержки изъ сочиненій Григорія Богослова, хотя бы съ слѣдующей картиной изъ Пѣсни Пѣсней. Вотъ Суламита во дворцѣ Соломона, оторванная отъ благоухающихъ садовъ Галилеи, гдѣ весною такъ красивы лиліи и такъ сладко воркуютъ горлицы. Она спитъ, но сердце ея и во снѣ не можетъ успокоиться: она стремится подъ сѣнь яблонь къ Саронскому пастуху. И вотъ сквозь сонъ она слышитъ: идетъ ея возлюбленный, и душистая роса лежитъ на его кудряхъ. Пришелъ, стучитъ, зоветъ ее. Встать бы, бѣжать, отворить ему, но хитонъ у нея снять и ноги вымыты. Наконецъ вскакиваетъ она, подбѣгаетъ къ двери, распакиваетъ ее, а возлюбленный съ равнодушнымъ видомъ повернулся и пошелъ прочь... (гл. V).

Тамъ и здѣсь тѣ же исканія, тѣ же порывы, та же жажда, разжигаемая препятствіями. Вотъ почему тоска влюбленной дѣвушки стала символомъ души, которой скучно въ этомъ роскошномъ мірѣ, и которая въ неудержимомъ стремленіи ищетъ для себя источника истинной жизни и обновленія за предѣлами его.

Нетрудно объяснить психологически происхожденіе этой мистики исканій. Коренясь въ глубинѣ неистребимыхъ идеальныхъ порывовъ человѣческой природы, она питалась символическимъ взглядомъ на природу, писаніе и историческую личность Христа. Природа и писаніе, какъ недоговоренная картина, давали обиліе конкретныхъ впечатлѣній—яркихъ и захватывающихъ, а догматика запрещала всецѣло отдаваться имъ и за ихъ предѣлами открывала необозримый просторъ для движенія религіозной мысли и благочестивыхъ созерцаній. Какой обширный горизонтъ неизвѣданнаго и непоречуваемаго открывался еще предъ Климентомъ и Оригеномъ! Вооружившись аллегорическимъ методомъ толкованія и взвѣсивая каждый символъ писанія, они создаютъ

христіанскую философію и готовятъ мистику. Съ IV в. свобода творчества въ области спекулятивнаго освѣщенія христіанства сокращается. Уже не одинъ догматъ, но мало-по-малу и пониманіе свящ. писанія, становясь традиціоннымъ, пріобрѣтаетъ силу обязательности. Тогда личное благочестіе прорываетъ для себя новый каналъ, по которому можетъ двигаться свободно, и создаетъ такъ называемую мистагогію. Если все—символь, то символъ и культъ. Кажденіе, пѣніе, чтеніе, входы и выходы епископа все это образы, полные глубокаго смысла и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего нѣтъ здѣсь установившагося, традиціоннаго, обязательнаго. Религіозная мысль и воображеніе, влагая въ обряды, соотвѣтственно особенностямъ настроенія, всякій разъ новый смыслъ, въ этой свободѣ благочестиваго творчества съ глубокимъ волненіемъ переживаетъ исторію своего спасенія. Тонкое наслажденіе духовной самодѣтельности служить, такимъ образомъ, первымъ слагаемымъ въ настроеніи, берущемъ свое начало въ сочиненіяхъ Климента и Оригена и отлившемся въ завершенную форму въ твореніяхъ Каппадокійцевъ и Діонисія Ареопагита.

Вторымъ является чувство природы. Абстрактное понятіе о Богѣ, какъ я сказалъ, можетъ согрѣвать сердце только теплотою отраженнаго чувства. Эта мысль нуждается въ разъясненіи при помощи психологіи религіозной символики. Крестъ для насъ, христіанъ—это многозначительный священный символъ, носитель нашихъ благоговѣйныхъ и благодарныхъ чувствъ ко Христу. Но самъ по себѣ, независимо отъ ассоціаций, которыя съ нимъ связаны, онъ представляетъ два перекрещивающихся бруска, и въ человѣкѣ, ничего не слыхавшемъ о Христѣ, не можетъ вызвать никакихъ чувствъ. Для древняго язычника, онъ былъ даже предметомъ ужаса и отвращенія, какъ орудіе позорной и мучительной казни. Но христіанинъ связываетъ съ нимъ чувства, которыя беретъ изъ евангельскихъ повѣствованій о страданіяхъ Христа, изъ внутреннихъ переживаній идеи искупленія и изъ исторіи креста въ жизни церкви, какъ помощ-

ника христіанъ во всѣхъ бѣдствіяхъ и опасностяхъ. Всѣ эти смежныя группы представленій и чувствъ ассоціировались съ знакомъ креста и сами собою оживаютъ въ душѣ при взглядѣ на него. Что въ данномъ случаѣ крестъ, то въ религіозности древнихъ христіанскихъ мыслителей отвлеченное понятіе о Божественной монадѣ, что здѣсь представленія объ искупительныхъ страданіяхъ, то тамъ живыя впечатлѣнія бытія, его красотъ и физическихъ совершенствъ, какъ отображеній Божества въ Мірѣ.

На этотъ источникъ религіознаго энтузіазма оригенистовъ указываетъ прежде всего отмѣченный уже нами космическій характеръ ихъ понятія о Богѣ. Онтологическія категоріи бытія, единства, равенства суть кристаллическія отложенія конкретныхъ мыслей и чувствъ, а по кристалламъ нетрудно судить о составѣ раствора. Преобладаніе онтологическихъ категорій въ понятіи о Богѣ соотвѣтствуетъ тому глубокому и живому, позволю себѣ сказать, романтическому чувству природы, которое дѣлаетъ столь близкими для современнаго настроенія „Шестодневъ“ Василия Великаго, а также нѣкоторыя бесѣды и стихотворенія Григорія Богослова ¹⁾).

Болѣе ясное и прямое указаніе на тотъ же источникъ религіознаго настроенія писателей идеалистической группы мы можемъ видѣть въ ихъ ученіи „о собираніи чувства“. Не слѣдуетъ позволять сердцу, говорятъ они „растекаться по многому“ и сосредоточиваться на видимомъ. Когда единичныя явленія красоты, блещущія повсюду въ природѣ, задерживаютъ на себѣ чувство, и сердце съ изумленіемъ останавливается предъ ними, тогда люди обоготворяютъ ихъ ²⁾. Такъ произошелъ культъ солнца и звѣздъ. Чувство въ этомъ случаѣ уподобляется рѣкѣ, которой пользуются для оросительныхъ работъ: весь ея полноводный потокъ расхо-

¹⁾ Напр. сл. 6 (рус. пер. ч. I, 187—189), 44 (ч. IV, 121), 3 (ч. I, 17), пѣснопѣнія таинственныя (ч. IV, 212).

²⁾ *Gregorius Theolog. Orat. theol. II, 13—14. Migne, ser. gr. T. 36, col. 44* ВС. Рус. пер. ч. III, стр. 23—24.

дится по системѣ каналовъ, водопроводовъ, желобовъ, пока окончательно не потеряется въ пескахъ. Напротивъ, нужно собирать чувство и сосредоточивать его на представленіи о безплотной, совершенной красотѣ, отражающейся въ природѣ. Тогда чувство, какъ вода, встрѣтившая на своемъ пути плотину, начинаетъ подниматься вверхъ и концентрируется на Богѣ ¹⁾).

Эти общія положенія предполагаютъ слѣдующій психологическій процессъ ²⁾). Чувство воспринимаетъ лишь единичныя явленія красоты въ природѣ, но мысль дополняетъ ихъ и прочной ассоціаціей связываетъ съ отвлеченнымъ понятіемъ красоты. Вотъ этотъ юноша, сегодня онъ прекрасенъ, какъ утренняя звѣзда, а завтра лицо его покрыто морщинами и станъ согбенъ. Видимая красота мимолетна, но воображеніе, дополняя единичное впечатлѣніе со стороны длительности, мыслить красоту постоянной въ идеѣ красоты. Этотъ человѣкъ блещетъ своими талантами, но низокъ морально. Видимая красота частична, но воображеніе, дополняя ее со стороны недостающаго, мыслить всецѣлою въ идеѣ красоты. Что можетъ быть прекраснѣ Альпъ? Это—застывшій протестъ природы, разбившей свои еще неокрѣпшія оковы. Но Цезарь, переходя ихъ, писалъ латинскую грамматику и жало-

1) *Gregorius Nyssenus. De virgin. VII. Рус. пер. ч. VII, стр. 321—322.*

2) Дальнѣйшія строки служатъ комментариемъ для слѣдующихъ словъ Григорія Нисскаго: „Вотъ путь, ведущій насъ къ обрѣтенію истинно прекраснаго. Все прочее, что влечетъ къ себѣ расположеніе людей и считается прекраснымъ, презирать, какъ кратковременное и ни на что такое не тратить силы желанія, но и не оставлять ее въ празности и неподвижности, а очистивъ отъ пристрастія къ предметамъ низменнымъ, возводитъ туда, куда не достигаетъ чувство, такъ чтобы ни красота неба, ни сіяніе свѣтилъ, ни другое что изъ видимыхъ красотъ не приводило насъ въ удивленіе, но чтобы созерцаемая во всѣхъ этихъ предметахъ красота руководила насъ къ желанію той красоты, которой славу повѣдуютъ небеса. Кто достигъ того, что сумѣлъ оставить все человѣческое, тотъ будетъ съ мольбою и желаніемъ стремиться къ тому только одному, что не заимствуетъ своей красоты отъ внѣ, что не временно и относительно, но прекрасно отъ себя и чрезъ себя, и имѣетъ само въ себѣ красоту, не такую, которая когда-то не была красотою или не будетъ ею, но всегда себѣ равную, выше приращенія и умноженія и недоступную никакой перемѣнѣ и измѣненію“. *Gregorius Nyssen. De virgin. IX. Рус. пер. ч. VII, стр. 335—341.*

вался на *taedium Alrium*. Видимая красота относительна: одному она нравится, другому—нѣтъ. Но воображеніе и здѣсь, внося свои дополненія, стремится къ безусловной красотѣ, какъ она дана въ идеѣ.

Такъ единичныя эстетическія волненія, возникающія подъ влияніемъ природы, ассоціируются съ понятіемъ красоты въ себѣ и наполняютъ его чувствомъ. Путемъ подобнаго же психологическаго процесса связываются съ живыми эмоціями понятія бытія, блага, жизни, ума, а затѣмъ всѣ они, вмѣстѣ съ наполняющими ихъ чувствами, сливаются въ идеѣ Божественной монады. Такимъ образомъ, все богатство сердечной жизни, питавшейся созерцаніемъ физическихъ совершенствъ природы, сосредоточивалось на представленіи единаго безкачественнаго Божества, какъ разнообразно окрашенные лучи семицвѣтной радуги, пройдя черезъ выпуклое стекло, соединяются въ одной яркой и блестящей точкѣ. Сосредоточеніе чувства на идеѣ Бога, составляющее процессъ, совершенно параллельный познавательному, есть необходимое условіе единенія съ Богомъ и обоженія. Любовь, пишетъ Ареопагитъ, отличается экстагическимъ характеромъ. Она не терпитъ, чтобы любящій замыкался въ себѣ самомъ, но побуждаетъ его выходить изъ своей самозаклученности и отдаваться предмету любви, „такъ что въ немъ, живетъ и дѣйствуетъ уже не самъ онъ, а тотъ, кого онъ любитъ“, прибавляетъ къ этому парафрастъ Ареопагитикъ-Пахимерь ¹⁾.

Обобщая все, сказанное объ идеалистической формѣ идеи обоженія, мы можемъ выразить ея сущность въ немногихъ словахъ. Общая цѣль христіанскихъ писателей идеалистическаго направленія—возвыситься надъ границами человѣческой природы, стать богами, черезъ тѣснѣйшее соединеніе съ Богомъ. Ихъ путь—концентрація всей внутренней жизни—воли, мысли и чувства, на единой, всеобъемлющей идеѣ Божества, упрощеніе своей личности во всѣхъ этихъ отношеніяхъ.

¹⁾ *Dionysius Areop.* De div. nom. IV, 13 *Migne*, col. 712 sp. 776.

Идея обоженія, столь чуждая банальнаго эвдемонизма, была центральнымъ пунктомъ религіозной жизни христіанскаго Востока, вокругъ которой вращались всѣ вопросы догматики, этики, мистики. Она облечена, быть можетъ, въ такія формы древней философіи, которыя не доступны нашему пониманію непосредственно, безъ комментарій. Но ея зерно—жажда физическаго обновленія—составляетъ существенную и необходимую часть всякой религіи. Тщета всѣхъ нашихъ усилій и холодъ зіяющей могилы отравляютъ всѣ наши радости. И это нужно сказать не въ отношеніи только къ индивидууму. Пусть человѣчество проживетъ еще десятки тысячъ лѣтъ, покоритъ природу, подсмотритъ ея тайны. Въ его библіотекахъ будетъ тогда запечатлѣно столько фактовъ и идей, что если бы какое-нибудь человѣческое сознаніе могло вмѣстить ихъ всецѣло, то оно поистинѣ стало бы божественнымъ. Безчисленныя картины, ноты, произведенія поэзіи, ваянія, зодчества будутъ тогда находиться въ его обладаніи, и если бы можно было собрать въ одну точку весь энтузіазмъ творчества и теплоту чувства, породившія ихъ, то, кажется, получился бы очагъ, способный воспламенить весь міръ. Но говорятъ, что наше солнце постепенно остываетъ и черезъ сколько-то лѣтъ совсѣмъ погаснетъ...

«Оледенѣлою звѣздой
Или потухнувшимъ вулканомъ
Помчится, какъ корабль пустой,
Земля небеснымъ океаномъ.
И странствуя между міровъ,
Возсядетъ духъ мимолетящій
На остовъ нашихъ городовъ,
Какъ на гранитъ неговорящій».

И предъ лицомъ этого будущаго, въ той или иной формѣ, явно или тайно, съ надеждой или скорбію отчаянія, не перестанетъ человѣкъ стремиться къ тому, чтобы стать богомъ.

И. Поповъ.

Къ вопросу о методологіи и гносеологіи Декарта.

Какъ бы ни относились къ Декарту представители самыхъ разнообразныхъ философскихъ теченій съ своей точки зрѣнія, въ наше время приходится признать неоспоримымъ фактомъ въ исторіи философіи, что значеніе Декарта для развитія философской мысли было чрезвычайно велико и плодотворно. Это лучше всего иллюстрируется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ оказалъ большое вліяніе какъ на рационалистическое послѣдующее теченіе философіи, такъ и на противоположное ему эмпирическое направленіе. Въ примѣненіи къ Декарту больше чѣмъ къ кому-нибудь можно сказать, что великія ошибки часто бывають въ философіи плодотворнѣе, чѣмъ малыя истины. Въ области теоріи познанія его значеніе и не отрицается. Но огромная доля этого вліянія была оказана также методомъ Декарта и его постановкой философскихъ проблемъ. Со времени Декарта, т.-е. съ тѣхъ поръ какъ онъ сознательно взялъ исходнымъ пунктомъ субъекта, правильнѣе—его сознание, этотъ субъективистическій путь изслѣдованія пріобрѣлъ всѣ права гражданства и, поскольку мы будемъ считать важнымъ для философіи построеніе цѣльныхъ философскихъ системъ, далъ въ высшей, степени цѣнные результаты.

Присматриваясь внимательнѣе къ воззрѣніямъ того времени мы видимъ, что интересъ къ методу былъ своего рода знаменіемъ времени, и Декартъ былъ однимъ изъ первыхъ философовъ новаго времени, которые придавали огромное значеніе методу въ дѣлѣ выработки философскихъ воззрѣній. По Декарту, какъ мы увидимъ позже, почти все затрудненіе въ научной работѣ заключается именно въ отысканіи истиннаго научнаго метода.

Какъ плодотворенъ былъ взглядъ Декарта на доминирующее значеніе метода въ построеніи философскихъ теорій, это видно изъ того, что въ послѣдующей философіи вопросъ о методѣ въ сущности не сходилъ со сцены. Правда, приходится предполагать, что вліяніе это должно быть приписано не исключительно Декарту, но во всякомъ случаѣ онъ оказалъ въ этомъ отношеніи непосредственное вліяніе. Если у Спинозы вопросъ о методѣ стоитъ, что называется, во главѣ угла—слова «*more geometrico*» онъ даже ввелъ въ заглавіе своего главнаго произведенія,—то и у другихъ философовъ континента этотъ вопросъ продолжалъ стоять въ кругѣ важныхъ интересовъ философіи, только въ тѣсномъ сращеніи съ вопросами теоретико-познавательными. Такимъ образомъ вопросъ о методѣ Декарта далеко не безинтересенъ.

Выше я уже упомянулъ, что Декартъ придавалъ методу большое значеніе. Подтвержденіемъ этого можетъ служить любое изъ его произведеній, гдѣ онъ часто въ вполнѣ опредѣленной формѣ указываетъ на это доминирующее значеніе метода. Это интересная сторона въ воззрѣніяхъ Декарта, которая, на мой взглядъ, необходимо вытекала, какъ будетъ видно дальше, изъ его своеобразнаго взгляда на разумъ. Въ то время, какъ для насъ методъ при всемъ его огромномъ значеніи не является «первымъ двигателемъ» построения научной теоріи, для Декарта онъ становится почти всѣмъ. «Ибо,—говоритъ онъ,—недостаточно имѣть здоровый духъ, а главное надо его примѣнять здоровымъ образомъ». Мало этого,—Декартъ, слѣдуя своему біографическому изложенію, говоритъ, что онъ открылъ новый методъ и что именно благодаря этому методу онъ и смогъ развить свою теорію¹⁾. «Для изслѣдованія истины, гласитъ четвертое правило стр. 15, необходимъ методъ». Резюмируя коротко взглядъ Декарта на значеніе метода, мы должны заключить, что по Декарту лучше всего не стремиться къ истинѣ, чѣмъ искать ее безъ метода. Какъ насъ учитъ исторія наукъ и философіи въ частности, методъ въ смыслѣ строго научной, опознанной системы приемовъ и правилъ научныхъ изслѣдованій и построений, какъ его требуетъ Декартъ, былъ почти всегда не первымъ, а сплошь

¹⁾ Подтверждающія цитаты см. Куно Фишеръ. *Gesch. d. neueren Philosophie*, Bd. I, наприм., S. 273 (2 изд.).

и рядомъ послѣднимъ продуктомъ научной мысли. Это абсолютированіе метода обще Декарту съ Бэкономъ.

Старый, традиціонный школьный методъ не могъ удовлетворить Декарта. Онъ, какъ и Бэконъ, вездѣ выступаетъ съ жалобами на ничтожество предшествовавшей ему школьной науки. Онъ вездѣ выражаетъ свое презрѣніе схоластикѣ-діалектикѣ, несмотря на свое настойчивое желаніе избѣжать всякихъ конфликтовъ съ официальной наукой, а тѣмъ болѣе съ церковью. Онъ вездѣ ясно и опредѣленно отворачивается отъ силлогизма и указываетъ ему мѣсто въ *риторикѣ*, такъ какъ онъ помогаетъ только сдѣлать болѣе понятнымъ уже найденное. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ четвертый абзацъ десятаго правила ¹⁾. Въ концѣ его онъ говоритъ... «Надо замѣтить, что діалектики ²⁾ со всѣмъ ихъ искусствомъ не могутъ построить ни одного силлогизма, который бы открывалъ истину, если они предварительно не овладѣли матеріей его, т.-е. если они раньше не познали истины, которую они выводятъ изъ силлогизма... обыкновенная діалектика совершенно бесполезна для тѣхъ, кому важно изслѣдованіе истины». Главный упрекъ схоластикѣ или діалектикѣ, какъ онъ презрительно называетъ современную ему школьную философію, сводится главнымъ образомъ къ упреку въ отсутствіи *системы*, т.-е. онъ требуетъ для философіи научности въ видѣ логически связаннаго и методически найденнаго и обоснованнаго знанія. Характерно, что въ своемъ «Изысканіи истины»... онъ влагаетъ воспримчивость къ истинѣ въ уста *не испорченнаго школьной наукой* Полиандра, въ то время какъ Эпистемонъ, представитель «діалектики», становится мишенью язвительной ироніи.

Такое рѣзко-отрицательное отношеніе къ «діалектикѣ» заставляетъ предполагать, что Декартъ нашелъ иной методъ, который онъ могъ предложить въ замѣнъ прежняго. Междъ тѣмъ строго научной теоріи во вкусѣ современныхъ трактатовъ Декартъ не далъ. Своеобразная манера Декарта излагать свои мысли, свое ученіе въ видѣ описанія личныхъ переживаній, привела даже къ тому, что наприм., по мнѣнію Куно Фишера, у Декарта не только не было *Novum Organon*, съ которымъ мы

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду произведеніе Декарта „Regulae“ и т. д.

²⁾ Подъ „ними“ Декартъ подразумѣваетъ схоластиковъ, приверженцевъ силлогизма.

встрѣчаемся у Бэкона¹⁾), но что у Декарта вообще нѣтъ методологическихъ произведеній въ смыслѣ точнаго и полнаго изложенія теоріи способа научныхъ изслѣдованій.

Межъ тѣмъ это не совсѣмъ такъ. Правда, какъ уже было сказано, строго выполненнаго во всѣхъ деталяхъ трактата о методѣ Декартъ не далъ. Самое вліяніе Декарта было оказано не теоріей о методѣ, а практическимъ примѣненіемъ найденныхъ принциповъ. Болѣе того, Декартъ самъ и не стремился къ такой методологической теоріи. Въ его произведеніяхъ часто встрѣчаются мѣста, гдѣ онъ проситъ не разсматривать его произведеній, какъ методологическій трактатъ даже тамъ, гдѣ такое разсмотрѣніе было бы болѣе всего къ мѣсту. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ къ своему «резиденту», какъ въ шутку называли его друга Mersenne, онъ говоритъ, что его Discours de la Methode не трактатъ о методѣ, а только коротенькій отчетъ о тѣхъ приемахъ, практическимъ образчикомъ которыхъ являются другія части его опытовъ²⁾. По нимъ, по его мнѣнію, лучше всего можно составить себѣ представленіе о его методѣ. И дѣйствительно, насколько Discours интересенъ въ біографическомъ отношеніи, настолько же мало онъ даетъ въ смыслѣ стройной научной теоріи. Описаніе метода въ видѣ субъективныхъ переживаній, на мой взглядъ, и вводитъ въ заблужденіе относительно наличности у Декарта стройной, опредѣленной методологической теоріи.

Межъ тѣмъ Декартъ несомнѣнно далъ такую теорію, поскольку вопросъ идетъ объ основныхъ взглядахъ, имѣющихъ принципиальное значеніе. Въ этомъ отношеніи особенно важны «Regulae» и первая часть «Principia», а также «Изысканіе». Хотя «Regulae» и «Изысканіе» и не окончены, тѣмъ не менѣе методъ Декарта въ его основныхъ чертахъ данъ съ достаточной полнотой и опредѣленностью. Въ недостающемъ продолженіи и окончаніи рѣчь могла идти только о деталяхъ, которыя не могли бы внести ничего новаго. И даже если бы это было не такъ, т.-е. если бы мы должны были познакомиться съ методомъ Декарта только путемъ изученія его на другихъ произведеніяхъ, то для насъ онъ своей исторической судьбой и вліяніемъ, а

1) Gesch. d. neueren Philosophie, т. I, 2 изд., стр. 273.

2) Въ 5 абзацѣ 1-ой части Discours онъ говоритъ, что не учитъ методу другихъ, а только открыто описываетъ тотъ путь, какимъ онъ шелъ.

также въ силу того значенія, какое Декартъ самъ приписывалъ ему, приобрѣтаетъ значеніе объективнаго метода, не метода Декарта, а научнаго метода вообще. Какъ таковой мы и въ правѣ его разсматривать.

Значеніе метода—служебное, какъ бы оно велико ни было. Поэтому для его яснаго пониманія надо знать тѣ цѣли, которымъ этотъ методъ служить. Такимъ образомъ вопросъ о методологическихъ взглядахъ находится въ сущности въ самой тѣсной связи съ теоретико-познавательными проблемами и требуетъ своего освѣщенія изъ этихъ задачъ. Это заставляетъ насъ сначала намѣтить вкратцѣ тѣ основныя познавательныя цѣли, которыя ставилъ себѣ Декартъ, а главное разсмотрѣть познавательныя силы и ихъ взаимоотношеніе, такъ какъ отъ ихъ взаимоотношенія стоитъ въ прямой зависимости методъ.

Какъ видно изъ перваго правила ¹⁾, цѣль научныхъ стремленій заключается въ томъ, чтобы относительно интересующихъ насъ въ стремленіи къ познанію предметовъ придти къ обоснованнымъ и истиннымъ сужденіямъ. Но этого мало. Эти сужденія, обращенныя на всѣ или на отдѣльную область познанія, должны представлять изъ себя систематически связанное цѣлое, т.-е. цѣлью является *система* обоснованныхъ и истинныхъ сужденій.

Я уже упомянулъ раньше, что Декартъ ставитъ въ особенный грѣхъ «діалектикѣ» отсутствіе системы. Возможность такой системы у него, какъ и въ большинствѣ случаевъ въ философіи, остается невыясненной. Это одна изъ основныхъ предпосылокъ Декарта. Порукой за возможность такой системы должно служить единство разума въ его непосредственной чистотѣ. Это убѣжденіе въ единствѣ разума Декартъ кладетъ въ основу своего научнаго универсализма, разсматривая отдѣльныя науки какъ вѣтви одного цѣлага. По Декарту «всѣ науки вмѣстѣ и представляютъ не что иное, какъ человѣческій разумъ, который всегда остается одинъ и тотъ же» ²⁾. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь, какъ близко подходитъ Декартъ къ понятію формъ познанія, какъ уже въ этомъ вѣкѣ намѣчается будущее а ригорі критицизма. Декартъ очень близко подходитъ въ своемъ

1) См. „Regulae“.

2) Правило I—2-й абзацъ.

взглядѣ на разумъ къ понятію наукоученія ¹⁾. Исходя изъ этого единства разума, онъ разсматриваетъ человѣческое познаніе какъ тѣсно и непрерывно связанное и считаетъ поэтому, что его не трудно найти, стоитъ только взять вѣрный исходный пунктъ и пользоваться вѣрнымъ методомъ. «Познанія,—говоритъ онъ въ своемъ «Изысканіи истины посредствомъ естественнаго свѣта» въ 3-емъ абзацѣ,—которыя не превышаютъ способности человѣческаго духа къ пониманію, всѣ связаны другъ съ другомъ такою чудесною связью и даютъ возможность вывести ихъ одно изъ другого посредствомъ столь необходимыхъ заключеній, что не надо большого искусства и ловкости, чтобы найти ихъ, если только умѣешь начать съ самыхъ простыхъ и подняться отсюда шагъ за шагомъ къ самымъ возвышеннымъ». Эта цитата уже бросаетъ достаточно яркій свѣтъ на методологическіе взгляды Декарта, такъ какъ убѣжденіе въ тѣсной, логической связи познаній и ихъ выводимости одного изъ другого указываетъ вполне опредѣленно на рационалистическій характеръ методологическихъ взглядовъ Декарта. Въ силу этого взгляда и унаследованной отъ среднихъ вѣковъ вѣры въ *lumen naturale* Декартъ вполне естественно долженъ былъ отвести методу центральное мѣсто. Ту же мысль и также вполне опредѣленно Декартъ высказываетъ устами Евдокса въ «Изысканіи» въ 32 абзацѣ.

Декартъ ставитъ въ прямую зависимость отъ познанія разсудка познаніе всѣхъ остальныхъ вещей, а не наоборотъ ²⁾. Этимъ уже намѣчается требованіе теоріи познанія. «Нѣтъ ничего полезнѣе здѣсь для изслѣдованія,—говоритъ Декартъ ³⁾, какъ то, что собой представляетъ человѣческое познаніе и какъ далеко оно простирается... Въ изслѣдованіи этого вопроса лежитъ истинный инструментъ всякаго знанія и весь *методъ*». Для Декарта нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всякій, кто стремится къ истинѣ, долженъ разъ въ своей жизни поставить передъ собой вопросъ во всемъ его объемѣ, потому что ему прежде всего необходимо проникнуть въ тѣ истины, которыя являются прямымъ слѣдствіемъ яснаго и отчетливаго познанія человѣческаго разума. Въ этомъ лежитъ также залогъ того, что наше познаніе не

1) Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ 2 абзацъ перваго правила.

2) Правило VIII—5 абзацъ.

3) *Ib.*, 10-й абзацъ.

выйдетъ за предѣлы доступнаго человѣческому познанію. Декартъ ясно и опредѣленно, при всемъ его рационализмѣ, признаетъ область доступнаго человѣческому познанію ограниченою. Съ такимъ признаніемъ границъ познанія мы встрѣчаемся во второмъ правилѣ, а также въ восьмомъ въ концѣ второго абзаца. Тамъ Декартъ признаетъ естественныя границы познанія и считаетъ самое уразумѣніе этихъ границъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ. То, чего человѣческой разумъ можетъ добиться, къ тому онъ придетъ неминуче, *если* онъ будетъ руководиться вѣрнымъ методомъ. И опять-таки методъ же долженъ являться показателемъ границы познанія: когда мы, руководствуясь вѣрнымъ методомъ, наталкиваемся на непреодолимое препятствіе, то это обозначаетъ, что мы пришли къ предѣлу достижимаго ¹⁾. Тамъ, гдѣ нѣтъ или невозможны ясныя и отчетливыя представленія, тамъ кончается познаніе, тамъ лежитъ его граница.

Такъ какъ Декартъ видитъ сущность науки въ необходимомъ очевидномъ знаніи, то всякія вѣроятности ложатся для него такимъ образомъ внѣ области собственно научнаго знанія. Въ этомъ отношеніи Декартъ стоитъ на одной точкѣ зрѣнія съ нѣмецкими идеалистами-метафизиками кантовской школы, напр., съ Шеллингомъ, и въ рѣзкомъ противорѣчій съ современнымъ пониманіемъ научности, допускающей и вѣроятности въ видѣ гипотезъ. Ихъ научность опредѣляется въ такомъ случаѣ степенью ихъ пригодности для объясненія соотвѣствующихъ явленій. Декартъ, какъ и упомянутые идеалисты-метафизики, ищетъ не такой теоріи, которая бы лучше всего объясняла міръ, а ему нужно *дѣйствительно* вѣрное объясненіе. Въ этомъ именно и лежитъ крупная доля догматизма Декарта:—въ крѣпкомъ непосредственномъ убѣжденіи въ томъ, что есть объективная дѣйствительность, независимая отъ познанія, и что познаніе должно согласоваться съ нею, что нужна *отражающая* эту дѣйствительность теорія. Т.-е. цѣлью служить не самая подходящая, а самая вѣрная теорія. Но рационалистъ Декартъ не могъ пойти путемъ опыта, поэтому онъ опредѣлилъ эту цѣль яснымъ и отчетливымъ, очевиднымъ познаніемъ, какъ истый рационалистъ, полагая, что найденная такимъ путемъ система и будетъ самымъ вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности.

1) Правило VIII, конецъ 2-го абзаца.

И тутъ легко сдѣлать соотвѣтствующіе выводы относительно метода Декарта. Съ гипотезами можетъ мириться только эмпирикъ, обосновывая ихъ и провѣряя фактами дѣйствительности. Для Декарта же, который стремился къ безусловному, необходимому знанію и только въ немъ видѣлъ научность, вполне послѣдовательно могъ быть только одинъ апріорный путь знанія, въ которомъ опыту въ обыкновенномъ смыслѣ слова могло быть отведено болѣе чѣмъ скромное мѣсто.

Итакъ, цѣлью науки вообще и философіи въ частности является система истинныхъ сужденій. Но что такое истина и въ чемъ заключаются ея критеріи?

Представленія какъ таковыя лежатъ для Декарта за предѣлами истины. Декартъ ясно понималъ, что они насъ обманывать не могутъ, и что предикатъ истиннаго или ложнаго приложимъ только къ сужденіямъ. Разсматривая человѣческое мышленіе ¹⁾, Декартъ сводитъ всѣ его различныя виды къ двумъ категоріямъ: къ представленію, — очевидно онъ употребляетъ это слово въ широкомъ смыслѣ слова,—и къ стремленію или волевой дѣятельности. Къ первой категоріи онъ относитъ ошущеніе, воображеніе, чистое мышленіе, — ко второму—желаніе, отвращеніе, утвержденіе, отрицаніе, сомнѣніе. Изъ вѣрнаго или невѣрнаго сочетанія ихъ въ сужденіи и получается въ соотвѣтствующемъ случаѣ то, что мы называемъ истиной или ложью. Этимъ Декартъ ясно и опредѣленно намѣчаетъ новѣйшее ученіе объ участіи волевого элемента въ сужденіи и видитъ его именно въ томъ, на что въ наше время указали съ особеннымъ удареніемъ Виндельбандъ и Риккертъ, т.-е. въ утвержденіи и отрицаніи, которыя онъ относитъ къ волевымъ актамъ. Рѣшающимъ факторомъ въ дѣлѣ присвоенія предиката истинности является такимъ образомъ волевой актъ. Этимъ Декартъ статуируетъ гносеологическій приматъ практическаго разума. Потому что только съ утвержденіемъ или отрицаніемъ мы получаемъ тотъ познавательный продуктъ, который мы называемъ сужденіемъ. «Къ акту сужденія,—говоритъ онъ ²⁾, конечно необходимъ разсудокъ, такъ какъ мы не можемъ судить о томъ, чего мы не представляемъ, но къ нему необходима и *воля*, чтобы утверждать представляе-

¹⁾ См. къ слѣдующему Principia I, § 32.

²⁾ Principia I, § 34.

мое». Характерно, что Декартъ начинаетъ свою философію тоже не чѣмъ инымъ, какъ *волевымъ* актомъ, такъ какъ сомнѣніе, какъ было указано въ предыдущемъ, принадлежитъ къ категоріи «стремленія или волевой дѣятельности»¹⁾. Съ этой точки зрѣнія и отстаиваніе свободы воли было для Декарта логической необходимостью.

«Естественный свѣтъ нашего ума,—говорить Декартъ²⁾, учить насъ, что познавательная дѣятельность разума должна всегда предшествовать рѣшенію воли. — Въ этомъ-то неправильномъ употребленіи свободнаго рѣшенія и заключается недостатокъ, составляющій форму заблужденія». Въ то время, какъ расцудокъ ограниченъ яснымъ и отчетливымъ познаніемъ, воля не знаетъ никакихъ границъ и даетъ свою санкцію смутнымъ и неяснымъ представленіямъ³⁾. Такимъ образомъ истина по Декарту заключается въ утвержденіи сужденіемъ яснаго и отчетливаго представленія. Понятіе яснаго и отчетливаго Декартъ опредѣляетъ въ *Principia I* § 45 слѣдующимъ нѣсколько туманнымъ образомъ: «яснымъ я называю такое представленіе, которое находится открыто передъ взоромъ внимательнаго духа; такъ мы говоримъ: мы видимъ ясно, если объектъ находится передъ созерцающимъ окомъ и зрительное впечатлѣніе достаточно сильно и опредѣленно. Отчетливымъ я называю такое представленіе, которое ясно и въ то же время настолько отдѣлено и отрѣзано отъ всего другого, что оно содержитъ въ себѣ только ясное».

Присматриваясь внимательно къ ученію Декарта, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Введенскаго, который говоритъ⁴⁾: «Если присмотрѣться къ различнымъ случаямъ, въ которыхъ онъ употребляетъ эти термины, то оказывается, что подъ яснымъ и отчетливымъ усмотрѣніемъ онъ подразумѣваетъ усмотрѣніе *логической* необходимости». Какъ мнѣ кажется, этимъ этотъ критерій сильно стуживается и не охватываетъ всей области его

1) *Ib.* I § 32.

2) „Размышленія“. Пер. Невѣжиной, стр. 64.

3) Въ вопросѣ о представленіи,—какъ и о расцудкѣ,—Декартъ вноситъ нѣкоторую туманность тѣмъ, что по одной—доминирующей—версіи представленія не могутъ быть ложными, по другой они могутъ быть ложными, и онъ говоритъ о невѣрныхъ представленіяхъ. Наприм., *Principia I*, § 33 онъ говоритъ: „Если мы что-нибудь невѣрно представляемъ, какъ это бываетъ“...

4) Въ предисловіи къ переводу Невѣжиной „Размышлений“ стр. XXX въ примѣчаніи.

примѣненія у Декарта. Прежде всего онъ не подходитъ къ *cogito ergo sum*, которое нельзя понимать какъ заключеніе, — оно есть интуиція по Декарту. Какъ извѣстно, этого «*ergo*» въ латинскомъ текстѣ не было. Логическая же необходимость примѣнима только къ выводамъ. Кромѣ того, въ теоріи познанія Декарта доминирующее положеніе занимаетъ интуиція, къ которой по существу логическая необходимость непримѣнима. Она-то именно и даетъ самыя цѣнныя истины, изъ которыхъ мы можемъ дѣлать выводы съ характеромъ логической необходимости. Такимъ образомъ этотъ критерій долженъ носить характеръ *интуитивной* необходимости, потому что истины Декарта по преимуществу интуитивнаго характера, — такими, по крайней мѣрѣ, рисуетъ ихъ самъ авторъ.

Таковъ критерій истины у Декарта. Но истина въ связи съ требованіями Декарта принимаетъ еще одну особую черту, которая придаетъ ей вполне опредѣленный, рѣзко ограниченный отъ современнаго характеръ. Въ то время какъ въ современной философіи понятіе истины въ большинствѣ случаевъ принимаетъ динамическій характеръ, у Декарта истина понимается субстанціально и настолько рѣзко, что онъ отождествляетъ ее съ бытіемъ. «Ибо вполне очевидно, говоритъ онъ въ «Размышленіяхъ»¹⁾, что все истинное есть нѣчто, такъ какъ *истина то же самое, что бытіе*». Это отождествленіе станетъ намъ понятнымъ, если мы припомнимъ ту особенность, на которую я указалъ нѣсколько выше какъ на черту общую Декарту съ метафизиками послѣ кантовскаго періода: задача науки была найти теорію, адекватную дѣйствительности, бытію. Такимъ образомъ истина въ силу полной адекватности должна была отождествиться съ бытіемъ.

Обратимся теперь къ факторамъ познанія. Какую роль играетъ воля въ познаніи, въ образованіи сужденій, мы уже видѣли. Изъ другихъ Декартъ называетъ чувство, память, воображеніе и разсудокъ. Разсмотримъ ихъ.

Разсматривая взгляды Декарта на чувства и ихъ роль, т.-е. гносеологическое значеніе опыта въ современномъ смыслѣ слова, мы встрѣчаемся съ нѣсколько колеблющимся взглядомъ. Съ одной стороны, Декартъ какъ будто является вѣрнымъ наслѣдникомъ средневѣковаго отношенія къ познавательной цѣнности

1) Стран. 70. Перевод. подъ ред. Введенскаго.

показаній чувствъ, но съ другой мы встрѣчаемся у него и съ признаніемъ за ними извѣстнаго значенія. Я уже указалъ раньше на то, что по Декарту представленія насъ не могутъ обманывать, но что ошибки возможны только въ сужденіи. Хотя этому противорѣчить § 33 Principia 1, тѣмъ не менѣе этотъ взглядъ является и болѣе цѣннымъ для насъ, и болѣе подходящимъ къ общимъ взглядамъ Декарта. Чувственные впечатлѣнія, наглядныя сужденія представляютъ тотъ матеріалъ, изъ котораго и на которомъ формируется сужденіе.

Но Декартъ тѣмъ не менѣе ставитъ познавательную цѣнность чувствъ очень невысоко. Неясное и неотчетливое познаніе ставится прямо насчетъ чувствъ. «Поскольку дѣло касается отчетливости»,—говоритъ онъ¹⁾,—«вина лежитъ въ чувственности, которая въ особенности въ дѣтствѣ слишкомъ поглощаетъ разсудокъ». Декартъ ясными примѣрами показываетъ, напр., въ § 71 Principia 1, какъ мы въ дѣтствѣ, этой порѣ почти исключительнаго господства чувственныхъ воспріятій, запасаемся непреодолимыми предразсудками, измѣряя степень дѣйствительности силой чувственного впечатлѣнія. Этимъ онъ и объясняетъ тотъ фактъ, что мы въ дѣтствѣ не сомнѣваемся въ существованіи камня, но плохо понимаемъ существованіе воздуха, величину звѣздъ и т. д. «Такъ какъ мы рождаемся дѣтьми»,—говоритъ онъ²⁾,—и составили себѣ кой-какія сужденія по чувственнымъ вещамъ, то насъ отклоняетъ много предразсудковъ отъ познанія истиннаго». Самый фактъ, что сомнѣніе Декарта направилось прежде всего противъ показаній чувствъ не оставляетъ сомнѣній, что въ чувственности мы имѣемъ главный источникъ лживыхъ познаній. Вотумомъ полного недоверія чувственности Декартъ заканчиваетъ первую часть своихъ Principia.

Но взгляды Декарта на этотъ вопросъ этимъ не исчерпываются. Онъ далеко не былъ рационалистомъ крайней степени. Мы знаемъ, напр., что Декартъ нерѣдко прибѣгалъ къ собственноручному анатомированію животныхъ, т.-е. къ опыту. Духъ времени сказался у него съ громадной силой, хотя онъ вышелъ изъ другой школы и стоялъ подъ рѣшающимъ вліяніемъ математики. Признавая разсудокъ за основной факторъ познанія, онъ

1) Principia 1, § 47.

2) Ib. § 1.

говоритъ, что ему мѣшаютъ или *поддерживаютъ* его чувства наглядныя представленія и память ¹⁾. Ту же, правда только ограниченно вспомогательную роль чувствъ Декартъ признаетъ и въ XII правилѣ во 2-мъ абзацѣ. «Правда, только разсудокъ способенъ схватывать истину, но его должны поддерживать сила воображенія, чувства и память, чтобы мы не оставили чего-нибудь неиспользованнымъ изъ того, къ чему у насъ есть способность». Правила XIV, XV и XVI рекомендуютъ прибѣгать къ нагляднымъ представленіямъ, чтобы не ослаблять вниманія и поддержать память. Но и вспомогательную роль чувствъ Декартъ ограничиваетъ познаніемъ тѣлесныхъ вещей, въ остальныхъ случаяхъ интеллекту нечего ожидать отъ нихъ. Онъ говоритъ ²⁾: «изъ всего этого слѣдуетъ съ очевидностью, что если интеллектъ направленъ на вещи, въ которыхъ нѣтъ ничего тѣлеснаго или подобнаго тѣлесному, то онъ не долженъ ожидать поддержки отъ тѣхъ силъ (Декартъ имѣетъ въ виду чувства, память и т. д.). Наоборотъ необходимо удалить чувства, чтобы они не мѣшали интеллекту, и охранять чувственную интуицію отъ всякаго раздѣльнаго впечатлѣнія. Но если разсудокъ ставитъ себѣ цѣлью изслѣдовать что-нибудь, что можно отнести къ тѣлу, то идея послѣдняго должна быть образована въ чувственномъ наглядномъ представленіи такъ ясно, какъ только это возможно».

Такимъ образомъ недовѣріе къ чувственности смѣшивается у Декарта съ нѣкоторымъ признаніемъ ея роли. Вотировавъ чувствамъ недовѣріе, а въ концѣ своихъ «Размышленій» скорѣе осторожное отношеніе къ ихъ показаніямъ, Декартъ приходитъ къ заключенію, что чувства чаще даютъ вѣрныя показанія, чѣмъ ложныя. Все зависитъ отъ того, какъ ими пользоваться. И именно тутъ-то и рѣшается весь вопросъ вѣрнымъ методомъ. Чтобы избѣжать ошибокъ, Декартъ рекомендуетъ взаимный контроль чувствъ: «я теперь знаю,—говоритъ онъ ³⁾,—что *всѣ* мои чувства даютъ мнѣ чаще истинныя, чѣмъ ложныя показанія относительно того, что касается тѣлесныхъ удобствъ или неудобствъ, а почти всегда я могу пользоваться *нѣсколькими* изъ моихъ чувствъ для изслѣдованія одной и той же вещи».

¹⁾ Regulae, 12 абзацъ VIII правила.

²⁾ Ib. Правило XII, 11-й абзацъ.

³⁾ „Размышленія“ пер. подъ редакціей профессора Введенскаго стр. 95.

Таково значеніе чувственности. Этимъ достаточно характеризуется и отношеніе Декарта къ эмпиризму. Но къ этому вопросу мы еще вернемся. Теперь мы обратимся къ другому агенсу познанія—разсудку.

И тутъ Декартъ нѣсколько калebleтся въ своемъ пониманіи разсудка. Очевидно, что вначалѣ онъ его беретъ въ широкомъ смыслѣ слова, какъ онъ это дѣлаетъ и съ понятіемъ мышленія вообще, понимая подъ нимъ, по его собственному опредѣленію, сумму всѣхъ мыслительныхъ дѣятельностей, а не самосознаніе, но въ то же время онъ хочетъ видѣть въ немъ простѣйшее опредѣленіе. Евдоксъ въ «Изысканіи» не удовлетворяется отвѣтомъ Полиандра, что человѣкъ разумное существо, видя въ двухъ послѣднихъ понятіяхъ двѣ новыя проблемы, но считаетъ вполне удовлетворительнымъ опредѣленіе человѣка мышленіемъ, очевидно считая это понятіе простымъ и не видя въ немъ никакихъ проблемъ.

Изъ общаго понятія разсудка Декартъ понемногу выдѣляетъ разсудокъ въ собственномъ смыслѣ слова, это то, что мы лучше всего могли бы назвать по современной терминологіи разумомъ. Въ дальнѣйшемъ мы именно это понятіе и будемъ имѣть въ виду, такъ какъ Декартъ самъ, наприм., въ Principia, производитъ такого рода различіе. Да и самый ходъ мыслей, который будетъ изложенъ дальше, побуждаетъ принять это подраздѣленіе за декартовское, потому что только при условіи признанія такого «чистаго разума» возможно понять и согласовать гносеологическія и методологическія воззрѣнія Декарта.

Первую часть своего «Разсужденія о методѣ» Декартъ начинаетъ очень интереснымъ и глубоко важнымъ по своимъ послѣдствіямъ убѣжденіемъ въ томъ, что всѣ люди обладаютъ *одинаковымъ* разумомъ.—Подъ здравымъ человѣческимъ разсудкомъ или разумомъ онъ понимаетъ способность образовывать истинныя сужденія и отличать истинное сужденіе отъ ложнаго. Фактическое различіе индивидуальныхъ разсудковъ, котораго Декартъ и не думаетъ отрицать, онъ относитъ не къ разуму, какъ таковому, а къ различію въ объективныхъ условіяхъ и въ примѣненіи. «Способность образовывать вѣрныя сужденія,—говоритъ онъ ¹⁾,—и отличать истинное отъ ложнаго, собственно

¹⁾ Discours I, 1-й абзацъ.

то, что называется здравымъ человѣческимъ разсудкомъ или разумомъ отъ природы, одинакова у всѣхъ людей, и сообразно съ этимъ различіе нашихъ воззрѣній происходитъ не отъ того, что одни разумнѣе другихъ, а только оттого, что мы ведемъ наши мысли различными путями и рассматриваемъ не одни и тѣ же предметы.

Какъ въ гносеологическомъ, такъ и въ методологическомъ отношеніи это признаніе одинаковаго разума у всѣхъ въ высшей степени важно и богато послѣдствіями, потому что Декартъ на основаніи этого положенія долженъ былъ послѣдовательно перенести центръ тяжести въ методъ,—и мы знаемъ, что онъ придавалъ методу огромное значеніе: это вопросъ, къ которому онъ возвращается то и дѣло.—Методомъ рѣшалось все: такъ стоило только какъ слѣдуетъ, т. е. научно методически пользоваться разумомъ, чтобы придти къ общеобязательнымъ, несомнѣннымъ истинамъ. Если принять это положеніе, — съ которымъ мы встрѣчаемся уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ философскихъ произведеній и притомъ съ первыхъ же строкъ, — за основное, то отсюда легко понять это возвеличеніе метода.

Къ этому убѣжденію объ одинаковомъ разумѣ у всѣхъ Декартъ приходитъ повидимому прежде всего на основаніи того, что онъ есть главное *differentia specifica* между человѣкомъ и животнымъ. Кромѣ того, разумъ для него представляетъ субстанцію, которая по метафизическому кодексу не допускаетъ какого бы то ни было «болѣе или менѣе», а потому онъ склоняется къ тому, чтобы признать разумъ за общее, а различіе перенести въ «акциденціи». „Что касается разума или здраваго человѣческаго разсудка,—читаемъ мы въ *Discours* 1—2 абзацъ,—то я все-таки полагаю, что онъ имѣется у всякаго въ полности и цѣликомъ, такъ какъ онъ есть то единственное, что насъ дѣлаетъ людьми и отличаетъ насъ отъ животныхъ, и я въ этомъ отношеніи придерживался бы обычнаго воззрѣнія философовъ, по которому «болѣе или менѣе» бываетъ только между акциденціями, но ни въ какомъ случаѣ не между «формами» или натурами «индивидуовъ» одного и того же «вида». Какъ бы въ поясненіе къ этому убѣжденію Декартъ въ слѣдующихъ строкахъ прибавляетъ, почему именно онъ претендуетъ на знаніе и

1) Написанныя курсивомъ слова выдѣлены мною.

постановку метода: его привели къ знанію, говорить онъ, «опредѣленные пути», по которымъ онъ шелъ съ юности, и открытый имъ методъ. Только понимая по приведенной цитатѣ разумъ какъ *differentia specifica* челоуѣка, мы сможемъ объяснить себѣ загадочное утвержденіе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ «Разсужденіяхъ» въ концѣ 78-й страницы. Тамъ Декартъ говоритъ, «что существующая во мнѣ способность представлять, поскольку она отличается отъ дѣятельности пониманія, никоимъ образомъ *не необходима* ¹⁾ моей природѣ или моей сущности, т.-е. сущности моего духа. Ибо безъ сомнѣнія я остался бы тѣмъ же, что и теперь, если бы даже и не имѣлъ ея». Это одна изъ характерныхъ чертъ рационалиста Декарта.

Самый критерій истины, истиннаго познанія въ видѣ требованія ясности и отчетливости представляется мнѣ мыслимымъ только при условіи одинаковаго познавательнаго *agens'a* у всѣхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ: то, что разумное становится яснымъ и отчетливымъ одному, то *не можетъ* быть неяснымъ и неотчетливымъ другому, потому что разумъ или «способность образовывать истинныя сужденія и отличать истинное отъ ложнаго» заложено въ *одинаковой и равной* степени у всѣхъ, потому что ясно и отчетливо познанное берется въ сущности по Декарту только нѣсколько разъ по отношенію къ одному и тому же фактору, только въ нѣсколькихъ ищущихъ познанія индивидахъ. Для послѣдующей философіи этотъ критерій именно потому и потерялъ понемногу свой смыслъ, что исчезла его предпосылка объ одинаковомъ разумѣ. Декартъ правда очень близко подходитъ къ апріорнымъ формамъ познанія въ Кантовскомъ смыслѣ, но все-таки онъ ихъ нигдѣ не схватилъ, и его «чистый разумъ» не пошелъ дальше приближенія, а въ послѣдствіи онъ разложился на апріорныя формы, а главное изъ него выдѣлился интеллектъ въ узкомъ смыслѣ слова, который допускаетъ самую разнообразную градацию.

Сообразно съ этимъ Декартъ вездѣ дѣлаетъ удареніе на томъ, что онъ имѣетъ въ виду не геніевъ, а *среднихъ* людей. Таковъ Поліандръ въ его «Изслѣдованіи», въ уста котораго онъ влагаетъ истину. Онъ его представляетъ намъ какъ челоуѣка средняго, какъ челоуѣка только здраваго разсудка, не испорченнаго школь-

¹⁾ Подчеркнуто мною М. Р.

ной мудростью¹⁾. Онъ вездѣ апеллируетъ не къ ученому разуму, а къ тому общему всѣмъ здравому разуму, который въ его глазахъ какъ *lumen naturale*, какъ чистый разумъ одинъ только способенъ постичь полную истину, найденную тѣмъ же свободнымъ отъ предразсудковъ *lumine naturale*. Довѣріе Декарта къ «естественному свѣту» почти безгранично.—«Тѣ, кто будетъ пользоваться только своимъ естественнымъ, совершенно чистымъ разумомъ, будетъ лучше судить о моихъ воззрѣніяхъ, чѣмъ тѣ, кто вѣритъ только въ старыя книги». Разумъ какъ *lumen naturale* является исключительнымъ источникомъ истины и пониманія. Какъ я уже указалъ раньше, роль остальныхъ факторовъ незначительная, чисто вспомогательная и притомъ ограниченная тѣлесною областью. «Правда, только разсудокъ способенъ схватывать истину», говоритъ Декартъ въ XII правилѣ въ 2 абзацѣ своихъ *Regulae*. Самое заглавіе «Изысканіе истины посредствомъ естественнаго свѣта, который *исключительно изъ себя* и безъ помощи религіи и философіи» и т. д. показываетъ мощь этого «естественнаго свѣта». Онъ для Декарта источникъ «истинныхъ сокровищъ²⁾». Чтобы найти истину, говоритъ онъ, наприм. въ самомъ концѣ своего изысканія въ 32 абзацѣ словами Евдокса, «требуется, по моему мнѣнію, дать говорить одному Полиандру; ибо такъ какъ онъ не слѣдуетъ никакому другому учителю, кромѣ здраваго, человѣческаго разсудка, и такъ какъ его разумъ не помутненъ никакимъ предразсудкомъ³⁾, то *почти невозможно*, чтобы онъ обманулся, или онъ легко замѣтитъ это и *безъ труда* возвратится на вѣрный путь». Нѣсколько страницъ раньше, въ 19 абзацѣ Евдоксъ-Декартъ говоритъ, что естественный разумъ Полиандра такъ хорошо ведетъ его впередъ, что «и въ самомъ дѣлѣ *ничего* больше не надо, какъ только предоставить васъ самимъ себѣ и заботиться только о томъ, чтобы наводить васъ на путь». Болѣе того, въ слѣдующихъ строкахъ онъ говоритъ, что даже для отысканія самыхъ трудныхъ истинъ не надо ничего, кромѣ здраваго человѣческаго разсудка.

Основываясь на этомъ убѣжденіи въ томъ, что общій всѣмъ людямъ *lumen naturale* есть настоящій источникъ истины, мы

1) См. „Изысканіе“. Предисловіе 6-й абзацъ.

2) „Изысканіе истины“... Предисловіе, 2-й абзацъ.

3) Какъ не побывавшій въ тогдашней школьной выучкѣ. М. Р.

сможемъ понять и другое утверждение Декарта, что «всѣ науки вмѣстѣ и суть не что иное, какъ человѣческій разумъ, который всегда остается одинъ и тотъ же¹⁾». Только что приведенная мысль интересна еще и въ томъ отношеніи, что она намъ показываетъ, какъ близко подошелъ Декартъ къ зачаткамъ критицизма и наукоученія.

Въ этомъ заключается глубоко рационалистическая черта въ философскомъ мышленіи Декарта. Мы уже разсмотрѣли его отношеніе къ роли чувствъ въ познавательномъ процессѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ опыту въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Тамъ Декартъ является намъ анэмпиристомъ, какъ говоритъ проф. Введенскій. Какъ мы видѣли, отношеніе Декарта къ чувственности было двойственно: онъ не отрицалъ ея роли цѣликомъ, но и признаніе ея у него не идетъ далеко. Въ общемъ это отношеніе было скорѣе отрицательное и тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе мы подходимъ къ чисто философской области познанія. Тамъ начинается исключительное, абсолютное господство разума, на немъ по крайней мѣрѣ Декартъ настаиваетъ въ теоріи, хотя на практикѣ онъ не вездѣ оставался вѣренъ ему.

Тѣмъ менѣе можно говорить о Декартѣ какъ объ эмпирикѣ, какъ это дѣлаетъ безъ всякихъ оговорокъ, наприм., Бухенау, одинъ изъ нѣмецкихъ переводчиковъ Декарта въ предисловіи къ своему переводу. Декартъ былъ далекъ отъ эмпиризма въ современномъ смыслѣ слова, но было бы большой ошибкой думать, что онъ былъ совершенно чуждъ эмпиризму въ особомъ своеобразномъ смыслѣ. Къ разсмотрѣнію этой стороны вопроса я и перехожу теперь.

Прежде всего, интересно то обстоятельство, что Декартъ послѣ окончанія школы въ La Fleche ушелъ не вглубь школьной науки, а окунулся въ гущу жизни. Онъ пошелъ не въ томъ направленіи, въ какомъ обыкновенно идутъ въ такихъ случаяхъ подающіе большія надежды молодые люди: въ университеты, высшія школы, наконецъ, онъ могъ остаться преподавателемъ въ школѣ и продолжать тамъ свою научную дѣятельность. Декартъ пошелъ въ обученіе путемъ всесторонняго *опыта жизни*. — «Я не хотѣлъ, — говоритъ онъ, — искать никакой науки, кромѣ той, которую я *найду въ самомъ себѣ или въ великой книгѣ міра*». И мы знаемъ,

¹⁾ Regulae I ч., 2-й абзацъ.

что за этимъ слѣдовали служба, путешествія и т. д. Декартъ придавалъ большое значеніе изученію «міровой книги», но это не былъ опытъ въ смыслѣ эксперимента, а опытъ житейскій, по поводу котораго долженъ былъ проявиться «естественный свѣтъ», на которомъ онъ долженъ былъ *зажечься*. Проникшись презрѣніемъ и недоверіемъ къ схоластикѣ и современной ему школьной наукѣ, онъ какъ будто распространяетъ это недовольство на науку вообще и, стремясь къ ея обновленію, зоветъ людей въ жизнь и къ пользованію на ней *lumine naturali*.

Нельзя не обратить вниманія на то, что «книга міра» приковывала къ себѣ интересъ не одного только Декарта. Послѣ средневѣковой отрѣшенности отъ грѣховной природы «Книга міра» съ Возрожденіемъ все болѣе и болѣе захватывала умы, и мы встрѣчаемся съ тѣмъ же стремленіемъ и съ тѣмъ же выраженіемъ, наприм., у другого главы новой философіи—у Бэкона. Онъ писалъ королю Якову I по поводу своего сочиненія, что его книга списана съ очень старой книги, а именно съ самого міра ¹⁾. Едва ли мы впадемъ въ особенно крупную ошибку, если предположимъ, что только что раскрывшаяся тогда «Книга міра» была своего рода *terminus technicus* для того интереса къ природѣ, который тогда былъ довольно общимъ теченіемъ.

Какое громадное значеніе Декартъ придавалъ своему изученію «книги міра», объ этомъ говорятъ намъ многія страницы его сочиненій. Самый методъ свой онъ добылъ чисто опытнымъ путемъ, путемъ особаго внутренняго опыта, съ которымъ мы познаемъ дальше, говоря объ интуиціи; на это указываетъ и «*Meditationes*», и «*Principia*». Да и иначе самое изложеніе въ видѣ субъективныхъ переживаній, которыя такъ любитъ Декартъ, было бы мало понятнымъ. Въ поискахъ за истиной, правильнѣе за основными истинами Декартъ прибѣгнулъ къ всестороннему опыту. Опытъ этотъ долженъ быть не только научнымъ,—мы знаемъ изъ біографіи Декарта, что онъ тогда прибѣгалъ къ анатомированію животныхъ,—но и житейскимъ, и пожалуй главнымъ образомъ житейскимъ. Жизнь и объективная обстановка, конечно, не могли быть для него безразличны, потому что, хотя Декартъ этого и не высказываетъ, въ глубинѣ философскихъ исканій всегда заложено и стремленіе къ научному міро-

¹⁾ См. Heussler „Fr. Bacon und seine geschichtliche Stellung“ стр. 24.

созерцанію. Принципъ этого житейскаго опыта быть зрителемъ, а не актеромъ, а чтобы еще крѣпче удержаться на этой позиціи, Декартъ рѣшилъ до открытія новаго не отвергать стараго ¹⁾. Въ Discours III ч. въ 12 абзацѣ онъ говоритъ, что продолжалъ свое образованіе и отыскиваніе истины съ *«большимъ успѣхомъ, можетъ быть, чѣмъ если бы я никогда ничего иного не дѣлалъ, какъ только читалъ бы книги, да общался бы съ учеными людьми»*. Самый исходный пунктъ положительнаго философскаго строительства былъ добытъ опытнымъ путемъ, констатированіемъ факта внутренняго переживанія, интуитивной истины. По существу cogito ergo sum не заключеніе, а утвержденіе интуитивнаго характера. Я уже напомнилъ раньше, что въ латинскомъ текстѣ «Размышлений» первоначально не было «ergo» ²⁾.

Но Декартъ, какъ мы знаемъ, очень низко оцѣнивалъ чувственность и сообразно съ этимъ не могъ имѣть въ виду въ этомъ обоготвореніи опыта жизни и изученіи «книги міра» опытъ въ обычномъ смыслѣ слова. И дѣйствительно. Тотъ фактъ, что Декартъ не дедукцію, а интуицію ставитъ во главѣ угла, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, что собственно онъ имѣлъ въ виду подъ понятіемъ опыта. Уже то обстоятельство, что Декартъ приписывалъ жизненному опыту такое громадное значеніе, придаетъ его эмпиризму своеобразный характеръ. Эта своеобразность еще рѣзче намѣчается его взглядами на роль интуиціи.

Какъ типичный эмпиристъ держится за *показанія чувствъ и опытъ*, такъ рѣзко выраженный рационалистъ обыкновенно переноситъ центръ тяжести въ познаніи въ апріорныя истины, въ чистый разумъ, а главное въ понятія, опредѣленія, въ *дедукцію*. Тѣмъ интереснѣе представляется тотъ фактъ, что Декартъ, занявшій въ исторіи философіи почетное мѣсто отца рационализма, въ сущности не подходитъ цѣликомъ по своимъ воззрѣніямъ подъ рубрику рационалистовъ въ выше указанномъ смыслѣ: у него мы встрѣчаемся и съ тѣми, и съ другими чертами.

Что Декарта нельзя назвать эмпиристомъ въ полномъ употребительномъ значеніи этого слова, это мы видѣли уже раньше, и это едва ли требуетъ особыхъ доказательствъ. Правда,

¹⁾ См. Discours III ч. 10-й абзацъ.

²⁾ См. Бухенау въ предисловіи къ Т. I. перевода Декарта стр. 68. примѣчаніе 15-е.

Декартъ называетъ въ *Regulae* въ V абзацѣ 11 правила два пути къ познанію: опытъ и дедукцію. Но тутъ же называетъ наши познанія изъ опыта обманчивыми и отдаетъ предпочтеніе дедукці, потому что она можетъ оказаться неполной, незаконченной, но никогда не приведетъ къ ошибкамъ, если она будетъ достаточно изолирована отъ вліянія опыта¹⁾. Здѣсь Декартъ имѣетъ въ виду опытъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. При этомъ это почти единственное мѣсто, въ которомъ Декартъ безъ обиняковъ называетъ въ числѣ самостоятельныхъ познавательныхъ путей и опытъ. Обычная же роль его, какъ я уже говорилъ, это роль вспомогательнаго фактора познанію и то по отношенію къ области тѣлесныхъ вещей. Такимъ образомъ Декартъ не эмпиристъ.

Но онъ и не рационалистъ исключительно. Мы видѣли, что его отношеніе къ «діалектикѣ», сущность которой лежитъ въ дедукціи, далеко отъ полного признанія. Такимъ образомъ у Декарта не хватаетъ до исключительнаго рационалиста въ традиціонномъ смыслѣ одного изъ существенныхъ признаковъ. Въ своихъ теоритико-познавательныхъ и методологическихъ разсужденіяхъ Декартъ въ сущности очень мало удѣляетъ вниманія дедукціи, не отрицая за ней ея познавательной цѣнности. Но во главу угла онъ ставитъ интуицію, и это-то и есть то, что придаетъ его взглядамъ своеобразный характеръ. Какъ это ни парадоксально звучитъ, Декарта можно было бы назвать рационалистическимъ эмпиристомъ. Интуиція—это познаніе путемъ внутренняго переживанія, внутренняго опыта. Типичный рационалистъ Спиноза, хотя и онъ въ деталяхъ не остался совершенно нетронутымъ эмпиризмомъ:—онъ выставляетъ нѣкій рядъ опредѣленій и аксіомъ и строитъ изъ нихъ дедуктивнымъ путемъ свою систему. У Декарта нѣтъ ничего подобнаго. Все изложеніе Декарта идетъ совершенно инымъ путемъ. Въ основѣ у него лежитъ внутреннее проникновеніе, это лучъ *luminis naturalis* «естественнаго свѣта», который нельзя понять иначе какъ переживаніе. У него нѣтъ истинъ, почерпнутыхъ изъ внѣшняго міра посредствомъ чувствъ, какъ у эмпиристовъ, но у него нѣтъ и опредѣленій и аксіомъ, изъ которыхъ онъ могъ бы вывести все остальное, какъ это дѣ-

1) Въ *Regulae* (XII правило 4-й абзацъ) Декартъ говоритъ, что у чловѣка кромѣ интуиціи и дедукціи нѣтъ другихъ путей къ истинѣ. Это полный отказъ обыкновенному эмпиризму.

лають рационалисты. Подвергнувъ сомнѣнію все, онъ останавливается на *констатированіи интуиціей факта, который является его разуму яснымъ и отчетливымъ*. Это основной фактъ. И только затѣмъ вступаетъ въ свои права дедукція на основаніи причинности, одинаковой реальности причины и дѣйствія и т. д.

Нельзя не упомянуть, что въ «Изысканіи истины» въ 27 абзацѣ Евдоксъ называетъ «*cogito ergo sum*» заключеніемъ разума. Въ этомъ повидимому сказалась та же неопредѣленность и неточность выраженія, какъ и наприм., въ употребленіи понятія разсудка. Оправданіе этой неточности даетъ самъ Декартъ нѣсколько строчекъ ниже. «Между прочимъ есть цѣлый рядъ вещей, которыя становятся темнѣе, если мы пытаемся *опредѣлить* ихъ, потому что онѣ, какъ я утверждаю, такъ просты и ясны, что мы ихъ никакъ не можемъ понять лучше, чѣмъ *изъ самихъ себя*. Болѣе того, къ самымъ главнымъ ошибкамъ, можетъ быть, которыя только можно сдѣлать въ наукахъ; надо причислить ошибки тѣхъ, кто хочетъ опредѣлить то, что можно только помыслить (*conspicere*), и кто не въ состояніи отличить ясные предметы отъ темныхъ или то, что, чтобы быть познаннымъ, требуетъ и заслуживаетъ опредѣленія,—отъ того, что можно отлично познать *изъ самою себя*». Сюда Декартъ причисляетъ сомнѣніе, сознание и существованіе. Въ только что приведенной цитатѣ достаточно сказывается характеръ отношеній Декарта къ рационализму и эмпиризму.

Въ *Regulae III* въ концѣ 4-го абзаца Декартъ называетъ два несомнѣнныхъ пути къ истинѣ: *интуицію и дедукцію*. Въ слѣдующихъ абзацахъ онъ говоритъ объ интуиціи и прежде всего даетъ ея опредѣленіе. «Подъ интуиціей,—говоритъ онъ,—я понимаю не часто мѣняющееся свидѣтельство чувствъ или обманчивое сужденіе, которое опирается на путанные образы чувственного нагляднаго представленія (это направлено противъ эмпиризма. М. Р.), а настолько простое и *инстинктивное* (это противъ рационализма, какъ и слѣдующее. М. Р.) пониманіе чистаго и внимательнаго духа... или выше всякаго сомнѣнія стоящее пониманіе чистаго и внимательнаго духа, которое рождается исключительно *отъ свѣта* разума¹⁾. И при томъ *интуиція очевиднѣе*, потому

¹⁾ Декартъ подвигаетъ интуицію повидимому въ опасную близость съ мистическимъ проникновеніемъ.

что проще чѣмъ дедукція». Въ концѣ 8-го абзаца Декартъ указываетъ, что если и дедукція наравнѣ съ интуиціей способна привести къ познанію принциповъ, выведенныхъ изъ основныхъ, то во всякомъ случаѣ познаніе этихъ *основныхъ* принциповъ мыслимо *только путемъ интуиціи*. А для Декарта нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всякій, кто стремится къ изслѣдованію всѣхъ истинъ, прежде всего долженъ проникнуть въ основныя истины: онѣ даются только путемъ интуиціи, а она есть въ свою очередь то, что, прибѣгая къ парадоксальному выраженію, можно назвать рационалистическимъ эмпиризмомъ.

Въ интуиціи, сообразно съ этимъ, не можетъ быть и ошибки. Ибо ошибки возможны только тамъ, гдѣ есть сужденіе, такъ какъ онѣ заключаются въ несоотвѣтствующемъ утвержденіи или отрицаніи, а съ ними мы встрѣчаемся въ сужденіи ¹⁾. Болѣе того. Интуиція по Декарту собственно не имѣетъ отношенія къ проблемамъ, въ которыхъ по его пониманію ищутъ истиннаго или ложнаго, а изъ предмета интуиціи получается проблема, когда мы прибѣгаемъ относительно нея къ сужденію ²⁾.

При ближайшемъ разсмотрѣніи методъ Декарта представляется въ слѣдующихъ общихъ чертахъ.

Какъ учить насъ I правило въ «Regulae», цѣль научныхъ исканій придти къ обоснованнымъ и истиннымъ сужденіямъ. Такія сужденія возможны только тамъ, гдѣ возможны и достижимы ясныя и отчетливыя представленія. Поэтому по II правилу въ познаваніи «надо обращаться только къ такимъ предметамъ, для яснаго и несомнѣннаго познанія которыхъ нашъ духъ кажется достаточнымъ». Стремясь къ ясному и отчетливому познанію мы, по III правилу, не должны полагаться на чужія мнѣнія и представленія, а должны прибѣгать къ «ясной и очевидной интуиціи или достовѣрной дедукціи, ибо наука не достижима никакимъ инымъ путемъ». Но мы уже знаемъ, что дедукція предполагаетъ уже принятія за доказанныя положенія, а межъ тѣмъ Декартъ учить, что мы ничего не должны считать истиннымъ, что не познано нами ясно и отчетливо. И тутъ-то и намѣчается основное значеніе интуиціи. Дедукція безсильна безъ предпо-

¹⁾ Декартъ называетъ, между прочимъ, еще одинъ путь къ познанію истины—откровеніе,—см. Regulae III 9 абзацъ,—но все относящееся сюда мѣсто носить характеръ дана страху передъ судьбой Галилея.

²⁾ См. Regulae XIII, конецъ 3-го и 4-й абзацъ.

сылкъ, принятыхъ безъ доказательства, межъ тѣмъ какъ интуиція представляетъ собою путь *непосредственнаго* проникновенія въ предметъ познанія. Декартъ именно потому и могъ разсмотрѣть съ полнымъ правомъ интуитивный путь познанія какъ основной, что дѣло шло о философскомъ познаніи, къ которому онъ также предъявляетъ требованіе не дѣлать никакихъ предпосылокъ, не обоснованныхъ яснымъ и отчетливымъ познаніемъ. Такому требованію начать *ab ovo* могла удовлетворить только интуиція, какъ ее понимаетъ Декартъ. Въ этомъ можетъ быть отчасти кроется психологическая разгадка того, что послѣкантовскіе метафизики такъ крѣпко держались за интеллектуальную интуицію.

Такимъ образомъ основы даются интуиціей. Для ея примѣненія Декартъ рекомендуетъ слѣдующее:

Разсматривая интересующую насъ проблему мы должны прежде всего обратить вниманіе по V правилу на «порядокъ и расположеніе того, на что долженъ быть направленъ взоръ духа, чтобы открыть опредѣленную истину». Чтобы достигъ этого «порядка и диспозицій», то же V правило рекомендуетъ разлагать и сводить запутанныя и неясныя положенія постепенно на болѣе простыя. Это дѣленіе или анализъ надо продолжать до тѣхъ поръ, пока онъ не приведетъ насъ къ самому простому. Здѣсь возможны два случая: либо это простое представляется границей для нашихъ познавательныхъ силъ, и тогда этимъ вопросъ исчерпывается, либо исходъ даетъ интуиція: интуиція даетъ намъ въ этомъ случаѣ отправный пунктъ¹⁾. Такимъ аналитическимъ путемъ вся проблема разлагается на опредѣленно расположенную лѣстницу задачъ все болѣе простого характера. Кто хочетъ пробиться къ истинѣ, тотъ долженъ пройти всѣ ступени этой лѣстницы сначала сверху внизъ, т.-е. аналитическимъ путемъ, а затѣмъ обратно—*синтетически* отъ простого къ сложному, возвращаясь такимъ образомъ къ первичной сложной проблемѣ.

Но какъ узнать, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ сложнымъ предметомъ, поддающимся разложенію, и гдѣ съ простымъ. На это даетъ отвѣтъ VI правило. Въ сущности надо было бы ожидать, что

1) Съ этимъ предписаніемъ читатель встрѣчается у Декарта не одинъ разъ.

Декартъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ указаніемъ, что *lumen naturale* немедленно проявитъ свою силу въ интуиціи, какъ только онъ будетъ имѣть передъ собой простой предметъ, наподобіе того, какъ магнитъ немедленно обнаружитъ свою силу, разъ онъ попадетъ въ близость къ желѣзу. Въдѣ Декартъ называетъ интуиціей, какъ мы видѣли раньше, «простое и *инстинктивное* пониманіе, ... которое рождается исключительно отъ свѣта разума ¹⁾». Но Декартъ даетъ иное, нѣсколько неопредѣленное указаніе. «Чтобы отличить,—говоритъ онъ въ VI правилѣ,—простѣйшія вещи отъ сложныхъ и имѣть возможность прослѣдить ихъ по порядку, должно въ каждомъ рядѣ вещей, въ которомъ нѣкоторыя истины выведены непосредственно отъ другихъ, наблюдать, что въ немъ представляетъ самое простое и насколько все остальное болѣе или менѣе одинаково удалено отъ него». Координируя такимъ образомъ неизвѣстное по отношенію къ извѣстному, Декартъ считаетъ возможнымъ опредѣлить степень простоты различныхъ представленій или положеній. Здѣсь же отводится извѣстное мѣсто и другимъ познавательнымъ факторамъ. «Наконецъ,—читаемъ мы въ XII правилѣ,—должно пользоваться всѣми вспомогательными средствами разсудка, силы воображенія, чувствъ и памяти, во-первыхъ, чтобы схватить простыя положенія въ раздѣльной интуиціи, а затѣмъ,—чтобы подходящимъ сопоставленіемъ неизвѣстнаго съ извѣстнымъ познать первое и, наконецъ, чтобы найти вещи, которыя должны быть сравнены такимъ образомъ другъ съ другомъ; короче,—нельзя пренебрегать никакимъ возможнымъ средствомъ.

Но это еще не все. Для увѣреннаго нахожденія истины надо быть увѣреннымъ въ достаточной полнотѣ звеньевъ дѣлимаго. Только когда гарантирована эта полнота и возможность *непрерывнаго* прохожденія цѣлаго ряда, мы можемъ навѣрное рассчитывать на разгадку данной проблемы ²⁾. Это непрерывное прохожденіе цѣлаго ряда по Декарту такъ важно, что оно по своему значенію уступаетъ только интуиціи. Помимо того, что это прохожденіе, какъ мы увидимъ позже, дѣлаетъ возможнымъ интуицію, оно важно и тѣмъ, что позволяетъ возобновить въ памяти забытыя единицы и такимъ образомъ является вспомо-

1) Regulae III, 5-й абзацъ.

2) См. къ этому VII правило.

гательнымъ средствомъ противъ того ущерба, который причиняетъ познанію неустойчивость нашей памяти. Само собой разумѣется, что этой систематизаціи звеньевъ даннаго ряда и ихъ прохожденію должно предшествовать ясное и отчетливое различіе отдѣльныхъ звеньевъ, чтобы сложное не было принято за простое, простое не оказалось бы разложеннымъ на мнимыя составныя части. Иначе цѣль окажется прерванной и неполной, а вмѣстѣ съ этимъ теряется ея смыслъ.

Значеніе непрерывнаго и достаточнаго прохожденія звеньевъ цѣлаго ряда иллюстрируется еще тѣмъ, что, какъ учить VIII правило, если мы при этомъ прохожденіи наталкиваемся на проблему, которая не по силамъ «нашему духу», то нѣтъ смысла идти дальше въ этомъ направленіи и терять понапрасну трудъ и время. Тутъ сказалось, между прочимъ, глубокое убѣжденіе Декарта въ томъ, что всѣ знанія должны представлять изъ себя одну единую систему, въ которой достаточно отсутствовать одному звену-мостику, чтобы прекратилось сообщеніе въ соотвѣтствующемъ направленіи. «Весь секретъ,—говоритъ Евдоксъ въ «Изысканіи» 32 абзацъ,—заключается въ томъ, чтобы начать съ первыхъ и самыхъ простыхъ (истинъ) и затѣмъ постепенно подыматься прямымъ путемъ къ самымъ отдаленнымъ и запутаннымъ».

На вопросъ, какъ поступить, если въ уже полученномъ рядѣ мы встрѣчаемся съ *одинаково* простыми звеньями? Декартъ отвѣчаетъ: въ этихъ случаяхъ всегда слѣдуетъ браться сначала за болѣе полезное. Чтобы облегчить возможность прохожденія и обзорѣнія, Декартъ рекомендуетъ обозначать ихъ простыми знаками или фигурами для того, чтобы не отягощать слишкомъ памяти и воображенія.

Таковъ путь въ одномъ направленіи. Мы оставляемъ въ сторонѣ другія практическія указанія Декарта, какъ, на примѣръ, совѣтъ упражняться въ самостоятельномъ изслѣдованіи тѣхъ истинъ, которыя уже открыты другими, и изошрять интуицію на самыхъ простыхъ вещахъ, и бросимъ бѣглый взглядъ на другой путь—отъ простаго къ сложному.

Когда добыты истины интуитивнымъ путемъ, тогда только можетъ имѣть мѣсто дедукція. Хотя Декартъ отводитъ ей извѣстное мѣсто, тѣмъ не менѣе онъ очень мало говоритъ о ея положительномъ значеніи, повидимому считая, что оно въ доста-

точной степени выяснено предыдущей философией. Все его внимание посвящено интуиции и ее применению.

Описаннымъ нами процессомъ не исчерпывается сфера дѣятельности интуиции. Тамъ мы имѣли дѣло съ простой ея формой. Какъ мы знаемъ теперь, интуитивное пониманіе носить характеръ мгновеннаго просвѣтлѣнія. Этотъ актъ не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. Послѣ того какъ установленъ порядокъ и расположеніе простѣйшихъ элементовъ, полученныхъ послѣ описаннаго выше разложенія сложнаго, начинается болѣе сложная работа интуиции. Наше мышленіе, двигаясь обыкновеннымъ ходомъ, т.-е. постепенно переходя отъ одного къ другому, представляетъ неблагоприятную почву для интуиции, которая направлена на болѣе сложный предметъ. Задача познающаго ускорить этотъ ходъ. Для этого болѣе сложное разлагается, его простѣйшія располагаются въ опредѣленномъ порядкѣ, и мысль пробѣгаетъ полученный рядъ, какъ знакомый, все быстрѣе, — до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ въ состояніи обозрѣть одновременно весь рядъ. Повидимому Декартъ предполагаетъ здѣсь, что мышленіе въ концѣ-концовъ пробѣгаетъ весь рядъ съ такой быстротой, что эта быстрота ложится за предѣлами нашей способности различенія, и мы получаемъ впечатлѣніе одновременнаго обозрѣнія ¹⁾. Тогда намъ открывается связь даже между отдаленными членами ряда. Это же одновременное обозрѣніе даетъ возможность распознать, какое значеніе имѣетъ каждое звено въ общемъ цѣломъ.

Добытыя такимъ путемъ истины ложатся въ основу знанія, и дѣло дедукціи совершить остальную работу. При этомъ остальные факторы, какъ на примѣръ память, должны исполнять свою вспомогательную роль.

Декартъ самъ даетъ много указаній на то, что его методъ возникъ, если не подъ исключительнымъ, то во всякомъ случаѣ подъ большимъ вліяніемъ математики. На это онъ указываетъ самъ въ Discours въ 18-мъ абзацѣ, гдѣ говоритъ, что примѣръ геометровъ привелъ его къ существеннымъ изъ его правилъ. Тамъ же въ 11-мъ абзацѣ онъ говоритъ, что особенно укрѣплялся въ своемъ методѣ упражненіями въ разрѣшеніи «математическихъ трудностей». XII правило въ Regulae рекомен-

¹⁾ См. Regulae XI.

дуетъ сопоставленіе неизвѣстнаго съ извѣстнымъ для достиженія познанія, и это невольно приводитъ на мысль аналогію съ уравненіями. Въ XIII правилѣ Декартъ повторяетъ, что нужно уясненную проблему освободить отъ всякихъ излишнихъ представлений, сводить къ простымъ элементамъ, раздѣливъ на возможно большее число частей и притомъ — XIV правило — обозначать ихъ упрощенными знаками и фигурами. И тутъ напрашивается аналогія съ математикой: какъ въ уравненіи не должно быть излишнихъ неизвѣстныхъ и данныхъ, такъ и Декартъ рекомендуетъ сводить все къ только необходимымъ частямъ. И какъ ни близко, повидимому, подходитъ Декартъ къ опыту, онъ все время очевидно держится за отождествленіе научнаго знанія съ математическимъ. Это особенно ярко проявилось въ XVIII правилѣ, гдѣ Декартъ прямо рекомендуетъ четыре арифметическія дѣйствія. Это особенно бросается въ глаза по сравненію съ Бэкономъ, который погрѣшенъ въ другой крайности. Декартъ все время имѣетъ въ виду величины. Гдѣ онъ прибѣгаетъ къ примѣрамъ, тамъ непременно фигурируютъ математическіе примѣры. Поэтому правила Декарта по отношенію къ естествознанію могли бы имѣть значеніе только въ общей своей части.

Таковы общія очертанія метода Декарта, и они показываютъ еще разъ, что центральное мѣсто Декартъ удѣляетъ и долженъ послѣдовательно удѣлять интуиціи. А это доминирующее положеніе интуиціи диктуется убѣжденіемъ Декарта въ наличности единого *одинаковаго* разума у всѣхъ людей.

Такимъ образомъ, выводы въ данномъ случаѣ можно резюмировать въ двухъ положеніяхъ: во-первыхъ, какъ для теоріи познанія, такъ и для методологии Декарта рѣшающее значеніе имѣетъ его пониманіе «*luminis naturalis*», а, во-вторыхъ, Декартъ несправедливо зачисляется въ чистые рационалисты безъ всякихъ оговорокъ: его позицію трудно характеризовать иначе, какъ парадоксальнымъ выраженіемъ — рационалистическій эмпиризмъ.

М. Рубинштейнъ.

Къ вопросу о природѣ драмы.

I.

Максъ Мюллеръ говоритъ: «Тотъ, кто рѣшился бы заняться изслѣдованіемъ о вліяніи, которое на человѣческой умъ оказали слова, простыя слова, написалъ бы этимъ самымъ всемірную исторію, которая, пожалуй, для насъ была бы поучительнѣе, чѣмъ какая-либо изъ нынѣ существующихъ». А одинъ изъ афоризмовъ Лихтенберже гласитъ: «То, что всѣми считается аксіомой или вполнѣ доказаннымъ, нерѣдко больше всего нуждается въ анализѣ или изслѣдованіи».

Къ такимъ вопросамъ, между прочимъ, относится и вопросъ о видахъ поэзіи, и къ тѣмъ словамъ, о которыхъ говорится у Макса Мюллера, надо причислить также и слова Аристотеля, считающаго трагедію и вообще драму поэзіей, на ряду съ эпосомъ или диэирамбомъ, а равно и знаменитое опредѣленіе Гегеля, что драма есть синтезъ эпоса и лирики. Сколько бы отдѣльные представители эстетики ни расходились во взглядахъ, какихъ бы направленій они ни держались—всѣ они согласны въ одномъ: поэтическія произведенія бываютъ трехъ родовъ, поэзія дѣлится на лирику, эпосъ и драму, драма есть одинъ изъ видовъ поэзіи. Рихардъ Вагнеръ въ своемъ *Kunstwerk der Zukunft* первый выдѣлил драму въ особый родъ искусства; но его символическій, туманный способъ выражаться при отсутствіи научныхъ доказательствъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не могъ окончательно разбудить эстетику, погруженную въ гипнотическій сонъ вышеупомянутыми двумя авторитетами. Лишь въ началѣ нашего вѣка двѣ книги постарались заполнить пробѣлъ Р. Вагнера, хотя, насколько мнѣ извѣстно, попытка эта пока тоже еще не сумѣла оказать желаемаго вліянія на теорію поэ-

зіи вообще и драмы въ частности. Одна изъ этихъ книгъ принадлежитъ іенскому приватъ-доценту по кафедрѣ драматургіи (*Dramaturgie als Wissenschaft von Dr. Hugo Dinger. Leipzig, Veit. u. Comp. 1904*), другая—вышедшій за два года до него собственный мой трудъ (*Das Drama in seinem Gegensatz zur Dichtkunst. Ein verkanntes Problem der Aesthetik von Max Foth. I. Band. Leipzig, Georg Wigand, 1902*), который такимъ образомъ является первымъ опытомъ строго-логическаго обоснованія идеи, провозглашенной гениальнымъ творцомъ «Кольца Нибелунговъ» и «Парсифаля»¹⁾, идеи, что драматическое искусство не есть одинъ изъ видовъ поэзіи, что драма есть самостоятельное искусство, имѣющее столько же общаго съ поэзіей, сколько и съ живописью и музыкой.

Итакъ, драма не есть поэзія. Совершенно произвольно ее поставили въ одинъ рядъ съ эпосомъ и лирикой. Благодаря ошибкѣ, вкравшейся въ подраздѣленіе поэзіи, истина до сихъ поръ не была восстановлена. Раскрытіе этой ошибки и есть центральное мѣсто моей книги и первая задача данной статьи.

Обращаюсь къ «учебнику драматургіи» (*Katechismus der Dramaturgie*) Р. Прёльса, который можетъ считаться типичнымъ представителемъ нынѣ господствующаго взгляда эстетики или пѣтики на нашъ вопросъ. «Субъективная поэзія,—говорится тамъ,—обнимаетъ собою всю область лирики. Она изображаетъ или непосредственно собственное психическое состояніе и чувство по отношенію къ внѣшнему міру, или внѣшній міръ, поскольку онъ стоитъ въ связи съ подобными чувствами и состояніями. Изображаемый объектъ при этомъ можетъ изображаться всегда только по отношенію къ настоящему состоянію самого *изображающаю*».

«Объективная поэзія, напротивъ, имѣетъ сюжетомъ преимущественно міръ внѣшнихъ фактовъ, правда, не безъ отношенія къ міру чувствъ и внутреннихъ состояній, къ движеніямъ души и проявленіямъ ея воли вообще, но *безъ* отношенія къ чувствамъ и т. д. самого *изображающаю*. Она обнимаетъ собою всю область эпической поэзіи...»

Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію драмы, здѣсь необхо-

1) Смотри: Dinger, II, 96. «Nur ein einziges Buch ist mir bekannt geworden, dass klar und deutlich mit der alten Tradition bricht, es ist die bereits im ersten Bande mehrfach genannte Schrift von Max Foth».

димо указать на два недостатка вышеприведенной формулировки. Пока разграниченіе лирики и эпической поэзіи вводится лишь въ цѣляхъ удобства, пока имѣется въ виду лишь внѣшнее, практическое значеніе его, подобное значенію ботаническихъ или зоологическихъ классификацій, съ нимъ, пожалуй, еще можно было бы согласиться. Къ сожалѣнію, характеръ этого опредѣленія таковъ, что оно можетъ способствовать ложному взгляду на дѣло. Такое категорическое противоположеніе «области лирики» и «области эпической поэзіи» можетъ породить мнѣніе, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ двумя явленіями или кругами явленій, разнородными *toto genere*. Второй недостатокъ состоитъ въ томъ, что объ объективной поэзіи говорится, будто она совершенно не имѣетъ «отношенія къ чувствамъ и психическому состоянію самого *изображающаго*». По поводу отмѣченныхъ двухъ пунктовъ можно сказать слѣдующее.

Названія «субъективный» и «объективный», присвоенныя лирикѣ и эпосу, отнюдь не указываютъ на исключительное господство субъективнаго или объективнаго элемента, а лишь на извѣстное преобладаніе того или другого изъ нихъ. Ни одно поэтическое произведеніе немислимо безъ обращенія къ внѣшнему міру—этого и самъ Прѣльсъ не отрицаетъ,—но столь же несомнѣнно и обратное: ни одно изображеніе внѣшнихъ фактовъ не мыслимо «безъ отношенія къ чувствамъ и т. д. самого изображающаго».

Объективное и субъективное, эпическое и лирическое не могутъ существовать совершенно независимо другъ отъ друга. Такъ какъ созерцаніе всякаго происшествія внѣ насъ и появленіе всякаго чувства внутри насъ всегда обусловлены взаимодействіемъ внѣшняго міра и нашего Я, то отсюда ясно, что и въ первомъ и во второмъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ соединеніемъ субъективныхъ и объективныхъ элементовъ; другой вопросъ, какіе изъ нихъ занимаютъ первое мѣсто и какіе отступаютъ на задній планъ.

Съ этой точки зрѣнія есть, строго говоря, одинъ только видъ поэзіи, обнимающій собою всѣ произведенія, начиная съ величайшаго по объему эпоса, и кончая самой короткой народной пѣсней. Прѣльсъ (и вообще официальная теорія словесности) называетъ эпосъ совершенно объективнымъ изложеніемъ происшествій и явленій внѣшняго міра. На самомъ дѣлѣ, однако,

это недостижимый идеаль, или, вѣрнѣе сказать, это предѣльное понятіе вродѣ круга, съ которымъ ни одинъ многоугольникъ никогда не можетъ слиться, какъ бы ни была мала разница между ихъ площадями. И Иліада, и пѣснь о Нибелунгахъ, и романъ, и сказка, и басня всегда пропитаны извѣстнымъ настроеніемъ, которое, быть-можетъ, часто и не всплываетъ на поверхность, но всегда до извѣстной степени проявляется въ характеристикахъ, въ выборѣ и группировкѣ картинъ, въ отношеніи поэта къ природѣ и т. д. Во многихъ эпическихъ сочиненіяхъ, напр. у древнихъ грековъ, лирической, субъективный элементъ почти равенъ нулю и, поэтому, на практикѣ можетъ быть игнорированъ; но, строго говоря, онъ всегда есть и въ нихъ, а во многихъ поэмахъ среднихъ вѣковъ и особенно новаго времени онъ нерѣдко выдѣляется въ такой мѣрѣ, что произведенія эти по характеру своему (а внѣшній объемъ въ данномъ случаѣ не долженъ играть никакой роли) безъ особой натяжки могли бы быть отнесены къ лирической поэзіи. Во всякомъ случаѣ невозможно провести рѣзкой линіи между объективной и субъективной поэзіей, подобно тому, какъ нельзя въ солнечномъ спектрѣ рѣзко отдѣлить желтый цвѣтъ отъ краснаго или зеленаго. Мы здѣсь имѣемъ дѣло лишь съ дифференціаціей одного основного типа. Разница не качественная, а количественная. Всѣ произведенія эпическаго характера могли бы быть размѣщены въ одномъ непрерывномъ рядѣ, если бы въ теченіе развитія поэзіи не выпало множество звеньевъ, подобныхъ тѣмъ, слѣды которыхъ позволяютъ намъ говорить о непрерывной цѣпи теперь или раньше существовавшихъ формъ, связывающихъ человѣка съ самой примитивной клѣткой. Тогда бы мы получили такую же цѣпь поэтическихъ произведений, представляющихъ собою незамѣтный переходъ отъ максимума объективнаго при минимумѣ субъективнаго къ максимуму субъективнаго при минимумѣ объективнаго. Въ теперешнемъ лирическомъ стихотвореніи сопоставляются различные образы или факты, похожіе другъ на друга тѣмъ настроеніемъ, которое они вызываютъ въ художникѣ и въ читателѣ. Въ эпическихъ произведеніяхъ описанія или повѣствованія сочетаются по смежности ихъ сюжетовъ въ пространственномъ, временномъ, или, по крайней мѣрѣ, логическомъ отношеніи. Здѣсь предметы, факты, явленія—одни и тѣ же, тогда какъ настроеніе (de jure

неизбѣжно сопровождающее каждое изъ послѣднихъ) постоянно мѣняется, какъ погода въ апрѣлѣ, вслѣдствіе чего оно не сгущается, какъ въ лирикѣ, а въ результатѣ почти совсѣмъ ступшевывается. И лирической, и эпической поэтъ одинаково воодушевляются сюжетомъ, направляющимъ ихъ творческую фантазію въ одну или другую сторону. Но въ эпосѣ бурный потокъ этого творческаго воодушевленія превращается въ сложную систему рукавовъ, каналовъ, ручейковъ, орошающихъ обширное эпическое поле. Въ лирикѣ данный предметъ, данное событіе долго не описывается, о немъ лишь вкратцѣ упоминается. Потокъ страсти или настроенія не приходится медленно просачиваться черезъ эпическіе пески; со всей силой, ничѣмъ не задерживаемый онъ льется и мчится, хотя и ненадолго. Воспѣваемый или просто упомянутый предметъ есть лишь рычагъ, открывающій шлюзы для волнъ, устремляющихся изъ души поэта въ души слушателей или читателей.

Еще разъ повторяю, эпосъ и лирика — лишь различныя комбинаціи объективныхъ и субъективныхъ элементовъ. Въ эпическихъ произведеніяхъ перевѣсъ, такъ сказать, на сторонѣ объективнаго, въ лирическихъ — на сторонѣ субъективнаго. Если поэтому, какъ дальше увидимъ, намъ станутъ говорить о какомъ-то синтезѣ лирики и эпоса, то для насъ уже теперь должно быть ясно, что это абсурдъ, ибо такой синтезъ уже совершился въ предѣлахъ лирической и эпической поэзіи — какъ мы уже видѣли, совершенно тождественныхъ съ точки зрѣнія качественного анализа: это синтезъ объективнаго съ субъективнымъ. И такъ, если намъ говорятъ о такомъ новомъ случаѣ, когда поэтическое произведеніе является *одновременно* и «эпическимъ», и «лирическимъ», то придется возразить, что это невозможно, потому что *въ одномъ и томъ же поэтическомъ произведеніи* не могутъ *преобладать* и субъективный, и объективный элементъ, точно такъ же, какъ нельзя себѣ представить вѣсовъ, которые бы одновременно наклонялись и влѣво, и вправо. А или больше чѣмъ Б, или меньше его, или оба равны; но никогда въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же смыслѣ А не можетъ быть и больше, и меньше чѣмъ Б. Между тѣмъ, какъ извѣстно, третьей сестрой, на ряду съ эпосомъ и лирикой, привыкли называть драму. Согласно предыдущему, послѣдняя, если она хочетъ называться поэзіей, можетъ претендовать лишь на то мѣсто, ко-

торое лежитъ въ серединѣ между лирическимъ и эпическимъ полюсами, то-есть она представила бы собой тотъ случай, когда А равно Б, иначе выражаясь, названіе драмы явилось бы синонимомъ лирическаго эпоса или эпической лирики, ибо четвертаго случая отношенія А къ Б не можетъ быть. Такимъ образомъ пришлось бы причислить къ одному и тому же виду поэзіи «Макбета» Шекспира и «Чайльдъ Гарольда» Байрона, трагедіи Софокла и какой-нибудь испанскій романсъ или баллады Бюргера.

Но съ такимъ выводомъ, конечно, Прельсъ не согласится. Онъ скажетъ, что не думалъ называть драму простымъ смѣшеніемъ лирики и эпоса, что, по его опредѣленію, драма является— третьей основной формой поэтическаго духа (*eine dritte Grundform des poetischen Geistes*), возникающей изъ сочетанія субъективной и объективной, лирической и эпической поэзіи, при чемъ духъ этотъ развиваетъ и наглядно изображаетъ внѣшнее событіе совершенно объективно, но непосредственно на основаніи чужихъ чувствъ и настроеній, на основаніи чужихъ психическихъ мотивовъ и импульсовъ — внѣшнее событіе, которое является, слѣдовательно, дѣйствіемъ тѣхъ лицъ и надъ тѣми лицами, изъ которыхъ оно рождается.

Разберемся въ этомъ опредѣленіи «драматической поэзіи». Мы вскорѣ убѣдимся, что оно является образцомъ тѣхъ ложныхъ умозаключеній, которыя формальной логикой относятся къ т. наз. *subterfugio*, т.-е. когда авторъ, пользуясь созвучіемъ или вообще сходствомъ словъ, незамѣтно для себя или читателя вмѣсто одного понятія подставляетъ другое и такимъ образомъ приходитъ къ выводамъ, совершенно недопустимымъ съ точки зрѣнія содержанія перваго понятія. Въ опредѣленіи этомъ, во-первыхъ, говорится, что драма «изображаетъ внѣшнее событіе совершенно объективно». Въ правильности этого утвержденія нетрудно убѣдиться: драматическая «поэзія», какъ таковая, «объективна», потому что она исключаетъ всякое непосредственное проявленіе чувствъ поэта (творца—въ первоначальномъ смыслѣ греческаго слова ποιητής). Его Я, а слѣдовательно, и «настроеніе» послѣдняго въ драмѣ ступшевывается. Но вѣдь намъ говорятъ, что кромѣ объективнаго момента есть въ ней и субъективный. Гдѣ намъ его искать? Тщетно мы перечитываемъ длинный періодъ вышеприведеннаго опредѣленія: мы въ немъ не встрѣчаемъ слова

«субъективный». Чѣмъ это объяснить? Въмѣсто этого простого выраженія читателю предлагается длинное quasi - описаніе его: «драма развиваетъ внѣшнее событіе непосредственно изъ міра *чужихъ* чувствъ и настроеній, чужихъ мотивовъ и импульсовъ». — Какъ же это такъ? Вѣдь если драма относится къ поэзіи, то она, какъ видъ, должна обладать всѣми свойствами своего рода, слѣдовательно, «создающимъ, творящимъ» ее является *поэтъ* въ современномъ, литературномъ смыслѣ. И дальше: если дѣйствительно въ драматической «поэзіи» есть налицо субъективный, лирический моментъ, тогда вышеупомянутое опредѣленіе обязательно должно было бы принять приблизительно слѣдующій видъ: «Внѣшнее событіе изображается *поэтомъ* субъективно». Между тѣмъ, тамъ сказано, что оно изображается «совершенно объективно», т.-е. отрицается *всякое* лирическое, субъективное отношеніе поэта къ своему предмету (данному событію); другими словами, получилось бы явное противорѣчіе: драматическій поэтъ въ одно и то же время относится къ своему предмету и *субъективно* и «совершенно» *объективно*.

Теперь ясно, для чего автору понадобилось только что упомянутое многосложное опредѣленіе: оно должно скрыть отъ глазъ читателя ту дилемму, къ которой ведетъ теорія о мнимомъ синтезѣ лирическаго съ эпическимъ. Драматургитъ какой-то «поэтический духъ» или «духъ поэзіи», котораго Прельсъ вызываетъ, чтобы не упоминать личности поэта, что неминуемо натолкнуло бы читателя на выводъ, только что нами сдѣланный. — Однако, не будемъ ему пока мѣшать. Что слѣдуетъ дальше? — Какъ только устранена эта неудобная, неукладывающаяся въ рамки теоріи личность поэта, субъективный моментъ, согласно вышесказанному, не «уживающійся» съ нимъ, просто и смѣло приводится въ связь съ «міромъ *чужихъ* чувствъ и настроеній». Другими словами: «объективное» и «субъективное», эпическій и лирический элементы дѣлятся между драматическимъ поэтомъ и созданными имъ лицами діалога. Поэтъ (скрывающійся подъ маской «духа поэзіи») оказывается представителемъ перваго, дѣйствующія лица — втораго. Итакъ, выходитъ, что пресловутый «синтезъ» эпическаго съ лирическимъ возможенъ только, если отказаться отъ здоровой логики: если драма есть одинъ изъ видовъ поэзіи, тогда понятія «субъективный» и «объективный» могутъ быть относимы исключительно только

къ поэту, потому что «творцомъ» поэтическаго произведенія можетъ быть только *онъ одинъ*, а не созданные имъ же образы вродѣ дѣйствующихъ лицъ драмы.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ такому заключенію: поэзію можно дѣлить только на *лирику* (преобладаніе субъективнаго момента), *эпосъ* (преобладаніе объективнаго) и смѣсь изъ обоихъ (приблизительное равновѣсіе между тѣмъ и другимъ). Сохраняя прежнее основаніе дѣленія, нельзя говорить о четвертомъ видѣ поэзіи. А поэтому *драма* не можетъ быть причислена къ поэзіи, она должна быть признана особымъ родомъ искусства.

II.

Драма дѣйствительно есть синтезъ, но не въ смыслѣ современной эстетики, а въ томъ же смыслѣ, въ какомъ жизнь, въ широкомъ значеніи этого слова, является синтезомъ «качествъ» физическихъ тѣлъ или, если примѣнить иную точку зрѣнія, синтезомъ ощущеній или воспріятій нашихъ органовъ чувствъ. «Если возможно искусство, крайне сложное и въ высшей степени синтетическое, которое способно соединить въ себѣ видимую форму, ритмическія движенія, рисунокъ (*le dessin*), слово, мелодію, линію, ноту, тогда оно должно быть наиболѣе полнымъ изображеніемъ жизни. Такое искусство существуетъ: это драма» (E. Faguet. *Drame ancien et drame moderne*).

Искусство вообще отличается отъ дѣйствительности, отъ реального міра лишь въ формальномъ смыслѣ. По матеріалу, по тѣмъ единицамъ, изъ которыхъ они слагаютъ свои произведенія, они совершенно тождественны. Черпая свой строительный матеріалъ изъ одного и того же источника, они отличаются другъ отъ друга распредѣленіемъ его, группировкой своихъ слагаемыхъ. Большая или меньшая разница ихъ въ этомъ направленіи характеризуется терминами идеализма и натурализма, разсмотрѣніе которыхъ является одной изъ спеціальныхъ задачъ эстетики. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ матеріальная сторона дѣла, относящаяся къ сферѣ психологіи или, вѣрнѣе, теоріи познанія.

Что мы воспринимаемъ непосредственно, когда созерцаемъ дѣйствительность, когда мы сталкиваемся съ тѣмъ реальнымъ міромъ, однимъ изъ звеньевъ котораго мы сами являемся? Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ, много съ двумя раз-

личными ощущеніями, которыя, будучи отнесены къ неизвѣстной, породившей ихъ причинѣ, называются качествами «вещей». Эти «вещи», изъ которыхъ состоитъ тѣлесный міръ и которыя въ сущности являются ничѣмъ инымъ, какъ группами такихъ «качествъ», вступившихъ въ болѣе или менѣе постоянную взаимную связь (при доминирующемъ положеніи одного мѣзъ нихъ— свойства непроницаемости или упругости), эти «вещи» или «предметы» напоминаютъ намъ о своемъ существованіи обыкновенно лишь однимъ, двумя качествами. Недостающія слагаемая нами дополняются въ силу законовъ ассоціаціи и апперцепціи. Когда мы въ корзинѣ разносчика замѣчаемъ «апельсинъ», мы отнюдь не ощущаемъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми исчерпывается наше представленіе объ этомъ фруктѣ: мы ощущаемъ лишь желтый цвѣтъ въ формѣ круга—остальные качества, какъ-то вѣсъ, запахъ, вкусъ, температура, шероховатость поверхности, упругость, мы добавляемъ отъ себя. Когда мы, входя въ темную кладовую, убѣждаемся, что тамъ находится голландскій сыръ, мы собственно «знакомимся» только съ его острымъ запахомъ—другія свойства, безъ которыхъ сыръ немыслимъ, мы припоминаемъ, прибавляемъ отъ себя. И такъ всюду. Будь все это иначе, мы бы никогда не ошибались, не были бы возможны иллюзіи и т. п. Если мы, просыпаясь ночью, протягиваемъ руку, чтобы принять носовой платокъ съ одѣяла, и, коснувшись его, убѣждаемся, что это не платокъ, а лучъ луннаго свѣта, то въ данномъ случаѣ извѣстные недочеты непосредственнаго ощущенія ввели въ заблужденіе нашу воспроизводительную способность. Если ребенокъ, думая съѣсть кусокъ сахара, кладетъ въ ротъ соль, то его вкусовая ассоціація, вслѣдствіе неясности зрительнаго ощущенія, направлена въ ложную сторону. Въ подобныхъ случаяхъ необходимо, для исправленія ошибки, замѣнить ассоціацію соотвѣтствующимъ ощущеніемъ: вводимый въ дѣло новый органъ чувства, такъ сказать, держитъ корректуру иллюзіи—въ первомъ случаѣ прикосновеніе пальцевъ къ одѣялу, во второмъ, раздраженіе слизистой оболочки неба и языка. Итакъ, мы ориентируемся въ мірѣ по большей части на основаніи намековъ, дѣлаемыхъ намъ окружающими тѣлами. И въ большинствѣ случаевъ для нашихъ практическихъ потребностей этого совершенно достаточно.

Совершенно тѣми же «намеками» дѣйствуетъ на насъ и боль-

шинство искусствъ, наприм., живопись, скульптура, музыка. Картина апельсина вліяетъ на насъ тѣмъ же, чѣмъ и настоящій апельсинъ, т.-е. желтой краской въ формѣ круга. Скерцо Моцарта дѣйствуетъ на наше воображеніе такъ же, какъ извѣстные интервалы, темпъ, отбѣнки и т. п. въ разсказѣ или разговорѣ весело настроеннаго ребенка и т. д. Матеріаль, повторяю, изъ котораго состоитъ рычагъ, которымъ орудуетъ произведеніе искусства, остается тѣмъ же, что въ произведеніяхъ природы (такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ). Отличаются другъ отъ друга тѣ и другія произведенія, какъ выше сказано, только въ формальномъ отношеніи, а затѣмъ еще тѣмъ особымъ освѣщеніемъ, которое присуще неоднократно упомянутымъ выше дополнительнымъ, ассоціативнымъ факторамъ, когда мы стоимъ лицомъ къ лицу съ *реальнымъ* міромъ, съ *реальнымъ* предметомъ — подъ этимъ своеобразнымъ освѣщеніемъ я понимаю болѣе или менѣе ясное сознаніе того, что въ любой моментъ всплывающія во мнѣ дополнительныя ассоціаціи я могу провѣрить, замѣнить оригиналами, копіями которыхъ онѣ являются, т.-е. соотвѣтствующими ощущеніями моихъ органовъ чувствъ. Глядя на реальный апельсинъ, я смутно сознаю, что отъ меня зависитъ получить отъ него ощущенія и запаха, и вкуса, и вѣса и т. д., тогда какъ передъ изображеніемъ апельсина на бумагѣ или холстѣ я, наоборотъ, никогда не сомнѣваюсь въ томъ, что тѣмъ дополнительнымъ «свободнымъ» представленіямъ, существующимъ только въ моемъ воображеніи, никоимъ образомъ не могутъ соотвѣтствовать въ картинѣ реальные качества запаха или вкуса. Но и эта сторона дѣла, на которой К. Ланге построилъ свою теорію эстетической иллюзіи или «сознательнаго самообмана» (*bewusste Selbsttäuschung*), мало касается занимающаго насъ вопроса о подраздѣленіи поэзіи и искусства вообще. Возвратимся поэтому къ нашей основной темѣ.

Мы взяли за исходную точку такія искусства и такіе случаи обыденной жизни, когда «воспринимаемый» нами предметъ оказываетъ на насъ непосредственное воздѣйствіе лишь однимъ или двумя своими качествами, которыя потомъ уже дополняются изъ нашего воображенія. Но наряду съ этими болѣе частыми случаями возможны еще и двѣ крайности: во-первыхъ, возможно, что изъ качествъ, совокупность которыхъ носитъ названіе дан-

наго предмета, налицо нѣтъ ни одной; во-вторыхъ, возможно, что они *всѣ* или *почти всѣ сразу* дѣйствуютъ на наши органы чувствъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *поэзіей* (или съ разсказомъ, докладомъ и т. п. въ области реального міра); во второмъ случаѣ мы говоримъ о *драмѣ*.

Разсказъ, будь онъ сообщеніемъ простаго смертнаго о какомъ-нибудь второстепенномъ происшествіи, или сообщеніемъ поэта (и лирическое стихотвореніе есть такое сообщеніе), не содержитъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыми обладаютъ выводимыя имъ лица, описываемыя имъ предметы. Разсказъ мальчика о ярмаркѣ, описаніе Днѣпра у Гоголя не вызываютъ въ слушатель ни одного изъ тѣхъ ощущеній, которыя въ немъ вызвали бы сама ярмарка, самъ Днѣпръ. Разсказъ или литературное произведеніе есть система чисто условныхъ знаковъ, называемыхъ словами, состоящихъ со своимъ сюжетомъ или изображаемымъ объектомъ въ чисто механической связи и вызывающихъ его образъ въ душѣ слушателя исключительно путемъ ассоціаціи по смежности.

Драма является прямой противоположностью литературныхъ или поэтическихъ произведеній. Если въ эпосѣ или въ лирикѣ мы не встрѣчаемся ни съ однимъ изъ тѣхъ качествъ, изъ совокупности которыхъ состоитъ изображаемый предметъ или лицо, то въ драмѣ (по крайней мѣрѣ въ томъ идеальномъ видѣ, какой нарисовалъ намъ Рихардъ Вагнеръ и къ которому драматическое искусство должно и будетъ стремиться), мы находимъ обратное: въ драмѣ мы имѣемъ художественное произведеніе, которое почти всецѣло слагается изъ адекватныхъ воспроизведеній качествъ изображаемыхъ людей и предметовъ. Тогда какъ съ качествами послѣднихъ въ поэзіи мы знакомимся исключительно на основаніи нашихъ ассоціацій, нашихъ «свободныхъ представленій»; въ драмѣ мы съ ними знакомимся (исключительно) на основаніи непосредственныхъ ощущеній—драма пользуется средствами всѣхъ отдѣльныхъ искусствъ, взятыхъ вмѣстѣ, въ томъ числѣ и поэзіи. Драма—наиболѣе конкретный видъ искусства, тогда какъ поэзія—самый абстрактный. Драма по своему «строительному матеріалу» можетъ быть сравниваема съ кругомъ, въ то время какъ другія искусства напоминаютъ собою разные сегменты или секторы этого круга. Если мы такой сегментъ или секторъ пунктиромъ дополнимъ до полнаго круга, то очерчен-

ная пунктиромъ площадь явится графическимъ изображеніемъ тѣхъ ощущеній, которыя эти простыя искусства замѣняютъ ассоціаціями нашего воображенія.

Если я нигдѣ драмы не называю соединеніемъ всѣхъ остальныхъ *искусствъ*, то это я дѣлаю, чтобы не навлекать на себя болѣе нареканій въ родѣ тѣхъ, которыми меня удостоилъ (правда, не называя моею фамилію) вышеупомянутый Дингеръ во второмъ томѣ своего сочиненія о драмѣ (*Dramaturgie als Wissenschaft*). Совершенно сходясь со мною во взглядѣ на характеръ драматическаго произведенія, онъ на 257-ой страницѣ возражаетъ противъ такихъ выраженій какъ смѣшеніе искусствъ (*Mischkunst*), *Gesamtkunstwerk* и т. д. Считая полемику автора въ этомъ отношеніи споромъ изъ-за словъ, я тѣмъ не менѣе охотно отказываюсь впредь отъ употребленія этихъ терминовъ, въ виду того, что они, пожалуй, въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствительно могли бы вызвать недоразумѣнія. Итакъ, драма не есть соединеніе или синтезъ всѣхъ *искусствъ*, она есть лишь синтезъ всѣхъ *средствъ*, которыми эти послѣднія пользуются. Дѣло въ томъ, что простыя или «отдѣльныя» искусства (*Einzelkünste*), съ цѣлью добиться возможно полнаго и интенсивнаго впечатлѣнія на зрителя или слушателя, должны использовать всѣ удобства, всѣ преимущества данныхъ въ ихъ распоряженіе средствъ. Это та особая группировка «строительнаго матеріала», то своеобразное распредѣленіе его, о которомъ уже упоминалось выше. Тогда какъ драмѣ, располагающей *всѣми* средствами *всѣхъ* сферъ чувствъ, обезпечено достиженіе интенсивной «иллюзіи», даже когда она ограничивается простымъ списываніемъ явленій реальной жизни, простое искусство, зная лишь одинъ рядъ этихъ средствъ (звукъ, форму, краски), поневолѣ зато вынуждено «сгустить» краски. Эти особые приемы, эти тайны техники, являясь, такъ сказать, суррогатомъ полноты и всесторонности драмы, становятся излишними, даже вредными для дѣла, если отдѣльныя искусства соединяются въ тотъ синтезъ, который называется драматическимъ произведеніемъ, Этотъ синтезъ требуетъ отъ нихъ той же жертвы, на которую должна согласиться всякая группа единицъ, вступающая въ какой-либо союзъ. Становясь членами или элементами организма высшаго порядка, онѣ, ради достиженія общей цѣли, обязаны отказаться отъ части своихъ личныхъ правъ. Вступленіе въ ка-

кой бы то ни было союзъ всегда сопряжено съ извѣстнымъ ограниченіемъ свободы дѣйствій—какъ въ области политики, такъ и здѣсь, въ области эстетики. Непризнание этого закона ведетъ къ столкновеніямъ и противорѣчіямъ, грозящимъ единству и жизни даннаго «высшаго» организма. Портретъ въ масляныхъ краскахъ и портретъ-бюстъ изъ мрамора не могутъ быть слиты въ одно художественное произведеніе: тѣни, получаемыя отъ выпуклыхъ частей бюста, разрушаютъ гармонію красокъ; изображеніе темными красками углубленій, вродѣ ноздрей, раковинъ уха, орбиты глаза, является ненужнымъ, вреднымъ, разъ уменьшеніе свѣта въ этихъ мѣстахъ гораздо вѣрнѣе и лучше достигается спеціальными средствами скульптуры. Пѣсня тѣмъ лучше и цѣннѣе, чѣмъ меньше техническихъ тонкостей и уловокъ пущено въ ходъ поэтомъ и композиторомъ. Недаромъ часто уже замѣчалось, что иногда лучшія лирическія стихотворенія лучшихъ поэтовъ, будучи переложены на музыку, теряютъ большую часть своей прелести. То, что было преимуществомъ въ самостоятельныхъ стихахъ, стало недостаткомъ, по крайней мѣрѣ, тормазомъ, послѣ того какъ они вступили въ связь съ музыкой. Ясно, что все сказанное выше въ гораздо большей степени относится къ тому случаю, когда поэзія подымается на сцену театра, гдѣ ей приходится уживаться не только съ музыкой, но и съ живописью, мимикой, архитектурой и т. д. Изъ такого положенія ея вытекаетъ необходимость отказаться отъ всего того, что не гармонируетъ съ другими элементами драмы. Поэтому здѣсь слогъ и стиль поэзіи (участвующей въ драмѣ лишь *наряду съ другими* искусствами) всегда будутъ сравнительно проще, менѣе «идеализованы», нежели въ эпосѣ и лирикѣ.

Въ виду всего этого Дингеръ возстаетъ противъ выраженія: «драма есть синтезъ всѣхъ остальныхъ искусствъ», и совѣтуетъ, во избѣжаніе недоразумѣній, держаться другого, болѣе точнаго опредѣленія: «драма есть синтезъ *средствъ* всѣхъ остальныхъ искусствъ». Итакъ, драма и поэзія сходятся въ томъ лишь, что обѣ онѣ пользуются однимъ и тѣмъ же матеріаломъ—членораздѣльной человѣческой рѣчью, но каждая изъ нихъ дѣлаетъ это по-своему, въ другомъ направленіи, для другой цѣли. Входящая въ составъ драмы рѣчи дѣйствующихъ лицъ могутъ носить то болѣе эпическій характеръ, то болѣе лирическій, подобно тому

какъ кулисы театра могутъ изображать то дома, то скалы, то лѣсъ, не давая этимъ намъ еще права относить данную сцену къ архитектурной или ландшафтной живописи. Этого права не даетъ намъ и то обстоятельство, что составителемъ общаго плана драмы всегда почти является поэтъ (оперы Вагнера, напр., представляютъ собою исключеніе). Скульпторы и живописцы эпохи Ренессанса въ Италіи нерѣдко составляли планы архитектурныхъ произведеній, изъ чего однако еще не слѣдовало, что ихъ дворцы, церкви и т. п. надо отнести къ живописи или скульптурѣ. Если, наконецъ, меня спросятъ, къ чему же придется отнести тѣ «драмы», которымъ никогда не ; посчастливилось попасть на сцену театра, или которыя для этой цѣли вовсе и не были написаны, то я отвѣчу, что эти литературныя произведенія тоже не драмы, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Это или обломокъ драмы (и гардеробъ театра является таковымъ), или—несовершенный видъ романа, повѣсти и т. п., въ которомъ всѣ части, неотносящіяся къ діалогу, низведены на степень сокращенныхъ сценическихъ указаній и извѣстныхъ примѣчаній въ скобкахъ: «выходить», «встаетъ», «съ увлеченіемъ», «смѣется» и т. д. и т. д. Дѣло нисколько не измѣняется отъ того, что у многихъ людей сила воображенія дѣлаетъ этотъ недостатокъ полноты почти незамѣтнымъ.

III.

Если мы обратимся къ исторіи искусства, къ развитію драмы, то, какъ мнѣ кажется, мы и тутъ найдемъ подтвержденіе изложеннаго выше взгляда. Несомнѣнно, что руководства эстетики, исторіи литературы и т. п., говоря о развитіи драмы, берутъ за исходную точку слишкомъ поздній моментъ. Исторія греческой драмы у нихъ обыкновенно начинается съ Эригена изъ Сикіона или съ Тесписа изъ Икаріона. Начало средневѣковой драмы относится къ пятому или четвертому вѣку послѣ Р. X. При этомъ основныя формы трагедіи и комедіи сразу выступаютъ какъ нѣчто вполне готовое, законченное. Онѣ имѣютъ видъ совершенно произвольно, искусственно созданныхъ художественныхъ произведеній. Онѣ являются какъ бы опроверженіемъ древняго *ex nihilo nihil*. Драма сразу оказывается произведеніемъ отдѣльной личности писателя или поэта; она, во-вторыхъ, имѣ-

еть чисто эстетически-религіозный характеръ; она, въ-третьихъ, уже стоитъ въ тѣснѣйшей связи со сценой, съ театромъ—никогда почти не дѣлають и намека на прежній обширный «районъ» ея. Такое отношеніе къ происхожденію драмы врядъ ли допустимо, разъ только теорія и исторія драмы, не желая болѣе оставаться сухой хроникой, становятся на генетическую, на психологическую точку зрѣнія. Теспись или Эригенъ могли сдѣлаться «родоначальниками» литературныхъ драмъ лишь благодаря развитію, продолжавшемуся десятки и сотни вѣковъ. Приурочиваніе начала извѣстнаго искусства къ опредѣленному моменту всегда и вездѣ является произвольнымъ шагомъ. Выборъ того или другого момента въ этомъ отношеніи является такимъ же случайнымъ, какъ открытіе кислорода въ 1774 и открытіе Америки въ 1492 году—эти хронологическія данныя нисколько не доказываютъ, что Америка, кислородъ или драма не существовали уже раньше.

Греческая драма появляется на сценѣ совершенно внезапно, какъ *deus ex machina*. Откуда она пришла? Гдѣ ея источники? Культъ Діониса? Но какъ развился самъ этотъ культъ? Существовали ли уже извѣстные зачатки этой драмы въ VIII, IX, X, XII вѣкахъ до Р. Х.? Если у насъ нѣтъ данныхъ о примитивной драмѣ грековъ, которая несомнѣнно должна была предшествовать расцвѣту трагедіи и комедіи въ эпоху Эсхила и Софокла, тогда все-таки намъ можетъ дать нѣкоторыя указанія аналогія съ варварскими и дикими племенами нынѣшняго времени. Здѣсь не мѣсто распространяться объ относящемся сюда богатомъ матеріалѣ, наиболѣе интересные факты изъ котораго сопоставлены, напр., у Ф. Рацеля (*Völkerkunde*), у Г. Шурца (*Urgeschichte der Kultur*), а также у А. Веселовскаго (*Журналъ М. Н. Пр.*, 1899, мартъ и апрѣль). Всякій, кто ознакомился хотя бы съ частью собранныхъ примѣровъ, непремѣнно въ концѣ-концовъ долженъ придти къ выводу Дингера (I, 252) о началахъ драматическаго искусства вообще и греческой драмы въ частности: «Драматическое искусство само по себѣ не состоитъ въ обязательной связи ни съ рукописью драматическаго поэта, ни со сценой театра. И та, и другая суть лишь второстепенныя явленія на извѣстной, разумѣется, высшей ступени ея развитія. И если нашъ болѣе развитой вкусъ, по соображеніямъ эстетическаго свойства, отказывается, признать тѣ примитивныя представленія

зародышемъ (драмы) и отнести тѣ первобытныя формы къ драматическому искусству, то достаточно указать на то, что и всѣ остальные искусства на томъ же этническомъ уровнѣ также проявляются лишь въ самыхъ примитивныхъ формахъ и что эти послѣднія тѣмъ не менѣе причисляются къ категоріи этихъ именно искусствъ. Примитивныя изображенія живописи и пластики, которыя мы находимъ у дикихъ и первобытныхъ народовъ, признаются «живописью и пластикой» не только этнологами, но и эстетиками, и съ полнымъ правомъ въ самыхъ примитивныхъ текстахъ ритмически сложенныхъ и повторяемыхъ пѣсняхъ усматриваютъ начало лирики». И немного раньше (I, 246): «Корень драматическаго искусства не заключается въ «поэзіи», какъ до сихъ поръ обыкновенно полагаютъ, ни въ «лирикѣ», ни въ «эпосѣ». Оно не есть также сліяніе обоихъ видовъ поэзіи..., его родословная всюду ведетъ къ особому корню, къ тѣмъ своеобразнымъ, конкретнымъ представленіямъ, которыхъ мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ остальныхъ искусствъ, которыя не могутъ быть теоретически причислены ни къ одному изъ этихъ искусствъ,—къ тѣмъ своеобразнымъ изображеніямъ или представленіямъ при посредствѣ движущихся тѣлъ живыхъ лицъ, которыя въ этнологіи носятъ общее названіе «танцевъ». «Начало драмы заключается въ танцѣ!»—говоритъ Генрихъ Шурцъ коротко и ясно въ своемъ «учебникѣ этнологіи». Въ «танцахъ» первобытныхъ народовъ скрываются ея этнологическіе зародыши, которые только уже на высшей ступени стали превращаться въ то, изъ чего затѣмъ у культурныхъ народовъ развилась «драма» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова».

Принимая въ соображеніе эти аналогіи изъ области этнологіи въ связи съ родственными явленіями изъ жизни ребенка, мы, какъ мнѣ думается, несомнѣнно, должны придти къ слѣдующему выводу: та же самая сила, которая проявляется въ играхъ дѣтей, которая ведетъ къ возникновенію среди дикихъ, варварскихъ народовъ различныхъ игръ, фиктивныхъ состязаній, подражаній эпизодамъ изъ жизни животныхъ, которая на примитивной ступени развитія создаетъ обычаи, «танцы», мимическія представленія то эротическаго, то воинственнаго, то религіознаго характера, та же самая творческая сила путемъ долгихъ, незамѣтныхъ переходовъ и метаморфозъ впоследствии въ области эстетической рождаетъ драму. Между плясками и

примѣрными сраженіями африканскихъ или австралійскихъ дикарей и драмой Софокла нѣтъ существенной разницы, есть лишь разница техническая, а по сему составные элементы тамъ и здѣсь одни и тѣ же, и если примитивныя «забавы» тѣхъ дикарей являются синтезомъ, совокупностью факторовъ, изъ односторонняго развитія которыхъ на болѣе высокой ступени цивилизаціи возникаютъ «отдѣльныя» искусства мимики, хореографіи, отвлеченной поэзіи (лирика и эпосъ), пѣнія, инструментальной музыки, то мы не въ правѣ вычеркнуть изъ понятія драмы, этого прямого потомка тѣхъ плясокъ и игръ, всѣ элементы кромѣ поэтическаго. Культурная драма не только не бѣднѣ своего предка, она по количеству входящихъ въ нее элементовъ его даже превосходитъ, такъ какъ извѣстныя климатическія, историческія и практическія условія съ теченіемъ времени обусловливаютъ собою замѣну реальной сцены данной мѣстности искусственными сценами — произведеніемъ архитектора и живописца.

Таковою была драма древне-греческая въ эпоху расцвѣта афинскаго театра. И можно почти съ увѣренностью сказать, что, не прекрати она своего существованія, никому бы теперь не приходила въ голову теорія, противъ которой направлена первая, критическая часть этой статьи, теорія, ограничивающая понятіе драмы однимъ только отдѣломъ поэзіи, къ тому же еще фиктивнымъ. Наоборотъ, этой теоріи, какъ будто, идетъ навстрѣчу западно-европейская драма, драма романо-германской культуры, смѣнившей собою культуру греко-римскую. Вспомнимъ сцену Шекспира съ ея болѣе чѣмъ бѣдной обстановкой, классическую драму Гете, богатую глубокими мыслями и полную великихъ образовъ, но, будто, совершенно не претендующую на услуги актеровъ и режиссера. Вспомнимъ трагедіи и комедіи французскихъ писателей, въ родѣ Дюма сына, Скриба, Сарду, въ большинствѣ случаевъ представляющихъ собою не что иное, какъ салонные разговоры, бесѣды, диспуты, декламируемые актерами съ подмостковъ театра. Взглянемъ, наконецъ, на шаблонность, на неестественность, на грубые эффекты обычнаго сценическаго аппарата у насъ и за границей—аппарата, находящагося (за рѣдкими исключеніями) въ рукахъ простыхъ рабочихъ, ремесленниковъ и механиковъ, не имѣющихъ никакаго отношенія къ искусству, и мы поймемъ отчасти, какъ до сихъ поръ въ эстетикѣ

могъ удержаться этотъ странный взглядъ на драму, какъ на «третій» видъ поэзіи.

Между современной драмой и драмой древней Греціи дѣйствительно цѣлая пропасть, но если у насъ сейчасъ нѣтъ той всеобъемлющей драмы, которой нѣкогда наслаждались жители Аттики, или которую нарисовалъ Рихардъ Вагнеръ въ своихъ двухъ сочиненіяхъ: «Das Kunstwerk der Zukunft и Oper und Drama», то этотъ недочетъ нетрудно объяснить особыми условіями, въ которыхъ пришлось вырасти и окрѣпнуть духовной жизни молодыхъ варварскихъ племенъ, поселившихся на развалинахъ Римской имперіи. «Упадокъ и гибель древней культуры въ первые вѣка христіанскаго лѣтосчисленія есть происшествіе, серьезныя тайны котораго большей частью еще не разрѣшены». Фр. Альб. Ланге совершенно правъ, но несомнѣнно для насъ не менѣе непонятны начала *новой* культуры, въ особенности—драмы. Казалось бы, и здѣсь мы должны были бы наблюдать то же, что происходило когда-то въ Греціи: постепенный, медленный ростъ примитивныхъ зачатковъ, завершающійся наконецъ расцвѣтомъ той драмы, которая является коллективнымъ произведеніемъ представителей всѣхъ искусствъ безъ исключенія. Что даетъ намъ однако исторія литературы? Обыкновенно проводится очень поверхностная параллель: что средневѣковое драматическое искусство подобно эллинскому выросло изъ религіозныхъ началъ, что европейская трагедія и комедія выросли изъ мистерій, моралитетовъ и т. п., что первый толчокъ при этомъ исходилъ изъ католической мессы. Въ то же время хронологическія данныя очень часто сильно противорѣчатъ другъ другу: то начало этого развитія новой драмы—для Германіи по крайней мѣрѣ—относится къ XII вѣку, то его связываютъ съ аббатомъ Ангильбертомъ при дворѣ Карла Великаго. Въ романскихъ странахъ начало это приурочивается даже къ V-му или IV-му вѣку послѣ Р. Х. Но неужели мы въ правѣ считать ту «Игру объ Антихристѣ» изъ XII-го вѣка, или комедіи знаменитой монахини Росвиты Гандерсгеймской—*нѣмецкими* драмами? Онѣ сочинялись монахами или священниками, которые или сами были иностранцами или воспитывались внѣ Германіи. Онѣ писались на латинскомъ языкѣ. Онѣ изображали чувства и идеи, отнюдь не родившіяся и не выросшія въ душѣ народа. То—есть во всемъ полная противоположность положенію дѣла въ древней Греціи!

Это не живые побѣги на древнѣ народной жизни, а паразиты. Это были огрубѣвшія, выродившіяся дѣти древней сцены времени Константина и Юстиніана. Настоящее народное искусство, между прочимъ и начала драмы ими было заглушено, отодвинуто на задній планъ. Если бы этому народному искусству было суждено такое же спокойное, самостоятельное развитіе, какое выпало на долю грековъ, тогда оно, быть можетъ, пошло бы по пути, аналогичному развитію искусства этихъ послѣднихъ. Оно развилось бы медленно, можетъ быть, но, по всей вѣроятности, тоже когда-нибудь, въ силу врожденныхъ ему импульсовъ, дошло бы до той драмы будущаго (Zukunftswerk), о которой мечталъ Вагнеръ. Но вышло иначе.

«Читая нашу древнюю исторію, — говоритъ Гервинусъ (Geschichte der deutschen Dichtung I, 853, I, 51), — мы никогда не должны забывать, что самыя дорогія религіозныя и историческія воспоминанія нашихъ предковъ ни на одно мгновение не были предоставлены самимъ себѣ, съ тѣхъ поръ какъ они ярче стали выдѣляться на фонѣ исторіи... Во всѣхъ романскихъ странахъ, куда являлись германскія племена, древнія народныя пѣсни быстро поглощались римской культурой. Въ Испаніи латинская поэзія безпрепятственно продолжала свой путь. Среди остготскихъ священниковъ греческое образованіе стало распространяться еще тогда, когда они жили на Дунаѣ... Вскорѣ, благодаря христіанскому духовенству, исторія стала исторіей церкви, какъ у Григорія и Беды, вскорѣ народный языкъ сталъ презираться, вскорѣ отъ него, изъ ложнаго стыда, стали отрекаться... Кто въ правѣ насъ бранить за то, что мы не создали ничего такого прекраснаго (какъ греки)? Среди завоеваній и странствованій поэзія должна была замолкнуть; ибо гдѣ же — даже въ наше время — мы видимъ расцвѣтъ духовной культуры въ періодъ громкихъ внѣшнихъ событій? Пока эти племена мирно расселялись, вдругъ во главѣ ихъ оказалось духовное сословіе, оно для нихъ было необходимо, оно заботилось обо всемъ, для него было важно, искоренить языческія преданія; ему не препятствовалъ ни одинъ народный пѣвецъ, который бы ухаживалъ за поэзіей, какъ за своей собственностью».

Несомнѣнно Гервинусъ правъ, если онъ продолжаетъ (I, 80): «Монахи спасли науку и философію, которыя въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ не смѣли показываться на свѣтъ Божій, но имъ

нечего было заботиться о поэзіи, потому что она-то не боится дневного свѣта, а напротивъ въ немъ нуждается». Если мы сравнимъ средневѣковую литературу съ греческимъ «народнымъ» искусствомъ, тогда невольно думаешь о потокѣ раскаленной лавы, покрытой полуостывшими шлаками и выгарками, отъ которыхъ горячая жизнь его тщетно пытается освободиться. Это ему удастся, отчасти въ XII и XIII вв., но, вслѣдъ за тѣмъ, къ началу новаго времени, ненавистныя оковы, по прежнему начинаютъ его давить: латинская мудрость ученыхъ, осколки итальянскаго Ренессанса, поэзія французскаго двора.

Итакъ, развитіе европейскіихъ націй, въ частности ихъ искусства, въ общихъ чертахъ является слѣдующимъ. Вторгающееся въ ихъ область римское образованіе вскорѣ создаетъ широкую пропасть между «высшими» и «низшими» сословіями. Благодаря ему, одна часть народа, т. наз. «образованный» классъ, далеко оставляетъ за собою остальныхъ своихъ единоплеменниковъ, не подверженныхъ непосредственному влиянію этого фактора. Чужіе элементы вступаютъ въ связь съ прирожденными національными свойствами, въ области права и государства, быта и искусства, и въ результатѣ развитіе идетъ въ новомъ направленіи, согласно закону о параллелограммѣ силъ. Исторія народа мало-по-малу превращается въ исторію его *представителей*, а эти послѣдніе постепенно изъ представителей превращаются въ презрителей народнаго, роднаго искусства.

То, что до послѣднихъ временъ называлось европейскимъ искусствомъ, за рѣдкими исключеніями есть собственно искусство византійское, искусство Возрожденія, питаемое кровью и духомъ тѣхъ завоевателей, которые разрушили античный міръ. То, что мы называемъ европейской драмой, есть лишь продолженіе античныхъ традицій, а не потомокъ тѣхъ дикихъ игръ, плясокъ, драматическихъ пѣсень и т. д. нашихъ предковъ. Потомковъ этихъ послѣднихъ надо искать въ лицѣ народныхъ игръ и празднествъ, народныхъ танцевъ, народныхъ комедій (иногда и дѣтскихъ игръ), которыхъ и сегодня еще немало во всѣхъ странахъ западной и восточной Европы.—Достаточно вспомнить состязанія, еще недавно устраивавшіяся на среднемъ Рейнѣ, въ воскресенье Laetare (четвертое воскресенье Великаго поста) и изображавшія побѣду лѣта надъ зимою; подобныя имъ игры, состоящія изъ пляски, мимики, пѣнія, существуютъ

въ Швабіи, Швейцаріи и Баваріи. Нетрудно будетъ подобрать аналогіи изъ жизни великорусскаго или малорусскаго крестьянскаго населенія. Такими же остатками древняго, примитивнаго, національнаго драматическаго искусства является наприм., *ronde mimique* въ Нормандіи и мало отъ нея отличающіяся игры въ Италиі. Къ нимъ относятся и тѣ *saltationes* и *carmina diabolica* на кладбищахъ, съ которыми католической церкви пришлось вести столь продолжительную борьбу; т. наз. *Perchtenlaufen* въ южной Германіи; «пасхальные костры», великій осенній праздникъ по окончаніи жатвы и уборки хлѣба и т. д.

Но если народное искусство германскихъ и славянскихъ племенъ не успѣло создать своими средствами ничего подобнаго аѳинской драмѣ, то, съ другой стороны, и тотъ паразитъ, то римско-клерикальное искусство, занявшее его мѣсто, тоже этого не сдѣлало. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Художественное произведеніе вродѣ «Антигоны» или «Прометея» возможно лишь тамъ, гдѣ техника отдѣльныхъ искусствъ достигла высокой степени усовершенствованія. Если мы такую полную, всесторонне-законченную драму попытаемся пересадить въ другую почву, гдѣ этого необходимаго условія еще нѣтъ (напр. въ Италиі около Р. Х.), то подобный опытъ, разумѣется, не можетъ привести къ блестящимъ результатамъ — синтезъ тогда лишь можетъ быть удачнымъ, художественнымъ, если входящіе въ него элементы въ отдѣльности уже подвергались достаточной художественной обработкѣ. Прежде чѣмъ въ Италиі эта задача могла быть выполнена, начался всеобщій упадокъ, такъ что во времена варварскихъ нашествій публика способна была наслаждаться лишь травлей дикихъ звѣрей и боемъ гладиаторовъ.

Между тѣмъ, все-таки у римлянъ было возможно воспроизведеніе этой греческой драмы, явившейся результатомъ дружной работы *всѣхъ* искусствъ. Вѣдь у римлянъ все же были наставники греки, сами еще видѣвшіе это «Gesamtkunstwerk». Въ гораздо худшихъ условіяхъ находилась нѣмецкая, французская, англійская «интеллигенція». Очевидцевъ уже не стало. Бурный періодъ эпохи переселенія народовъ уничтожилъ почти всѣ слѣды эллинскаго театра. Не было ни фонографовъ, ни фотографій, ни синематографовъ, ни хореографій. Итакъ, отъ многосложнаго аппарата древней драмы въ концѣ-концовъ сохранились — однѣ лишь рукописи поэтовъ съ текстомъ одной изъ

многихъ составныхъ частей, т.-е. монологовъ и діалоговъ «дѣйствующихъ» лицъ. Съ тѣхъ поръ драма оставалась обломкомъ, развалиной прежней роскоши. Происходящее на болѣе или менѣе примитивной сценѣ новаго «театра» (*lucus a non lucendo!*) уже являлось не больше чѣмъ иллюстраціей діалоговъ, произносимыхъ передъ суфлерской будкой. Одна форма Шекспировскихъ драмъ ясно указываетъ на то, какъ мало въ сущности ея творецъ заботился о театрѣ и сценической обстановкѣ. Насколько его произведенія цѣнны по философскому и поэтическому содержанію, настолько они далеки отъ идеала драмы, упомянутого выше. Лессингъ въ «Гамбургской драматургіи» говоритъ: «Въ какой степени второстепенны украшенія театра, объ этомъ поразительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ пьесы Шекспира». И Гёте гдѣ-то сказалъ, что «нѣтъ болѣе высокаго наслажденія, какъ слушать закрывши глаза драму Шекспира, читаемую естественнымъ, правильнымъ голосомъ», но вслѣдъ затѣмъ онъ замѣчаетъ: «Шекспиръ является существеннымъ факторомъ въ исторіи поэзіи; въ исторіи театра онъ сыгралъ лишь случайную роль». Почти то же самое говоритъ баронъ А. фонъ-Бергеръ въ своихъ лекціяхъ о «драмѣ и театрѣ»: «Шекспировская драма похожа на рассказъ, который самъ себя рассказываетъ». Дѣло въ томъ, что поэтъ и драматургъ далеко не одно и то же. «Shakespeare war eben, говоритъ Вагнеръ, wohl der gewaltigste Dichter aller Zeiten, sein Kunstwerk aber noch nicht das Werk für alle Zeiten».

А это «твореніе» (*Werk*), эта идеальная драма никогда не переставала быть предметомъ мечтаній и грезъ художниковъ, поэтовъ и мыслителей. Смутное представленіе о прелести древнегреческаго театра породило въ Италіи нѣсколько вѣковъ тому назадъ оперу. Сколько на нее возлагалось надеждъ, видно еще изъ письма Шиллера, въ которомъ онъ пишетъ: «Я всегда питалъ нѣкоторое довѣріе къ оперѣ, въ надеждѣ на то, что изъ нея, какъ изъ хора древнихъ празднествъ въ честь Вакха, разовьется трагедія въ болѣе благородной формѣ». А тотъ идеалъ великаго творца «Парсивалья» — не родился ли онъ изъ сознанія того, что «наше оффиціальное театральное искусство не есть настоящая драма, то единое, недѣлимое, величайшее произведеніе человѣческаго духа», являющееся «соединеніемъ всѣхъ стдѣльныхъ искусствъ?»

Максимиліанъ Фотъ.

Функціональна психологія.

(По поводу сочиненія *Штумфа*: Erscheinungen und psychische Funktionen. 1907).

Развитіе научной психологіи больше всего опредѣлялось ученіями англійскихъ ассоціационистовъ XVIII-го вѣка. Все содержаніе психическихъ переживаній и всѣ сложные продукты таковыхъ переживаній сводятся въ ученіи ассоціационной школы въ конечномъ счетѣ къ связи элементовъ, данныхъ во внѣшнихъ воспріятіяхъ или ихъ «слѣдовъ», «психическихъ остатковъ», группирующихся по единому закону ассоціаціи. Ассоціація и сенсуализмъ дополняютъ другъ друга въ этихъ ученіяхъ. Схематизація дѣйствительности, предпринимаемая ассоціативной школой, соответствуетъ искаженію психической дѣйствительности въ направленіи сенсуализма.

Но поскольку законы психической дѣятельности не ограничиваются и не сводятся только къ ассоціаціи ¹⁾, постольку и психическая дѣйствительность не ограничивается элементами внѣшнихъ воспріятій и ихъ слѣдами (представленіями).

Разработка методовъ самонаблюденія и отрѣшеніе отъ подкупающихъ своей простотой предпосылокъ ассоціативно-сенсуалистическаго направленія приводятъ современныхъ изслѣдователей къ разрушенію психологическихъ традицій, которое зиждется съ одной стороны на экспериментѣ, а съ другой стороны на феноменологическомъ анализѣ данныхъ непосредственнаго развитого сознанія. Какъ экспериментъ, такъ и непосредственный анализъ приводятъ къ измѣненію гносеоло-

¹⁾ Вундтовское ученіе объ апперцепціи есть, напр., попытка пробить брешь въ психологическомъ схематизмѣ.

гической оцѣнки ощущеній. Последняя прошла въ новой философіи своеобразный рядъ.

Рационалистическое пренебреженіе ощущеніями смѣнилось примирительной формулой Канта, предоставившей имъ мѣсто эмпирической реальности и наконецъ современный позитивизмъ признаетъ за ощущеніями значеніе единственныхъ «элементовъ» міра (Э. Махъ). Но подобное признаніе возможно лишь въ случаѣ отказа отъ непредвзятаго подробнаго анализа дѣйствительности, той самой, исходъ изъ которой является методологическимъ правиломъ для современнаго имманентнаго позитивизма.

Подобный анализъ даетъ разбираемое сочиненіе *Карла Штумпфа*.

Всю психическую дѣйствительность возможно разбить на два большихъ класса: явленій и психическихъ функцій. Явленіями можно назвать независимо отъ гносеологическаго отгѣнка этого термина а) содержанія ощущеній органовъ чувствъ, пространства и въ нѣкоторомъ отношеніи и временной протяженности; в) образы представленій, лишь воображаемыя цвѣта, тоны и т. д., которые въ отличіе отъ ощущеній можно назвать явленіями второго порядка.

Между явленіями существуютъ различныя *отношенія*. Они намъ даны вмѣстѣ съ явленіями; мы не привносимъ ихъ сами, а лишь воспринимаемъ. Эти отношенія являются матеріаломъ психическихъ функцій, но отнюдь не самими функціями. Таковыми можно назвать замѣчаніе (*Bemerken*) явленій и ихъ отношеній, соединеніе явленій въ комплексы, образованіе понятій, сужденія, движенія чувствъ, желанія и воленія ¹⁾.

Всѣ функціи даны намъ въ непосредственномъ переживаніи, что оспаривается ассоціаціонной психологіей, для которой даны лишь явленія. Критеріемъ непосредственно даннаго является очевидность. Такая очевидность приводитъ въ новой психологіи Локка, Лейбница, Зигварта, Лотце, Brentano, Husserl'я, Dilthey'я, Фолькельта, Бенно Эрдманна, Т. Липпса къ утвержденію воспринимаемости функцій какъ таковыхъ. Въ экспериментальной психологіи школа Кюльпе склоняется къ признанію функцій непосредственно воспринимаемыми. Конечно,

1) Терминъ функція употребляется здѣсь лишь въ органическомъ значеніи дѣйствія или процесса.

мы не можемъ наше зрѣніе видѣть и нашъ слухъ слышать, но именно потому познаніе зрѣнія какъ функции должно быть иного характера, чѣмъ сознаніе цвѣта, какъ такового.

Психическая жизнь, (и въ особенности сужденія и хотѣнія) очевидно не сводится на цвѣта, тона и прочіе элементы. Эти послѣдніе являются лишь *содержаніемъ* нашихъ *актовъ* воспріятія. Актъ и содержаніе конечно связаны другъ съ другомъ, но не сводимы одинъ къ другому.

Аргументовъ, заставляющихъ отдѣлять актъ отъ содержанія много. Возьмемъ, напр., различіе между воспріятіемъ и соотвѣтствующимъ ему представленіемъ. Нѣтъ ни одного признака, который отличаетъ одно отъ другого и который можно было бы приписать содержанію какъ таковому. Ни интенсивность, ни явственность, ни обертонъ не отличаетъ воспріятіе тона отъ его представленія, такъ что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ представленіе можетъ даже объективироваться въ нашемъ сознаніи, т.-е. мы принимаемъ его за воспріятіе ¹⁾. Но такъ какъ отличіе воспріятія отъ соотвѣтствующаго ему представленія есть въ большинствѣ случаевъ фактъ нашего сознанія, то мы, не находя различія въ содержаніи, должны отдѣлить актъ отъ содержанія и перенести дѣйствительное различіе на актъ. Различіе функций при воспріятіи и представленіи надо признать такимъ же фактомъ, какъ и различіе самаго воспріятія и представленія. Но не нужно думать, что сознаніе психической функции есть непременно сознаніе субстанціи, стоящей за психической функцией. Если мы признаемъ функцию какъ фактъ сознанія, то этимъ мы признаемъ лишь, что необходимо ввести въ обиходъ психологической науки нѣкоторое число измѣняемыхъ величинъ, кромѣ данныхъ въ явленіи (интенсивность, качество и т. д.) для того, чтобы описать должнымъ образомъ всю совокупность даннаго и его измѣненій.

Функция не сводима къ явленію. Это нужно признать фактомъ, который дѣлается еще болѣе очевиденъ, если мы вспомнимъ, что со времени Гоббса всѣ попытки свести многообразіе психическаго къ единому роду явленій были иллюзорны и носили характеръ *petitio principii*.

¹⁾ При удаляющейся отъ насъ и постепенно затихающей музыкѣ часто нельзя различить, слышимъ ли мы еще дѣйствительную музыку или объективируемъ лишь собственное представленіе.

Различіе же функціи отъ явленія доходитъ до того, что ни одинъ признакъ міра явленій не подходитъ къ психической функціи. Даже интенсивностью обладаетъ послѣдняя не въ томъ смыслѣ, какъ тоны или запахи. Мы различаемъ въ функціяхъ признаки особаго порядка, какъ напр., ясность воспріятія, очевидность сужденія, степень общности понятія. Правда, эмоціональныя функціи обладаютъ признакомъ, аналогичнымъ интенсивности чувственныхъ воспріятій, но во всякомъ случаѣ дѣло ограничивается только аналогіей. Далѣе, отношенія, въ которыхъ находятся различныя функціи, отличны отъ отношеній явленій.

Напримѣръ, своеобразное переплетеніе эмоціональныхъ и интеллектуальныхъ функцій или же отношеніе сужденія къ понятію, понятія къ воззрѣнію, отношеніе воли къ мотивамъ совершенно не повторяются въ мірѣ явленій и имъ нѣтъ даже подобныхъ. Признаки явленій такимъ образомъ непримѣнимы къ психическимъ функціямъ. Но вѣрно и обратное—никакой признакъ функціональнаго ряда не можетъ быть приписанъ міру явленій. При воспріятіи фигуры или движенія напр., мнѣ конечно дано все актуально-психическое состояніе, но я воспринимаю его только вмѣстѣ съ цвѣтомъ, но не въ немъ. Это актуально-психическое не есть признакъ явленія подобно протяженности или силѣ свѣта. Вообще, понятіе функціи не связано съ понятіемъ явленія логической необходимостью. Къ понятію тона относятся съ логической необходимостью только признаки высоты, силы и т. д.

Признакъ воспринимаемости не относится къ понятію тона, онъ уже перехватываетъ изъ области явленій въ совершенно другую сферу. Также и функція мыслима безъ явленія (если конечно и не безъ содержанія вообще); функція и явленіе составляютъ одно цѣлое, но отсюда не слѣдуетъ, что одно не мыслимо безъ другого.

Цвѣтъ и протяженность тоже составляютъ одно цѣлое и отдѣлимы другъ отъ друга только въ абстракціи. Однако, заключать отсюда, что протяженность немислима безъ окраски, нельзя, ибо послѣдняя встрѣчается и въ области тактильнаго чувства. А доказать, что эта протяженность отличается отъ первой, абсолютно ничѣмъ нельзя. Нельзя вскрыть противорѣчія или недопустимости въ отдѣленіи функціи отъ явленія.

Но кромѣ логической отдѣлимости можно констатировать между ними также и реальное раздѣленіе, ибо въ извѣстныхъ границахъ они измѣняются независимо другъ отъ друга. Это значитъ, что при однихъ и тѣхъ же явленіяхъ могутъ имѣть мѣсто различныя функціи, при различныхъ явленіяхъ однѣ и тѣ же функціи. Или же реальную независимость можно формулировать и такъ: при измѣненіи функциональнаго отношенія не должно непременно измѣняться и явленіе и наоборотъ, при постоянствѣ функціи возможно измѣненіе индивидуальной характеристики явленія.

Разсмотримъ примѣры перваго рода.

Первичной функціей можно назвать воспріятіе или замѣчаніе (Bemerken). Воспріятіе явленій перваго порядка мы называемъ ощущеніемъ, воспріятіе явленій втораго порядка—представленіемъ. При воспріятіи чувственномъ мы имѣемъ дѣло съ замѣчаніемъ части въ цѣломъ, такъ что воспріятіе всегда заключаетъ въ себѣ различеніе воспріятого отъ невоспріятого. Все невоспріятое, какъ бы оставленное на заднемъ планѣ, мы называемъ просто перципированнымъ въ отличіе отъ апперципированнаго. Наше положеніе въ примѣненіи къ воспріятію гласитъ: при переходѣ отъ незамѣченнаго къ замѣченному происходитъ перемѣна функциональнаго характера, при чемъ явленіе отнюдь не должно измѣниться. Если напр. мы вдругъ замѣчаемъ одинъ тонъ въ аккордѣ, то аккордъ, какъ явленіе ничуть не измѣняется. Если мы станемъ на противоположную точку зрѣнія, то всякое описаніе явленій станетъ невозможнымъ. Если аккордъ *c-e-g*, пока онъ не разложенъ на свои составныя части, фактически простое явленіе, то онъ очевидно долженъ быть простымъ тономъ, который не совпадаетъ ни съ *c*, ни съ *e*, ни съ *g*. Въ такомъ случаѣ мы его вообще не можемъ помѣстить въ линіи тоновъ. Мы должны ввести новыя измѣренія въ области тоновъ, вмѣсто того одного, которымъ пользуемся до сихъ поръ. Далѣе, сдѣлается иллюзорнымъ объясненіе тембра тона изъ обертоновъ и т. д.

Къ нашей точкѣ зрѣнія ведетъ также существованіе промежуточныхъ ступеней между незамѣченнымъ и ясно замѣченнымъ. Каждой ступени пришлось бы приписать особое качество явленія, особое явленіе, замѣняющее явленіе бывшее незадолго передъ этимъ. Къ простымъ явленіямъ, какъ, напр., тона, это

явственно не примѣнимо, и мы вынуждены перенести различіе изъ области явленій въ область функций воспріятія. Съ другой стороны ничего нельзя возразить принципиально противъ утвержденія, что въ явленіяхъ имѣются части, которыхъ мы вообще не можемъ замѣтить, какъ напр., *petites perceptions* Лейбница или бессознательные локализационные знаки Гельмгольца, или глухіе и свѣтлые элементы звукового воспріятія по Маху или прочіе гипотетическіе элементы (Спенсеръ, Тэнъ, Brentano).

Если мы признаемъ существованіе такихъ незамѣтныхъ явленій, то измѣненіе функций мы не можемъ связывать съ измѣненіемъ явленій, которыя вообще намъ не даны.

Воспріятіе можетъ быть направлено и на отношеніе между явленіями. Мы не говоримъ въ такомъ случаѣ объ ощущеніи, но функция остается тѣмъ не менѣ той же, измѣняется лишь содержаніе. Какъ при воспріятіи частичнаго тона, этотъ тонъ не привходитъ въ явленіе черезъ воспріятіе, а находится въ немъ и до него, такъ и воспринимаемое отношеніе не создается воспріятіемъ, а имманентно самому явленію. Въ особенности Лотце настаивалъ, что отношеніе ¹⁾ ничего не измѣняетъ въ явленіи, въ матеріалѣ воспріятія. Въ самомъ дѣлѣ, всякое сравненіе было бы бессмысленнымъ, если бы *eo ipso* были достигнуты измѣненія того, что требуется сравнить. Но отношенія не создаются и функцией, а только констатируются, какъ абсолютныя содержанія.

Мы различаемъ такимъ образомъ отношенія, которыя относятся къ матеріалу мышленія и относящіе акты, которые являются актами мышленія (воспріятія отношеній). Слѣдующей за замѣчаніемъ основной функцией является со времени Платона *соединеніе*, напр., соединеніе отдѣльныхъ тоновъ въ мелодію. Тутъ опять возникаетъ вопросъ, поскольку такимъ соединеніемъ измѣняется что-либо въ явленіи. Окончательное рѣшеніе этого вопроса остается за экспериментальной психологіей, которая этимъ вопросомъ только что начала заниматься. Мы же можемъ только указать, что одинъ и тотъ же матеріалъ соединяется въ одну или нѣсколько группъ (фразировка) въ зависимости отъ субъекта. Такое же различіе фразировки одного и того же матеріала замѣчается у одного субъекта въ различное время.

1) Онъ называлъ его относящимъ знаніемъ.

Возможно также, что матеріалъ, однажды соединенный въ одну или нѣсколько группъ, въ другой разъ совершенно остается не соединеннымъ. Если мы во всѣхъ этихъ случаяхъ признаемъ субстратъ различныхъ явленій, то очевидно мы прійдемъ къ гносеологическому абсурду.

Слѣдующей интеллектуальной функціей является составленіе *общихъ понятій*. Общее понятіе приводитъ къ явленіямъ обого порядка какъ новый плюсъ, но не въ видѣ новаго элемента, который мѣнялся бы вмѣстѣ съ даннымъ матеріаломъ.

Измѣненіе, которое происходитъ при образованіи понятія, относится къ области функцій. Мышленіе общими понятіями оказывается во всѣхъ своихъ операціяхъ (аналитическихъ, синтетическихъ и другихъ) свободнѣе отъ явленій (*images*), чѣмъ это учила и во что вѣрила ассоціаціонная психологія.

Даже внутренняя рѣчь не является въ каждый моментъ необходимой составной частью интеллектуальнаго процесса. О существованіи логическихъ операцій, при которыхъ ничего не измѣняется въ явленіи, учатъ современные психологи и гносеологи въ лицѣ О. Либмана, А. Рилля, В. Джемса, Б. Эрдманна, Husserl'я, Бинэ. Въ экспериментальной психологіи выдвинулась съ подобными утвержденіями школа Кюльпе, въ особенности Н. Ахъ, К. Bühler, А. Messer и другіе.

При *сужденіяхъ* одинъ и тотъ же матеріалъ (одно и то же явленіе) можетъ быть различно обработанъ. (Положительное или отрицательное сужденіе — сужденіе съ пониманіемъ или же со слѣпымъ признаніемъ правдивости.) Въ сужденіи явственно приводитъ функциональное отношеніе — функція измѣняется при постоянствѣ явленія.

Что касается *эмоціональныхъ* функцій, то можно съ увѣренностью сказать, что состоянія радости и горя, позитивныя и негативныя движенія чувствъ *могутъ* смѣняться безъ того, чтобы что-либо измѣнилось въ области представленій (если измѣненія представленій и являются наиболѣе обычнымъ спутникомъ измѣненія чувствъ). Также можно утверждать, что многія измѣненія чувствъ зависятъ лишь отъ измѣненія интеллектуальныхъ функцій, такъ что опять-таки не зависятъ отъ измѣненія явленій. Приведенные примѣры измѣненія функцій безъ измѣненія явленій конечно не говорятъ, что *всякое* измѣненіе функціи независимо отъ явленія. Они только доказываютъ, что *возможно* измѣненіе

функции безъ измѣненія явленія. Мы можемъ утверждать и обратное. *Возможны* измѣненія явленій безъ измѣненія функций.

Первымъ примѣромъ можетъ явиться фактъ, что возможны измѣненія въ полѣ зрѣнія, безъ того, что мы эти измѣненія замѣчаемъ. Противники отдѣленія функции отъ явленія могутъ этотъ фактъ интерпретировать слѣдующимъ образомъ. Они могутъ сказать, что измѣненія происходятъ только въ периферическихкихъ нервныхъ процессахъ. Но въ такомъ случаѣ при замѣчаніи наступившей темноты совершается въ психикѣ сразу переходъ отъ свѣта къ темнотѣ. Или же, если быть послѣдовательнымъ — отъ ничего къ темнотѣ. Ибо, если незамѣченное явленіе не есть явленіе; а лишь периферическій нервный процессъ, то оно не существуетъ ни въ какомъ видѣ для воспринимающаго и создается лишь въ моментъ замѣчанія.

Измѣняемость явленія независимо отъ функции доказывается и тѣмъ фактомъ, что едва замѣтныя различія (*ebenmerkliche Unterschiede*), которыя въ воспріятіи кажутся равными—на самомъ дѣлѣ не равны. Уже Brentano указалъ, что эти различія даже при максимальномъ постоянномъ вниманіи могутъ обладать различной величиной. Кюльпе доказалъ то же самое экспериментами въ различныхъ областяхъ.

Явленія второго порядка — представленія—ведутъ большей частью самостоятельное существованіе независимо отъ нашихъ функций. Такъ, напр., въ случаяхъ механической памяти или обыкновенныхъ ассоціацій, которыя проходятъ, какъ бы передъ нашими глазами—представленія такъ же независимы отъ насъ, какъ и явленія внѣшняго міра. На ряду съ этимъ должна быть отмѣчена возможность ассоціаціи въ безсознательныхъ сферахъ, т.-е. внѣ зависимости отъ непосредственно намъ данныхъ функций.

Мы рассмотрѣли почти всѣ функции. Въ каждой области можно найти случаи, подтверждающіе наше положеніе—реальную независимость функций и явленій. Но тѣми и другими мы не исчерпываемъ психической дѣйствительности. Въ особенности въ области высшихъ интеллектуальныхъ процессовъ возникаетъ вопросъ, что соотвѣтствуетъ здѣсь статическимъ «образованіямъ» (*Gebilde*)—представленіямъ.

Другими словами, какими «образованіями» заканчивается функция?

Вскрыть содержаніе сознанія съ этой стороны лучше всего

на примѣрѣ. Возьмемъ такъ называемое качество формы—«Gestaltqualität» Ehrenfels'a. Подъ ней разумѣютъ то, что отличаетъ множество одинаково расположенныхъ явленій, не соединенныхъ въ сознаниі, отъ того же множества, представленнаго въ формѣ мелодіи или пространственной фигуры.

Чѣмъ является такое соединеніе? Оно не представляетъ изъ себя явленія второго порядка, иначе оно должно быть дано *на ряду* съ другими явленіями. Оно не существуетъ отдѣльно отъ элементовъ, имѣ соединенныхъ. Кромѣ того, оно не существуетъ *всегда* при наличности этихъ элементовъ: я могу слышать рядъ звуковъ, не соединяя ихъ въ мелодію. Ясно, что здѣсь имѣетъ мѣсто функціональное вмѣшательство. Но «образованіе»—форма—не есть сама функція. Она является лишь эффектомъ послѣдней. Функція соотвѣтствуетъ коррелятъ ея въ видѣ формы.

Кромѣ общей функціи воспріятія всѣ остальные имѣютъ въ сознаниі такіе корреляты.

Въ рассматриваемомъ выше случаѣ Gestaltqualität качество предметовъ наводитъ насъ само на форму образованія. Но существуютъ соединенія, при которыхъ не дано никакихъ отношеній между предметами. Такъ, мы можемъ соединять самые разнообразныя предметы въ нашемъ сознаниі при помощи простой связки «и». Все, что выступаетъ въ сознаниі какъ специфическій результатъ соединенія, назовемъ общимъ именемъ «совокупности». Совокупность не является соединяющей функціей самое, но не является и соединеннымъ матеріаломъ. Совокупность есть необходимый коррелятъ соединяющей функціи. «Формы» являются ни чѣмъ инымъ, какъ частнымъ случаемъ «совокупностей», у которыхъ соединеніе совершается на основаніи предметныхъ отношеній.

Функціональныя корреляты мы встрѣчаемъ при другихъ интеллектуальныхъ функціяхъ. Такъ, напр., при мышленіи понятіями воспріятіе простѣйшихъ понятій есть функція—понятіе само коррелятъ этой функціи. При сужденіяхъ коррелятомъ является (Объективъ въ смыслѣ Meinong'a) обстоятельство (Sachverhalt). При эмоціональныхъ функціяхъ эту роль исполняетъ «цѣнность».

Какъ невозможно допустить смѣшенія явленія съ функціей, такъ же нельзя замѣнить «образованіе» самой функціей. Совокупность не есть соединеніе, какъ и связка не является связываніемъ, какъ субстанціальность и каузальность не являются са-

мыми функциями мышления. Въ этомъ пунктѣ мы не можемъ согласиться съ неокритицистами независимо отъ того, правы они или нѣтъ въ исторической интерпретаціи кантовскихъ формъ мышленія.

Съ точки зрѣнія, которую мы пытались провести, получаетъ новое освѣщеніе цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ, напр., измѣненіе явленія посредствомъ функціи. Въ этомъ случаѣ оказывается, что всегда къ явленію приходитъ что-то новое. Однако, это приходящее не есть въ свою очередь явленіе. Мы имѣемъ дѣло не съ «содержаніемъ» въ первичномъ смыслѣ слова, а съ совершенно новымъ родомъ «содержаній». Къ явленію приходитъ коррелятъ, который является конечнымъ эффектомъ функціи.

Съ этой же точки зрѣнія, проводящей различіе между явленіемъ, функціей и ея коррелятомъ получаетъ новое освѣщеніе вопросъ о непосредственно данномъ.

То, что намъ дано при психической функціи, кромѣ явленія, можно сказать, является не функціей, а только ея статическимъ коррелятомъ. Мы замѣчаемъ, сколько часовъ пробило, но не замѣчаемъ внутренней работы часового механизма. При интеллектуальной функціи такое рѣшеніе вопроса кажется очень подходящимъ. При эмоциональной и волевой функціи легче уже допустить непосредственную данность самой функціи. Однако, и при интеллектуальной функціи рѣшеніе вопроса о непосредственно данномъ черезъ признаніе такового только за коррелятомъ не представляется намъ необходимымъ. Какъ понимать утвержденіе, что вмѣсто мышленія о величинѣ или движеніи намъ непосредственно дано лишь общее понятіе? Это общее должно имѣть въ такомъ случаѣ самостоятельное существованіе въ родѣ существованія явленій, и передъ нами встаютъ всѣ послѣдствія стараго реализма понятій. Мы признаемъ, что сами функціи являются непосредственно данными, функциональные корреляты однако лишь тогда, когда они являются фактическимъ содержаніемъ этихъ функцій. Съ явленіями дѣло обстоитъ иначе. Они могутъ быть логически отдѣлены отъ функцій, чего нельзя сказать объ «образованіяхъ».

Въ выше данномъ очеркѣ затронутъ цѣлый рядъ проблемъ и намѣчено ихъ посильное разрѣшеніе, однако послѣднее слово

должны сказать все же частныя изслѣдованія. При изслѣдованіяхъ намѣченныхъ вопросовъ и вообще проблемъ, относящихся къ кругу функциональной психологіи, важно имѣть передъ глазами всевозможныя точки зрѣнія. Ученіе о функциональной психологіи само является только одной точкой зрѣнія. Кто знаетъ трудности психологическихъ проблемъ и то младенческое состояніе, въ которомъ находится частное изслѣдованіе такихъ вопросовъ, какъ, напр., интенсивность функціи, внутреннее воспріятіе и т. д., тотъ не впадетъ въ опасность замѣнить сенсуалистическій догматизмъ другой крайностью,—догматизмомъ функциональнымъ. Однако, одно уже должно быть ясно сознано: описаніе непосредственно даннаго, кромѣ всего того, что необходимо для конструкціи психической причинности, не можетъ ограничиваться одними явленіями, хотя бы къ нимъ и были присоединены явленія второго порядка—представленія.

Ученіе Джемса о «fringes», указаніе новѣйшихъ работъ на т. н. «Bewusstseinslagen» (Marbe), «Bewusstheiten» (N. Ach) и т. д., всѣ покоятся на этомъ сознаніи.

Можно конечно сказать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ не о различныхъ функціяхъ, а только о различныхъ скрытыхъ, полусознанныхъ, трудно описуемыхъ явленіяхъ, такъ сказать, явленіяхъ третьяго порядка. Конечно, иногда это можетъ имѣть мѣсто, но иногда и нѣтъ. Довольно, если мы придемъ къ соглашенію, что анализъ непосредственно данной психической жизни неполонъ, если ограничиться тѣмъ, что предлагала намъ традиціонная психологія.

Предложенное ученіе о функціяхъ можетъ привести къ цѣлому ряду слѣдствій не только для психологіи, но и для классификаціи наукъ. Ограничимся однако указаніемъ на слѣдствіе нашего ученія для вопроса о локализациі психической дѣятельности. Для ученія объ этой локализациі, конечно, очень важно, растворяемъ ли мы всю психику въ явленіяхъ или же признаемъ, что функціи и «образованія» составляютъ сущность психической дѣятельности. Для приверженцевъ функциональной психологіи возникаетъ вопросъ, не локализованы ли функціи въ совершенно другомъ смыслѣ, чѣмъ явленія и не относится ли все, что до сихъ поръ вскрыто въ проблемѣ о локализациі, только къ локализациі явленій и ихъ ассоціацій.

Рѣшенія чисто психологическихъ вопросовъ, относящихся къ

функциональной психологии, надо ожидать, какъ указано выше, отъ частныхъ изслѣдованій, необходимы точные методы, достаточно широкіе для того, чтобы вмѣстить открывающееся многообразіе функциональныхъ зависимостей. Выработанные доселѣ методы экспериментальной психологии выросли изъ постановки вопросовъ психологии исключительно явленій. Конечно, рассчитывать на то, что, оставаясь при этой методикѣ, можно будетъ подвинуться впередъ въ изученіи многообразія непосредственно даннаго, врядъ ли придется. Освященные традиціей методы должны уступить мѣсто новому, адекватному предмету изслѣдованія. Въ новѣйшихъ работахъ, сообразно постановкѣ вопроса о функціяхъ, видны попытки пробить брешь въ физиологической методикѣ, оставаясь все-таки на научной почвѣ психологическаго эксперимента.

А. А. Гринбаумъ.

Ученіе Л. І. Петражицкаго о правѣ и его предпосылки.

(Критическій и методологическій этюдъ).

Когда въ 1900 г. проф. Л. І. Петражицкій выпустилъ въ свѣтъ свои «Очерки философіи права», они сразу обратили на себя вниманіе широтой намѣченныхъ въ нихъ задачъ, остроуміемъ критики и оригинальностью теоретическихъ построеній. Первымъ отозвался на эту новую попытку рѣшить старый вопросъ о «понятіи» права покойный Б. Н. Чичеринъ¹⁾. Психологическій методъ и ссылки на психологическіе факты не могли не вызвать возраженій со стороны философа-юриста, для котораго право было однимъ изъ проявленій абсолютнаго духа. Не въ указаніи на психологическіе факты въ правовыхъ явленіяхъ, пишетъ онъ въ своей критической статьѣ, должна состоять философская теорія права, а въ ихъ обоснованіи: вѣдь какъ факты, справедливо говоритъ онъ далѣе, имѣютъ одинаковое значеніе и бредъ сумашедшаго, и глубокомысленные выводы мудреца.

Но въ общемъ критика Чичерина касается не столько методологическихъ приемовъ г. Петражицкаго, сколько самаго существа спорныхъ проблемъ и сводится въ значительной степени къ противопоставленію собственнаго философско-правового сredo разбираемому ученію.

Другой критикъ теоріи г. Петражицкаго въ ея первой формулировкѣ, кн. Е. Н. Грубецкой, подробнѣе остановился на разборѣ психологическаго метода и неопровержимо доказалъ, что г. Петражицкій вращается въ логическомъ кругу и, не замѣчая этого, пользуется при ходѣ своихъ мыслей неизвѣстнымъ, какъ

¹⁾ «Вопросы философіи и психологіи», кн. 55 (1900 г.).

не требующей доказательствъ предпосылкой ¹⁾. Но изъ высказанныхъ по поводу этого разбора общихъ соображеній кн. Трубецкой сдѣлалъ дальнѣйшій выводъ, что послѣднія основы права нужно искать въ этическомъ идеалѣ, въ «правѣ разума», и, такимъ образомъ, конецъ его критики по своему характеру оказался аналогичнымъ съ критикой Чичерина: здѣсь, какъ и тамъ, новому ученію противопоставляется мысль о необходимости метафизическаго обоснованія права — съ той только разницей, что выводы кн. Трубецкого подкрѣплены вѣскимъ доказательствомъ логической несостоятельности предлагаемаго г. Петражицкимъ ученія.

Этотъ характеръ критики названныхъ юристовъ-философовъ далъ поводъ г. Петражицкому отнести воззрѣнія ея авторовъ къ научно необоснованнымъ, субъективнымъ взглядамъ ²⁾. Не поколебленный въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ еще съ большимъ усердіемъ занялся всестороннимъ обоснованіемъ своего ученія. Плодомъ его работъ и явилась вышедшая въ 1907 г. двухтомная «Теорія права и нравственности».

Критическія замѣчанія по поводу психологическаго метода заставили г. Петражицкаго особенно усердно заняться логикой и психологіей, чтобы доказать, что его ученіе не только не находится въ противорѣчій съ правильно понятыми требованіями этихъ наукъ, но, напротивъ, зиждется на нихъ. Этому доказательству и посвящено его «Введеніе въ изученіе права и нравственности». Такъ какъ ученія современныхъ логиковъ и психологовъ не подходили къ его ученію о правѣ и нравственности, то онъ и старается въ этой книгѣ показать, что эти ученія ложны, что ихъ нужно пересмотрѣть и исправить, и тогда между ними и его теоріей права не будетъ никакихъ противорѣчій.

Пишущимъ эти строки уже въ другомъ мѣстѣ было показано ³⁾, что въ результатѣ широко задуманнаго, всесторонне обоснованнаго и съ рѣдкой послѣдовательностью проведеннаго плана нашему автору все-таки не удалось освободить своей теоріи отъ логическаго порока. Предлагаемая же статья имѣетъ

¹⁾ „Вопросы философіи и психологіи“, кн. 57 (1901 г.).

²⁾ Л. І. Петражицкій, „Введеніе въ изученіе права и нравственности“ стр. 16, примѣчаніе.

³⁾ „Критическое обозрѣніе“, вып. V (1907 г.).

своей задачей подробнѣе разобраться въ весьма важныхъ методологическихъ вопросахъ, затронутыхъ г. Петражицкимъ и разрѣшенныхъ имъ крайне неудовлетворительно, а затѣмъ—показать, къ какимъ результатамъ должны привести автора принятыя имъ предпосылки. Исходной точкой всѣхъ послѣдующихъ соображеній будетъ согласіе съ той основной мыслью разбираемаго автора, что право нужно искать не внѣ насъ, во внѣшнемъ мірѣ, матеріальномъ или метафизическомъ, а исключительно внутри насъ, въ нашей психикѣ. При этомъ относительно самой проблемы права нами не будетъ сдѣлано никакой попытки противопоставить теоріи г. Петражицкаго какое-нибудь другое ученіе.

Задача наша заставить насъ коснуться наиболѣе жгучихъ проблемъ методологіи нашей науки, и здѣсь мы встрѣтимъ у нашего автора замѣчательно вѣрно и ясно поставленные критическіе вопросы, на формулировкѣ которыхъ лежитъ несомнѣнная печать полной самостоятельности мысли, что и не могло не отразиться на убѣдительности и яркости его остроумно сгруппированныхъ доводовъ. Безпощадная послѣдовательность г. Петражицкаго заставляетъ читателя его книги пересмотрѣть раньше принятыя мнѣнія и ученія и остановиться на многомъ, что обыкновенно пропускалось мимо безъ вниманія. Тѣмъ болѣе приходится удивляться, что авторъ, которому извѣстны и другія попытки дать отвѣтъ на мучащіе его вопросы, нигдѣ не видитъ того, что могло бы ему раскрыть его собственныя заблужденія: методологическія ошибки превращаются у него прямо въ методологическое ослѣпленіе. Но эта яркая односторонность только вѣнчаетъ критическое дѣло его научнаго труда, который предостерегаетъ не только отъ ложныхъ путей разбираемыхъ имъ ученій, но и отъ его собственныхъ.

I.

Г. Петражицкій начинаетъ свое изслѣдованіе съ опредѣленія сферы «дѣйствительнаго нахожденія правовыхъ явленій» ¹⁾. Установивъ, что право есть явленіе психическое, онъ съ несомнѣнной очевидностью показываетъ, что искать его внѣ насъ, гдѣ-нибудь въ окружающемъ насъ внѣшнемъ мірѣ въ качествѣ

¹⁾ Ср. „Введеніе въ изученіе права“, § 2.

одного изъ свойствъ наполняющихъ этотъ міръ предметовъ, значить съ перваго же шага сдѣлать ошибку, которая должна лишить научнаго значенія всѣ послѣдующіе построенія и выводы. Изъ этого слѣдуетъ, что знаніе человѣческой психики, въ которой право рождается и дѣйствуетъ, иными словами, научная психологія является необходимой предпосылкой всякихъ изслѣдованій въ области правовыхъ и всѣхъ вообще этическихъ явленій. Къ опредѣленію права, его свойствъ и значенія, какъ психическаго переживанія, можно будетъ такимъ образомъ приступить лишь тогда, когда праву, въ ряду другихъ переживаній, будетъ указано его мѣсто въ особой рубрицѣ въ человѣческой психикѣ: лишь черезъ преддверье научной психологіи можно будетъ проникнуть въ храмъ «научной теоріи права и нравственности».

Эти замѣчанія, предопредѣляя заранѣе планъ научнаго изслѣдованія, кажутся съ перваго взгляда не подлежащими оспариванію. Однако, раньше чѣмъ пойти по начертанному ими пути, необходимо провѣрить правильность заключающагося въ нихъ вывода: дѣйствительно ли вѣренъ переходъ отъ предпосылки, что право есть явленіе психическое, — къ заключенію, что истинная теорія права должна быть основана на научной психологіи? Съ провѣрки этого вывода мы и должны начать ¹⁾.—

Задачей всякой теоретической науки является, по опредѣленію г. Петражицкаго, нахожденіе понятія изслѣдуемаго объекта и образование ряда касающихся его сужденій ²⁾. Присмотрѣвшись къ результатамъ такой научной работы, мы увидимъ, что существо ея заключается въ такомъ обзорѣ явленій внѣшняго и внутренняго (психическаго) міра, что помощью выдѣленія *общихъ элементовъ* все разнообразіе дѣйствительности сводится къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ группамъ, примѣнительно къ которымъ

1) Своей психологической теоріей права г. П. только завершаетъ безъ компромиссовъ и недосказанностей дѣло тѣхъ нынѣ господствующихъ направлений, которые считаютъ исчерпывающимъ познаніемъ психическихъ явленій нормативнаго характера ихъ психологическое изученіе, не отдавая себѣ при этомъ отчета, въ чемъ заключается задача этого изученія и гдѣ его границы. Поэтому, предлагаемый въ текстѣ разборъ относится не только къ г. П. но преслѣдуетъ и болѣе общую задачу: критически освѣтить этотъ нынѣ „модный лозунгъ“ психическаго изученія.

2) Къ дальнѣйшему въ текстѣ относится преимущественно „Введеніе“, § 5.

мы и высказываемъ наши сужденія. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что и *частные* признаки могутъ при извѣстномъ сочетаніи явленій стать общими и обратно—последніе при иной группировкѣ могутъ въ свою очередь стать частными. Изъ этого слѣдуетъ, что на ряду съ возможностью расширить число частныхъ дисциплинъ, въ зависимости отъ нахождения все новыхъ общихъ признаковъ, существуетъ и обратная возможность объединить всѣ явленія въ одно цѣлое, въ одну науку, обнимающую все видимое и переживаемое, весь внѣшній и весь внутренній міръ. Такую общую науку г. Петражицкій называетъ философіей или «наукой реального». Принимая эти положенія и слѣдуя далѣе проводимому имъ раздѣленію всѣхъ явленій на внѣшнія и внутреннія, «матеріальныя» и психическія, можно будетъ также говорить о двухъ подчиненныхъ философіи, обширныхъ, но менѣе общихъ наукахъ, касающихся, съ одной стороны, только матеріи, съ другой—только психики.

Отношеніе между отдѣльными дисциплинами, особенно между болѣе широкими по объему и имъ подчиненными, опредѣляется тѣмъ, что общій признакъ, стоящій въ центрѣ научной дисциплины, не подлежитъ дальнѣйшему количественному разложенію и тѣмъ самымъ уже изымается изъ сферы изслѣдованія другой дисциплины. Поэтому г. Петражицкій и называетъ ту центральную ось, вокругъ которой вращается всякая научная теорія, *качествомъ* изслѣдуемаго объекта въ отличіе отъ свойствъ, которыя лишь въ количественномъ отношеніи отдѣляютъ этотъ объектъ отъ предметовъ другихъ дисциплинъ ¹⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что, напр., общая наука о матеріи не можетъ намъ дать никакого познанія относительно предметовъ низшихъ, подчиненныхъ ей дисциплинъ, рассматривающихъ міръ со стороны разнообразныхъ «качествъ» явленій. Дѣйствительно, эти «качества» являются въ высшей наукѣ лишь частными, а потому случайными элементами, и коснуться ихъ въ общей наукѣ о матеріи значитъ подвергнуться опасности образованія сужденій ненаучныхъ, т.-е. не относящихся ко *всѣмъ* проявленіямъ матеріи. Точно такъ же, образуя въ какой-нибудь частной дисциплинѣ сужденія, относящіяся къ общей теоріи о матеріи, мы о предметѣ этой дисциплины, какъ индивидуальномъ «качествѣ», подлежащемъ на-

1) Объ этомъ см. „Введение“, *passim*.

шему изученію, ничего не высказываемъ, хотя и онъ несомнѣнно обладаетъ свойствами, присущими матеріи вообще ¹⁾).

Все, сказанное объ общей наукѣ о матеріи, слѣдуетъ отнести и къ общей наукѣ о психикѣ, т.-е. мы можемъ сдѣлать заключеніе, что психологія по самой своей задачѣ не можетъ намъ дать никакаго познанія о разнообразныхъ частныхъ проявленіяхъ внутренней жизни, которыя, какъ и явленія внѣшняго міра, своими особыми «качествами» запрашиваются на особое изученіе. Поэтому, напр., существо эстетическихъ, нравственныхъ, правовыхъ и т. п. явленій нисколько не будетъ выяснено указаніемъ на тѣ свойства нашей психики, которыми вообще обуславливаются психическія реакціи на внѣшнія и внутреннія раздраженія, хотя названныя явленія, какъ относящіяся къ внутренней жизни, въ такой же мѣрѣ подчинены общимъ законамъ психики, какъ всякое проявленіе матеріи общимъ законамъ этой послѣдней.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что изученіе права съ точки зрѣнія психологіи, рекомендуемое г. Петражицкимъ, противорѣчитъ тѣмъ методологическимъ принципамъ, требованія которыхъ онъ самъ считаетъ безпрекословными.

Но, вдумываясь далѣе въ смыслъ изложеннаго до сихъ поръ, мы должны будемъ обратить вниманіе еще на то обстоятельство, что «качество» объекта, которое ставится въ центрѣ всякой научной дисциплины, является для любой другой вѣтви теоретической науки признакомъ не только частнымъ, но и вполне безразличнымъ и случайнымъ: такъ, напр., физическія свойства тѣлъ образуютъ посторонній и случайный элементъ при изученіи химическихъ свойствъ вещества. Поэтому, принявъ условно, что у насъ существуетъ вполне выработанная общая наука о матеріи, мы можемъ найти оправданіе для частныхъ по отношенію къ этой общей наукѣ дисциплинъ лишь въ томъ, что случайныя сочетанія первичныхъ элементовъ почему либо имѣютъ для насъ значеніе и заставляютъ насъ сосредоточить на себѣ вниманіе. Въ этомъ собственно и заключается смыслъ изученія «качествъ» предметовъ, о которыхъ г. Петражицкій постоянно говоритъ.

1) У г. П. эти мысли лежатъ въ основѣ его ученія объ «адекватности» научныхъ сужденій и его критики теорій, страдающихъ, какъ онъ выражается, пороками «хроманія» и «прыганія».

Нѣтъ сомнѣнiя, что, обосновывая необходимость психологическаго изученiя права и нравственности, г. Петражицкiй и имѣлъ въ виду, что эти явленiя представляютъ изъ себя такiя же сочетанiя элементарныхъ психическихъ переживанiй, какъ напр., физическiя и химическiя свойства тѣлъ являются лишь сочетанiемъ послѣднихъ элементовъ, положенныхъ въ основу общей гипотетической науки о матерiи: какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ специальныя дисциплины и занимаются изученiемъ этихъ особыхъ сочетанiй и ихъ свойствъ. Поэтому, психологическое изученiе права не есть смѣшенiе послѣдняго, какъ психическаго явленiя, съ психологiей вообще, а подъ нимъ подразумѣвается лишь указанiе на аналогiю отношенiй между частными дисциплинами, изучающими психическiя явленiя, и психологiей, съ одной стороны, и частными дисциплинами, касающимися явленiй внѣшняго мiра, и общей наукой о матерiи,— съ другой. Въ такомъ случаѣ, сдѣланный нами раньше выводъ о тезѣ г. Петражицкаго, какъ основанный на недоразумѣнiи, отпадаетъ.

Но такое пониманiе психологическаго изученiя права основывается на томъ общемъ положенiи, что «случайныя» сочетанiя, образующiя «качества» предметовъ, дѣйствительно подходятъ подъ одну общую мѣрку какъ въ явленiяхъ материальныхъ, такъ и въ проявленiяхъ дѣятельности человѣческой психики. Отъ вѣрности этого положенiя зависитъ, слѣдовательно, и вѣрность сдѣланнаго изъ него вывода. Если обстоятельный разборъ покажетъ ложность предпосылки, тогда и получится указанное выше смѣшенiе, которое можетъ быть замаскировано только тѣмъ, что правовыя сужденiя не будутъ чередоваться съ психологическими, но что положенiя общей науки о психикѣ будутъ иллюстрироваться правовыми примѣрами: однако въ результатѣ мы все-таки будемъ имѣть не теорiю права, а правовую психологiю или психологическое описанiе правовыхъ переживанiй. Дѣйствительно, подробный разборъ приведеннаго положенiя подтвердитъ нашъ прежнiй выводъ и докажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ неприемлемость лозунга психологическаго изученiя въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ г. Петражицкiй.

Если бы мы для цѣлей такого разбора попытались поставить вопросъ, откуда вообще взялось любое интересующее насъ «качество» въ своемъ индивидуальномъ проявленiи, т.-е. внѣ зави-

симости отъ его значенія, какъ нѣкотораго общаго или частнаго признака въ определенной группѣ, то мы бы скоро убѣдились, что это вопросъ праздный. «Качество» явленій, какъ нѣчто воспринимаемое нами, престо дано, и мы должны его взять какъ таковое. Оставаясь въ предѣлахъ эмпирической науки, мы можемъ отвѣтить на вопросъ, откуда оно взялось, только тѣмъ, что оно случайно, такъ какъ иного, *раціональнаго* объясненія мы дать не въ состояніи. Мы говоримъ—случайно, потому что наше познаніе и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи обусловлено свойствами нашей чувственной и умственной организациі, т. е. моментами, которые по отношенію къ изслѣдуемымъ объектамъ являются совсѣмъ посторонними. Лишь въ послѣдствіи, когда послѣ цѣлаго ряда не подлежащихъ учету перипетій развиваются зачатки знанія, мы получаемъ возможность разсматривать явленія не по случаю, а съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ формальнымъ и матеріальнымъ требованіямъ уже установившейся нормы наблюденія. Тогда случайность какъ бы нейтрализуется результатами первоначальнаго опыта, дающими направленіе и содержаніе всѣмъ послѣдующимъ наблюденіямъ: въ *познающемъ субъектѣ* она уступаетъ, такимъ образомъ, мѣсто «цѣли» сознательнаго познания.

Этотъ цѣлевой моментъ ничего общаго съ «практицизмомъ», конечно, не имѣетъ и не наноситъ никакого ущерба теоретической объективности результатовъ познания. Цѣль здѣсь—чисто домашнее, организационное дѣло познающаго ума, и, указывая на нее, мы этимъ самымъ еще вовсе не касаемся вопроса о соотношеніи между результатами познания и объективной дѣйствительностью. А если это соотношеніе и зависитъ отъ свойствъ нашихъ познавательныхъ функций, то во всякомъ случаѣ эти послѣднія нисколько не зависятъ отъ нашей воли и отъ нашихъ желаній. Поэтому, установивъ цѣлесообразность въ познавательныхъ актахъ, мы не только не отрицаемъ ея теоретической объективности, а, напротивъ, обосновываемъ ее. Изслѣдуемая явленія остаются, слѣдовательно, незатронутыми нашей цѣлью: они даны *раньше* ея,—она привносится къ нимъ лишь *послѣ*, какъ сознательный регулятивъ съ определеннымъ содержаніемъ. Въ этомъ умственномъ процессѣ и заключается то сознательное отношеніе къ окружающему насъ міру, которое мы называемъ естественно-научнымъ: оно опредѣляется слу-

чайно — или *априорно* — даннымъ фактомъ (воспріятіемъ) и *апостеріорно* поставленной цѣлью ¹⁾).

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что сказанное въ одинаковой степени относится къ міру матеріальному и къ міру психическому. Однако, присмотрѣвшись ближе къ индивидуальнымъ явленіямъ послѣдняго рода, мы скоро убѣдимся, что, какъ фактъ сознанія, каждое изъ нихъ, на которомъ, согласно съ предыдущимъ, мы можемъ построить отдѣльную научную дисциплину, есть не только элементъ случайный въ безконечно разнообразной дѣйствительности, обнимающей все «реальное», но и имѣетъ свой смыслъ, свой «разумъ», въ томъ психическомъ цѣломъ, къ которому оно относится. Это означаетъ, что если матеріальный міръ представляется намъ имѣющимъ безконечное протяженіе внѣ насъ, то въ отличіе отъ него міръ психическій, какъ насъ поучаетъ внутреннее наблюденіе, всецѣло объявляется индивидуальнымъ сознаніемъ, которое переживается нами какъ единое цѣлое, хотя отдѣльныя психическія состоянія проходятъ мимо насъ такой же безконечной вереницей, какъ и явленія матеріальнаго міра. Это сознаніе, поскольку оно въ мышленіи воспринимаетъ импульсы жизни въ качествѣ руководящихъ началъ, и опредѣляетъ смыслъ отдѣльныхъ психическихъ переживаній, ихъ «разумъ» для сознательной жизни вообще и для исторически данныхъ формъ ея въ частности.

Правда, аналогичную мысль о разумности въ связи цѣлаго можно было бы провести и относительно всего матеріальнаго міра, но тогда намъ пришлось бы оставить опытъ и прибѣгнуть къ метафизической идеѣ о разумѣ, какъ верховномъ міровомъ началѣ. Между тѣмъ, при изученіи психическихъ переживаній мы можемъ говорить о разумѣ не какъ объ отдѣлимомъ отъ нихъ и стоящемъ надъ ними началѣ, а какъ о свойствѣ, данномъ въ самомъ явленіи, благодаря которому оно перестаетъ быть случайнымъ и получаетъ смыслъ раньше, чѣмъ чловѣкъ подчиняетъ его своимъ обусловленнымъ лишь даннымъ моментомъ и переходящимъ нуждамъ или потребности завершить свое знаніе метафизическимъ умозрѣніемъ или религіознымъ созер-

¹⁾ Выраженія «априорно» и «апостеріорно» употреблены въ текстѣ не въ смыслѣ Канта, потому что наши соображенія относятся не къ возможному, а къ данному объекту познанія.

цаніемъ. Такъ, если мы остановимся на феноменѣ сознательнаго стремленія къ удовлетворенію голода, то мы убѣдимся, что питаніе есть не только случайный фактъ претворенія одного вещества другимъ, но что оно, какъ сознательное дѣйствіе, имѣетъ смыслъ и цѣнность въ жизни, независимо отъ индивидуальной воли или отъ вопроса о цѣлесообразности въ устройствѣ міра вообще ¹⁾. Еще съ большей очевидностью можно то же самое сказать о такихъ явленіяхъ, какъ правовыя переживанія, которыя представляютъ изъ себя не только опредѣленный видъ переживаній среди многочисленныхъ другихъ видовъ, но, какъ проявленіе сознанія, имѣетъ свой особый смыслъ, свой «разумъ» для жизни, а этотъ «разумъ права» вовсе не тождественъ съ «правомъ разума», т.-е. съ требованіями идеала, сужденія о которомъ не касаются нашихъ теперешнихъ соображеній ²⁾.

Такимъ образомъ, мы установили возможность такого изученія психическихъ явленій, при которомъ центральный феноменъ, вокругъ котораго группируются сужденія, образующія въ совокупности опредѣленную научную дисциплину, является не случайнымъ, а съ извѣстнымъ смысломъ, опредѣляемымъ самымъ фактомъ его существованія. Этотъ имманентный смыслъ нашихъ переживаній и образуетъ ихъ нормативный характеръ, который въ свою очередь обусловливаетъ необходимость особаго *нормативнаго* изученія этихъ явленій.

Но смыслъ нормативныхъ переживаній есть не что иное, какъ заложенная въ нихъ *цѣль*. Однако, роль этой цѣлевой идеи здѣсь совсѣмъ иная, чѣмъ при натуралистическомъ наблюденіи. Тамъ она была апостериорна (въ разъясненномъ выше смыслѣ), а фактъ (воспріятіе) по отношенію къ ней былъ априоренъ; здѣсь же роли мѣняются: цѣль априорна, т.-е. она опредѣляетъ самое существованіе феномена, какъ оно въ первомъ

1) По поводу этого примѣра нужно замѣтить, что съ нашей точки зрѣнія біологія, поскольку она не есть чисто описательная наука, основана на метафизической предпосылкѣ разумной цѣлесообразности въ устройствѣ мірозданія. Эту метафизическую идею мы встрѣчаемъ и у г. П. всякій разъ, когда онъ становится на біологическую точку зрѣнія.

2) Не можетъ быть и рѣчи о томъ, что этотъ «разумъ» права тождественъ съ «цѣлью въ правѣ» въ смыслѣ Іеринга, потому что у послѣдняго имѣется въ виду эмпирическая цѣль, между тѣмъ какъ по изложенію въ текстѣ такая цѣль можетъ стать правовой лишь въ томъ случаѣ, если раньше будетъ опредѣленъ «разумъ права» (см. дальше текстъ).

случаѣ опредѣлялось случайно даннымъ фактомъ, проявленіе же факта—апостериорно.

Это значеніе цѣлевого момента при выясненіи смысла явленій нормативнаго характера и является тѣмъ пунктомъ, въ которомъ г. Петражицкій усматриваетъ смертный грѣхъ современной науки, смѣшивающей будто такимъ образомъ теоретическую и практическую точки зрѣнія, благодаря введенію «постулятовъ» въ безстрастную теорію.

Присмотрѣвшись ближе къ его аргументамъ, мы увидимъ, что въ ихъ основаніи лежитъ убѣжденіе, что все, касающееся смысла человѣческой жизни, т.-е. дѣйствія и поступки людей и оцѣнки, отъ нихъ исходящія, какъ продиктованныя этой жизнью, не могутъ подлежать объективному изслѣдованію съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія тому значенію, которое они должны имѣть, и той функціи, которую они призваны выполнить. Все относящееся сюда можетъ при этомъ воззрѣніи разсматриваться только какъ «полезное» для достиженія цѣлей въ будущемъ, а возможность изслѣдованія этихъ цѣлей съ точки зрѣнія ихъ объективнаго обоснованія въ нашемъ сознаніи отрицается.

Мы не коснемся ближе философскихъ и историческихъ корней этого направленія, которое, хотя уже сыграло свою роль, однако то и дѣло вновь оживаетъ со своимъ естественнымъ недугомъ внутренняго противорѣчія, обусловленнымъ той цѣлью, которую оно обыкновенно преслѣдуетъ—цѣлью созданія «научной» политики для осуществленія «идеала человѣколюбія». Мы можемъ только на основаніи предыдущаго сказать, что страхъ передъ мыслью о цѣли у г. Петражицкаго въ дѣйствительности сводится къ исключительному признанію натуралистической точки зрѣнія, при чемъ онъ не замѣчаетъ, что, ополчаясь противъ того, что онъ называетъ «постулятивнымъ» методомъ, онъ, въ сущности говоря, элиминируетъ изъ круга своихъ наблюденій несомнѣнно реальную часть психической дѣйствительности, т.-е. ту, которая особенно близка его сердцу.

Если мы вернемся теперь къ нашему исходному пункту, то мы можемъ сказать, что смыслъ разнообразныхъ явленій дѣйствительности, какъ «случайныхъ» сочетаній нѣкоторыхъ первичныхъ элементовъ, бываетъ для насъ двоякаго рода: во-первыхъ, онъ можетъ быть данъ самимъ фактомъ явленія и исчерпываться этой фактической данностью; во-вторыхъ, онъ можетъ

заключаться въ функціи, исполняемой даннымъ явленіемъ по отношенію къ господствующему надъ нимъ началу, къ тому цѣлому, которому онъ подчиненъ.

Этотъ функциональный характеръ во второмъ случаѣ понимается при этомъ нами не какъ отношеніе средства къ цѣли, а какъ отношеніе слѣдствія къ основанію въ синтетическомъ примѣненіи, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь въ виду, что самое существованіе интересующаго насъ явленія обусловлено *созидающей* его идеей, мыслимой раньше его возникновенія. Такъ, на примѣръ, доброе дѣяніе создается идеей добра, предшествующей самому факту, который находится къ ней въ отношеніи подчиненія,—и представляетъ изъ себя синтезъ изъ этой идеи и случайно даннаго воспріятія дѣянія. Это отношеніе, которое здѣсь существуетъ между созидательной идеей и случайнымъ воспріятіемъ, можно назвать отношеніемъ *динамическимъ*.

Совсѣмъ иная логическая конструкція получается при натуралистическомъ наблюденіи: здѣсь у насъ всегда имѣется только то, что дано, такъ что отношеніе между понятіемъ и представленіемъ, «случайно» возникающимъ въ нашемъ умѣ, таково, что оба всегда даны вмѣстѣ, одновременно. Здѣсь примѣнима предлагаемая г. Петражицкимъ схема для образованія классовыхъ понятій, а именно—«все обладающее свойствомъ а» ¹⁾, такъ какъ она означаетъ, что, замѣтивъ въ какомъ-нибудь явленіи признакъ а (представленіе а), я могу говорить о классовомъ понятіи явленій, имѣющихъ этотъ признакъ. Это отношеніе между понятіемъ и представленіемъ мы можемъ назвать *математическимъ* ²⁾.

¹⁾ Ср. объ этомъ слѣдующую главу.

²⁾ Оба термина—динамическія и математическія отношенія—заимствованы у Канта; но у него они примѣнены при изслѣдованіи принциповъ всякаго познания вообще, а въ текстѣ рѣчь идетъ о теоретико-познавательныхъ вопросахъ второго порядка по отношенію къ основной гносеологической проблемѣ. Отъ этого примѣненія однихъ и тѣхъ же терминовъ въ различныхъ плоскостяхъ получаются и различные результаты, но общая точка зрѣнія, развитая нами въ текстѣ, нисколько не находится въ противорѣчій съ гносеологіей Канта, а, напротивъ, является только дальнѣйшимъ развитіемъ ея основныхъ положеній. Такъ, у Канта причинность—категорія динамическая лишь потому, что она вмѣстѣ съ тѣмъ и категорія регулятивная, т.е. она не дана въ нашихъ воспріятіяхъ, но привносится нами туда. Поскольку съ этимъ можно согласиться съ точки зрѣнія изслѣдованія первыхъ основъ нашего опыта, постольку же несомнѣнно, что, принимая нѣкоторые первые

И вотъ, выполнивъ задачу, которую мы себѣ поставили раньше, мы должны сказать, что сочетанія элементарныхъ психическихъ переживаній, которыя образуютъ особыя «качества», подлежащія особому изученію, по своему характеру не подходятъ подъ одну мѣрку съ индивидуальными сочетаніями первичныхъ элементовъ матеріи, такъ какъ они *не даны* намъ въ отношеніи математическомъ, а *созданы нами*, какъ отношеніе динамическое: т.-е. своей специфической индивидуальностью они доступны намъ лишь по своему внутреннему смыслу, а не просто какъ фактъ переживанія, который при всякомъ содержаніи представляеть изъ себя одинаковый процессъ движенія первичныхъ психическихъ элементовъ. Психическая реакція и процессъ психической самодѣятельности остаются всегда одними и тѣми же, будь то при эстетическихъ, нравственныхъ, правовыхъ или другихъ тому подобныхъ переживаніяхъ. Поэтому психологія, какъ наука объ общихъ психическихъ элементахъ и процессахъ, нисколько намъ не поможетъ при изученіи тѣхъ своеобразныхъ содержаній нашего сознанія, которыя мы называемъ нравственностью, правомъ, религіей и т. п. Ставить подобную задачу психологіи равносильно было бы желанію получить отъ общей теоріи о матеріи отвѣтъ на вопросъ, почему первичные элементы сочетаются въ физическія и химическія свойства тѣлъ, а не въ какія-либо другія, намъ неизвѣстныя или недоступныя, но тѣмъ не менѣе возможныя.

Такимъ образомъ, сдѣланный нами раньше выводъ о недоразумѣніи, которое лежитъ въ основѣ лозунга психологическаго факты опыта уже какъ данные, т.-е. не задавая себѣ болѣе вопроса, «какъ они возможны»,—мы въ случаяхъ установленія причинной связи будемъ имѣть два внѣшнихъ, намъ данныхъ явленія, изъ которыхъ одно—независимо отъ насъ—изъ себя вліяетъ на другое. Если причинная связь при этомъ все-таки представится намъ трехчленнымъ отношеніемъ, то связующій (третій) элементъ, отъ насъ исходящій (какъ мы видѣли раньше), будетъ съ *теперешней точки зрѣнія* такой же для насъ внѣшній, такой же лишь намъ данный, какъ два другіе члена отношенія. Въ противоположность этому, тѣ отношенія, которыя мы въ текстѣ назвали динамическими, являются всегда только двучленными, потому что третій, связующій элементъ излишенъ по той причинѣ, что творческая сила есть уже въ одномъ изъ двухъ членовъ отношенія,—въ томъ, который отъ насъ исходитъ, являясь такимъ образомъ одновременно какъ бы пассивнымъ и активнымъ. При такомъ сопоставленіи причинная связь покажется намъ уже не отношеніемъ динамическимъ, какъ у Канта, а математическимъ.

изученія, вполнѣ теперь оправдывается, и весь смыслъ требованій г. Петражицкаго заключается просто въ томъ, что онъ выступаетъ въ защиту исключительнаго господства натуралистическаго метода, закрывая себѣ доступъ къ изученію психическихъ явленій нормативнаго характера и, вслѣдствіе этого, косвенно какъ бы отрицая ихъ существованіе.

Поэтому, казавшаяся намъ вначалѣ такъ заманчивой точка зрѣнія г. Петражицкаго и его указаніе, что прежде всего нужно опредѣлить то мѣсто, гдѣ слѣдуетъ искать право, приводитъ въ пониманіи автора къ тому, что право и ему подобныя явленія совсѣмъ исчезаютъ изъ глазъ, а если онъ продолжаетъ орудовать соотвѣтствующими идеями, то онъ при объясненіи ихъ возникновенія вращается въ логическомъ кругу.

II.

Такое пониманіе психологическаго метода, ведущее къ указанной логической ошибкѣ, имѣетъ у г. Петражицкаго свои болѣе глубокія основанія въ тѣхъ общихъ методологическихъ предпосылкахъ, на которыхъ онъ строитъ свою теорію права и нравственности. Къ разбору этихъ предпосылокъ, развитыхъ имъ въ «Введеніи къ изученію права», мы и должны теперь перейти.

Г. Петражицкій начинаетъ изложеніе своихъ мыслей съ критики господствующей и наиболѣе популярной теоріи индукціи Милля ¹⁾ и выдвигаетъ противъ нея основной аргументъ критицизма, заключающійся въ томъ, что множественность наблюденій, которая будто бы даетъ возможность образовывать общія понятія, въ дѣйствительности не можетъ привести къ требуемымъ результатамъ, т.-е. къ образованію этихъ понятій — вслѣдствіе необозримости явленій въ настоящемъ и въ прошломъ и той неизвѣстности, въ которой мы остаемся, относительно всякаго будущаго опыта. Г. Петражицкій признаетъ, конечно, извѣстное значеніе за массовымъ опытомъ, за «общенародной точкой зрѣнія», за наблюденіями «милліардовъ» людей. Но вѣрность образовавшихся такимъ путемъ понятій и сужденій считается имъ случайнымъ, бессознательнымъ, «біологически» объяснимымъ приспособо-

1) Ср. Введеніе... §§ 4—5.

блениемъ человѣческой психики къ сложнымъ потребностямъ нашего организма. Наука же этой случайностью довольствоваться не можетъ: научность понятій и сужденій требуетъ отъ нихъ еще собой «легитимацию».

Г. Петражицкій очень легко находитъ разрѣшеніе для этой основной проблемы всякаго познания въ уже упомянутой упрощенной формулѣ, гласящей, что всѣ явленія, имѣющія признакъ «а», относятся къ опредѣленному классу «А», и, слѣдовательно «а» является общимъ понятіемъ объектовъ, изслѣдуемыхъ въ дисциплинѣ, касающейся этого класса. Авторъ совершенно основательно поясняетъ при этомъ, что такимъ образомъ легко избѣгнуть всѣхъ трудностей: во-первыхъ, для такого образованія понятій вполне достаточно одного только наблюденія; во-вторыхъ, образованное такимъ образомъ понятіе будетъ относиться ко всѣмъ объектамъ съ установленнымъ признакомъ въ настоящемъ, прошломъ и будущемъ; въ-третьихъ, наконецъ, сужденія, имѣющія въ основѣ такія понятія, и построенныя на нихъ научныя теоріи могутъ быть «адекватны», т.-е. не только касаться всѣхъ относящихся къ нимъ явленій, но и обратно—не выходить за предѣлы круга изслѣдуемыхъ объектовъ. Автору, конечно, ясно, что согласно съ этими методологическими требованіями можно было бы образовать «научныя» теоріи и о «сигарахъ въсомъ въ 10 лотовъ», и о «собакахъ съ длинными хвостами и короткой шеей» (примѣры заимствованы у г. Петражицкаго) и т. п. курьезы, и что въ такихъ «теоріяхъ» мы никакихъ иныхъ «адекватныхъ» сужденій, кромѣ тѣхъ, которыя содержатся въ самомъ названіи соотвѣтственныхъ «дисциплинъ», высказывать не могли бы. Но противъ этого возраженія, сводящаго его теорію къ имъ самимъ сознаваемому абсурду, онъ выставляетъ требованіе, которое заключено имъ уже въ терминѣ «адекватный», чтобы въ научныхъ теоріяхъ образующія ихъ сужденія относились къ обширнымъ классамъ явленій.

Однако, однимъ провозглашеніемъ требованія затрудненіе еще не устраняется, такъ какъ попрежнему остается неизвѣстнымъ, какъ осуществить это требованіе. Г. Петражицкій, къ сожалѣнію, не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, въ которомъ собственно вся трудность и заключается. Между тѣмъ ясно, что понятія и сужденія могутъ быть высказаны относительно обширныхъ классовъ предметовъ только или случайно, а тогда у нихъ не бу-

детъ научной «легитимациі», или въ результатѣ выводовъ изъ сгруппированныхъ по особымъ принципамъ многочисленныхъ наблюдений, т.-е. какъ разъ такимъ путемъ, съ критики и отрицанія котораго авторъ и началъ. Весь его критическій трудъ оказывается, такимъ образомъ, напраснымъ, такъ какъ онъ въ концѣ его очутился на томъ же мѣстѣ, съ котораго началъ.

Мы бы могли ограничиться указаніемъ на этотъ результатъ, если бы болѣе подробный разборъ относящихся сюда соображеній г. Петражицкаго не давалъ намъ возможности раскрыть послѣдній корень того недоразумѣнія, который сказывается во всѣхъ его теоретическихъ построеніяхъ.

Этотъ корень, какъ выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія, нужно искать въ томъ, что г. Петражицкому чуждо представленіе о *синтезѣ*, какъ основномъ принципѣ всякаго познания. Эта особенность въ ходѣ его мыслей уже выступаетъ въ критической части главы, посвященной вопросу объ образованіи понятій. Тамъ уже мы видимъ, что авторъ признаетъ только отрывочные факты опытнаго наблюденія и, на ряду съ ними, строгую, не допускающую исключеній закономерность формально-логическаго мышленія, является, такимъ образомъ, одновременно и чистымъ эмпирикомъ, и чистымъ рационалистомъ. Критическое ученіе о познаніи, какъ о синтезѣ изъ опытныхъ воспріятій и категоріальнаго мышленія ему совсѣмъ неизвѣстно, поэтому онъ и ставитъ въ одномъ ряду Милля и Зигварта и ведетъ свою кампанію одновременно противъ обоихъ. Этимъ своимъ отношеніемъ къ вопросу, который онъ желаетъ разрѣшить, онъ, какъ мы это увидимъ ниже, съ одной стороны разрушаетъ всякое познаніе, сводя его къ отрывочнымъ и безсвязнымъ воспріятіямъ, а съ другой, отождествляя познаніе съ логическимъ мышленіемъ, впадаетъ въ граничащій съ номинализмомъ логическій формализмъ, а потому невольнo наполняетъ міръ «фантазмами» своихъ логическихъ построеній и въ своемъ ученіи о правѣ и нравственности—вмѣсто того, чтобы познать эти явленія. Соединеніе этихъ двухъ элементовъ—чистаго эмпиризма и логическаго формализма—у него и проявляется въ исключительномъ признаніи права гражданства за *сужденіемъ аналитическимъ*. Поэтому, онъ въ конечномъ счетѣ и не даетъ своими теоріями никакого познания, потому что аналитическія сужденія не расширяютъ нашего знанія. Вездѣ же, гдѣ онъ думаетъ добиться новыхъ результатовъ,

онъ, незамѣтно для себя, предполагаетъ уже извѣстнымъ то, что требуется доказать.

Всѣ эти выводы можно сдѣлать изъ приведенной выше схемы г. Петражицкаго для образованія понятій. Эта схема—«все обладающее свойствомъ а»—ясно показываетъ, что для ея автора понятіе, съ одной стороны, является просто вополощеніемъ аналитическаго сужденія, а, съ другой, оно тождественно съ представленіемъ, которое выражается тѣмъ же словомъ, что и понятіе, образованное на основаніи этого представленія ¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что любое представленіе и любое переживаніе въ любой моментъ времени и у всякаго человѣка можетъ служить основаніемъ для образованія научнаго понятія. Но очевидно, что при такихъ условіяхъ мы не только не сумѣемъ построить научной теоріи, но обратимъ всю науку и ея объектъ—окружающій насъ міръ—въ хаосъ. Скрытое желаніе приблизить познаніе къ дѣйствительности, которое здѣсь сказывается у г. Петражицкаго, приводитъ, такимъ образомъ, къ конечному ихъ отождествленію, т.-е. къ фактическому уничтоженію познанія, какъ метода, и дѣйствительности, какъ осмысленнаго представленія о реальномъ мірѣ.

Неудивительно, если послѣ этого г. Петражицкій упрекаетъ всѣ существующія теоріи въ смѣшеніи логики и «философіи» ²⁾. Такъ какъ для него въ сущности нѣтъ разницы между представленіемъ и понятіемъ, которыя дѣйствительно преимущественно выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ (напр., представленіе о столѣ и понятіе стола), то онъ изъ этого дѣлаетъ обратное заключеніе, что существующія теоріи признають «микроскопиче-

1) „Подставляя въ нашу схему какіе-либо признаки и образуя такимъ образомъ классовыя понятія, мы тѣмъ самымъ, безъ всякихъ вообще дальнѣйшихъ работъ, достигаемъ того, что всѣ объекты нашихъ классовыхъ понятій будутъ обладать общими признаками—на томъ простомъ основаніи, что только тѣ предметы, которые обладаютъ тѣмъ, что мы возвели въ классовый признакъ, и будутъ относиться къ данному классу. Напримѣръ, всѣ объекты образованнаго нами понятія «бѣлые предметы», неизбѣжно будутъ обладать общимъ свойствомъ—бѣлизною, но не потому, что мы для образованія этого понятія предварительно исполнили невозможную и нелѣпую работу осмотра всѣхъ бѣлыхъ предметовъ, а потому, что, образовавъ понятіе «бѣлые предметы», такъ и слѣдуетъ относить къ этому классу отнюдь не черные и т. п., а конечно бѣлые и только бѣлые предметы“. Введеніе..., стр. 69.

2) См. Введеніе..., приложение къ § 5.

ское» число понятій лишь потому, что усматриваютъ ихъ только въ тѣхъ сравнительно немногихъ случаяхъ, когда въ языкѣ имѣются для этого особыя обозначенія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности этихъ понятій безконечное множество—столько же, сколько отдѣльныхъ представленій. А изъ этого, по мнѣнію г. Петражицкаго, слѣдуетъ далѣе, что обычныя теоріи основаны на случайныхъ словахъ, образовавшихся въ извѣстномъ кругу и при извѣстныхъ условіяхъ,—и что, поэтому, большинство наукъ, въ частности наука права, построены не на познаніи дѣйствительности, а на «профессиональныхъ привычкахъ». Спасительное средство для избѣжанія этого печальнаго для науки положенія дѣла, предлагаемое г. Петражицкимъ, заключается, какъ это уже слѣдуетъ изъ предыдущаго, не въ чемъ иномъ, какъ въ признаніи не отдѣльныхъ, «профессиональныхъ» словъ, а всѣхъ словъ вообще понятіями. Но такое отождествленіе въ связи съ исключительнымъ признаніемъ аналитическихъ сужденій должно неминуемо вести къ смѣшенію логики и грамматики; впоследствии мы увидимъ, что это смѣшеніе дѣйствительно происходитъ у г. Петражицкаго въ его правовыхъ построеніяхъ.

Пока остановимся на попыткѣ г. Петражицкаго методологически обосновать свою точку зрѣнія на конкретномъ примѣрѣ ¹⁾. Такъ, онъ считаетъ ошибкой, «наивно-реалистическимъ» заблужденіемъ, если для отысканія субъекта въ сужденіи «служитель находится въ прихожей» мы откроемъ дверь и посмотримъ, дѣйствительно ли тамъ ждетъ служитель. Такъ какъ сужденіе о бытіи, содержащееся въ этомъ предложеніи, высказывается въ той же логической формѣ, какъ и всякое аналитическое сужденіе о субъектѣ, то для г. Петражицкаго категорія бытія здѣсь совсѣмъ поглощается связкой сужденія. Признаніе же въ одной и той же формѣ двойного содержанія и, какъ мы увидимъ впоследствии, въ одномъ и томъ же процессѣ психическихъ переживаній двухъ противостоящихъ моментовъ, недопустимо для г. Петражицкаго, такъ какъ оно именно предполагаетъ признаніе принципа синтеза, обратно воссоединяющаго эту раздвоенность въ сложное единство. Въ приведенномъ сужденіи субъектъ реальный (служитель, какъ находящійся въ прихожей) и субъектъ сужденія

1) Введеніе..., стр. 23/4.

(служитель, какъ подлежащее предложенія) въ дѣйствительности различны, а въ глазахъ г. Петражицкаго они совпадаютъ, какъ въ сужденіи аналитическомъ. И вотъ, становясь на точку зрѣнія нашего автора, мы разрываемъ связь между мышленіемъ и познаніемъ и должны придти къ одному изъ двухъ слѣдующихъ выводовъ: или къ отрицанію теоретико-познавательнаго значенія за внѣшними воспріятіями и къ признанію таковаго исключительно за внутреннимъ процессомъ мышленія, или обратно—къ отрицанію познавательнаго значенія за мышленіемъ и къ возведенію человѣка въ существо со способностью всеобъемлющихъ воспріятій. Въ первомъ случаѣ потеряется всякая разница между познаніемъ и лишенными содержанія формальными построеніями ума. Во второмъ случѣ придется признать, что человѣкъ сразу все воспринимаетъ, т.-е. что онъ и служителя въ нашемъ примѣрѣ представляетъ себѣ сразу во всевозможныхъ положеніяхъ, между прочимъ и ждущимъ въ прихожей: лишь тогда сужденіе о служителѣ по содержанію будетъ тождественно съ грамматическимъ предложеніемъ, выражающимъ его, т.-е. съ аналитическимъ сужденіемъ.—Послѣ этого становится понятнымъ, почему г. Петражицкій говоритъ, что требованіе образованія понятій на основаніи ряда наблюдений, т.-е. на основаніи извнѣ почерпнутыхъ данныхъ, «равняется требованію найти то, чего нѣтъ, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе».

Возвращаясь къ изложенному выше о теоріи индукціи г. Петражицкаго, мы можемъ теперь уже безъ колебаній утверждать, что причину ея безрезультатности нужно искать въ непризнаніи принципа синтеза, безъ котораго множественность наблюдений, дѣйствительно, излишня, но зато и само познаніе невозможно. Такимъ образомъ, она лишь подтверждаетъ то положеніе, что, желая добиться истиннаго познанія, мы должны приступать къ окружающимъ насъ явленіямъ съ опредѣленными критеріями, чтобы получить возможность ориентироваться въ безконечномъ разнообразіи дѣйствительности: а это и есть путь *синтеза*, который ведетъ къ расширенію и вмѣстѣ съ тѣмъ къ «легитимаци» нашего знанія, и который вообще обуславливаетъ переходъ отъ формальнаго мышленія къ познаванію. Чтобы получилось познаніе, нужно, слѣдовательно, выйти изъ однороднаго ряда постоянно умножающихся данныхъ опыта и найти въ другой

плоскости точку опоры для поднятія безсвязныхъ воспріятій на высоту результатовъ познанія ¹⁾.

И вотъ, тѣ критеріи, съ помощью которыхъ мы разбираемся въ окружающемъ насъ мірѣ, эти внѣ сферы нахождения объекта познанія лежащія точки опоры для сужденія о немъ могутъ быть или чисто формально-логическія, безъ опредѣленнаго содержанія, или же они могутъ имѣть нѣкоторое содержаніе, не заимствованное изъ опыта, но въ опытѣ дошедшее до нашего сознанія. Критерій второго рода мы и называемъ критеріемъ оцѣнки явленій или *цѣнностью*, подъ угломъ зрѣнія которой явленія нами разсматриваются. Онъ и совпадаетъ съ тѣми созидательными идеями, которыя, живя въ нашемъ сознаніи, дифференцируютъ наши психическія переживанія на разнообразныя «качества». Но въ такой постановкѣ вопроса, какъ мы уже указывали, г. Петражицкій и усматриваетъ пріемъ «постулятивнаго» метода, полемика противъ котораго, какъ мы видимъ теперь, просто сводится къ исключительному признанію аналитическихъ сужденій и къ отрицанію всякаго познавательнаго значенія за синтезомъ ²⁾.

Послѣдствія этой точки зрѣнія должны были особенно отрицательно отразиться на пріемахъ изученія явленій нормативнаго характера, специально при выясненіи природы правовыхъ явленій.

Мы говорили, что возможность познанія обусловливается синтезомъ, предопредѣленнымъ вообще категоріальнымъ мышленіемъ, а по отношенію къ міру нашихъ душевныхъ переживаній кромѣ того еще цѣлевыми идеями. Эти послѣднія и создаютъ для

¹⁾ Мы не разсматриваемъ здѣсь синтеза, какъ основного гносеологическаго принципа, дѣлающаго возможнымъ самый опытъ. Мы касаемся лишь его значенія уже на дальнѣйшей стадіи научнаго познанія. Принципіальная его роль въ обоихъ случаяхъ, конечно, одинакова.

²⁾ Что П. не знаетъ синтеза и при основной гносеологической проблемѣ, свидѣтельствуетъ его отношеніе къ закону причинности. Такъ, изъ его разсужденій на эту тему (см. преимущественно обширныя примѣчанія къ § 11 въ «Введеніи» и стр. 126 тамъ же) можно вывести заключеніе, что причинность, какъ установленная опытнымъ путемъ, является для него свойствомъ самыхъ предметовъ, такъ какъ законы индукціи, по которымъ мы, по его мнѣнію, познаемъ причинную связь, понимаются имъ какъ выводы изъ особыхъ «качествъ, точнѣе изъ наличности особыхъ отношеній между фактами».—Вообще, г. П. говоритъ не о законѣ причинности, а о «тенденціи» причинности,—и смѣшиваетъ кромѣ того естественно-научный законъ съ повторяемостью сложныхъ явленій дѣйствительности (съ такъ наз. эмпирическими законами).

насть объектъ «интроспективнаго» наблюденія, когда мы изучаемъ разнообразныя «качества» нормативныхъ переживаній; безъ нихъ нашъ объектъ исчезаетъ изъ глазъ, если не исходить изъ мысли о его сверхчувственномъ и метафизическомъ существованіи. Но, если такимъ образомъ въ каждомъ объектѣ должна *implicite* заключаться идея этого объекта (въ каждомъ правовомъ явленіи заключается идея права, динамически создающее правовое явленіе), то мы указаніемъ на эту идею еще рѣшительно ничего не высказываемъ о ея фактическихъ проявленіяхъ, которыхъ можетъ быть такое же безконечное множество, какъ безконечно множественна вся непосредственная дѣйствительность. Такимъ образомъ, для эмпирической науки поле еще лишь открывается послѣ того, какъ «идея» объекта стала для насъ уже ясной: наше знаніе обогащается не этой идеей, которая отъ насъ же исходитъ, а лишь тѣмъ, въ чемъ она проявляется, что къ намъ извнѣ проникаетъ при свѣтѣ этой идеи. Поэтому, исходя исключительно изъ идеи права, строить эмпирическую науку права, т.-е. расширить наше знаніе путемъ объясненія конкретныхъ правовыхъ явленій, такъ же немислимо, какъ вообще немислимо узнать что-либо путемъ анализа, потому что мы будемъ разбирать тогда то, что уже дано и что само по себѣ больше дать намъ не можетъ.

На основаніи этихъ соображеній, мы можемъ сказать, что правовое явленіе не возможно не только безъ идеи права, но и въ равной мѣрѣ безъ ея конкретного проявленія въ отношеніяхъ между людьми. Это конкретное проявленіе и образуетъ тѣ внѣ насъ совершающіяся дѣйствія, которыя мы подвергаемъ правовой квалификации; оно и составляетъ то, что мы можемъ назвать *соціальнымъ субстратомъ* права. Но, далѣе, т. к. синтезъ изъ этого соціального субстрата и идеи права совершается въ нашей психикѣ, а психическія явленія при натуралистическомъ наблюденіи такъ же безразличны для насъ по своей цѣнности и такъ же подавляюще разнообразны, какъ явленія внѣшнія,—то психическій фактъ правового переживанія не есть самъ по себѣ право, а только лишь проявленіе права—въ такой же мѣрѣ, въ какой мы это только что выяснили относительно соціального субстрата права: иными словами, на ряду съ этимъ послѣднимъ нужно различать также *психическій субстратъ* правовыхъ явленій.

И вотъ, методологическія предпосылки г. Петражицкаго лишили его возможности считаться въ своихъ философско-правовыхъ построеніяхъ съ этими условіями, которыя, очевидно, могутъ быть приняты во вниманіе только при синтетическомъ пониманіи конкретнаго права ¹⁾. Правда, онъ выдѣляетъ социальный субстратъ уже тѣмъ самымъ, что доказываетъ необходимость искать сферу нахожденія права въ нашей психикѣ. Но, какъ мы увидимъ ниже, вмѣсто того, чтобы провести здѣсь только разграничивающую линію, онъ совсѣмъ устраняетъ этотъ субстратъ изъ своихъ построеній. Что же касается психического субстрата, то о немъ у г. Петражицкаго совсѣмъ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи, потому что выдѣленіе этого субстрата обусловлено представленіемъ о раздвоеніи нашей психики, которая для него неприемлема въ виду особенностей его предпосылокъ, ведущихъ къ отождествленію формы съ содержаніемъ. Такимъ же образомъ, какъ онъ смѣшиваетъ логическую форму сужденія съ его содержаніемъ, онъ смѣшиваетъ, какъ мы еще подробнѣе увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, психическое переживаніе съ правовымъ содержаніемъ этого переживанія. А уясненіе этого различія обусловлено именно признаніемъ принципа синтеза, теоретико-познавательная функція котораго остается г. Петражицкому неизвѣстной, такъ что всѣ синтетическія научныя построенія являются для нашего автора «фантазмами», которыя говорятъ о томъ, чего въ «дѣйствительности» нѣтъ. Мало того, вмѣстѣ съ принципомъ синтеза онъ устраняетъ и законъ достаточнаго основанія и, не колеблясь, примѣняетъ законъ противорѣчія—этотъ критерій истины при аналитическихъ сужденіяхъ—къ сужденіямъ синтетическимъ: неудивительно, если онъ здѣсь часто съ торжествомъ констатируетъ «логическія нелѣпости» безъ ущерба для критикуемыхъ имъ

¹⁾ При такомъ пониманіи и въ связи съ выясненной выше природой нормативныхъ переживаній, задача философской теории права должна быть сформулирована какъ исканіе *идеи* права, а не его понятія въ естественно-научномъ смыслѣ. Если бы это было ясно г. П., онъ бы не воспользовался словами Канта «о юристахъ, которые все еще ищутъ соего понятія права»—для иронизированія надъ многолѣтнею работою философско-правовой мысли. Ему было бы тогда понятно, что Кантъ этими словами хотѣлъ указать на тщетность усилій именно тѣхъ юристовъ, которые ищутъ *понятія* права (точнѣе: опредѣленія этого понятія; срв., *Kritik der reinen Vernunft*, изд. Reclam'a, стр. 548—560). Въ такомъ случаѣ изъ ироніи г. П. слѣдуетъ меньше всего изъять его самого.

возрѣній. Между тѣмъ, на этихъ именно предпосылкахъ главнымъ образомъ и основана его критика волевыхъ теорій права, которымъ онъ ставитъ въ виду совершеніе логической ошибки *idem per idem*.

Послѣ этого насъ не удивитъ, если окажется, что г. Петражицкій въ своихъ познавательныхъ потугахъ, въ сущности говоря, все время топчется на одномъ мѣстѣ, и что его попытки выяснитъ существо нормативныхъ переживаній явно обнаруживаютъ номиналистическія тенденціи.

III.

Выясненныя въ предыдущей главѣ методологическія предпосылки г. Петражицкаго наложили свою печать и на его попытку обосновать «эмоціональную психологію»—эту вторую часть фундамента, на которомъ онъ строитъ свою теорію права и нравственности. Намъ нужно остановиться на этой попыткѣ, которая снова вернетъ насъ къ уже затронутому вопросу о психологическомъ изученіи права.

Какъ всегда, исходной точкой служить г. Петражицкому критика господствующихъ ученій, при чемъ его вниманіе главнымъ образомъ поглощено полемикой противъ принятаго дѣленія «формъ психической жизни» на познаніе, чувствованіе и волю¹⁾. Но здѣсь уже самая критика его основана на недоразумѣніи, потому что она выдвигаетъ на первый планъ вопросъ, который для естественно-научной психологіи, интересующей нашего автора, является второстепеннымъ. Дѣло въ томъ, что задача психологіи, какъ теоретической дисциплины въ обычно понимаемомъ смыслѣ, заключается прежде всего и преимущественно въ изученіи общихъ психическихъ элементовъ, ихъ сочетаній и движенія, и лишь на второмъ планѣ стоятъ попытки по мѣрѣ возможности показать, какіе общепсихологическіе процессы являются господствующими въ различныхъ сложныхъ проявленіяхъ сознанія и рѣшающими для ихъ функций въ умственной дѣятельности. При этомъ подобныя попытки излѣдованія сопровождаются яснымъ сознаніемъ того, что *въ дѣйствительности* всякое психологическое переживаніе обусловлено самыми разнообразными и слож-

¹⁾ См. Введеніе . . . , ч. II, гл. I.

ными психическими процессами, а не исключительно тѣми, которые въ опредѣленныхъ случаяхъ—по смыслу разбираемыхъ переживаній—кажутся намъ рѣшающими. Поэтому, обвинять современную психологію въ ненаучности на томъ основаніи, что, напр., «психологія познанія» не исчерпывается указаніемъ на основные психическіе процессы—ощущенія и представленія, какъ это дѣлаетъ г. Петражицкій, у насъ нѣтъ никакихъ основаній.

Между тѣмъ, та трихотомія, научность которой оспаривается г. Петражицкимъ, основана именно на классификаціи *сложныхъ* проявленій нашего сознанія, сказывающихся въ познавательныхъ, оцѣночныхъ и волевыхъ актахъ. Но установленіе этого трехчленнаго дѣленія и описаніе состоянія нашего сознанія при различныхъ по своему содержанію переживанійхъ не относится къ естественно-научной психологіи, на задачу которой мы уже указали, а является результатомъ научной работы, происходящей въ совершенно иной плоскости, а именно результатомъ специального *статистическаго анализа сознанія по общему смыслу его разнообразныхъ содержаній*. И вотъ, смѣшивая эти два вида психологическаго изслѣдованія, г. Петражицкій ставитъ себѣ неразрѣшимую задачу сведенія двухъ разнородныхъ психическихъ величинъ къ одной изъ нихъ, а именно къ элементамъ естественно-научнаго психологическаго изслѣдованія. Поэтому онъ и критикуетъ психологію познанія, чувствованія и воли, какъ теоріи, не дающія «адекватнаго» представленія о дѣйствительныхъ переживаніяхъ.

Послѣ этихъ разъясненій мы имѣемъ теперь возможность освѣтить съ новой стороны вопросъ о примѣненіи психологическаго метода при изслѣдованіи психическихъ нормативныхъ явленій. Мы видимъ, что въ самой наукѣ психологіи открывается необходимость двоякаго изученія ея объекта: съ одной стороны, нужно найти общіе элементы нашей психики и законы ихъ сочетаній, а, съ другой стороны, нужно подвергнуть статистическому анализу наше сознаніе и найти въ его содержаніи тѣ общія формы, въ которыя укладывается безконечно разнообразный, отъ насъ не зависящій матеріалъ, почерпнутый изъ внѣшняго и изъ внутренняго (психическаго) міра. Эти два вида психологическаго изученія смѣшиваются не только г. Петражицкимъ но и всѣми тѣми, которые выставляютъ лозунгъ психологическаго изученія, не отдавая себѣ отчета о смыслѣ этого методологическаго постулата: въ этомъ и источникъ ихъ принципіальнаго недоразумѣнія.

Причину же этого смѣшенія нужно искать въ томъ, что лишь первый изъ указанныхъ видовъ психологическаго изученія укладывается въ рамки естественно-научной теоріи. Правда, что въ обоихъ случаяхъ мы въ конечномъ счетѣ останавливаемся на нѣ-которомъ фактѣ сознанія, но въ первомъ случаѣ мы довольствуемся только тѣмъ, что онъ данъ, и стараемся найти ему мѣсто въ причинномъ ряду, равнодушные къ его роли въ нашей сознательной психической дѣятельности. Во второмъ же случаѣ фактъ сознанія интересуетъ насъ какъ нами созданный: по тому смыслу, который мы въ него вкладываемъ, и по тому содержанию, которое требуетъ живой логической связи, а не безразлично-причинной. Здѣсь въ основѣ изслѣдуемаго явленія съ методологической точки зрѣнія и лежитъ отношеніе динамическое, которому соотвѣтствуетъ неоспоримая психическая реальность нашего сознанія. И вотъ, примѣняя психологическое изученіе исключительно въ естественно-научномъ смыслѣ, мы урѣзываемъ задачи изслѣдованія нашей психики и косвенно устранимъ опредѣленную психическую реальность или оставляемъ въ концѣ-концовъ необъясненную непосредственную дѣйствительность нашихъ переживаній, которая выражается въ разнообразныхъ содержаніяхъ нашего сознанія ¹⁾).

Если мы перейдемъ теперь отъ критической части основъ «эмоціональной психологіи» къ положительной, то мы убѣдимся, какъ односторонняя натуралистическая точка зрѣнія и одностороннее пониманіе психологическаго изученія приводитъ и здѣсь нашего автора къ постояннымъ противорѣчіямъ и къ полной безрезультатности его познавательныхъ попытокъ. Тутъ еще разъ подтвердится наше положеніе, что причина неудачности его научныхъ построеній кроется въ обхожденіи принципа синтеза.

Прежде всего это сказывается въ ученіи о волѣ. Опредѣляя волю (съ научно-психологической точки зрѣнія) какъ активность «въ смыслѣ особаго качества переживанія рѣшимости», г. Петражицкій подчеркиваетъ, что психологія воли можетъ имѣть своимъ предметомъ только лишенную «практическаго» содержанія волю.

¹⁾ Необходимо замѣтить, что при изслѣдованіи нормативныхъ переживаній, наличие которыхъ въ нашемъ сознаніи, согласно съ раньше изложенными соображеніями, обусловлено отношеніями динамическими,—вопросъ методологическій совпадаетъ съ гносеологическимъ, потому что эти явленія существуютъ лишь постольку, поскольку мы ихъ создаемъ.

Конкретныя же душевныя состоянія всегда вызываются извѣстными мотивами, направленными къ извѣстнымъ цѣлямъ и, кромѣ того, сопровождаются интеллектуальными моментами (представленіями), такъ что воля проявляется въ нихъ не въ чистомъ видѣ, а всегда въ примѣси съ посторонними переживаніями ¹⁾. Поэтому, необходимо отличать специфическія переживанія рѣшимости отъ «процессовъ психическаго созиданія и творчества», присущихъ всякому элементу психической жизни.

Съ этой точки зрѣнія, т.-е. желая выдѣлить волевой моментъ въ чистомъ видѣ, г. Петражицкій весьма справедливо протестуетъ противъ отождествленія «мотивовъ поведенія» и «мотивовъ воли». Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе «мотивы воли» въ сущности говоря лишено внутренняго смысла, такъ какъ мотивы могутъ быть только *въ* волѣ, сама же воля не опредѣляется въ свою очередь мотивами; она «свободна» отъ мотивовъ, потому что всякая мысль о нихъ непременно предполагаетъ уже ея существованіе, какъ логическаго *prius*'а. Воля, слѣдовательно, можетъ имѣть только причину, какъ всякое другое явленіе при натуралистическомъ наблюденіи. Мотивы поведенія представляютъ изъ себя, такимъ образомъ, лишь особый видъ среди другихъ мотивовъ, проявляющихся въ волѣ или, лучше, черезъ волю.

Но г. Петражицкій при своей общей точкѣ зрѣнія не въ состояніи провести этой мысли до конца и, желая отдѣлить волю отъ мотивовъ поведенія въ интересахъ теоретической науки, онъ все-таки смѣшиваетъ вопросъ о мотиваціи съ вопросомъ о волѣ, когда онъ говоритъ, что воля есть не что иное, какъ «вставочный членъ» между импульсомъ и дѣйствіемъ ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если принять это предположеніе о «вставочномъ членѣ», то спрашивается, какъ же иначе убѣдиться въ его существованіи, если не путемъ отождествленія его съ дѣйствующими въ насъ мотивами, вопреки только что доказанной недопустимости такого приема? Вѣдь въ противномъ случаѣ воля не будетъ дѣйствительнымъ переживаніемъ рѣшимости, а лишь конструированной нами «фикціей», и притомъ *вполнѣ излишней* въ рамкахъ теоріи нашего автора, для котораго, какъ мы увидимъ ниже, нѣтъ разницы между непосредственными и рефлекторными психическими

1) См. Введеніе, стр. 172 и слѣд.

2) См. Введеніе . . . , стр. 189, примѣчаніе.

актами. Очевидно, значитъ, что говорить объ изученіи «чистой воли», какъ это, судя по ходу мыслей г. Петражицкаго, входитъ въ его намѣреніе, ему удастся только въ томъ случаѣ, если онъ откажется отъ своей теоріи и сдѣлаетъ эту «волю» общей предпосылкой всѣхъ сознательныхъ дѣйствій въ отличіе отъ безсознательныхъ. Тогда съ «научно-психологической» точки зрѣнія переходъ отъ импульса къ дѣйствию *всегда* будетъ непосредственный, и лишь при *сознательныхъ* актахъ, съ точки зрѣнія анализа содержанія нашего сознанія, *условіемъ* этого перехода—но не «вставочнымъ членомъ»—будетъ та чистая воля, стремленіе къ которой является скрытымъ для самого г. Петражицкаго мотивомъ его усилій вырваться изъ путъ натуралистическихъ предпосылокъ. Но усилія эти должны оставаться не только тщетными, но и вести къ противорѣчіямъ, такъ какъ они могли бы увѣнчаться успѣхомъ только при условіи отдѣленія анализа сознанія отъ натуралистической теоріи психического процесса¹⁾. Отказываясь же отъ этого условія, которое кроетъ въ себѣ опасность «постулятивнаго» метода, г. Петражицкій противорѣчій избѣгнуть не можетъ: поэтому мы и находимъ у него на ряду съ цѣннымъ замѣчаніемъ о необходимости различенія гедонистическихъ теорій мотивации отъ гедонистическихъ теорій этики—противорѣчащее этой мысли смѣшеніе цѣнности, какъ мотива, и цѣнности, какъ точки зрѣнія (какъ «постулата») — на томъ лишь основаніи, что эмпирически цѣнность, какъ точка зрѣнія, доходитъ до нашего сознанія лишь въ мотивахъ нашихъ дѣйствій. Очевидно, что второе изъ обоихъ приведенныхъ замѣчаній заключаетъ въ себѣ смѣшеніе этики и психологіи, противъ котораго онъ протестуетъ въ первомъ изъ нихъ.

Еще ярче сказываются послѣдствія точки зрѣнія г. Петражицкаго тамъ, гдѣ онъ обосновываетъ необходимость замѣны трехчленнаго дѣленія формъ психической жизни четырехчленнымъ. Авторъ руководится здѣсь мыслью, что кромѣ познанія, чувствованія и воли существуетъ еще цѣлый рядъ психическихъ явленій, не подводимыхъ ни подъ одну изъ этихъ трехъ психологическихъ

¹⁾ Г. П. думаетъ, что дѣйствія вообще не зависятъ отъ «воли», а только отъ «мотивовъ». Поэтому возможны—воля безъ дѣйствія и дѣйствія безъ воли. Уже изъ этого очевидно, что «воля» въ такомъ пониманіи не можетъ быть элементомъ естественно-научной теоріи.

рубрикѣ и требующихъ, слѣдовательно, образования четвертой рубрики. Къ этой послѣдней нужно будетъ относить всѣ тѣ біологически существенныя проявленія человѣческой психики, въ которыхъ элементъ пассивный (заключающійся въ чистомъ видѣ въ познаніи и чувствованіи) соединяется съ элементомъ активнымъ (проявляющимся въ чистомъ видѣ въ волѣ), образуя такимъ образомъ специальныя *активно-пассивныя* или моторныя переживанія (иначе: «эмоціи» или «импульсіи»). Такихъ эмоцій въ психикѣ безконечное множество, и различаются онѣ другъ отъ друга опять - таки по своему «качеству». Авторъ особенно тщательно изучаетъ эти переживанія на одномъ примѣрѣ—на голодѣ - аппетитѣ. Однимъ изъ ихъ видовъ и являются «эмоціи долга», на которыхъ основываются нравственныя и правовыя переживанія ¹⁾).

Присматриваясь ближе къ анализу тѣхъ переживаній, которыя г. Петражицкій называетъ активно-пассивными, въ частности къ анализу голода - аппетита, мы тутъ натолкнемся на указанное нами уже послѣдствіе его методологическихъ предпосылокъ: на уничтоженіе познанія вслѣдствіе его отождествленія съ дѣйствительностью. Такъ, авторъ вѣрно констатируетъ, что голодъ-аппетитъ не есть ни ощущеніе, ни представленіе, но покоится въ нашемъ сознаніи на волевомъ моментѣ, который получаетъ отъ ощущеній и представленій лишь конкретное содержаніе. Однако, если устранить эти посторонніе, привходящіе элементы, то тогда окажется, что «эмоція» въ чистомъ видѣ, какъ «двустороннее» переживаніе, отличное отъ чистаго волевого момента, есть лишь новое названіе для всего психическаго процесса, какъ переживанія единаго и нераздѣльнаго. Дѣйствительно, если не считать «эмоцій» чисто словеснымъ нововведеніемъ для обозначенія непосредственно переживаемаго внутренняго процесса, сопровождающаго *всегда всѣ наши дѣйствія*, то эта «научная» рубрика окажется вообще не имѣющей никакого смысла.

Съ точки зрѣнія естественно-научной психологіи она заключаетъ въ себѣ очевидный *non sens*, такъ какъ въ насъ не могутъ одновременно умѣщаться два исключаютеліихъ другъ друга переживанія, какъ активность и пассивность, ибо наши дѣйствія не могутъ

1) См. Введеніе..., ч. II, гл. II; также Теорію права §§ 1—2.

быть одновременно и нашими, и не нашими. Логически же она также неприемлема, потому что примѣнять представленія активности и пассивности какъ точки зрѣнія при оцѣнкѣ явленій возможно опять-таки только одновременно или отдѣльно при различныхъ переживаніяхъ. Эта новая «психологическая рубрика» не можетъ, слѣдовательно, соответствовать какимъ-либо *дѣйствительнымъ и специфическимъ* переживаніямъ, а она является отвлеченной конструкціей, допустимой лишь съ точки зрѣнія анализа сознанія, въ которомъ «чистая воля», какъ логическая предпосылка всякаго желанія и сознательнаго дѣйствія, является одновременно *пассивной*, какъ воспринимающій моментъ, и *активной* по характеру конкретнаго волевого процесса, который ею обусловленъ. Но такая конструкція можетъ быть основана только на методологической предпосылкѣ внутренняго раздвоенія, согласно которой безсвязныя и отрывочныя переживанія въ нашей психикѣ отдѣляются отъ нѣкоторой неизмѣнной основы, приводящей ихъ въ единство и переживаемой нами какъ единое въ себѣ, непрерывное сознаніе нашего «я» ¹⁾. Этому методологическому условію и должны соответствовать тѣ два вида психологическаго изученія, на которые мы указывали раньше и въ смѣшеніи которыхъ кроется корень недоразумѣній всѣхъ призывовъ къ психологическому изученію нормативныхъ переживаній. У нашего автора это недоразумѣніе основано, какъ мы видѣли, на сознательномъ устраненіи синтеза, какъ принципа, служащаго для воссоединенія раздвоеннаго по формѣ и содержанію единаго сознанія. И вотъ результатомъ такого отношенія къ проблемѣ является вообще исчезновеніе различія между непосредственными и рефлекторными психическими актами, такъ какъ анализъ сознанія не дѣлается при этомъ предметомъ особаго изученія, и всѣ наши переживанія съ этой точки зрѣнія поглощаются неизмѣнно-одинаковымъ психическимъ процессомъ, понимаемымъ какъ законмѣрное движеніе въ естественно-научномъ смыслѣ. Поэтому г. Петражицкій и говоритъ въ своей теоріи права о правовыхъ отношеніяхъ между животными и людьми и рекомендуетъ для изученія правовыхъ эмоцій опыты съ собаками.

¹⁾ Это неизмѣнное „я“ съ методологической точки зрѣнія, проводимой въ текстѣ, является пассивнымъ, воспринимающимъ, но съ точки зрѣнія индивидуально-метафизической, которой здѣсь не касаемся, его можно считать активнымъ.

Итакъ, «эмоціи» у нашего автора это просто новое названіе, и въ итогѣ нашего психологическаго экскурса оказалось, что мы вернулись къ исходной точкѣ нашихъ разсужденій, къ даннымъ сложнаго психическаго процесса, безъ всякихъ познавательныхъ обогащеній. При этомъ, если взять то, что мы подразумѣваемъ подъ этимъ новымъ названіемъ, какъ нѣчто единое, тогда нужно будетъ признать существованіе одной только «эмоціи»; если же принять во вниманіе разнообразіе нашихъ переживаній по ихъ эмпирическому содержанію, тогда эмоціей должно быть безконечное множество, соотвѣтственно количеству нашихъ желаній и дѣйствій: тогда можно будетъ съ одинаковымъ основаніемъ говорить и о метафизическихъ, и о хореографическихъ, и объ охотничьихъ, и о логическихъ¹⁾ и т. п. эмоціяхъ. Если научная психологія должна особо констатировать всѣ эти эмоціи и описывать ихъ, тогда она изъ науки легко обратится въ беллетристику.

Но кромѣ того нужно еще замѣтить, что всѣ разсужденія г. Петражицкаго, касающіяся «эмоцій», въ дѣйствительности подчеркиваютъ главнымъ образомъ только активный моментъ, такъ что трудно фактически опредѣлить, въ чемъ разница между его толкованіемъ сложныхъ психическихъ переживаній и оспариваемыми имъ воззрѣніями. Если же г. Петражицкій упорно настаиваетъ на двухстороннемъ характерѣ «эмоцій», т.-е. говоритъ, что онѣ не только активны, но и пассивны, то онъ этой пассивностью только подчеркиваетъ моментъ начала въ каждомъ движеніи, моментъ покоя, изъ котораго каждое движеніе исходитъ, или по отношенію къ психологіи онъ этимъ выдвигаетъ моментъ внутренняго переживанія, какъ сознаніе страдательности, въ отличіе отъ дѣйствія, — отъ активности, исходящей отъ этихъ же переживаній и преодолевающей въ нихъ ихъ инертность. Но этимъ только еще разъ подтверждается, что въ своей «четвертой рубрикѣ» г. Петражицкій окольными путями подходитъ къ первоначально даннымъ слож-

1) Г. П. сводитъ положительныя и отрицательныя сужденія къ положительнымъ и отрицательнымъ эмоціямъ. Но этимъ онъ не столько указываетъ на содержимые въ мышленіи волевые моменты, сколько сводитъ вообще логику, какъ и все содержаніе нашего сознанія, къ единому процессу психической механики. Поэтому и умозаключеніе въ его „научномъ“ опредѣленіи есть сочетаніе „эмоціи“ съ представленіями („переводъ эмоціи въ особое сочетаніе представленій“). Ср. Введеніе..., стр. 306 и слѣд.

нымъ фактамъ психической жизни. Къ традиціонному трехчленному дѣленію онъ, слѣдовательно, ничего не прибавилъ. Единственный положительный результатъ его экскурса заключается только въ доказательствѣ а *contrario*, что общепринятая трихотомія, какъ основанная на анализѣ сознанія, въ примѣненіи къ естественно-научному изученію психическихъ процессовъ является научнымъ отвлеченіемъ и условнымъ подраздѣленіемъ, далекимъ отъ непосредственной дѣйствительности этихъ процессовъ; и что отдѣльныя проявленія сознанія (познаніе, чувствованіе и воля) нельзя смѣшивать съ сознаніемъ, какъ чѣмъ-то цѣльнымъ, и съ его общимъ свойствомъ «динамичности» или «моторности». Но г. Петражицкій, конечно, не съ этой цѣлью писалъ свою книгу.

IV.

Всѣмъ сказаннымъ до сихъ поръ исчерпываются руководящія методологическія идеи г. Петражицкаго и предопредѣляются, какъ характеръ предлагаемаго имъ рѣшенія проблемы права, такъ и безрезультатность его труда. Намъ предстоитъ еще на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросахъ въ его философско-правовыхъ построеніяхъ показать тщетность его усилій и выяснить связанные съ его точкой зрѣнія частичныя недоразумѣнія.

Мы видѣли, что своей постановкой вопроса г. Петражицкій преграждаетъ себѣ путь къ пониманію психическихъ явленій нормативнаго характера и къ выясненію проблемы перехода нашихъ эмоцій въ *правила* поведенія. Но онъ все-таки пытается выйти изъ затруднительнаго положенія и, оставаясь въ рамкахъ своихъ воззрѣній, выяснитъ природу этическихъ явленій въ отличіе отъ другихъ «моторныхъ раздраженій». Свою попытку онъ основываетъ на различеніи двухъ классовъ «эмоцій», а именно: *спеціальныхъ*, которыя вызываютъ «опредѣленное, специфическое, къ нимъ спеціально природою приуроченное поведеніе», и *бланкетныхъ*, которыя могутъ служить побужденіемъ къ любому поведенію и побуждаютъ къ тѣмъ дѣйствіямъ, представленія коихъ переживаются въ связи съ ними. Эти послѣднія и составляютъ «существенные элементы нравственныхъ и правовыхъ переживаній и вызываютъ нравственное и правовое поведеніе» ¹⁾.

¹⁾ См. Теорію права, § 1.

Но болѣе внимательный разбор этихъ двухъ классовъ «эмоцій» скоро убѣдитъ насъ, что различіе, проводимое авторомъ, бесплодно. Въ самомъ дѣлѣ, если и при «спеціальныхъ» эмоціяхъ наше поведеніе является лишь «исторически приуроченнымъ» къ опредѣленнымъ переживаніямъ, какъ онъ это выясняетъ дальше, то первоначально это поведеніе, очевидно, было вызвано представленіями дѣйствій, случайно пережитыми съ этими «эмоціями» (ср. выше опредѣленіе бланкетныхъ эмоцій). Такимъ образомъ, спеціальныя эмоціи, какъ результатъ приспособленія къ конкретнымъ обстоятельствамъ, являются лишь проявленіемъ бланкетныхъ, которыя сами по себѣ, внѣ связи съ «акціонными представленіями» или съ этими конкретными обстоятельствами, совсѣмъ не переживаются, т.-е. просто не существуютъ, т. к. онѣ могли бы существовать только въ формѣ «императивовъ», что недопустимо для «научно-психологической» теоріи, какъ это уже слѣдуетъ изъ предыдущаго и какъ это еще яснѣе станетъ изъ дальнѣйшаго изложенія. Поэтому остаются, очевидно, однѣ только спеціальныя эмоціи, а бланкетныя—это «фикція», которой въ теоретическихъ построеніяхъ г. Петражицкаго не должно быть мѣста. Вообще, казалось бы, нѣтъ никакого основанія для различія эмоцій съ уже приуроченными къ нимъ «акціями» отъ эмоцій, «акцій» которыхъ даются впервые и случайно въ моментъ ихъ переживанія, потому что это чисто формальное различіе мы съ меньшимъ основаніемъ можемъ дѣлать и у ненормальныхъ людей, и у животныхъ: примѣняя къ проявленіямъ патологической психики критерій, исходящій отъ этой психики, и къ проявленіямъ животной психики—по аналогіи—критерій человѣческой, мы и въ этихъ случаяхъ сумѣемъ говорить о нравственномъ и правовомъ поведеніи. Мы видимъ, такимъ образомъ, что попытка г. Петражицкаго, если оставаться на его точкѣ зрѣнія, можетъ насъ привести только къ отождествленію человѣческихъ дѣйствій съ дѣйствіями животныхъ и поступковъ нормальныхъ людей съ поступками ненормальныхъ, т.-е. мы попрежнему остаемся безъ нужнаго намъ критерія для выдѣленія этическихъ эмоцій изъ другихъ «моторныхъ раздраженій», и старый вопросъ о томъ, какимъ образомъ чисто механической процессъ психическихъ переживаній даетъ основу для качественныхъ различій по смыслу его содержаній, возникаетъ передъ нами во всей его первоначальной безнадежности.

Не разрѣшивъ такимъ образомъ своей первой задачи, г. Петражицкій лишается вмѣстѣ съ тѣмъ возможности установить различія и въ самой сферѣ нормативныхъ явленій между переживаніями, имѣющими различное значеніе по своему содержанію, — по той идеѣ, которой они динамически подчинены. Такъ, напр., если психическій процессъ при эстетическихъ и этическихъ переживаніяхъ одинаковъ (активно-пассивныя переживанія = моторныя раздраженія = эмоціи), какъ авторъ опредѣленно указываетъ, и если исключительно описаніе этого процесса даетъ соотвѣтственную адекватную научную теорію, то изъ этого очевидно для насъ еще не слѣдуетъ, какія именно переживанія эстетическія и какія этическія. Если же мы все-таки дѣлаемъ это различіе, то ему должно предшествовать сознаніе опредѣленнаго критерія оцѣнки. Поэтому «научно-психологическая теорія» г. Петражицкаго сама по себѣ не можетъ ни въ коемъ случаѣ намъ объяснить, почему нормы «не кради» или «*раста sunt servande*» (примѣры г. П.) относятся къ этическимъ, а не къ эстетическимъ, и въ какомъ случаѣ мы можемъ, напр., первой изъ этихъ двухъ нормъ приписывать характеръ эстетическаго «велѣнія». Лишь когда выработается у насъ опредѣленное эстетическое и этическое сознаніе, мы будемъ знать, когда мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ того или другого рода. Но тогда опредѣленіе характера даннаго переживанія будетъ только подведеніемъ частнаго подъ общее, а ни въ коемъ случаѣ объясненіемъ основнаго «качества» этого частнаго, такъ какъ придется предположить, что это объясненіе уже дано, ибо въ противномъ случаѣ мы бы не знали, что къ чему подводить. Итакъ, положеніе «*раста sunt servanda*», вопреки утвержденію г. Петражицкаго, мы считаемъ правовымъ не потому, что переживаніе его содержанія сопровождается специфическими эмоціями, а обратно: такъ какъ у насъ раньше существуетъ представленіе объ идеѣ права или «правовая совѣсть», то мы и говоримъ, что приведенное положеніе есть норма правовая и что соотвѣтствующія ей переживанія носятъ характеръ правовой.

Въ этомъ разобранномъ нами недоразумѣніи и заключается отмѣченный уже критикой логическій кругъ въ философско-правовыхъ построеніяхъ г. Петражицкаго. Поэтому, опредѣляя нравственныя нормы, какъ основныя на *императивныхъ* эмоціяхъ (переживанія свободныхъ побужденій), а правовыя — на *импера-*

тивно-атрибутивныхъ (переживанія побужденій съ сознаниемъ связанности по чьему-либо адресу), нашъ авторъ не говоритъ о томъ, что такое право, а, предполагая это уже извѣстнымъ, описываетъ только, какъ переживаются правовые мотивы поведения въ отличіе отъ нравственныхъ.

Г. Петражицкій подходитъ, слѣдовательно, къ интересующимъ его явленіямъ уже съ готовымъ критеріемъ, ибо иначе онъ не былъ бы въ состояніи различать ихъ по «качествамъ», т.-е. не могъ бы произвести и психологическаго описанія. Но откуда онъ беретъ свой критерій, остается при этомъ неизвѣстнымъ. Вѣдь если историческій масштабъ непригоденъ, какъ онъ самъ справедливо доказываетъ, то и предлагаемая имъ схема «*pati—movere*», которая должна установить характеръ «двухсторонности» переживаній, примѣнима, какъ *точка зрѣнія*, къ самымъ разнообразнымъ психическимъ состояніямъ, имѣющимъ своимъ содержаніемъ связанность субъекта въ его дѣйствіяхъ. Поэтому, формула г. Петражицкаго, правовой характеръ которой долженъ быть установленъ предшествующимъ правовымъ сознаниемъ, теряетъ всякій *raison d'être* какъ масштабъ для опредѣленія этого сознанія.

Неудивительно, если г. Петражицкій поэтому включаетъ въ свой обзоръ обычно не относимыхъ къ праву вѣтвей правовой психики и все то, что не есть право, но при желаніи можетъ разсматриваться только по аналогіи съ нимъ, напр.,—«любовное право». Послѣдовательно также съ его стороны, если онъ говоритъ о возможности правовыхъ отношеній между людьми и животными или только между животными по отношенію другъ къ другу. Удивляться только приходится, что онъ просто не сводитъ всѣхъ вообще отношеній между людьми и имъ подобными, дѣйствительными и воображаемыми, существами къ праву: это было бы только логическимъ доведеніемъ его мысли до конца.

Но, если всѣ виды человѣческихъ мотивовъ и поступковъ можно, такимъ образомъ, разсматривать какъ правовые, то съ другой стороны, съ неменьшимъ основаніемъ можно будетъ всѣ ихъ считать нравственными, если сосредоточить вниманіе исключительно на присущемъ всѣмъ этическимъ переживаніямъ сознанію внутренняго долга: тогда право въ послѣднемъ результатѣ окажется совсѣмъ утеряннымъ, а останется одна только нравственность. Вѣдь подчеркивая одинаковость пси-

хического процесса при всѣхъ этическихъ переживаніяхъ, при всѣхъ «эмоціяхъ долга», г. Петражицкій этимъ самымъ и признаетъ, что психологически переживаніе автономной и гетерономной «императивности» также одинаково, если не считается съ тѣми внутренними реакціями, которыя вызываются посторонними и случайными привходящими моментами (каковы—страхъ, надежда, принужденіе и т. п.) и которыя встрѣчаются при самыхъ разнообразныхъ психическихъ переживаніяхъ. Но въ такомъ случаѣ не является ли и сознаніе закрѣпленности своего долга за другимъ лицомъ также постороннимъ моментомъ по отношенію къ переживанію внутренней связанности этимъ долгомъ? Дѣйствительно, «свободный долгъ» психологически вообще невысказанъ, потому что всякій долгъ уже по самой своей природѣ есть связанность, а эта связанность нисколько не мѣняется отъ того, будемъ ли мы считать себя связанными самими собою или чѣмъ-либо внѣшнимъ по отношенію къ намъ. Различать здѣсь возможно только въ томъ случаѣ, если привлечь для этого указанные посторонніе элементы или историческій критерій, а въдѣ это по воззрѣніямъ г. Петражицкаго ненаучно, неадекватно. Дѣйствительно, если, возвращая одолженные деньги, мы испытываемъ нѣчто иное, чѣмъ при подачѣ милостыни, то мы можемъ сказать, что это зависитъ не отъ какого-нибудь первоначальнаго «естественнаго» свойства въ нашей психикѣ — «естественное» въ обоихъ случаяхъ вполне одинаково—а является результатомъ «исторіи» въ этой психикѣ. Вотъ почему г. Петражицкій въ конечномъ результатѣ не даетъ и психологическаго критерія для различенія нравственности отъ права ¹⁾.

¹⁾ Все построеніе г. П. въ извѣстной степени напоминаетъ ученіе другого теоретика—Штамлера, который подъ «правомъ» въ широкомъ смыслѣ слова понимаетъ рѣшительно всякія «формы» междучеловѣческихъ отношеній, а подъ «хозяйствомъ» всякое «содержаніе» социальной жизни. Г. П. часто указываетъ на это сходство и даже заподозриваетъ Штамлера въ заимствованіяхъ изъ его «Lehre vom Einkommen» безъ ссылокъ. Но въ дѣйствительности у Штамлера мы имѣемъ дѣло только съ предварительными и условными обозначеніями, основанными при этомъ на цѣломъ рядѣ метафизическихъ и методологическихъ (хотя бы и ошибочныхъ) предпосылокъ, у г. же П. все основано на недоразумѣніи.—Цѣль Штамлера—противоставить материалистическимъ тенденціямъ марксизма идею примата духа; поэтому, право у него является элементомъ творческимъ. У г. П. же право носить только мотивационный характеръ: правовыя убѣжденія и представленія, преимуще-

Но и этимъ отрицательныя послѣдствія психологическаго метода еще не исчерпываются; они проявляются съ новой стороны при вопросѣ объ объективной авторитетности правовыхъ нормъ.

Уже съ первыхъ шаговъ, выясняя особенности «эмоцій долга», г. Петражицкій критически останавливается на свойственномъ имъ «вышемъ мистическомъ авторитетѣ», на ихъ характерѣ «законовъ, царящихъ надъ людьми и богами». Къ этимъ именно «эмоціональнымъ фантазмамъ», какъ онъ ихъ называетъ, и возникновеніе которыхъ онъ объясняетъ свойствомъ человѣческой психики проэцировать свои переживанія ¹⁾, онъ и относитъ всѣ тѣ представленія (каковы: воля, велѣніе, императивы и т. п.), въ которыхъ мы мыслимъ единство нашего «я», выражающаго свое отношеніе къ переходящимъ и измѣнчивымъ содержаніямъ психическихъ переживаній. Г. Петражицкій видитъ здѣсь только «фикции» и некритическое приспособленіе науки къ народному словоупотребленію, которое пользуется, напр., словомъ «воля» какъ для обозначенія воли въ «психологическомъ» смыслѣ, такъ и въ смыслѣ откуда-то исходящаго велѣнія. Научныя же теоріи должны разъ на всегда отказаться отъ подобныхъ «фантазмъ».

Но оперируя при этихъ своихъ разсужденіяхъ постоянно словомъ «проекція», г. Петражицкій не останавливается дольше на выясненіи его смысла и, такимъ образомъ, какъ легко убѣдиться, обходитъ молчаніемъ наиболѣе существенный моментъ. «Проецированіе» является для него просто фактомъ, дѣйствіемъ какой-то таинственной силы внутри насъ, между тѣмъ какъ, присмотрѣвшись ближе, мы увидимъ, что ссылкой на эту особенную нашу способность санкціонируется только выясненная нами выше методологическая необходимость признанія внутренняго раздвоенія нашего «я»; незамѣтнымъ для себя образомъ г. Петражицкій вводитъ, слѣдовательно, то, противъ чего онъ раньше полемизировалъ. Дѣйствительно, «проецированіе» здѣсь означаетъ только выдѣленіе изъ нашихъ субъективныхъ пережи-

ственно гражданское право, являются для него мотивами, опредѣляющими конструкцію хозяйственныхъ явленій. Поэтому и вопросъ о воспитательномъ значеніи права разсматривается г. П. въ духѣ стараго естественнаго права лишь въ сферѣ психологическихъ соображеній; Штамлеръ же является представителемъ чисто этической точки зрѣнія.

¹⁾ «И вотъ не что иное, какъ продукты эмоціональной проэкціи, эмоціональныя фантазмы, представляютъ и тѣ категорическія велѣнія съ высшимъ

ваній нѣкотораго авторитетнаго начала, которое обращается къ другимъ переживаніямъ съ «велѣніями» и предъявляетъ имъ какъ бы извѣстныя требованія, чѣмъ собственно и опредѣляется специфическій характеръ нормативныхъ переживаній—ихъ императивность. Поэтому всякая проэція во внѣ—будь то правовая, метафизическая или религіозная, отъ которой психическое переживаніе, какъ мы уже указывали, само по себѣ не становится инымъ, есть, въ сущности говоря, только процессъ *вторичный* (тождественный съ «наивно-реалистическимъ» оформленіемъ нормативныхъ переживаній), которому предшествуетъ *первичное* проэцированіе внутри насъ—или то, что мы называли раздвоеніемъ нашего «я».

Продолжая однако свои разсужденія въ такомъ направленіи, чтобы все-таки свести все содержаніе нашего сознанія къ простому единству психическаго процесса, г. Петражицкій не только преграждаетъ себѣ доступъ къ переживаніямъ нормативнаго характера, но, кромѣ того, лишается также единственнаго *объективнаго* критерія для сужденія о мотивахъ нашего поведенія, который дается именно въ обусловленномъ раздвоеніемъ нашего «я» отношеніи авторитативной части содержанія нашего сознанія къ его случайнымъ и преходящимъ состояніямъ. Но при такомъ отношеніи къ вопросу передъ г. Петражицкимъ открываются два одинаково безутѣшныхъ выхода: или онъ долженъ противопоставить узкому субъективизму абсолютную объективность, совпадающую съ нѣкоторой внѣшней реальностью и, такимъ образомъ, отказаться отъ своего основного положенія, что право и нравственность—внутреннія переживанія: явленіе не исключительное для феноменализма того направленія, котораго придерживается г. Петражицкій ¹⁾;—или онъ долженъ оставаться

авторитетомъ, которыя въ случаяхъ этическихъ переживаній представляются объективно существующими и обращенными къ тѣмъ или инымъ субъектамъ, а равно тѣ особыя состоянія связанности, об(в)язанности, несвободы и подчиненности, которыя приписываются тѣмъ (представляемымъ) субъектамъ, коимъ (представляемые) этическіе законы повелѣваютъ или запрещаютъ извѣстное поведеніе.—Реально существуютъ только переживанія этическихъ моторныхъ возбужденій въ связи съ представленіями извѣстнаго поведенія». см. Теорію права..., стр. 37.

¹⁾ Въ исторіи англійской мысли характерна въ этомъ отношеніи философія Юма, особенно эволюція ученія о «belief» въ трудахъ этого философа, которой подготовленъ былъ постепенный переходъ къ common sens шотландской школы.

въ предѣлахъ узкаго субъективизма. Въ пользу этого послѣдняго авторъ и рѣшается тамъ, гдѣ онъ ближе подходитъ къ этой сторонѣ вопроса.

«Мы различаемъ правовыя и нравственныя явленія по характеру субъективныхъ переживаній, а не по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, и тутъ же примѣромъ изъ аномальной психики, къ которой онъ примѣняетъ этическій критерій, старается доказать свою тезу. Такъ, если А чувствуетъ себя обязаннымъ по отношенію къ Б убить его, и при этомъ его обязанность кажется ему закрѣпленной за его жертвой (атрибутивный характеръ его переживанія), то имъ руководитъ «правовое сознаніе», онъ находится подъ дѣйствіемъ «правовыхъ эмоцій». Обратнo: хозяева, не платящіе своей прислугѣ и не признающіе за нею права требованія, являются людьми, у которыхъ нѣтъ правового сознанія, но имѣется одно лишь нравственное сознаніе.

Мы съ намѣреніемъ остановились на этихъ примѣрахъ, чтобы показать, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести подобное освѣщеніе вопроса. Дѣйствительно, раздѣляя эту точку зрѣнія, намъ придется усматривать наличность права при самыхъ неожиданныхъ ситуаціяхъ лишь потому, что самыя разнообразныя содержанія могутъ переживаться въ психическомъ процессѣ какъ право. Мы должны будемъ говорить тогда не только о «суевѣрномъ» правѣ, какъ это дѣлаетъ въ одномъ мѣстѣ г. Петражицкій, но и о взяточническомъ, пиратскомъ и т. п. правахъ и, въ концѣ-концовъ, даже о «сумашедшемъ» правѣ. Если же авторъ не дѣлаетъ этихъ выводовъ, которые логически диктуются его методомъ, то онъ, какъ мы уже указывали, незамѣтнымъ для себя образомъ вводитъ какой нибудь критерій или называетъ правомъ то, что съ «общенародной» точки зрѣнія считается таковымъ—безъ всякой требуемой имъ научной «легитимациі». Итакъ, и въ вопросѣ объ объективной авторитетности правовыхъ нормъ мы въ сущности опять очутились у тупика, гдѣ исчезаютъ тѣ «качества», которыми опредѣляется внутренняя реальность дифференцированныхъ нормативныхъ переживаній.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ силу тѣхъ же условій г. Петражицкій при послѣдовательномъ проведеніи односторонняго психологизма утрачиваетъ также и *объектъ* правовой квалификаціи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ не существуетъ реально

внѣ насъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы себѣ его представляемъ, а въ свою очередь лишь создается процессомъ синтеза въ нашемъ сознаниі (мы имѣемъ въ виду преимущественно ученіе о юридическихъ лицахъ): мѣсто этого синтеза у нашего автора долженъ занять выраженный въ словѣ фактъ психическаго переживанія. Такимъ образомъ не только теряется различіе между синтетическими единствами разнаго характера, но и объектъ права существуетъ лишь постольку, поскольку онъ имѣетъ наименованіе, подъ которымъ кроется какое-нибудь переживаемое нами представленіе, т.-е. онъ выступаетъ передъ нами только какъ логическое подлежащее аналитическаго сужденія или, что то же, какъ грамматическое подлежащее въ предложеніи. Эти номиналистическія тенденціи, которыя уже разбирались нами, ясно сказываются въ ученіи о субъектахъ правоотношенія и особенно въ ученіи о юридическихъ лицахъ ¹⁾. Здѣсь мы видимъ, что юридическимъ лицомъ и вообще субъектомъ права является у г. Петражицкаго всякое переживаемое нами представленіе, а тѣмъ самымъ и всякое подлежащее любого предложенія.

Эта точка зрѣнія осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что такимъ образомъ юридическое лицо, какъ синтетическое единство, отождествляется также и съ соборнымъ классовымъ наименованіемъ, какъ единствомъ формально-логическимъ. Поэтому, для г. Петражицкаго въ предложеніи—«родители имѣютъ такія-то права»—подлежащее «родители» является такимъ же субъектомъ правъ, какъ и, напр., подлежащее «казна» въ юридическомъ сужденіи «казна имѣетъ права». Правоотношеніе, такимъ образомъ, возможно не только между индивидами, но и между «родами и видами существъ», потому что «они не только мыслимы, но, какъ можно убѣдиться путемъ самонаблюденія, на каждомъ шагѣ нами переживаются» ²⁾.

Изъ этихъ разсужденій становится также понятнымъ предлагаемое г. Петражицкимъ подраздѣленіе правоотношеній на индивидуальныя и общія или абстрактныя и конкретныя ³⁾, — подраздѣленіе, основанное на несущественномъ для пониманія нормативныхъ переживаній и лишь затемняющемъ ихъ смыслъ проти-

¹⁾ См. Теорію права, § 31.

²⁾ Теорія права, стр. 410 (т. II).

³⁾ Теорія права, стр. 327 (т. II).

вопоставленіи индивидуально-единичнаго обще-массовому вмѣсто существеннаго противопоставленія частнаго всеобще-значимому.

Наконецъ, еще болѣе безрезультатнымъ въ смыслѣ объясненія изслѣдуемыхъ явленій оказывается это логическое недоразумѣніе при разборѣ публично-правовыхъ отношеній, гдѣ положенное въ ихъ основѣ синтетическое единство соціальной группы въ его правовой квалификаціи замѣняется авторомъ психологическими переживаніями, обозначаемыми мѣстоименіемъ «всѣ», «каждый», «всякій, кто бы ни былъ». Но вѣдь ясно, что если подъ этимъ обозначеніемъ не понимать объединеннаго извѣстнымъ принципомъ синтетическаго единства, и если подъ нимъ однако слѣдуетъ подразумѣвать, по увѣреніямъ автора, нѣчто иное, нежели «всѣхъ людей въ мірѣ», то оно объективно есть ничто, т.-е. одно лишь простое наименованіе ¹⁾.

Мало того, борьба г. Петражицкаго противъ «фантазмъ» и стремленіе оставаться исключительно въ сферѣ психологіи доходитъ у него до того, что онъ при разборѣ другихъ ученій совсѣмъ отрицаетъ существенное значеніе соціальнаго субстрата правовыхъ явленій. На этомъ основаніи онъ перетолковываетъ понятіе воли и формулу опредѣленія правоотношеній какъ регулируемыхъ правомъ жизненныхъ отношеній такъ, что воля представляется ему въ этихъ ученіяхъ тождественной съ фактомъ велѣнія, а правоотношенія—съ жизненными отношеніями ²⁾. Мы видимъ здѣсь вполнѣ отчетливо, какъ отдѣленіе правового переживанія отъ его соціальнаго субстрата привело автора къ тому крайнему положенію, что этотъ соціальный субстратъ вообще посторонній элементъ въ наукѣ права. Поэтому, повсюду, гдѣ этотъ элементъ въ виду выясненныхъ нами выше причинъ принимается во вниманіе, онъ уже не видитъ права; а нѣчто внѣшнее, чуждое ему. Результаты этого недоразумѣнія опять-таки замѣтно сказываются на нѣкоторыхъ весьма существенныхъ отдѣлахъ правовыхъ построеній автора.

Такъ, установивъ, что рѣшающимъ специфическимъ моментомъ правовыхъ переживаній является ихъ атрибутивный характеръ, значеніе котораго для пониманія существующаго пра-

1) „Теорія права“, стр. 185/6 (т. I), стр. 410, примѣчаніе, стр. 606, примѣчаніе (т. II).

2) См. различныя мѣста, затрогивающія этотъ вопросъ въ „Теоріи права“ стр. 316, 361/2, 368, 448 (т. II).

вопорядка въ извѣстномъ смыслѣ дѣйствительно не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнію, онъ удачно связываетъ это психическое состояніе правомочій съ соціальной ролью права, какъ распредѣлительнаго начала по отношенію къ благамъ матеріальнымъ и идеальнымъ, и думаетъ такимъ образомъ выяснить правовую природу собственности ¹⁾.

Здѣсь прежде всего нужно замѣтить, что это правильное и послѣдовательное развитіе основного положенія страдаетъ недугомъ всего построенія. Вѣдь опредѣлять право собственности какъ переживаніе правомочія, значитъ опираться на правовомъ фактѣ собственности, какъ его логическомъ *prius*'ѣ. Но какъ изъ одного описанія душевнаго состоянія, когда насъ волнуютъ правовыя эмоціи, мы не видимъ перехода къ опредѣленію его какъ нѣкоторой цѣнности въ общежитіи, точно такъ же мы на основаніи собственническихъ переживаній у вора по отношенію къ украденнымъ имъ вещамъ не можемъ отвѣтить на вопросъ, что такое собственность какъ культурное благо.

Но самое существенное недоразумѣніе обнаруживается здѣсь въ томъ, что, опредѣляя собственность какъ переживаніе правомочія, мы ничего специфически выдѣляющагося изъ общаго опредѣленія права не даемъ. Это становится яснымъ изъ того, что въ дѣйствительности существо собственности обусловлено не только тѣмъ, что мы переживаемъ, но и особымъ отношеніемъ нашихъ переживаній къ тому матеріальному міру, который находится внѣ насъ, такъ какъ собственность, какъ правовое явленіе, возникаетъ лишь въ результатѣ синтеза изъ нашей оцѣнки и окружающей насъ безличной природы. Поэтому она въ такой же степени невозможна безъ соціального субстрата, какъ и безъ идеи права, т.-е. игнорированіе соціального содержанія, которое мы видимъ у г. Петражицкаго, равносильно уничтоженію въ правовомъ явленіи элементовъ, обусловливающихъ его специфическій характеръ. И вотъ, слѣдствіемъ такой постановки вопроса, т.-е. устраненія этого соціального субстрата, и является то, что г. Петражицкій относитъ и такъ называемыя политическія свободы къ разряду собственности («собственность на идеальныя блага») и становится, такимъ образомъ, на точку зрѣнія стараго естественнаго права, для котораго право

¹⁾ См. „Теорію права“, § 11.

собственности вытекало изъ права на собственную личность, и собственность, какъ свойство, «естественно» присущее человѣческой природѣ, отождествлялось съ правомъ вообще. Въ связи съ этимъ нашъ авторъ приближается и къ тому воззрѣнію естественно-правовой школы, согласно съ которымъ на право нужно смотрѣть какъ на всеобъемлющую силу, распространяющую свое вліяніе на все то, что можно мыслить въ какомъ-нибудь отношеніи къ субъекту. Если признавать за правомъ социальное значеніе, то съ уничтоженіемъ его социальнаго субстрата и сведеніемъ правовыхъ явленій исключительно къ психическимъ переживаніямъ неминуемо долженъ получиться такой результатъ.

Любопытно однако замѣтить, что, выступая противъ теоріи, которая усматриваетъ въ правѣ собственности не отношеніе къ вещамъ, а отношеніе къ людямъ, г. Петражицкій указываетъ на «логическую странность» вывода изъ этого ученія, что «если кто-нибудь купитъ въ лавкѣ булавку или иной предметъ, то всѣ готтенты и прочіе люди, какіе живутъ на землѣ, попадутъ въ особое положеніе и отношеніе къ покупщику». Это замѣчаніе какъ будто опровергаетъ только что сдѣланный нами выводъ о воззрѣніяхъ г. Петражицкаго, но противорѣчіе это только кажущееся. Въ дѣйствительности же, высказанная въ цитированномъ мѣстѣ критика просто основана на превратномъ истолкованіи идеи запрета въ критикуемомъ ученіи, а именно на смѣшеніи категоріи значимости, въ которой эта идея мыслится въ правовомъ отношеніи, съ категоріей бытія. Это слѣдуетъ изъ всего хода мыслей г. Петражицкаго и, главнымъ образомъ, изъ приводимаго имъ при этомъ примѣра, что зубры, пребывающіе въ огороженномъ для нихъ участкѣ лѣса, не дѣлаются однако собственниками этого участка. Какъ будто бы фактическое закрытіе доступа другимъ и запретъ *съ правовымъ сознаніемъ*, на который способны, конечно, только люди, а не зубры, было одно и то же!

Аналогичное игнорированіе социальнаго субстрата, какъ въ ученіи о собственности, мы найдемъ у нашего автора и при разборѣ элементовъ правоотношенія—въ ученіи объ объектѣ правъ ¹⁾. Тутъ всецѣло опровергается мысль объ объектѣ какъ о чемъ-то внѣшнемъ по отношенію къ человѣку, волнуемому правовыми

1) См. „Теорію права“, § 32.

эмоціями. Все, что касается этихъ предметовъ, относится г. Петражицкимъ къ второстепеннымъ элементамъ правоотношенія (какъ время, мѣсто и пр.), которые объединяются имъ подъ общимъ именемъ его «модальностей». Приступая же къ изложенію собственнаго ученія объ объектѣ, онъ начинаетъ съ «нововведенія», а именно съ различенія объекта обязанности отъ объекта правопритязанія и останавливаетъ свое вниманіе преимущественно на первомъ.

Но объектомъ обязанности, разъ внѣшній объектъ и всякое проявленіе дѣйствія во внѣ удаляются изъ поля зрѣнія, можетъ, конечно, быть только сознаніе правообязаннымъ необходимости совершить какое-нибудь дѣйствіе, при чемъ это дѣйствіе, сообразно съ характеромъ правоотношеній (о которыхъ рѣчь будетъ ниже), можетъ заключаться въ дѣланіи, недѣланіи (воздержаніи) или «терпѣніи». Какое послѣ этого еще существуетъ различіе между ученіемъ объ обязанности вообще и объ объектѣ обязанности въ частности, непонятно. Очевидно, что здѣсь боязнь передъ обусловленнымъ синтезомъ раздвоеніемъ между созидательной идеей и инертнымъ фактомъ внѣшняго міра опять заставила автора устранить послѣдній и вмѣстѣ съ тѣмъ признать самодовлѣющее значеніе за первой. Но такъ какъ внѣшній объектъ и внѣшнее дѣйствіе все-таки нельзя выкинуть изъ правоотношенія, а мѣсто ихъ уже занято психическими переживаніями, то за ними приходится признать, по крайней мѣрѣ, вспомогательную роль. Такимъ образомъ, напр., въ обязанности не укрывать краденыхъ вещей главнымъ ея объектомъ, какъ думаетъ г. Петражицкій, будетъ воздержаніе вообще, а второстепеннымъ — воздержаніе отъ укрывательства. Мы видимъ, что въ результатѣ получается классификація, логическая цѣнность которой равна дѣленію объекта зоологіи на главный — животныя и на второстепенные — позвоночныя, безпозвоночныя, млекопитающія и т. п. ¹⁾

Въ этомъ особомъ ученіи объ объектѣ обязанности и связанномъ съ нимъ разрывѣ единого объекта правоотношенія ²⁾ и

¹⁾ Ограничимся еще здѣсь указаніемъ, что то же игнорированіе социального субстрата и связанная съ этимъ послѣдствія въ смыслѣ, изложенномъ въ текстѣ, сказывается также въ ученіяхъ г. П. о юридическихъ фактахъ и объ источникахъ права. Срв. Теорію права, стр. 339, 343, 452 и слѣд. и § 39 (особенно стр. 513 и 526).

²⁾ Подъ объектомъ права г. П. понимаетъ представленіе эффектовъ дѣйствій правообязаннаго.

сказывается особенно ярко послѣдній результатъ психологическаго построенія нашего автора, а именно уничтоженіе единства самаго правоотношенія. Дѣйствительно, разъ переживанія право-обязанности и правомочія существуютъ отдѣльно въ двухъ индивидахъ, то ихъ нельзя соединить указаніемъ на внѣшній общій объектъ, потому что эти переживанія сами по себѣ все-таки остаются различными по своему характеру и по своей цѣли. Параллельныя ученія объ объектѣ обязанности и объектѣ права являются, слѣдовательно, только логическимъ продолженіемъ основной мысли г. Петражицкаго, въ результатѣ которой обнаруживается, что въ концѣ концовъ необходимо вновь отыскать утраченное единство правоотношенія. Но это единство удастся возстановить лишь помощью новаго отношенія, мыслимаго между обоими контрагентами, съ одной стороны, и чѣмъ-то третьимъ, объединяющимъ ихъ,—съ другой. А это опять-таки возможно только въ томъ случаѣ, если допустить мысль о раздвоеніи нашего сознанія и выдѣленіи изъ него нѣкотораго авторитативнаго элемента, имѣющаго не узко индивидуальное, но общее значеніе, а потому *одинаковаго по содержанию* у обоихъ контрагентовъ. Для обоснованія такой постановки вопроса и необходимо признаніе принципа синтеза, который для г. Петражицкаго однако не существуетъ.

V.

Нашему разбору подлежитъ еще теперь проблема публично-правовыхъ отношеній, поскольку она затронута у разбираемаго автора и поскольку предлагаемое имъ рѣшеніе находится въ связи съ руководящими мыслями всей его теоріи. Тутъ намъ прежде всего придется обратить вниманіе на то, что, не имѣя возможности различать въ нашемъ сознаніи чисто субъективныя переживанія отъ объективныхъ и считая всѣ попытки, направленныя къ такому различенію и къ построенію на немъ нормативной теоріи права, проэекціонными фантазмами, г. Петражицкій послѣдовательно приходитъ и къ отрицанію дѣленія права на субъективное и объективное. То, что принято называть объективнымъ правомъ, является въ его глазахъ лишь плодомъ фантазій, потому что реальное право существуетъ только въ психикѣ субъекта, а не внѣ его, въ матеріальной или сверхчувственной

сферѣ. Если онъ однако при изложеніи своего ученія объ элементахъ права придерживается еще традиціоннаго дѣленія, то лишь для того, чтобы лучше выяснить его научную несостоятельность ¹⁾.

Въ предыдущемъ мы старались найти общее объясненіе этой точкѣ зрѣнія и раскрыть лежащее въ ея основѣ недоразумѣніе и связанныя съ ними послѣдствія для всей теоріи права и для отдѣльныхъ ея существенныхъ вопросовъ. Теперь намъ нужно нѣсколько подробнѣе остановиться на томъ обстоятельстве, что съ отрицаніемъ объективнаго права связано также отрицаніе того форума, которому должны быть подчинены субъективныя правовыя переживанія, для того чтобы право дѣйствительно могло стать регуляторомъ социальнoй жизни или, выражаясь словами г. Петражицкаго, мотивационнымъ элементомъ при созиданіи хозяйственныхъ отношеній.

Въ концѣ предыдущей главы, при разборѣ ученія объ объектѣ правоотношенія мы уже коснулись того, что при послѣдовательномъ проведеніи мыслей нашего автора, нельзя обойтись безъ нѣкоторой высшей инстанціи даже при конструированіи единичнаго конкретнаго правоотношенія, требующаго сведенія въ одно цѣлое переживанія правообязанности у одного субъекта съ переживаніемъ правомочія у другого. Тѣмъ болѣе необъяснимымъ должно оказаться при отрицаніи этого требованія сведеніе въ единое цѣлое правовыхъ переживаній въ группѣ индивидовъ, если руководствоваться исключительно субъективными состояніями индивидуальной психики: между тѣмъ на такомъ именно сведеніи зиждется то, что мы называемъ правопорядкомъ даннаго общества.

Г. Петражицкій думаетъ однако и здѣсь найти выходъ изъ затруднительнаго положенія. Такъ, онъ объясняетъ превращеніе правового переживанія собственности изъ явленія спорадическаго въ эпидемическое, «въ общесоціальное отношеніе къ чужимъ вещамъ и ихъ хозяевамъ»,—*унификаціонной тенденціей* права, «стремленіемъ къ достиженію тождества содержанія правовыхъ мнѣній противостоящихъ сторонъ» ²⁾.

Нѣтъ сомнѣній, что эта тенденція является въ смыслѣ г. Петра-

¹⁾ Срв. особенно въ „Теоріи права“, начало § 34.

²⁾ См. „Теорію права“, §§ 10—11.

жицкаго лишь безсознательнымъ приспособленіемъ нашихъ переживаній къ потребностямъ общественной жизни, такъ что этимъ объясненіемъ можно было бы довольствоваться лишь въ томъ случаѣ, если бы указанная тенденція не нуждалась для теоріи права еще въ особой «легитимациі». Что такая легитимациа однако нужна, подтверждаетъ самъ авторъ: во первыхъ, указаніемъ на спорадическія отступленія отъ эпидемическихъ правовыхъ переживаній, во-вторыхъ, протестомъ противъ того возможнаго изъ его положенія вывода, что унификаціонная тенденція осуществляется лишь тогда, когда она охватываетъ «всѣхъ людей въ мірѣ» (срв. выше по поводу мѣстоименія «всякій»). Смыслъ этихъ указаній явно заключается въ томъ, что для права приходится естественную тенденцію опредѣленныхъ переживаній къ унификаціи ихъ содержанія искусственно то расширять, то суживать. Такимъ образомъ, эта тенденція въ пониманіи г. Петражицкаго можетъ дать требуемое отъ нея объясненіе не потому, что она является свойствомъ нашихъ переживаній, а потому, что она есть требованіе правосознанія какъ переживанія нормативнаго, т.-е. не правовыя переживанія обусловливаютъ эту тенденцію, а обратно: опредѣленные переживанія становятся правовыми лишь благодаря этому свойству и предназначенію ихъ содержанія. Иными словами, унификаціонная задача права разрѣшается не массовымъ проявленіемъ въ психикѣ безчисленнаго множества индивидовъ одинаковыхъ содержаній нормативнаго характера, а всеобщимъ для индивидовъ «унификаціоннымъ» значеніемъ правовыхъ нормъ, хотя бы онѣ какъ индивидуальныя эмоціи никогда не переживались.

Правда, если мы будемъ изучать право какъ безразличное явленіе природы, то мы увидимъ, что оно есть не что иное, какъ множество тождественныхъ переживаній въ массѣ индивидовъ, выражающееся въ преобладаніи одинаковаго ритма и извѣстной гармоніи въ ихъ дѣйствіяхъ. Но если послѣдовательно и исключительно держаться этой точки зрѣнія, то мы въ концѣ-концовъ сведемъ правовыя переживанія къ такимъ основаннымъ на общихъ свойствахъ человѣческой природы всеобъемлющимъ схемамъ, подъ которыя подойдутъ самыя разнообразныя по качеству переживанія, такъ что отъ самаго права, какъ мы уже указывали выше, послѣ этого въ нашемъ познаніи ничего не осталось бы. Если однако существуетъ и историческое, и социаль-

ное изученіе права какъ такового, то это возможно лишь потому, что изслѣдователи имѣютъ всегда въ виду право какъ специфическую цѣнность. Задача же этого изученія заключается въ томъ, чтобы выяснитъ, что представляетъ изъ себя право и чѣмъ оно становится независимо отъ значенія, ему приписываемаго, и даже вопреки ему, — и какія новыя формы оно принимаетъ у индивида и въ обществѣ въ причинномъ сдѣяніи явленій. Отсюда слѣдуетъ, что нормативное изученіе такихъ явленій какъ право имѣетъ не только самостоятельное значеніе на ряду съ естественно-научнымъ, но что оно является условіемъ послѣдняго, потому что въ нихъ объектъ не просто данъ, но создается нами изъ динамическаго отношенія въ извѣстномъ уже намъ смыслѣ. И вотъ, на примѣрѣ съ унификаціонной тенденціей мы можемъ еще разъ убѣдиться, какъ при смѣшеніи натуралистической точки зрѣнія съ нормативной цѣль, которую себѣ ставитъ г. Петражицкаго, остается недостигнутой: объективная и всеобщая значимость права какъ соціальной нормы остается необъясненной, разъ она смѣшивается съ бытіемъ права.

Между тѣмъ, искомое объясненіе уже дано въ самомъ фактѣ осуществленія правовой идеи. Изъ всѣхъ раньше развитыхъ нами мыслей слѣдуетъ, что всякое нормативное переживаніе *implicite* заключаетъ въ себѣ мысль о подчиненіи чему-то стоящему надъ индивидомъ, хотя несомнѣнно живущему въ немъ, въ его психикѣ. Императивность, которой характеризуется всякое этическое (и вообще нормативное) переживаніе, психологически и заключается въ сознаніи этой подчиненности, которой методологически соотвѣтствуетъ то, что мы назвали подчиненіемъ внѣшняго воспріятія или преходящаго факта переживанія созидательной идеѣ. Это подчиненіе можно образно мыслить какъ отношеніе по линіи вертикальной, въ которой точки расположены однѣ надъ другими, при чемъ подъ угломъ зрѣнія конечнаго единства нашего сознанія верхнія точки (подчиняющее начало, которое мы выдѣляемъ изъ своихъ субъективныхъ переживаній) являются какъ бы прозекціей низшихъ, т.-е. преходящихъ переживаній съ ихъ окраской подчиненности.

Отсюда слѣдуетъ, что отношеніе, мыслимое по линіи вертикальной, входитъ въ составъ *всякаго* субъективнаго этическаго переживанія, потому что этимъ опредѣляется самое его существованіе, и что это отношеніе какъ цѣлое, выраженное въ томъ,

что мы называемъ нормой, является вообще объективнымъ подчиняющимъ началомъ, а воплощающее его конкретное проявленіе какъ бы третьимъ контрагентомъ, присоединяющимся къ двумъ естественнымъ, входящимъ въ составъ отношенія. Поэтому, и правовыя переживанія, которыя касаются отношеній стоящихъ другъ возлѣ друга субъектовъ — въ плоскости горизонтальной—въ силу своего императивнаго характера, заключаютъ въ себѣ *implicite* отношеніе мыслимое въ плоскости вертикальной, т.-е. подчиненіе обоимъ контрагентомъ чему-то стоящему надъ ними и опредѣляющему, какъ должна быть исполнена обязанность и какъ можетъ и должно быть осуществлено притязаніе: иными словами, ни одно правоотношеніе не мыслимо и не осуществимо безъ приводящаго отношенія въ плоскости вертикальной.

Эта чисто логическая предпосылка, какъ мы уже указали выше, имѣетъ психическую реальность въ сознаніи подчиненности всѣхъ общей нормѣ. Но это сознаніе само по себѣ есть также лишь формальный принципъ. Оно становится конкретнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осложняется благодаря тому, что приходитъ еще внѣшній, посторонній моментъ, какимъ въ интересующемъ насъ случаѣ является стоящая надъ индивидуомъ общественная группа. При этомъ въ общежитіи, устроенномъ по принципу права (въ правовомъ государствѣ), установленное нами приводящее отношеніе конструируется какъ правовое—по аналогіи съ отношеніями между двумя индивидами, стоящими другъ противъ друга въ плоскости горизонтальной. Такимъ образомъ отношеніе подчиненности превращается въ отношеніе *публично-правовое*, которое становится предпосылкой всякаго частно-правового отношенія. А объективное право и есть не что иное, какъ публично-правовое отношеніе между обществомъ и индивидуомъ.

Но если всѣ наши соображенія основаны на признаніи извѣстной психической реальности и опредѣленной логической необходимости, то нельзя при этомъ упускать еще изъ виду, что въ публично-правовыхъ отношеніяхъ мы имѣемъ предъ собой лишь особый случай конкретизаціи указанныхъ предпосылокъ, т.-е. не вездѣ, гдѣ имѣются эти предпосылки, существуютъ и публично правовыя отношенія. Поэтому, было бы недоразумѣніемъ искать для всевозможныхъ правовыхъ или конструируемыхъ по

аналогіи съ правомъ отношеній между индивидами соотвѣтственной молчаливой или *explicité* выступающей публично-правовой санкціи. Но поскольку мы желаемъ имѣть представленіе о роли современнаго государства съ правовой точки зрѣнія и уяснить себѣ значеніе оупутывающей его сѣти правовыхъ отношеній, мы должны прибѣгнуть къ той логической конструкціи вопроса, которая намѣчена нами. Поэтому мы съ публично-правовой точки зрѣнія, выражающей наличность господствующаго, подчиняющаго начала въ общежитіи, можемъ сказать, что какъ въ плоскости положеніе точки опредѣляется двумя скрещивающимися линіями, такъ и въ правопорядкѣ правовое мѣсто индивида и всего того, что съ нимъ связано, опредѣляется двумя скрещивающимися отношеніями: по линіямъ вертикальной и горизонтальной ¹⁾).

¹⁾ Сказанное относится также къ публично-правовому отношенію, взятому въ отдѣльности и рассматриваемому по аналогіи съ отношеніемъ по линіи горизонтальной. Разница только въ томъ, что тутъ подчиняющее начало не имѣетъ еще особой внѣшней конкретизаціи и представляется намъ, въ качествѣ объективной нормы, существующимъ только въ психикѣ представителя государства и противостоящаго ему подчиненнаго индивида. Тотъ фактъ, что оба переживанія—правообязанности и правоприязанія—должны здѣсь соединиться въ „одной груди“, въ сознаніи одной и той же личности, не можетъ смутить тѣхъ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія синтетическаго объясненія явленій человѣческаго сознанія. Но зато въ этой связи можетъ возникнуть другое сомнѣніе: если конкретно на индивидѣ и здѣсь лежитъ обязанность не только равнаго по отношенію къ равному, но и подчиненнаго по отношенію къ подчиняющему, то вѣдь этого нѣтъ въ обязанности государства, которое носить какъ бы автономный характеръ, потому что надъ нимъ нѣтъ высшаго судьи. Противостоящій государству субъектъ является поэтому не столько управомоченнымъ, сколько „дестинаторомъ“ обязанности государства, а эта обязанность въ свою очередь получаетъ свою санкцію изъ сферы не правовой, а нравственной. Такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ санкція и обязывающая сила публично-правовыхъ отношеній, а косвенно и отношеній частно-правовыхъ, лежитъ не въ самомъ правѣ, а внѣ его.—Намъ представляется однако такая постановка вопроса въ правовой теоріи государства неправильной. Дѣло въ томъ, что вопросъ о зависимости права отъ того, что вообще не есть право или отъ того, что еще не есть право возникаетъ только при уничтоженіи или измѣненіи стараго права или при созданіи новаго. Тамъ же, гдѣ государство подчиняетъ себя нормамъ, уже признаннымъ какъ *правовыя*, насъ съ точки зрѣнія правовой теоріи государства не интересуютъ вопросъ о томъ, почему оно признаетъ эти нормы правовыми, и когда вообще *умѣстна* правовая квалификація опредѣленныхъ отношеній и обязанностей; для насъ не имѣетъ значенія также и то обстоятельство, что надъ государствомъ нѣтъ высшей подчиняющей инстанціи, что оно само себя обязываетъ,—

Возвращаясь къ г. Петражицкому, мы можемъ теперь установить, что, отрицая объективное право, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сводитъ всѣ правоотношенія къ отношеніямъ въ плоскости горизонтальной. Поэтому онъ и не имѣетъ возможности понять публично-правовую сторону правовыхъ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ необъясненной юридическую природу разныхъ формъ общежитія,—главнымъ образомъ государства и его основного элемента—власти. Последнюю причину этого недостатка намъ придется опять-таки искать въ отрицаніи принципа синтетическаго мышленія, который единственно дѣлаетъ намъ доступнымъ методологическія предпосылки, на которыхъ основаны публично-правовыя построенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ возможнымъ пониманіе той психической реалности, въ которой они коренятся.

Но такъ какъ публично-правовой элементъ въ изложенномъ нами смыслѣ является логически неизбѣжнымъ для пониманія конкретнаго права, то и г. Петражицкому приходится невольно коснуться его: въ результатѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, получается теорія, не выясняющая существа изслѣдуемыхъ явленій и по своему характеру напоминающая теоріи стараго естественнаго права, какъ намъ приходилось мимоходомъ указывать уже въ предыдущемъ положеніи.

Г. Петражицкій разрѣшаетъ относящійся сюда вопросъ при разборѣ различныхъ видовъ правоотношеній. Такъ, онъ различаетъ на ряду съ правовыми переживаніями, укладывающимися въ схемы

потому что это самообязываніе есть формальный элементъ *всякой* нормы поведения. Намъ интересуется тогда только вопросъ о томъ, въ чемъ заключается обязывающая сила *уже признанныхъ правовыхъ нормъ*, потому что теорія всегда исходитъ изъ данности—дѣйствительной или воображаемой—своего объекта, не задавая себѣ вопроса о его происхожденіи. Искомую санкцію правовыхъ нормъ слѣдуетъ поэтому искать не въ чемъ иномъ, какъ *въ самомъ правѣ*: въ психическомъ фактѣ признація этихъ нормъ правовыми, а не иными,—въ томъ, что мы подходимъ къ заключающемуся въ нихъ содержанію съ правовымъ сознаніемъ. Поэтому и нельзя искать корень правовыхъ построеній въ томъ, что предшествуетъ праву—будь то формально этической принципъ самообязыванія, матеріальная этико-политическая норма или историческій фактъ. Нужно помнить, что право исходитъ всегда только изъ самого себя, что оно не вытекаетъ изъ чего-либо другого. Оно подходитъ какъ бы извнѣ къ явленіямъ, съ которыми оно не находится ни въ какой родственно-(генетической) связи: оно оплетаетъ ихъ своими построеніями, образуя новый, сложный, создаваемый человѣкомъ, *конкретный* правовой міръ.

facere-accipere и non facere—non pati (положительная и отрицательная стороны отношеній по линіи горизонтальной), еще такія, которыя подходят подъ третью схему—pati-facere;—но при этомъ онъ не отдаетъ себѣ отчета въ отличіи первыхъ двухъ формулъ отъ послѣдней ¹⁾. Между тѣмъ, разница намъ станетъ ясной, если мы обратимъ вниманіе въ этихъ схемахъ на положеніе субъекта facere, котораго назовемъ ихъ *активнымъ* членомъ.

Уже сама формулировка указываетъ, что въ первыхъ двухъ случаяхъ активный субъектъ переживаетъ «императивныя эмоціи», т.-е. чувствуетъ себя обязаннымъ совершать дѣйствія (или воздерживаться) *въ пользу другихъ*, а по третьей схемѣ—его переживанія носятъ характеръ чисто «атрибутивный», т.-е. онъ совершаетъ дѣйствія *въ свою* пользу. И вотъ, если схему pati-facere не мыслить какъ отношеніе по линіи вертикальной между индивидомъ и стоящей надъ нимъ общественной группой, если слить ее со схемами, мыслимыми по линіи горизонтальной, тогда пассивный членъ отношенія или субъектъ императивной эмоціи «терпѣнія» (pati) долженъ или совпасть въ одномъ лицѣ съ активнымъ субъектомъ,—или «всѣ люди въ мірѣ» должны быть признаны стоящими въ правовомъ отношеніи къ активнымъ субъектамъ. Если остановиться на первомъ изъ этихъ рѣшеній, тогда передъ нами будетъ автономная императивность нравственнаго характера, т.-е. субъектъ будетъ разрѣшать себѣ извѣстныя дѣйствія, хотя бы руководимый при этомъ нѣкоторой объективной нормой, но не заботясь о томъ, какъ къ этому отнесутся другіе сочлены общегитія. Если же мы согласимся со вторымъ рѣшеніемъ, тогда мы, очевидно, будемъ имѣть дѣло съ лозунгомъ стараго естественнаго права о вседѣющей и всеобъемлющей мистически-естественной силѣ права.

Но вѣдь этотъ послѣдній лозунгъ можно сохранить только въ томъ случаѣ, если признать, что вся полнота дѣйствительности, всѣ проявленія жизни объемлются правовой атмосферой, такъ что совѣмъ не существуетъ такихъ дѣйствій личности, которыя въ правовомъ смыслѣ безразличны для сочленовъ общегитія, т.-е. по поводу которыхъ эти послѣдніе не только должны что-либо дѣлать или не дѣлать, но и не должны испытывать

¹⁾ См. Теорію права..., преимущественно §§ 12—13.

бремени одного только «терпѣнія». Поэтому, если согласиться съ тѣмъ, что могутъ существовать рядомъ два явленія, которыя въ правовомъ смыслѣ не связаны, хотя бы уже потому, что они фактически даже посредственно не соприкасаются, то, очевидно, что правовой квалификаціи при ихъ возможномъ столкновеніи должно предшествовать возведеніе ихъ въ опредѣленное «правовое состояніе», признаніе ихъ релевантнымъ для опредѣленныхъ правоотношеній. Это возведеніе и должно совершиться по линіи, перпендикулярной линіи отношеній стоящихъ другъ возлѣ друга контрагентовъ, и тогда мы будемъ имѣть передъ собой результатъ подчиняющей функціи привходящаго отношенія, мыслимаго по линіи вертикальной. Только при этомъ условіи въ схемѣ г. Петражицкаго всякому «*facere*» въ правовомъ смыслѣ будетъ соответствовать правовое же «*pati*». Въ противномъ случаѣ не будетъ границы правовому дѣйствію опредѣленныхъ отношеній, и всякій запретъ будетъ направленъ также по адресу «готтентотовъ и прочихъ людей».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что особый характеръ постановки вопроса у г. Петражицкаго приводитъ лишь къ затемнѣнію смысла публично-правовыхъ отношеній. Тамъ, гдѣ ему приходится отдавать себѣ отчетъ о тѣхъ свойствахъ, которыя объяснимы только съ публично-правовой точки зрѣнія, онъ долженъ прибѣгать къ конструкціямъ, возсоздающимъ лишь старые «фантазмы». Такимъ образомъ, онъ, съ одной стороны, какъ мы уже указывали, относитъ политическія свободы (субъективныя публичныя права) къ разряду собственности на идеальныя блага, а, съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что въ правѣ собственности подразумевается не только обязанность воздержанія для несобственника отъ посягательства на чужую вещь, но и его *обязанность «терпѣть»* всякое воздѣйствіе на вещь со стороны собственника. Между тѣмъ, въ дѣйствительности то, что г. Петражицкій называетъ «терпѣніемъ» при объясненіи института собственности, есть элементъ публично-правовой, строго опредѣленный лишь въ томъ случаѣ, если мыслить его какъ результатъ отношенія по линіи вертикальной: тогда собственность окажется просто явленіемъ «*терпимымъ*» въ данномъ общежитіи. Тогда не всѣ готтентоты станутъ въ особое положеніе къ покупателю булавки, а лишь тѣ, которые вмѣстѣ съ этимъ покупателемъ подчинены данному общежитію, «терпящему» обладаніе булавкой у субъекта А и «не-

терпящему» всякое нарушеніе этого права со стороны субъекта В, если онъ также подчиненъ его правовому вліянію.

Если мы до сихъ поръ говорили о затемнѣніи смысла публично-правового элемента у разбираемаго автора, то мы должны въ заключеніе еще указать на болѣе опасныя послѣдствія его точки зрѣнія въ вопросѣ о правовомъ характерѣ власти, которая имъ опредѣляется какъ переживаніе правомочія къ властвованію. Вдумываясь въ это опредѣленіе, мы должны будемъ сказать, что, если г. Петражицкій сливаетъ вертикальную и горизонтальную линіи отношеній въ одну и отождествляетъ всеобщую значимость правовыхъ нормъ съ ихъ переживаніемъ въ психикѣ многочисленныхъ индивидовъ, то онъ принужденъ искать источника возведенія фактическихъ отношеній властвованія въ правовыя у того же самаго субъекта, въ рукахъ котораго находится власть;—но въдь при такихъ условіяхъ теряется критерій для различенія фактическаго держанія власти отъ властвованія въ правовомъ смыслѣ. Дѣйствительно, онъ принужденъ для выясненія публично-правового существа власти ввести въ свое опредѣленіе цѣлевой гедонистическій элементъ и такимъ образомъ различать «служебную» или «соціальную» власть, для которой цѣлью является общее благо, и власть «господскую», для которой цѣль—личное благо ¹⁾. Лишь такимъ способомъ ему удастся спасти свое ученіе отъ пороковъ теоріи силы и теоріи воли держащаго власть, которыя онъ самъ подвергаетъ основательной критикѣ и которыя также основаны на одностороннемъ натуралистическомъ изученіи явленій нормативнаго характера.

¹⁾ Нужно еще отмѣтить, что выдѣленіе особой „господской“ власти врядъ ли можетъ способствовать выясненію отношеній подчиненности. Дѣло въ томъ, что подчиненіе объекта, подходящее подъ „господскую“ власть г. П., можетъ быть или исключющее его содѣйствіе, или предполагающее его. Въ первомъ случаѣ объектъ, очевидно, будетъ „мертвый“, и категорія власти, какъ это самъ г. П. доказываетъ, къ нему непримѣнима: мы будемъ, слѣдовательно, имѣть передъ собою отношеніе собственности. Во второмъ же случаѣ въ основу должно быть положено согласіе подчиненнаго (его „содѣйствіе“), и отношеніе образуется болѣе слабое, чѣмъ при „служебной“ власти, и его право будетъ по существу правомъ дисциплинарнымъ. Между обоими случаями разница, слѣдовательно, громадная, а по классификаціи г. П. они подходятъ подъ одну рубрику. Поэтому у него укладываются въ однѣ рамки и отношеніе работовладѣльца къ рабу, и отношеніе хозяина къ приказчику, хотя бы, напр., общаго собранія акціонеровъ къ правленію акціонерной компаніи.

Но мало того: изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что, сохраняя правовыя отношенія лишь по линіи горизонтальной и считая необходимымъ для объясненія «соціальной» власти введеніе гедонистическаго элемента въ формально-правовую конструкцію, г. Петражицкій приближается еще съ одной стороны къ ученіямъ стараго естественнаго права, а именно: къ соціально-философскому атомизму и связанному съ нимъ договорному началу. Что это не одно только предположеніе, что это опредѣленно сказывается въ разсужденіяхъ автора, можно убѣдиться, когда онъ говоритъ объ «іерархически высшей власти» (т.-е. государственной), какъ объ обязанной къ заботѣ объ общемъ благѣ *по отношенію къ подвластнымъ* ¹⁾.

Это смѣшеніе публично-правовой точки зрѣнія съ частно-правовой, которое здѣсь сказывается, опять-таки препятствуетъ г. Петражицкому въ достиженіи той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ отмежевать правособственности, какъ отношеніе мыслимое по линіи горизонтальной, отъ права властвованія, какъ отношенія мыслимаго по линіи вертикальной. Что эта цѣль, несмотря на всѣ его увѣренія, не можетъ быть имъ достигнута, показываетъ уже то общее положеніе, изъ котораго онъ при этомъ исходитъ, а именно раздѣленіе соціальныхъ функцій права на распредѣлительныя и организаціонныя. Классификація эта не соотвѣтствуетъ, однако, существу права, потому что она ставитъ въ одномъ ряду съ организаціонной функціей распредѣлительную, которая подчинена первой. Въ дѣйствительности право исполняетъ одну только функцію—организаціи, а не распредѣленія. Право *только* организуетъ, хотя поэтому оно и распредѣляетъ матеріальныя блага.

Если мы окинемъ теперь общимъ взоромъ все изложенное на предыдущихъ страницахъ, то мы сумѣемъ сказать, что наиболѣе

¹⁾ Необходимо замѣтить, что такая обязанность государства, конечно, существуетъ, но это не правовая, а политическая обязанность. Правовыми же можно считать лишь тѣ обязанности государства, которыя предусмотрены матеріальными нормами. Впрочемъ, у г. П. неизвѣстно, съ какой точки зрѣнія онъ желаетъ разсматривать сложный феноменъ государства. Въ заглавіи своей книги онъ говоритъ просто о „теоріи государства“, но это означаетъ приблизительно столько же, сколько, напр., „теорія человѣка“, если не подразумѣвать подъ „теоріей“ философскаго построенія, обнимающаго все „реальное“.

характерной чертой въ ходѣ мысли г. Петражицкаго является стремленіе изгнать изъ философско-правовыхъ ученій всякія сложныя построенія, которыя кажутся ему то неумѣстными въ наукѣ «фантазмами», то отраженіемъ благихъ пожеланій, для которыхъ «теорія» не можетъ служить убѣжищемъ.

Но мы видѣли, особенно при разборѣ послѣдняго изъ затронутыхъ вопросовъ, что сложная конструкція въ философской теоріи права необходима, а если г. Петражицкій ея избѣгаетъ, то она все-таки пробиваетъ себѣ дорогу и у него—и притомъ въ направленіи наименѣе желательномъ нашему автору. Такимъ образомъ сознательныя предпосылки переплетаются у г. Петражицкаго съ бессознательными, объективно признанныя основоположенія съ субъективной предрасположенностью въ пользу извѣстныхъ построеній. Такіе субъективные моменты всегда неизбѣжны, и въ извѣстныхъ предѣлахъ съ ними нечего особенно считаться. Но иногда они кладутъ яркую печать на цѣлую теорію, и тогда они требуютъ особаго разсмотрѣнія. Намъ представляется, что въ ученіи г. Петражицкаго мы имѣемъ передъ собою примѣръ подобнаго рода.

Для г. Петражицкаго конструкціи излишни, потому что въ его глазахъ право есть нѣчто «реально» данное. Дѣйствительно, юристъ не созидаетъ, онъ только беретъ то, что жизнь ему преподноситъ, и какъ послушный легистъ укладываетъ разнообразныя отношенія въ приготовленныя для нихъ рамки. Но для легиста, который знаетъ надъ собой одинъ только законъ, велѣнія деспота жизни, право какъ нѣчто самостоятельное, себѣ довлѣющее, совсѣмъ не существуетъ, потому что по мановенію своего повелителя онъ готовъ его видѣть повсюду. Права нѣтъ—право существуетъ, и оно вездѣсуще: вотъ альтернатива, которая открывается передъ тѣмъ, кто беретъ право какъ нѣчто данное и не видитъ, что въ каждомъ правовомъ переживаніи заключается актъ творчества, актъ созиданія чего-то новаго, чего въ «природѣ» нѣтъ. Для юриста, однако, вѣрующаго въ свое призваніе, въ свою жизненную задачу, пріемлемо, конечно, лишь второе изъ этихъ двухъ положеній, навязывающихся уму съ одинаковой логической принудительностью. Его «профессія», такимъ образомъ, опредѣляетъ его теорію.

Но профессиональный духъ умерщвляетъ духъ живой; онъ—та вражеская сила, въ борьбѣ съ которой г. Петражицкій ломаетъ не-

мало копій. Однако, этотъ злой духъ оказался хитрѣе своего противника: онъ и его захватилъ и запуталъ въ свои заманчивыя сѣти. Та свѣжесть, которой вѣетъ отъ смѣлыхъ построений г. Петражицкаго, не дѣло новаго, свободного отъ предразсудковъ своей «профессіи» человѣка. Это тотъ же старый демонъ, только безъ земныхъ примѣсей дѣйствительной жизни, срывающей всякую логику права. Это цѣломудріе «профессіонализма», которое не знаетъ компромиссовъ и видитъ въ себѣ очистительную силу, чтобы еще больше овладѣть жизнью.

Конструкція, которую предлагаетъ г. Петражицкій, это построеніе юриста, который повсюду видитъ логику права. Гдѣ только существуетъ психическое взаимоотношеніе или даже просто психическая реакція на виѣшнее явленіе, тамъ для него существуетъ и правоотношеніе; поэтому онъ и говоритъ о правоотношеніяхъ между людьми и животными, между животными по отношенію другъ къ другу и даже между людьми и вещами. Такое построеніе чуждо жизни, которую оно какъ бы вытѣсняетъ, становясь на освободившееся мѣсто. Но если во власти надъ жизнью, въ стремленіи завладѣть ею заключается задача права, то теорія не можетъ просто устранить одного изъ борющихся противниковъ, какъ это въ сущности дѣлаетъ г. Петражицкій, не считаясь съ матеріальнымъ субстратомъ тѣхъ переживаній, которыя онъ называетъ правовыми: этимъ его теорія сама себя убиваетъ. Правда, необходимо провести рѣзкую границу между борющимися сторонами, нужно всегда сознавать глубокую пропасть, раздѣляющую ихъ, но въ теоретическое построеніе должны войти оба враждующихъ элемента, чтобы отразить ихъ борьбу, чтобы выяснитъ существо конкретнаго права какъ чего-то никогда не готоваго, вѣчно лишь стремящагося къ побѣдѣ. Теорія г. Петражицкаго не отражаетъ этой дѣйствительности, потому что она дѣло юриста, который беретъ право какъ нѣчто готовое, данное, а не какъ нѣчто нами созидаемое: какъ юристъ, онъ и вращается все время въ заколдованномъ кругу, изъ котораго онъ не можетъ вырваться, несмотря на то, что всѣ его усилія направлены именно къ этой цѣли.

Мы сказали, что предназначеніе права—въ борьбѣ съ жизнью: этимъ самымъ мы признали также, что оно по существу формалистично, потому что содержаніе дается *только* жизнью. Поэтому законъ права, какъ орудія борьбы съ ирраціональностью

жизни, тождественъ съ закономъ человѣческаго разсудка, съ формальной логикой. Но логика существуетъ только въ нашемъ сознаниі: сферу права нужно, слѣдовательно, искать въ нашей психикѣ. Напомнивъ, что право явленіе психическое, и будучи при этомъ всецѣло проникнуть правовой логикой, г. Петражицкій своей теоріей косвенно какъ бы возстановилъ престижъ правового формализма.

Но, вѣрно опредѣливъ сферу нахождения права и оставаясь при этомъ во власти его формалистическихъ тенденцій, онъ не сумѣлъ выполнить дальнѣйшей своей задачи по той причинѣ, что онъ юристъ *кат'егоріу*, который не знаетъ творческаго синтеза, для котораго все исчерпывается анализомъ даннаго. Его лозунгъ психологическаго изученія права не привелъ его къ плодотворнымъ результатамъ, потому что онъ не сумѣлъ отдѣлить въ нашей психикѣ данное отъ создаваемаго и противопоставить одно другому въ нашемъ сознаниі, понимаемомъ какъ синтетическое единство. О принципъ синтеза, какъ мы видѣли на всемъ протяженіи нашего изложенія, и разбиваются его философско-правовыя построенія.

Венедиктъ Гинцбергъ.

Патологическое резонерство.

I.

Среди патологических личностей, у которых можно говорить о прирожденных особенностях нервно-психической организации, выдѣляется своеобразная группа индивидуумовъ, представляющихъ характерныя отличительныя черты, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ аномаліи въ мыслительномъ аппаратѣ и тѣ или иные изъѣяны въ высшихъ моральныхъ чувствованіяхъ. Я имѣю въ виду сейчасъ субъектовъ, относящихся къ категоріи патологическихъ резонеровъ. Такъ какъ не существуетъ въ этой сферѣ рѣзкихъ и опредѣленныхъ границъ между тѣмъ, что принято называть нормою, и тѣмъ, что относится къ категоріи патологическихъ проявленій, то мнѣ и приходится дать сначала описаніе суммарной картины, гдѣ болѣзненные признаки обнаруживаются замѣтнѣе, но гдѣ нѣтъ еще того, что можно бы назвать психозомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Когда вы имѣете дѣло съ лицами данной категоріи, т. е. съ индивидуумами, у которыхъ наблюдается патологическое резонерство, то прежде вы замѣчаете, что здѣсь существуетъ одностороннее и не совсѣмъ правильное мышленіе; вамъ бросается въ глаза, что эти индивидуумы любятъ обо всемъ «судить и рядить». Они могутъ смѣло и самоувѣренно разсуждать о предметахъ, мало доступныхъ ихъ пониманію и умственному развитію и даже плохо имъ знакомыхъ; но это послѣднее обстоятельство ихъ не смущаетъ нисколько. Нерѣдко бываетъ такъ, что о многомъ они думаютъ не такъ, какъ большинство обыкновенныхъ людей и это касается самыхъ простыхъ и несложныхъ сужденій по поводу того, что считается непреложнымъ и не подлежащимъ сомнѣнію. При обсужденіи какого-либо вопроса резонеръ стано-

вится на особую точку зрѣнія, и его мнѣніе можетъ показаться даже съ перваго взгляда оригинальнымъ; но при этомъ легко убѣдиться въ томъ, что за этою оригинальностью мысли, за этою своеобразностью взглядовъ скрывается существенный недостатокъ въ мыслительномъ аппаратѣ, логическій изъянъ, неспособность широко взглянуть на интересующій вопросъ, неспособность стать на точку зрѣнія другого и усвоить и понять такъ, какъ нужно, то, что высказываютъ другіе. Въ разговорѣ съ лицами, наклонными къ патологическому резонерству, вы нерѣдко поражаетесь тѣмъ, какъ нелегко, какъ трудно разъяснить имъ самый простой вопросъ, если онъ не усвоенъ ими раньше почему-либо въ такой формѣ, какъ онъ рѣшается большинствомъ обыкновенныхъ людей. И въ этихъ случаяхъ вовсе нельзя иной разъ говорить о слабости интеллекта; тутъ на первомъ мѣстѣ надо поставить односторонность мышления. Посмотрѣвъ на дѣло съ односторонней точки зрѣнія, резонеръ начинаетъ нерѣдко развивать свою мысль, свое положеніе въ данномъ направленіи; если онъ обладаетъ начитанностью, если онъ не лишенъ образованія, онъ обнаруживаетъ способность не безъ ловкости и не безъ искусства возражать своему собесѣднику; онъ представляетъ доводы и доказательства иной разъ въ такой формѣ, что способенъ поставить въ затрудненіе своего собесѣдника. И въ жизни бываетъ нерѣдко такъ, что образованный резонеръ дѣлаетъ, съ внѣшней стороны, впечатлѣніе человѣка, одареннаго высокимъ интеллектомъ; на самомъ же дѣлѣ, при внимательномъ наблюденіи и анализѣ его логическихъ построеній, сужденій и доказательствъ, онъ оказывается субъектомъ иной разъ съ крайне односторонними и узкими взглядами по отношенію къ отдѣльнымъ фактамъ и явленіямъ. Начиная искусно развивать все дальше и дальше свою неправильную мысль, резонеръ можетъ ловко пользоваться своими знаніями, своимъ житейскимъ опытомъ для того, чтобы показать, что онъ правъ въ своихъ сужденіяхъ и что ошибается его собесѣдникъ. Однако, обращая вниманіе на ходъ мыслей, на ихъ логическое сочетаніе, вы замѣтите, что при патологическомъ резонерствѣ, субъектъ пользуется, вмѣсто логическихъ выводовъ, самъ того не сознавая и не понимая, тѣмъ, что можно бы назвать софизмами невысокаго качества. Такой индивидуумъ не въ состояніи обсудить интересующій вопросъ во всей его цѣлости, полности, сложности и со всѣхъ то-

чекъ зрѣнія; онъ не можетъ, а не только не хочетъ, поступить иначе; и тутъ мѣшаетъ ему, безъ сомнѣнія, прирожденная ему односторонность мышленія. Стоитъ только человѣку съ патологическимъ разстройствомъ стать на какую-либо опредѣленную, часто неправильную точку зрѣнія, и возникающая въ его сознаниі мысль лишаетъ его способности воспроизводить въ своемъ сознаниі иныя точки зрѣнія, другіе взгляды; и это сказывается, между прочимъ, въ томъ, что сужденія резонеровъ, о которыхъ идетъ сейчасъ рѣчь, отличаются большою субъективностью; элементъ же объективности становится для такого индивидуума почти невозможнымъ въ этихъ случаяхъ; взгляды его, производя иной разъ впечатлѣніе вѣдшей оригинальности, останутся, въ сущности, поверхностными и неглубокими.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ патологическаго резонерства внимательное изученіе даннаго субъекта даетъ возможность замѣтить, что иной разъ онъ высказываетъ неправильныя убѣжденія и невѣрные взгляды, слагающіеся какъ бы самостоятельно, спонтанно, безъ соотвѣтствія съ получаемыми впечатлѣніями и съ извѣстными фактами, даже какъ бы въ противорѣчій съ тѣми и другими. Но въ этихъ случаяхъ нужно говорить не только о томъ, что резонеръ въ своихъ разсужденіяхъ обнаруживаетъ взглядъ, указывающій на односторонность мышленія, тутъ уже идетъ рѣчь объ идеяхъ и представленіяхъ, зарождающихся какъ бы спонтанно, являющихся даже странными и неожиданными. Здѣсь уже не одна «кривая логика»; тутъ надо говорить о наклонности къ формированію ложныхъ и патологическихъ идей и представленій.

При патологическомъ резонерствѣ наблюдается нерѣдко неспособность легко усваивать и быстро схватывать мысли, высказываемыя другими; эта же особенность психическаго склада препятствуетъ такому субъекту пользоваться матеріаломъ, извлекаемымъ каждымъ изъ насъ изъ чтенія книгъ, во всей его полнотѣ, во всемъ объемѣ, такъ какъ резонеръ воспринимаетъ прочитанное также односторонне, по-своему, останавливая свое вниманіе часто на мелочахъ и теряя изъ виду общее, обращая вниманіе не на то, что интересно для обыкновеннаго читателя.

Здѣсь мы дали пока краткую характеристику чисто интеллектуальныхъ особенностей патологическаго резонерства; но вмѣстѣ съ ними существуютъ другія черты, выраженный въ той или

иной степени, сопровождающія обильно эти основныя особенности. При патологическомъ резонерствѣ наблюдается цѣлая совокупность своеобразныхъ психическихъ проявленій, и это позволяетъ мнѣ говорить о резонирующемъ характерѣ, гдѣ эти особенности находятся въ органическомъ сочетаніи между собою. Напримѣръ, нужно замѣтить, что самый процессъ душевной дѣятельности въ этихъ случаяхъ носитъ на себѣ слѣды нѣсколько возбужденнаго состоянія; это выражается, между прочимъ, въ томъ, что резонеры больше говорятъ, чѣмъ слушаютъ; они любятъ вмѣшиваться въ разговоръ; большею частью, они общительны, и одиночество ихъ тяготитъ; у нихъ сильно развито желаніе имѣть собесѣдника, но онъ нуженъ имъ обыкновенно не для того, чтобы выслушать его мнѣніе и взглядъ, а для того, чтобы было съ кѣмъ поговорить, кому изложить свои мысли и свои разсужденія. Субъектъ, о которомъ идетъ сейчасъ рѣчь, начиная длинный разговоръ о чемъ-нибудь, иной разъ игнорируетъ то обстоятельство, умѣстны ли пространныя разсужденія и разглагольствованія; онъ какъ будто не понимаетъ того, что они могутъ быть излишни и вовсе неинтересны для другихъ. При патологическомъ резонерствѣ проявляется излишнее стремленіе поговорить, и часто разсужденія такого индивидуума длинны и растянуты, при чемъ онъ часто не замѣчаетъ того, что они не занимаютъ вовсе его собесѣдника. Понятно, что особенно тягостны и неудобны разсужденія лицъ, страдающихъ патологическимъ резонерствомъ, для людей занятыхъ, куда-нибудь спѣшащихъ; и этимъ послѣднимъ приходится, конечно, иной разъ избѣгать встрѣчи съ резонерами и уклоняться такъ или иначе отъ разговора съ ними.

У нѣкоторыхъ индивидуумовъ съ патологическимъ резонерствомъ существуетъ рѣзко выраженное стремленіе выяснять свою точку зрѣнія при всякомъ случаѣ, какъ удобномъ, такъ и неудобномъ; тутъ часто въ разговорѣ они выставляютъ на первый планъ свою личность, свое «я», и это сказывается въ томъ, что такой субъектъ охотнѣе рассказываетъ о себѣ, о своихъ поступкахъ; все то, что не связано съ его личностью, нерѣдко мало интересуется его или вовсе не интересуется.

Вмѣстѣ съ отмѣченными выше чертами характера, въ случаяхъ патологическаго резонерства, нерѣдко, если не всегда, можно констатировать существованіе повышенной эгоистичности,

излишняго самолюбія, чрезмѣрно развитога чувства собственнаго достоинства; къ этимъ качествамъ присоединяются еще и другія, но того же рода; именно, тутъ вы встрѣчаетесь съ мелкою обидчивостью, иногда съ непріятной заносчивостью. Тамъ, гдѣ патологическое резонерство достигаетъ извѣстной интенсивности, эгоистическія проявленія могутъ обозначаться еще рѣзче, и тутъ получается впечатлѣніе замѣтнаго изъяна моральныхъ чувствованій въ той или иной степени.

Выше было укаzano мною на то, что самый психическій процессъ совершается при патологическомъ резонерствѣ въ нѣсколько ускоренномъ темпѣ; къ этому надо добавить, что индивидуумы данной категоріи отличаются въ общемъ подвижностью, иной разъ они кажутся даже суетливыми, т.-е. у нихъ наблюдается излишняя и нѣсколько беспорядочная подвижность. Они производятъ впечатлѣніе людей дѣятельныхъ, живыхъ, не лѣнивыхъ, даже энергичныхъ, и при этомъ они проявляютъ во многихъ случаяхъ малую утомляемость, мало нуждаются въ отдыхѣ, обнаруживая вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе значительную настойчивость. Они могутъ разбрасываться въ своихъ дѣлахъ, но за эти послѣднія они принимаются обыкновенно съ увѣренностью, безъ колебаній и смущеній; ихъ иной разъ можетъ не останавливать ни незнаніе дѣла, ни незнакомство съ тѣмъ вопросомъ, который ихъ занимаетъ.

Будучи излишне самоувѣренными, лица съ патологическимъ резонерствомъ обнаруживаютъ часто нежелательную рѣшительность и прямолинейность въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ; у нихъ рѣдко бываютъ колебанія и сомнѣнія; наоборотъ въ этихъ случаяхъ можно говорить скорѣе о томъ, что субъектъ преувеличиваетъ свои силы, свои способности и знанія, не умѣя критически относиться къ своей особѣ, стараясь выдвигать, гдѣ можно, ее на первый планъ, подчеркивая свое превосходство въ нѣкоторыхъ, если не во многихъ, отношеніяхъ надъ другими людьми.

Итакъ, изъ того, что дано мною для характеристики патологическаго резонера, ясно выступаетъ картина прирожденныхъ особенностей этого характера; здѣсь слѣдуетъ подчеркнуть одностороннее мышленіе, «кривую логику», повышенное чувство собственного достоинства, излишнюю эгоистичность, патологическое стремленіе выдвигать въ разговорѣ и въ отношеніяхъ къ

окружающимъ свою личность, отсутствіе умѣнья сколько-нибудь критически относиться къ себѣ, болѣзненная увѣренность въ безошибочности своихъ разсужденій. И понятно само собою, что такое сочетаніе, такая совокупность особенностей характера ведетъ къ тому, что многіе индивидуумы съ патологическимъ резонерствомъ оказываются не вполне уживчивыми и пріятными для окружающихъ. Благодаря своему характеру, лица данной категоріи иной разъ отталкиваютъ отъ себя многихъ изъ окружающихъ, которые остерегаются имѣть съ ними какое-либо общее дѣло. Они нерѣдко заводятъ ссоры, сердятся, когда имъ противорѣчатъ. И это станетъ намъ еще тѣмъ понятнѣе, что многіе изъ этихъ субъектовъ бываютъ впечатлительны, и это сказывается рѣзче всего тамъ, гдѣ задѣвается такъ или иначе ихъ личность. Наблюденіе показываетъ, что они могутъ придти иной разъ очень легко и часто въ большой гнѣвъ, когда они не владѣютъ собою, когда изъяны въ ихъ логическомъ аппаратѣ бросаются въ глаза еще больше. Любопытно при этомъ, что повышенное самолюбіе и болѣзненно развитое чувство собственного достоинства мѣшаютъ имъ въ этихъ случаяхъ сознаться въ своей ошибкѣ, понять, что другой былъ напрасно ими обиженъ или даже оскорбленъ; чувство раскаянія или простого сожалѣнія по поводу этого при патологическомъ резонерствѣ проявляется слабо или вовсе иной разъ отсутствуетъ.

Отличаясь подвижностью или даже суетливостью, индивидуумы съ патологическимъ резонерствомъ вмѣстѣ съ тѣмъ иной разъ обладаютъ способностью недурно говорить, складно выражать свои мысли, придавать имъ образную форму; однако, у многихъ изъ нихъ наблюдается желаніе высказываться и спорить не только по поводу сколько-нибудь серьезныхъ вопросовъ, предметовъ и дѣлъ, но они не прочь вести даже горячій споръ по поводу какого-либо пустяка; какъ тамъ, такъ и здѣсь они могутъ съ одинаковой энергіей выражать свое мнѣніе и развивать свои взгляды; при этомъ бросается въ глаза, что субъектъ какъ будто не отличаетъ важнаго отъ ничтожнаго, не разбираясь, что имѣетъ большее значеніе и о чемъ вовсе не стоило бы говорить. Когда вамъ приходится доказывать что-нибудь такому субъекту, то вы обычно замѣчаете, что убѣдить его далеко не легкое дѣло, что это даже иногда вовсе невозможно, хотя бы для всѣхъ дѣло рѣшалось просто и ясно. И въ защитѣ сво-

ихъ взглядовъ, явно ошибочныхъ, такой индивидуумъ обнаруживаетъ нерѣдко патологическое упрямство, проявляющееся въ смѣшной формѣ.

Что касается особенностей поведенія лицъ съ патологическимъ резонерствомъ, то здѣсь надо отмѣтить, что они часто бываютъ излишне придирчивы къ окружающимъ; временами у нѣкоторыхъ изъ нихъ наблюдается какое-то болѣзненное стремленіе прицѣпиться къ кому-нибудь по какому-либо предлогу; и при этомъ, ихъ дурное самочувствіе можетъ рѣзко отражаться на тѣхъ, кому приходится имѣть съ ними дѣло и кто ихъ окружаетъ. Они любятъ критиковать дѣйствія и поступки другихъ; тутъ они даже обнаруживаютъ излишнюю строгость, предъявляя какъ бы высокія моральныя требованія тѣмъ, кого они критикуютъ; наоборотъ, къ себѣ, къ собственнымъ поступкамъ и дѣйствіямъ они относятся легко, снисходительно; — въ этомъ отношеніи они не проявляютъ ни строгости, ни критики, даже элементарной. И это полезное душевное качество, т.-е., нѣкоторое критическое отношеніе къ самому себѣ, къ своимъ дѣйствіямъ, у нихъ оказывается или слабо развитымъ, или почти иной разъ отсутствуетъ.

Понятно само собою, что чувство собственнаго достоинства, повышенное мнѣніе о себѣ, забота о своемъ «я», при отсутствіи критическаго отношенія къ самому себѣ, ведутъ къ тому, что такой индивидуумъ становится, естественно, не только обидчивымъ, но и подозрительнымъ; онъ проявляетъ излишнюю заботливость о своемъ «я», онъ болѣе оберегаетъ его, чѣмъ это требуется окружающими обстоятельствами. Иной разъ, при патологическомъ резонерствѣ, весьма легко возникаютъ у субъекта идеи о томъ, что другіе относятся къ нему не совсѣмъ справедливо, не высказываютъ должнаго уваженія, не цѣнятъ его, не замѣчаютъ того, что онъ выше и умнѣе многихъ по своимъ дарованіямъ и способностямъ. Даже больше, такому индивидууму думается иногда, что нѣкоторые изъ окружающихъ хотятъ его унижить, сдѣлать ему какую-нибудь неприятность, причинить оскорбленіе. Наблюденіе надъ нѣкоторыми патологическими личностями въ повседневной жизни показываетъ, что нерѣдко встрѣчаются лица очень обидчивыя изъ-за пустяковъ, по ничтожному поводу или даже безъ него; при патологическомъ резонерствѣ эта черта характера встрѣчается значительно чаще,

чѣмъ при другихъ нервно-психическихъ организаціяхъ; чело-вѣкъ, принадлежащій къ данной категоріи патологическихъ личностей, можетъ обидѣться на васъ тогда, когда вы не знаете объ этомъ, не догадываетесь даже объ этомъ, не подозреваете этого, когда нѣтъ съ вашей стороны никакой вины и никакого даже повода. Эта патологическая черта, выражающаяся въ неправильномъ, ошибочномъ и одностороннемъ толкованіи и объясненіи словъ, поступковъ и дѣйствій со стороны окружающихъ придаетъ всему характеру данного субъекта элементъ, носящій въ психіатріи названіе «параноиднаго», при этомъ индивидууму думается, что другіе хотятъ причинить ему непріятность, подставить ножку, завидуютъ ему, даже готовы сдѣлать что-нибудь вредное.

Многія изъ лицъ, у которыхъ можно говорить о патологическомъ резонерствѣ, слывуть въ обществѣ за лицъ съ тяжелымъ характеромъ; и это вполне вѣрно и справедливо; они не легки для окружающихъ, особенно для домашнихъ и близкихъ, для тѣхъ, кому приходится имѣть съ ними постоянно или часто дѣло; тутъ они обнаруживаютъ одностороннюю придиричивость; но вмѣстѣ съ тѣмъ они любятъ и жаловаться на то, что такой-то относится къ нимъ не достаточно хорошо, невнимательно; и часто эти жалобы, на самомъ дѣлѣ, являются необоснованными и лишенными даже иной разъ опредѣленнаго повода.

Любопытно, что индивидуумы съ патологическимъ резонерствомъ, критикуя ошибки своихъ близкихъ и окружающихъ и обращая вниманіе на ихъ промахи и проступки, часто мелкіе и не имѣющие значенія, забываютъ въ то же время какъ будто объ ихъ положительныхъ качествахъ, о томъ, что другіе сдѣлали для нихъ въ положительномъ смыслѣ; ихъ вниманіе легко останавливается на случайной несправедливости, проявленной по отношенію къ нимъ кѣмъ-либо изъ родныхъ или окружающихъ, при чемъ въ ихъ сознаніи не всплываютъ представленія о томъ положительномъ, о томъ добромъ и хорошемъ, что они получили и видѣли отъ другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они какъ будто забываютъ вовсе о тѣхъ огорченіяхъ, непріятностяхъ, которыя они сами доставляютъ другимъ.

Въ числѣ особенностей поведенія, манеры держаться въ обществѣ, наблюдаемыхъ при патологическомъ резонерствѣ, надо отмѣтить также и то, что многія лица этой категоріи любятъ

вмѣшиваться въ чужія дѣла; интересно, что у нихъ существуетъ болѣзненное стремленіе доказывать и выставлять не только свою собственную правоту, но оказывать услуги въ томъ же направленіи и другимъ; при чемъ и здѣсь они проявляютъ тѣ же свои качества, ту же аномалію въ мыслительномъ аппаратѣ, ту же односторонность. Иной разъ такой индивидуумъ дѣлаетъ много мелкихъ несправедливостей по отношенію къ окружающимъ, не замѣчая этого по своей моральной нечувствительности; но въ то же время онъ беретъ подъ свою защиту, подъ свое покровительство тѣхъ, кто, по его мнѣнію, считается несправедливо страдающимъ, угнетеннымъ; для этого необходимо, конечно, одно условіе, чтобы тотъ, кому оказывается такая услуга, на словахъ, по крайней мѣрѣ, выражалъ свое удивленіе, свое восхищеніе предъ своимъ временнымъ покровителемъ и часто непрощеннымъ защитникомъ. Индивидуумъ съ патологическимъ резонерствомъ не безъ удовольствія даетъ свои совѣты при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не понимая того, что они иногда не подходящи, наивны и вовсе не нужны, и словно не интересуясь тѣмъ, желаютъ ли пользоваться его совѣтами тѣ, къ кому они направлены.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ патологическаго резонерства субъектъ, излишне оберегающій свои моральные и матеріальные интересы, обращается для защиты послѣднихъ къ администраціи или въ судебныя инстанціи, и иной разъ онъ дѣлаетъ это изъ за такого пустяка, на который большинство людей не обращаетъ никакого вниманія и который обычно игнорируется даже. Наблюдая такихъ индивидуумовъ среди обычной житейской обстановки, вы поражаетесь тѣмъ обстоятельствомъ, что они нерѣдко любятъ говорить о несправедливомъ къ себѣ отношеніи и жаловаться на то, что другіе являются виноватыми предъ ними, обижаютъ ихъ, при этомъ они преувеличиваютъ отношеніе къ нимъ окружающихъ, придаютъ ему одностороннее толкованіе, переоцѣниваютъ одни факты и словно не замѣчаютъ другихъ, ихъ компенсирующихъ; но, считая себя обиженными, они вовсе и не видятъ того, какъ тягостенъ и непріятенъ для другихъ ихъ собственный характеръ. Выше я останавливался, по преимуществу, на чисто интеллектуальныхъ качествахъ индивидуумовъ, представляющихъ явленія патологическаго резонерства; теперь же нужно сказать еще, хотя бы вкратцѣ, объ ихъ эмоциональ-

ныхъ проявленіяхъ, ибо и въ этомъ отношеніи они обладаютъ также своеобразными особенностями. Къ картинѣ, набросанной въ предыдущемъ описаніи, остается прибавить еще то, что выражается въ формѣ настроенія. Уже раньше упоминалось о томъ, что при патологическомъ резонерствѣ наблюдается приподнятое настроеніе и часто хорошее самочувствіе; дѣйствительно, нужно отмѣтить, что большинство лицъ данной категоріи отличается живостью, часто жизнерадостностью, пріостекающей, быть можетъ, отъ поверхностности мышленія, отъ отсутствія глубины его, отъ увлеченія текущимъ моментомъ.

Субъектъ такого рода производитъ часто впечатлѣніе экзальтированности, и это выражается въ излишней подвижности, суетливости и разговорчивости. Онъ любитъ общество, онъ нерѣдко обнаруживаетъ много энергіи; обладая даромъ слова, онъ часто оказываетъ вліяніе на окружающихъ и способенъ увлечь, временно хотя бы, другихъ своими идеями; причемъ, окружающіе могутъ не замѣтить иной разъ поверхностности его взглядовъ. И это доставляетъ ему часто огромное удовольствіе. Приподнятое самочувствіе, нѣкоторая экзальтированность, кажущаяся живость мышленія способствуютъ тому, что изьяны мыслительнаго процесса при патологическомъ резонерствѣ остаются не сразу замѣченными; и это поддерживаетъ въ такомъ субъектѣ хорошее настроеніе, и онъ еще больше способенъ, подъ вліяніемъ послѣдняго переоцѣнивать себя, свои способности.

Психическій процессъ при патологическомъ резонерствѣ совершается легко; это сопровождается чувствомъ облегченія, довольства собой, своимъ психическимъ здоровьемъ. Будучи обыкновенно впечатлительнымъ, индивидуумъ съ патологическимъ резонерствомъ не все время, конечно, находится въ пріятномъ настроеніи; у него бывають переходы отъ благодушнаго настроенія къ состоянію недовольства, непріятнаго и дурнаго самочувствія; и для этого бываетъ достаточно иной разъ даже какого-нибудь пустяка. Такого субъекта скорѣе разстроитъ личная обида, нежели какая-нибудь, хотя бы и крупная, моральная непріятность. Житейскія невзгоды онъ переноситъ сравнительно хорошо, легко; и разрѣшеніе непріятной эмоціи совершается въ этихъ случаяхъ облегченнымъ путемъ. Непріятная эмоція забывается здѣсь скорѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ; и она не только сглаживается легко, но и воспоминаніе о ней мало наклонно всплыв-

вать въ полѣ сознанія даннаго индивидуума. Благодаря этимъ особенностямъ характера, такой субъектъ мало склоненъ къ тревогамъ; у него рѣдко бываютъ ощущенія тревоги въ сердцѣ, сопровождающейся непріятнымъ самочувствіемъ, если нѣтъ конечно, какого-либо прибавочнаго патологическаго элемента въ его нервно-психическомъ механизмѣ; а такія прибавки, т.-е., комбинація или сочетаніе съ другимъ болѣзненнымъ состояніемъ, здѣсь бываютъ нерѣдко. Между прочимъ, лица съ патологическимъ резонерствомъ нерѣдко обнаруживаютъ болѣзненные колебанія настроенія въ формѣ такъ называемой циклотиміи, являющейся легкой формой того, что извѣстно въ настоящее время подъ именемъ маниакально-депрессивнаго психоза; циклотимія выражается въ томъ, что у даннаго индивидуума наблюдается смѣна состояній, нѣкотораго угнетенія, смѣняющагося затѣмъ періодомъ оживленія, и она сравнительно часто присоединяется къ патологическому резонерству. Длительныя фазы угнетенія и дурнаго самочувствія, особенно безпричиннаго, не связаннаго съ окружающими обстоятельствами, объясняются при патологическомъ резонерствѣ, безъ сомнѣнія, депрессивнымъ періодомъ циклотиміи, ибо, какъ мы видѣли выше, субъекты, о которыхъ идетъ сейчасъ рѣчь, находятся, наоборотъ, почти всегда или обыкновенно въ приподнятомъ настроеніи; и если они дурно настроены, то это зависитъ у нихъ отъ ихъ раздражительности, склонности къ ссорамъ и столкновеніямъ съ окружающими, вліяющимъ на ихъ настроеніе и отражающимся на немъ.

Характеристика индивидуумовъ съ патологическимъ резонерствомъ была бы неполна, если бы я не остановился еще на одной особенности ихъ душевнаго склада, именно на томъ, каковы у нихъ моральныя чувствованія. Въ этихъ случаяхъ наблюдается почему-то та или иная степень недостаточности этихъ чувствованій высшаго порядка. Выше указывалось на то, что при патологическомъ резонерствѣ приходится констатировать существованіе эгоистичности, повышенной заботливости о своемъ «я»; вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ надо отмѣтить и ту или иную степень малой чувствительности по отношенію къ человѣческому горю и несчастіямъ. Иной разъ индивидуумы данной категоріи поразительно равнодушны къ тому ужасному, что совершается вокругъ нихъ, что дѣлается на ихъ глазахъ. И это происходитъ у нихъ не отъ дефектовъ воспріятія, а отъ прирожденной слабо-

сти моральныхъ чувствованій. Если какое-либо человѣческое горе и поражаетъ временно такого субъекта, если оно его и разстроило, то это длится опять-таки недолго, воспоминаніе о немъ быстро улетучивается, при чемъ тягостное чувствованіе сглаживается и какъ будто не оставляетъ слѣда и длительныхъ послѣдствій; словно оно мало имѣетъ средства съ его психическимъ складомъ. Этими моральными изъянами можно объяснить себѣ, отчасти хотя бы, и нѣкоторыя неправильности въ отношеніяхъ такого субъекта къ окружающимъ, его повышенныя заботы о себѣ, о своемъ «я», игнорированіе интересовъ другихъ людей; вслѣдствіе этого же недостатка онъ не заботится о моральной оцѣнкѣ своихъ поступковъ и дѣйствій и относится равнодушно къ тому, напр., что вводитъ другихъ въ заблужденіе своими способностями или симулированной добротой, радуясь даже этому и приходя отъ этого въ пріятное настроеніе. Этотъ моральный изъянъ при патологическомъ резонерствѣ является прирожденнымъ; правда, чѣмъ индивидуумъ образованнѣе, чѣмъ онъ больше развитъ въ умственномъ отношеніи, тѣмъ меньше иной разъ, но не всегда, бросаются въ глаза изъяны въ области моральныхъ чувствованій и тѣмъ менѣе рѣзкими могутъ быть внѣшнія проявленія указанного дефекта; при этомъ, конечно, этотъ послѣдній можетъ до извѣстной степени иногда купироваться нѣкоторыми положительными сторонами интеллектуальной сферы, если онѣ существуютъ у даннаго субъекта. И понятно само собою, что моральные дефекты выступаютъ ярче и рельефнѣе тамъ, гдѣ патологическое резонерство сочетается съ невысокимъ уровнемъ ума, съ ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ.

Итакъ, суммируя все выше изложенное, можно сказать, что при патологическомъ резонерствѣ существуетъ своеобразное, характерное сочетаніе признаковъ, находящихся въ органической связи между собою. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ аномаліи, выраженный въ той или другой степени, чисто интеллектуальной области, изъяны въ логическомъ процессѣ, что носить въ общезитіи, можетъ быть, нѣсколько вульгарное названіе „кривой лошки“. Второю характерною чертою будетъ нѣсколько экзальтированное, приподнятое самочувствіе, свойственное лицамъ, принадлежащимъ къ этому разряду патологическихъ личностей. Въ третьихъ, при патологическомъ резонерствѣ необходимымъ

составнымъ элементомъ личности является та или иная степень слабости моральныхъ чувствованій. И эта тріада признаковъ, изъ сочетанія которыхъ слагается въ данномъ случаѣ вся картина описаннаго выше аномальнаго состоянія, повторяется неизмѣнно въ отдѣльныхъ конкретныхъ наблюденіяхъ. Но, впрочемъ, среди этой группы индивидуумовъ вы всегда можете констатировать нѣкоторое разнообразіе, нѣкоторыя варіаціи; и это обусловливается тѣмъ, что существуютъ причудливыя индивидуальныя колебанія во внѣшнемъ проявленіи того или другого признака изъ упомянутой тріады. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ моральные изъяны выражены рѣзче и болѣе бросаются въ глаза; и тутъ можно представить серію переходныхъ личностей, отъ индивидуумовъ со слабо замѣтными нравственными недостатками до того, гдѣ можно говорить уже о нравственномъ уродствѣ или *insanitas moralis*. Въ другомъ рядѣ случаевъ эта сторона личности находится подъ сдерживающимъ вліяніемъ чисто интеллектуальнаго развитія, и тогда надъ остальными признаками будетъ превалировать приподнятость самочувствія и экзальтированность. Наконецъ, иной разъ больше всего во всей картинѣ патологическаго резонерства подчеркнуты дефекты въ мыслительномъ процессѣ, и тогда «кривая логика» субъекта обрисовывается выпуклѣе. Далѣе, разнообразіе во внѣшнемъ проявленіи патологическаго резонерства обусловливается еще и тѣмъ, что здѣсь рядомъ съ качественными аномаліями существуютъ большія колебанія въ умственномъ развитіи. Среди лицъ данной категоріи встрѣчаются даже люди нелишенные талантовъ, остроумія, съ блестящими внѣшними способностями, интересные, хотя, можетъ быть, и парадоксальные собесѣдники; но рядомъ съ ними встрѣчаются индивидуумы такой же качественной категоріи, но умственно слабо развитые, скучные, еще дальше—надѣдливые, даже прямо отсталые въ интеллектуальномъ отношеніи.

Въ обыденной жизни нерѣдко приходится встрѣчаться съ лицами, обнаруживающими тѣ или иные признаки патологическаго резонерства; и тутъ вы можете наблюдать эту аномалію у субъектовъ различнаго воспитанія, разнаго интеллектуальнаго развитія, различныхъ общественныхъ положеній. Знакомство съ упомянутыми выше качественными особенностями имѣетъ, конечно, и нѣкоторое практическое значеніе; оно помогаетъ намъ

уяснить себѣ психологію пестрой серіи странныхъ лицъ, у которыхъ отмѣчаются уже нелѣпыя мысли различнаго содержанія, весьма однообразныя и узкія, являющіяся болѣе уродливымъ и дальнѣйшимъ развитіемъ психологическихъ особенностей, свойственныхъ патологическому резонерству вообще. Знакомство съ индивидуумами данной категоріи, какъ увидимъ впослѣдствіи, не бесполезно для освѣщенія нѣкоторыхъ фактовъ изъ области прикладной психологіи (педагогической и судебно-медицинской).

II.

Теперь, когда мы познакомились съ патологическимъ резонерствомъ, какъ одной изъ разновидностей патологическихъ характеровъ, можно приступить къ разсмотрѣнію болѣе рѣзкихъ проявленій этой прирожденной нервно-психической организаци. Во многихъ случаяхъ, въ теченіе всей жизни даннаго индивидуума, проявленія резонерства не переходятъ извѣстныхъ границъ, остаются стойкими, мало колеблются въ своей силѣ, въ своей интенсивности; въ другомъ рядѣ случаевъ качественныя особенности характера такого индивидуума, оставаясь безъ рѣзкихъ измѣненій въ своей сущности, даютъ тѣ или иныя патологическія разрастанія того или иного изъ признаковъ, свойственныхъ этой категоріи личностей.

И тутъ получается уже картина не одного только патологическаго характера, но уже и болѣе рѣзкаго душевнаго расстройства, выражающагося иногда въ формѣ психоза. Здѣсь мы встрѣчаемся съ своеобразными, часто курьезными личностями, слывущими въ обществѣ подъ видомъ людей странныхъ, чудаковъ, оригиналовъ; и многіе изъ нихъ оказываются настоящими резонерами, истинными резонерами, у которыхъ всегда существовала опредѣленная группа психическихъ признаковъ: 1) тѣ или иные изъяны въ логическомъ процессѣ; 2) нѣкоторая экзальтированность; 3) извѣстная степень слабости моральныхъ чувствованій. И на этомъ фонѣ, своеобразномъ и характерномъ, легко констатируемомъ при тщательномъ и умѣломъ анализѣ душевнаго облика даннаго субъекта, обнаруживаются нелѣпыя идеи, странныя концепціи, явно абсурдныя толкованія или интерпретаціи. Чтобы познакомиться съ этими болѣе рѣзкими психическими аномаліями, дающими иногда картину того, что

называется психозомъ, необходимо остановиться на описаніи различныхъ видовъ этихъ бредовыхъ идей и представлений.

Давно уже психіатры-клиницисты, по преимуществу французскіе, выдѣлили группу такъ называемыхъ преслѣдуемыхъ-преслѣдователей (*persécutés-persécuteurs*). Само названіе опредѣляетъ, въ общемъ, въ чемъ здѣсь должна выражаться картина болѣзни; этотъ терминъ можно бы назвать довольно удачнымъ, мѣткимъ, ибо въ немъ содержится указаніе на то, что лица данной категоріи, считая себя преслѣдуемыми другими въ то же время преслѣдуютъ другихъ. Они сосредоточиваютъ свои идеи преслѣдованія на комъ-либо изъ окружающихъ или знакомыхъ; иной разъ эти мысли связаны у нихъ съ человѣкомъ для нихъ незнакомымъ. Эта разновидность патологическаго резонирующаго состоянія встрѣчается и у мужчинъ, и у женщинъ. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ бредовыя концепціи являются рѣзко выраженными, бросаются въ глаза окружающимъ и тутъ можно говорить о душевной болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, о психозѣ. Больной такого рода часто жалуется на то, что его преслѣдуетъ такое-то лицо; онъ готовъ жаловаться на это всѣмъ и каждому, не обращая вниманія на то, интересно ли это собесѣднику, достаточно ли знакомый этотъ человѣкъ, чтобы говорить съ нимъ объ этомъ, о своемъ недовольствѣ, часто связанномъ съ личною и интимною жизнью. Обыкновенно бываетъ такъ, что если то лицо, съ которымъ сочетаются у больного идеи преслѣдованія, сдѣлаетъ какую-либо оплошность, часто ничтожную и не имѣющую значенія, по отношенію къ такому индивидууму, тотъ можетъ поднять по этому поводу иной разъ цѣлую бурю, сердиться, браниться, раздражаться, сыпать упреки по адресу того лица. Онъ высказываетъ мысли о томъ, что его нарочно будто бы раздражаютъ, что ему желаютъ разстроить нервы, сдѣлать больнымъ и ненормальнымъ, что это выгодно для другихъ, что этимъ другіе хотятъ воспользоваться. У такого больного могутъ возникать подозрѣнія о томъ, что его желаютъ отравить, извести, убить и пр. Если эти идеи преслѣдованія связаны у него съ кѣмъ-либо изъ родныхъ или изъ близкихъ окружающихъ, то онъ избѣгаетъ, напр., садиться дома за столъ, начинаетъ обѣдать вѣ дома; онъ думаетъ при этомъ иной разъ, что предполагаемый врагъ готовъ подложить ему яду въ пищу. Если бы вы пожелали спросить у такого больного, почему

онъ боится такого-то человѣка, онъ охотно начнетъ говорить съ вами объ этомъ, ничѣмъ не стѣсняясь, особенно когда онъ считаетъ нѣжнымъ познакомить васъ съ своими мыслями преслѣдованія; онъ въ черныхъ, но яркихъ краскахъ, иногда въ образныхъ и картинныхъ изображеніяхъ будетъ представлять вамъ своего врага. Нерѣдко онъ можетъ даже ввести васъ въ нѣкоторое заблужденіе, вы можете повѣрить ему, если не знаете, конечно, въ чемъ здѣсь дѣло и если онъ не говоритъ явныхъ абсурдовъ. Однако, зная о такой категоріи психопатическихъ личностей, вы можете иной разъ легко замѣтить, что больной неправильно оцѣниваетъ и понимаетъ даннаго человѣка, съ которымъ у него сочетаются идеи преслѣдованія, неправильно и односторонне объясняетъ, интерпретируетъ его поступки, дѣйствія, даже жесты; и становится яснымъ, что его рассказы крайне преувеличены и крайне односторонни. То такой больной вѣрно передаетъ самые факты, переоцѣнивая мелкіе изъ нихъ и строя на нихъ именно свои бредовыя толкованія; то онъ не стѣняется нисколько рассказывать то, чего не было на самомъ дѣлѣ, сочиняетъ правдоподобныя небылицы; и, увлекаясь все болѣе и болѣе въ своихъ фантазированіяхъ, онъ временами перестаетъ уже отличать свои вымыслы отъ того, что имѣло мѣсто въ дѣйствительности. И эта смѣсь фантазій съ реальнымъ иной разъ является весьма искусно составленной и легко вводитъ въ заблужденіе неопытнаго человѣка, не знающаго и не понимающаго, въ чемъ здѣсь дѣло.

Окружающіе вначалѣ считаютъ такого больного лишь просто человѣкомъ съ дурнымъ характеромъ, человѣкомъ несправедливымъ и несдержаннымъ, распушеннымъ эгоистомъ; и нерѣдко бываетъ такъ, что они реагируютъ на его слова, поступки и дѣйствія такъ, какъ они поступали бы, если бы это былъ здоровый человѣкъ. Нечего говорить о томъ, что такая реакція со стороны окружающихъ еще больше ухудшаетъ положеніе дѣла; и, дѣйствительно, больной больше, конечно, раздражается и больше находитъ поводовъ для упрековъ и жалобъ. Благодаря тому, что другіе не понимаютъ иногда долгое время того, что имѣютъ дѣло съ больнымъ субъектомъ, послѣдній больше и прочнѣе укрѣпляется въ той мысли, что его подвергаютъ оскорбленію, умысленному издѣвательству, незаслуженному преслѣдованію; онъ находитъ для себя лишніе доводы и новыя доказа-

тельства того, что къ нему относятся несправедливо, что есть люди, которые желаютъ отъ него отдѣлаться и даже будутъ рады, если онъ погибнетъ.

Постоянно разбираясь въ томъ, какъ относятся къ нему нѣкоторые изъ окружающихъ, опѣнивая по-своему, крайне субъективно, реакцію на его слова и поступки со стороны своихъ близкихъ и родныхъ, такой больной обнаруживаетъ и здѣсь свойственную ему односторонность, иногда крайнее и просто поразительное непониманіе ошибочности своихъ выводовъ и заключеній, удивительную неспособность отнестись критически къ своимъ явно нелѣпымъ толкованіямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ готовъ говорить по поводу своихъ воображаемыхъ преслѣдователей и мнимыхъ обидчиковъ чуть ли не всѣмъ встрѣчнымъ, не обращая вниманія на то, достаточно ли онъ знакомъ съ даннымъ человѣкомъ, чтобы заставлять выслушивать его рассказы, касающіеся домашней жизни; говоря о своихъ фантастическихъ преслѣдователяхъ, онъ не стѣсняется иной разъ въ выраженіяхъ по ихъ адресу; онъ можетъ чернить ихъ въ глазахъ всѣхъ, съ кѣмъ только удастся ему завести разговоръ объ этомъ. Впрочемъ, надо сказать, что такой больной проявляетъ, гдѣ нужно, большую хитрость и ловкость въ своихъ сообщеніяхъ и повѣствованіяхъ; когда это нужно, онъ бываетъ сдержанъ сравнительно, давая волю своему раздраженію при другихъ обстоятельствахъ и въ иной обстановкѣ. Бываютъ случаи, когда такой больной такъ убѣдительно, такъ искренно съ внѣшней стороны рассказываетъ о томъ, какъ тяжело-мучительно ему живется, какъ несправедливо относятся къ нему нѣкоторые изъ окружающихъ, что нерѣдко подкупаетъ своими рассказами тѣхъ, кто не замѣтилъ, въ чемъ дѣло въ этомъ случаѣ, и не понялъ правильно его душевнаго состоянія. Такъ, больной нерѣдко умѣетъ расположить къ себѣ, находить лицъ, ему въ-рящихъ, ему сочувствующихъ, которыя могутъ искренно считать его напрасно обижаемымъ, несчастнымъ страдальцемъ; онъ встрѣчаетъ людей, готовыхъ помочь ему словомъ и дѣломъ. Красно-рѣчиво рассказывая о томъ, что его преслѣдуютъ, мучаютъ и терзаютъ, онъ производитъ на нѣкоторыхъ впечатлѣніе чело-вѣка несчастнаго, достойнаго защиты, подвергающагося несправедливостямъ; онъ умѣетъ иногда возбудить чувство состраданія и симпатіи по отношенію къ себѣ. Онъ можетъ быть вкрад-

чивымъ, весьма ловкимъ и искуснымъ въ своей мотивировкѣ жалобъ на окружающихъ или близкихъ. Много рассказывая о своихъ врагахъ и недоброжелателяхъ съ дурной стороны, онъ обыкновенно умалчиваетъ о томъ, какъ онъ ведетъ себя, какъ онъ самъ придирается къ другимъ, какъ онъ самъ несправедливъ по отношенію къ нимъ. Слушая его жалобы и повѣствованія, вы можете, пожалуй, подумать иной разъ, что многое, о чемъ вамъ сообщается, имѣло мѣсто въ дѣйствительности, что, можетъ быть, это и правда. Такъ хорошо и такъ жалобно повѣствуетъ онъ о себѣ! И любопытно отмѣтить еще одну особенность въ картинѣ болѣзненного состоянія въ подобныхъ случаяхъ, именно, если такой больной считаетъ, что такое-то лицо или группа опредѣленныхъ лицъ являются его недоброжелателями или врагами, то съ другими онъ держитъ себя иной разъ совсѣмъ иначе, не придирается къ нимъ, не раздражается, будучи нерѣдко милъ, обходителенъ и любезенъ; и всѣмъ этимъ онъ располагаетъ къ себѣ, подкупаетъ въ свою пользу, ибо съ внѣшней стороны онъ держится при этомъ совершенно какъ нормальный человѣкъ. Бываютъ случаи, когда одинъ и тотъ же больной производитъ два различныхъ впечатлѣнія; дома, среди тѣхъ, съ которыми связаны у него бредовыя идеи, онъ ведетъ себя неправильно, высказываетъ мысли о преслѣдованіи, бранится, сердится, подозрителенъ, волнуется, приходитъ въ гнѣвъ, готовъ прибѣгнуть къ насилію; среди чужихъ, не вошедшихъ въ систему его бредовыхъ толкованій, онъ ведетъ себя вовсе не такъ, на что мы указывали уже выше. Въ этомъ-то и сказывается, между прочимъ, та односторонность мышленія, о которой упоминалось, когда была рѣчь о резонирующемъ характерѣ, о патологическомъ резонерствѣ, объ его основныхъ психологическихъ особенностяхъ. Вотъ эта-то односторонность мышленія и даетъ такія уродливыя разрастанія нѣкоторыхъ неправильныхъ концепцій, и это ведетъ здѣсь къ созданію той или иной системы бредовыхъ представленій о преслѣдованіи со стороны окружающихъ.

Такая система бреда преслѣдованія, наблюдаемая у резонеровъ, встрѣчается въ жизни у того или другого члена семьи, напр., у мужа или у жены. И теперь вы можете представить себѣ, сколько непріятностей, волненій и даже трагическаго внести въ семейную жизнь эта болѣзнь одного изъ членовъ семьи.

Положеніе того, на кого обрушивается больной, съ кѣмъ сочѣтаются у него бредовыя толкованія, становится не только непріятнымъ, но даже тягостнымъ и мучительнымъ. Пока-то дѣло разъяснится, пока-то станетъ очевиднымъ, что здѣсь идетъ вопросъ о больномъ человѣкѣ, пока-то все это совершается, сколько слезъ проливаетъ несчастная жена, если мужъ ея относится къ категоріи «преслѣдуемыхъ-преслѣдователей» и если его бредовыя мысли связаны почему-либо съ нею. Иной разъ такой больной не ограничивается одними придирками, одними упреками и жалобами на то, что жена относится къ нему дурно или думаетъ погубить его или какъ-нибудь отдѣлаться отъ него, но готовъ прибѣгать и къ насильственнымъ дѣйствіямъ; и въ этихъ случаяхъ отъ него можно ожидать не только брани или угрозы, но онъ способенъ приводить послѣднія въ исполненіе. Во многихъ случаяхъ такого рода совмѣстная семейная жизнь становится прямо невозможной, ибо больной своимъ поведеніемъ доводитъ жену иногда до рѣшенія покинуть его. И, дѣйствительно, здѣсь эти патологическія проявленія резонерства служатъ причиной разрушенія домашняго очага. Такъ какъ эти уродливыя признаки патологическаго резонерства встрѣчаются не только у мужчинъ, но также и у женщинъ, то приходится наблюдать такіе случаи, гдѣ въ данной семьѣ роли мѣняются, и аналогичная система бредовыхъ идей развивается у жены, имѣвшей до этого резонирующій характеръ. Но нельзя, однако, сказать, чтобы положеніе мужа было здѣсь легче и лучше, нежели положеніе жены въ первомъ случаѣ; впрочемъ, надо добавить, что женщина съ такими проявленіями патологическаго резонерства не прибѣгаетъ такъ скоро и легко къ грубому насилію по отношенію къ мужу, съ которымъ у нея связаны бредовыя концепціи; но зато она иной разъ оказывается болѣе находчивой, болѣе тонкой и изобрѣтательной въ самыхъ способахъ издѣвательства надъ своею жертвою.

Выше мы видѣли, что больной, о которомъ идетъ сейчасъ рѣчь, на основаніи своихъ бредовыхъ интерпретацій, происходящихъ изъ односторонности его мышленія, приходитъ къ выводу и къ убѣжденію, что нѣкоторые изъ окружающихъ относятся къ нему недоброжелательно или враждебно; но онъ не довольствуется тѣмъ, что считаетъ себя преслѣдуемымъ, онъ не ограничивается этимъ; наоборотъ, въ этихъ случаяхъ больной

самъ предпринимаетъ рядъ дѣйствій и поступковъ противъ того лица или группы лицъ, которыя въ его воображеніи и въ его фантазіи рисуются ему личными врагами и обидчиками. Рано или поздно у него развивается желаніе и стремленіе ихъ преслѣдовать; и тутъ можетъ иногда дѣло дойти до столкновенія съ уголовнымъ закономъ. Слѣдовательно, въ общемъ, справедливо названіе для этой категоріи патологическихъ резонеровъ «преслѣдуемые-преслѣдователи». Вышнія проявленія системы бредовыхъ концепцій протекаютъ въ этихъ случаяхъ съ большими колебаніями, какъ въ различныхъ конкретныхъ наблюденіяхъ, такъ и у одного и того же субъекта. Надо замѣтить, что на состояніи послѣдняго отражаются различныя неблагоприятныя условія, случайныя физическія заболѣванія и пр.; имѣетъ здѣсь значеніе и то обстоятельство, какъ обращаются окружающіе съ такимъ субъектомъ: понимаютъ ли они его патологическое состояніе или нѣтъ. Иной разъ получается замѣтное улучшеніе лишь отъ того только, что удастся уговорить больного переимѣнить обстановку, его раздражающую, съ которой сочетается у него система бредовыхъ толкованій, и онъ становится спокойнѣе, по крайней мѣрѣ, до поры до времени, если не входитъ въ общеніе съ тѣми, кого онъ считаетъ своими недоброжелателями и врагами. Впрочемъ, бывають такіе случаи, кажущіеся съ перваго взгляда парадоксальными, когда субъектъ ищетъ, наоборотъ, встрѣчи съ тѣми лицами, которыя фигурируютъ у него въ качествѣ его преслѣдователей; онъ не только стремится имѣть съ ними общеніе, у него обнаруживается болѣзненное стремленіе съ ними объясняться.

Степень и интенсивность бредовыхъ идей у индивидуумовъ, которыхъ относятъ къ категоріи преслѣдуемыхъ-преслѣдователей и которые являются, по существу, резонерами, выражены бывають различно въ отдѣльныхъ случаяхъ. То дѣло ограничивается болѣе или менѣе легкою формою бредовыхъ толкованій, когда поведеніе больного терпимо при извѣстныхъ условіяхъ и переносится, хотя и не безъ труда, окружающими; здѣсь обыкновенно, при благоприятныхъ условіяхъ, напр., при отсутствіи алкоголизма, не наблюдается прогрессированія болѣзненныхъ проявленій, ихъ наростанія и осложненія. То, наоборотъ, идеи преслѣдованія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могутъ быть очень рѣзки, ярки и интенсивны, и тогда поведеніе такого субъекта

становится невыносимымъ для тѣхъ изъ окружающихъ, которые впадаютъ въ его систему бредовыхъ интерпретацій.

Анализируя прирожденные особенности характера въ этихъ случаяхъ бреда преслѣдованія, вы убѣждаетесь обыкновенно въ томъ, что у такого индивидуума и прежде существовали опредѣленные, своеобразныя черты въ его нервно-психической организаціи; спрашивая внимательно лицъ, близко знавшихъ больного, вы узнаете обыкновенно, что и раньше, до появленія болѣе рѣзкихъ аномалій въ видѣ системы бредовыхъ концепцій, у него были признаки патологическаго резонерства, т.-е. односторонность мышленія, логическіе изъяны, «кривая логика» въ той или другой степени; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ прошломъ такого индивидуума отмѣчаются всегда и другіе признаки патологическаго резонерства, именно приподнятое настроеніе, нѣкоторая экзальтированность и слабость моральныхъ чувствованій. И нужно добавить, что каждый изъ этихъ трехъ признаковъ бываетъ выраженъ неодинаково въ отдѣльныхъ случаяхъ. Система бредовыхъ толкованій, связанныхъ съ кѣмъ-либо изъ окружающихъ, обнаруживается у резонеровъ, большею частью, въ среднемъ возрастѣ; она значительно рѣже можетъ развиваться въ юношескомъ возрастѣ, а у дѣтей ея не приходится наблюдать. Слѣдовательно, она, эта система бредовыхъ концепцій, требуетъ для своего возникновенія два условія: *во-первыхъ*, нужно, чтобы данный субъектъ былъ резонеромъ, т.-е. индивидуумомъ съ опредѣленными и своеобразными чертами характера, съ особенными признаками прирожденной нервно-психической организаціи; *во-вторыхъ*, система бредовыхъ интерпретацій находитъ возможность проявиться лишь тогда, когда субъектъ пріобрѣтаетъ извѣстный запасъ впечатлѣній отъ связей и знакомствъ съ различными людьми, когда его отношенія къ внѣшнему міру, къ окружающей средѣ, достигнутъ большей сложности. Впрочемъ, надо замѣтить, что то обстоятельство, что патологическія проявленія обнаруживаются обыкновенно въ среднемъ возрастѣ, наводитъ на мысль о томъ, не играетъ ли здѣсь роли еще и третій факторъ: весьма возможно и правдоподобно предположеніе, что въ этихъ случаяхъ чаще сказываются болѣе рѣзкіе признаки резонерства въ среднемъ возрастѣ потому, что тутъ уже можно говорить о началѣ инволюціи нервно-психической организаціи, объ ея обратномъ развитіи, объ ея регрессив-

ныхъ измѣненіяхъ. Наблюденіе показываетъ, что явленіе отживанія, старости въ психической жизни обнаруживаются у резонеровъ иной разъ почему-то сравнительно рано; они нерѣдко раньше становятся стариками, раньше, напр., дряхлѣютъ и сѣдѣютъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что эту преждевременную старость, болѣе быстрое изнашиваніе нервно-психическаго механизма приходится наблюдать не во всѣхъ случаяхъ патологическаго резонерства. Здѣсь можно говорить лишь объ общемъ впечатлѣніи такого рода, которое нельзя, конечно, въ настоящее время подтвердить какими-либо статистическими данными. Но существуютъ нѣкоторыя правдоподобныя предположенія, что иной разъ, при патологическомъ резонерствѣ, возможно и вполне естественно преждевременное изнашиваніе нервно-психическаго механизма; вѣдь, мы видѣли, что въ этихъ случаяхъ отмѣчается приподнятое самочувствіе, нѣкоторая экзальтированность, излишняя подвижность, и все это существуетъ въ теченіе многихъ лѣтъ безъ всякаго перерыва; нервно-психическій организмъ развиваетъ и вырабатываетъ здѣсь сравнительно большее количество энергіи, правда, часто или обыкновенно невысокаго качества и небольшой цѣнности и притомъ, растрачиваемой на мелочи и пустяки; но, несомнѣнно, лица данной категоріи производятъ впечатлѣніе, съ внѣшней стороны, людей дѣятельныхъ, живыхъ, энергичныхъ. Находясь въ нѣсколько экзальтированномъ состояніи почти постоянно, они мало испытываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ потребность въ отдыхѣ; будучи въ непрерывной почти суетѣ, они обнаруживаютъ нечувствительность къ усталости; а все это можетъ вести, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ тому, что нервно-психическій механизмъ изнашивается при патологическомъ резонерствѣ преждевременно. Вѣрнѣе сказать, тутъ констатируется преждевременное изнашиваніе не столько самихъ нервныхъ элементовъ высшаго порядка, сколько сосудистаго аппарата головного мозга, что, въ свою очередь, отражается, безъ сомнѣнія, на дѣятельности нервно-психическаго механизма, на функціи нервныхъ элементовъ высшаго порядка прежде всего. Возможно предположеніе и такого рода, что здѣсь мы имѣемъ лицъ, у которыхъ нервно-психическая организація является неустойчивой, непрочно построенной, снабженной сравнительно малымъ количествомъ природенной энергіи.

Картина системы бредовыхъ толкованій, развивающаяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ патологическаго резонерства, была бы не полна, если бы я не указаль на тѣ или иные отрицательные признаки ея; здѣсь не бываетъ сколько-нибудь рѣзкихъ обмановъ со стороны органовъ чувствъ, ни иллюзій, ни галлюцинацій; если и встрѣчаются тутъ какія-либо аномалии изъ этой области, то надо замѣтить, что онѣ случайны, отрывочны, мимолетны, не стойки, ибо все дѣло сводится къ тому, что въ основѣ бредовыхъ интерпретацій лежатъ у резонеровъ аномалии въ мыслительномъ, логическомъ аппаратѣ, вообще, и односторонность мышленія, въ частности; здѣсь бредовыя идеи преслѣдованія не питаются обманами со стороны органовъ чувствъ, и эти расстройства не оказываютъ вліянія на самое развитіе бредовыхъ представленій.

Индивидуумы, которыхъ относятъ къ категоріи преслѣдуемыхъ-преслѣдователей, встрѣчаются среди резонеровъ съ болѣе патологическими проявленіями чаще, чѣмъ иныя разновидности. Знакомство съ этой группой психопатическихъ личностей, съ ихъ психической фізіономіей, съ ихъ складомъ характера имѣетъ извѣстное практическое значеніе, простое житейское, а также и судебно-медицинское. Но эта разновидность патологическаго резонерства является далеко не единственной; здѣсь мы встрѣчаемся съ лицами, у которыхъ наблюдается такой же прирожденный характеръ, съ такими же основными аномалиями, но у которыхъ патологическія проявленія принимаютъ иную внѣшнюю форму. И между всѣми этими разновидностями существуетъ полное внутреннее сходство при внѣшней лишь неодинаковой картинѣ, обусловленной индивидуальными особенностями и уклоненіями.

Здѣсь, напр., мы видимъ иногда субъектовъ, у которыхъ, въ юношескомъ или даже еще въ отроческомъ возрастѣ, возникаетъ система бредовыхъ идей о томъ, что они происходятъ не отъ тѣхъ родителей, каковыя числятся ими оффиціально. Такой индивидуумъ рано приходитъ почему-то къ заключенію, что онъ болѣе знатнаго происхожденія, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; у него является мысль о томъ, что онъ въ дѣтствѣ былъ кѣмъ-то подмѣненъ и переданъ на воспитаніе тѣмъ, кого въ настоящее время считаютъ и называютъ его родителями; онъ дѣлаетъ выводъ, что все это произошло не случайно, что это сдѣлано

кѣмъ-то нарочно, съ опредѣленною цѣлью, что все это было кому-то нужно; и онъ все больше и больше укрѣпляется въ этой мысли, все больше и больше останавливается окончательно на этомъ предположеніи. Разъ возникло у такого субъекта подобное представленіе, онъ старается найти ему подтвержденіе и обоснованіе; онъ начинаетъ болѣе детально и болѣе тщательно искать убѣдительные доводы; и, естественно, онъ приступаетъ къ сравненію себя съ своими родными. Онъ убѣждается въ томъ, что отличается по своему характеру, по своимъ привычкамъ и потребностямъ, даже по внѣшнему виду отъ тѣхъ, кого считаютъ и признаютъ оффиціально за его родныхъ, что онъ не похожъ на послѣднихъ. И тайна его происхожденія, появленія на свѣтъ занимаетъ и интригуетъ его все больше и больше; и здѣсь опять-таки приходитъ къ нему на помощь та же фантазія, которая помогла раньше развитію начальныхъ бредовыхъ представленій о болѣе знатномъ происхожденіи вообще; у него зарождаются и укрѣпляются разнообразныя мысли по этому поводу. У него существуетъ болѣзненная потребность разобраться во что бы то ни стало въ этой воображаемой тайнѣ, окутывающей, по его мнѣнію, его происхожденіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ субъектъ долго не говорить никому о томъ, что онъ думаетъ въ этомъ направленіи; онъ въ теченіе извѣстнаго времени скрываетъ отъ другихъ свои странныя предположенія и догадки; но разъ они сдѣлались у него стойкими, онъ не въ силахъ удержаться, чтобы не подѣлиться своимъ открытіемъ съ кѣмъ-либо изъ окружающихъ; иногда онъ заводитъ рѣчь объ этомъ съ своими родителями, немало, конечно, удивляя ихъ своими соображеніями насчетъ своего происхожденія. Иной разъ такой индивидуумъ, находящійся еще въ отроческомъ возрастѣ, рано обнаруживаетъ враждебное отношеніе къ своимъ родителямъ и къ своей семьѣ, вообще; онъ, напр., начинаетъ сторониться родителей, избѣгаетъ съ ними говорить, не принимаетъ иногда отъ нихъ подарковъ, ему предлагаемыхъ. Наблюденіе показываетъ, что разъ возникли у больного такія бредовыя концепціи, онъ остается у него на всю жизнь, онъ никогда не покинуть его, измѣняясь, можетъ быть, со временемъ въ деталяхъ. Если нѣтъ въ этомъ случаѣ какого-либо иного психопатологическаго состоянія, если нѣтъ прибавочнаго элемента иной категоріи, то эти бредовыя идеи

не мѣшаютъ субъекту продолжать еще не закончившееся ученіе; онѣ не помѣшаютъ ему и впослѣдствіи заниматься тѣмъ или другимъ дѣломъ. Но надо замѣтить, что въ этихъ случаяхъ не бываетъ блестящихъ умственныхъ способностей; и это сказывается уже во время школьнаго возраста; лица этого рода обыкновенно являются нѣсколько ограниченными, и умственные способности стоятъ у нихъ ниже средняго уровня; однако, у нихъ хватаетъ способностей для полученія несложныхъ школьныхъ свѣдѣній, хотя далеко они обыкновенно не идутъ и не заканчиваютъ своего ученія, отставая отъ своихъ сверстниковъ; покидая школу раньше времени, они приспособляются къ какому-нибудь занятію, приобрѣтаютъ навыкъ въ немъ, но остаются сравнительно мало способными къ сколько-нибудь значительному умственному развитію. Въстѣ съ указанными бредовыми представленіями въ данномъ случаѣ наблюдается у такого субъекта обыкновенно цѣлый рядъ своеобразныхъ аномалій въ характерѣ, намъ уже хорошо знакомыхъ и совпадающихъ съ тѣми, которыя мы видимъ при патологическомъ резонерствѣ. И среди этихъ прирожденныхъ аномалій характера приходится отмѣчать ту же односторонность мышленія, тѣ же логическіе изъяны, ту же «кривую логику». И любопытно, что и въ этихъ случаяхъ можно констатировать прирожденную, повидимому, слабость моральныхъ чувствованій; дѣйствительно, эта группа психопатическихъ личностей проявляетъ излишнюю заботу о себѣ, о своихъ удобствахъ, эгоистичность, малую заботу объ окружающихъ, даже о своихъ самыхъ близкихъ.

Психіатры давно уже отмѣтили существованіе этой разновидности патологическихъ личностей; извѣстный нѣмецкій психіатръ, д-ръ *Sander*, описалъ эту разновидность подъ именемъ «*paranoia originaria*». Но я долженъ сказать здѣсь, что это—не отдѣльная форма болѣзни; это одинъ изъ своеобразныхъ симптомовъ, развивающихся на почвѣ патологическаго резонерства, въ тѣсной связи съ нимъ. Чтобы пояснить, въ чемъ и въ какой формѣ можетъ выразиться этотъ симптомъ, о которомъ идетъ сейчасъ рѣчь, я приведу одинъ примѣръ; дѣло касается субъекта, мнѣ хорошо знакомаго, котораго я имѣлъ возможность наблюдать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Это была особа среднихъ лѣтъ, скорѣе немолодая, крестьянка по происхожденію и бѣлошвейка по ремеслу. Она охотно разсказывала многое о себѣ; она сооб-

шила, что лѣтъ до 10—12 была косноязычна. Въ общемъ, она мнительна относительно своего здоровья, усиленно заботится о немъ, любитъ обращаться къ врачамъ и лѣчиться. Она увѣрена, что вовсе не крестьянка, каковою ее считаютъ другіе и каковою она числится по паспорту; она убѣждена, что она—дочь мѣстнаго помѣщика-аристократа; она полагаетъ, что та женщина, которая называется ея матерью, лишь ея кормилица, а не мать. Она рассказываетъ съ полнымъ убѣжденіемъ о томъ, что ее подмѣнили въ раннемъ дѣтствѣ; своею матерью она считаетъ другую, теперь уже умершую женщину; она молится за нее какъ за мать и подаетъ за обѣдню за упокой ея души. Ту же женщину, которую всѣ считаютъ ея матерью, она называетъ своею кормилицей. Своихъ братьевъ, живущихъ въ деревнѣ и занимающихся крестьянскимъ хозяйствомъ, она не признаетъ за родныхъ, полагая, что у нея съ ними была лишь общая кормилица, но и только. Такъ какъ эта особа—человѣкъ очень религіозный, часто посѣщающій церкви, то ее смущаетъ и даже волнуетъ мысль о томъ, что во время подмѣна она можетъ быть осталась не крещеною; она дѣлаетъ предположеніе, что другую дѣвочку, на которую она была обмѣнена, крестили будто бы два раза. Подобныя мысли о томъ, что она иного происхожденія и что въ самомъ раннемъ дѣтствѣ ее подмѣнили, у нея существуютъ давно, съ юношескихъ лѣтъ, повидимому; эти мысли ее занимаютъ, даже больше, онѣ ее давно уже тревожатъ, онѣ доставляютъ ей много огорченій и непріятныхъ и тягостныхъ моментовъ. Зарабатывая себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ, пройдя суровую школу въ бѣлошвейной мастерской въ столичномъ городѣ, вынеся во время ученія рядъ побоевъ и жестокихъ наказаній, она сокрушается, естественно, по поводу того, что ея жизнь могла бы сложиться иначе, что она могла бы вести иную жизнь, болѣе спокойную, радостную и легкую. Она не относилась равнодушно къ тому открытію, сдѣланному ея больной фантазіей, что она подмѣнена въ раннемъ дѣтствѣ и что она иного, болѣе высокаго происхожденія; она дѣлала попытки, повидимому, объясняться съ нѣкоторыми изъ тѣхъ лицъ, которыхъ сама считала своими настоящими родными; она проявляла въ этомъ направленіи нѣкоторую настойчивость; она стремилась открыть истину своего происхожденія, и это было интересно для нея, конечно, во многихъ отно-

шеніяхъ. Но тѣ, къ кому она обращалась съ такими объясненіями, удивлялись и просили ее къ нимъ не являться больше; она была огорчена своими неудачами на этомъ пути, и ей пришлось помириться съ своимъ положеніемъ, не соответствующимъ, по ея искреннему убѣжденію, ея аристократическому происхожденію. Эта особа увѣряетъ, что она вовсе не похожа на тѣхъ, кого считаютъ ея родными, что она выдѣляется среди нихъ по своему внѣшнему виду. Будучи взрослой, она дѣлала попытки объясняться съ своею матерью, которую она называла своей кормилицей; она полагаетъ, что эта послѣдняя—виновница ея горя и ея несчастья, ибо «кормилица» знаетъ объ ея подмѣнѣ, такъ какъ онъ совершонъ при ея близкомъ участіи. Она требовала отъ нея настойчиво объясненій, чѣмъ удивляла свою мать, простую крестьянскую женщину; одно время она съ волненіемъ говорила о томъ, что думаетъ привлечь ее къ отвѣтственности и судиться съ нею; иногда она бранила ее, сердилась на нее, по крайней мѣрѣ за глаза; но за послѣдніе годы она какъ-будто помирилась уже съ своею судьбой, съ своею горькой участью, съ своимъ несчастіемъ, проходящимъ красною нитью черезъ всю ея жизнь, дѣйствительно полную разныхъ невзгодъ, ибо жилось ей не всегда хорошо. Но и до сихъ поръ ей нравится, когда ее называютъ не тѣмъ именемъ, что значится у нея въ паспортѣ; она любитъ, чтобы называли ее такъ, какъ она сама считаетъ это правильнымъ. Свои именины она празднуетъ до сихъ поръ, конечно, сообразно съ своими бредовыми представленіями.

И въ этомъ случаѣ, только что приведенномъ, удастся легко констатировать своеобразныя особенности резонирующаго характера: и односторонность мышленія, и «кривую логику», сказывающуюся въ различныхъ мелочахъ.

III.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ патологическаго резонерства наблюдается болѣзненное сутяжничество, и этотъ признакъ носилъ прежде названіе «*paranoia quaerulans*». Если будете анализировать характеръ такого субъекта, если вы обратите вниманіе на рожденныя особенности его психическаго склада, то убѣдитесь въ томъ, что и здѣсь всегда, т.-е. до появленія признаковъ болѣзненнаго сутяжничества, были своеобразныя черты въ нервно-

психической организаціи, намъ уже теперь хорошо знакомы, именно, черты патологическаго резонерства. По своимъ проявленіямъ патологическое сутяжничество стоитъ весьма близко къ тому, что мы наблюдаемъ у преслѣдуемыхъ - преслѣдователей; иной разъ у этихъ послѣднихъ можно констатировать вмѣстѣ съ идеями преслѣдованія и признаки патологическаго сутяжничества. Это послѣднее выражается въ томъ, что у даннаго индивидуума отмѣчается наклонность заводить съ окружающими ссоры, придирается чуть ли не ко всѣмъ, особенно къ тѣмъ, съ кѣмъ онъ чаще всего встрѣчается и имѣетъ дѣло; и увлекаясь защитой своихъ интересовъ, часто мелочныхъ, неважныхъ, вовсе несущественныхъ, онъ не ограничивается однимъ заявленіемъ своихъ претензій на словахъ, но находитъ нужнымъ обращаться или къ администраціи, или къ судебнымъ властямъ. Такъ какъ сутяга начинаетъ оффиціальное дѣло по поводу какого-либо пустяка, ничтожнаго проступка со стороны окружающихъ или даже безъ видимаго повода, то, естественно, ему или отказываютъ въ разбирательствѣ дѣла, или рѣшаютъ его не такъ, какъ ему хотѣлось бы и какъ онъ находитъ это справедливымъ; но это обстоятельство ведетъ къ тому, что онъ воодушевляется въ этомъ отношеніи еще больше, переходитъ постепенно изъ одной инстанціи въ другую. Если онъ не находитъ лицъ, которыя пожелали бы вести его дѣло, онъ этимъ не смущается, начинаетъ оживленно работать самъ, суетится, хлопочетъ, волнуется, много говоритъ объ этомъ окружающимъ, пишетъ бумаги, жалобы, стараясь выяснитъ правоту своего дѣла и показать, что обидчикъ его виноватъ и неправъ. Хотя бы для всѣхъ была очевидна нелѣпность, вздорность начатого дѣла, сутяга этимъ не убѣждается; ибо онъ, какъ и всякій резонеръ, имѣетъ свое особое мнѣніе на этотъ счетъ; взгляды другихъ, ихъ мнѣнія, противоположныя тому, что онъ думаетъ, не останавливаютъ его, не отвлекаютъ его отъ затѣяннаго процесса; и онъ живетъ имъ, всѣ его интересы сосредоточиваются на этомъ, на одномъ его дѣлѣ. И тутъ сказывается знакомая намъ уже во многихъ случаяхъ односторонность мышленія при патологическомъ резонерствѣ, неспособность отличать важное отъ несущественнаго, болѣзненная наклонность защищать собственные интересы, моральные и матеріальные, отъ воображаемыхъ враговъ и недоброжелателей, часто существующихъ лишь въ его воображеніи. Сутяга пишетъ обыкновенно

длинные, пространные прошения и заявленія; въ нихъ онъ допускаетъ излишнія, ненужныя, не относящіяся къ дѣлу отступленія; въ нихъ онъ дѣлаетъ неумѣстныя часто замѣчанія по адресу своихъ обидчиковъ; даже больше, въ нихъ онъ не стѣсняется выражать и свои подозрѣнія и даже обвиненія относительно тѣхъ, кто выноситъ рѣшеніе по его дѣлу въ низшихъ инстанціяхъ. Если у него слаба критика, если онъ увлекся, явно болѣзненнымъ образомъ, своимъ процессомъ, онъ можетъ причислить къ составу своихъ враговъ и представителей администраціи или судебныхъ учреждений, онъ начинаетъ писать чуть ли не отдѣльныя жалобы и на нихъ, а не только на своихъ первоначальныхъ обидчиковъ и недоброжелателей. Всюду и вездѣ онъ самъ защищаетъ свои интересы, обнаруживая при этомъ настойчивость и не жалѣя средствъ на веденіе судебныхъ и административныхъ дѣлъ. Неудачи его не останавливаютъ, онъ не щадитъ своего здоровья, онъ можетъ не спать по ночамъ, работая и соображая по своему дѣлу; онъ не задумается, если это нужно по его мнѣнію, переѣхать для пользы дѣла, ради успѣха его, изъ уѣзднаго города въ губернской и отсюда въ столицу, гдѣ сосредоточены высшія административныя и судебныя инстанціи; онъ дѣйствуетъ иной разъ съ поразительною настойчивостью; онъ не сомнѣвается въ томъ, что онъ можетъ быть неправъ и ошибается; онъ не допускаетъ даже и мыслей такого рода. Встрѣчая на своемъ пути однѣ лишь неудачи, онъ, конечно, объясняетъ это завистью и злобой людей, ихъ продажною, тѣмъ, что вездѣ и всюду дѣйствуетъ одинъ только подкупъ, взятки и пр. Проявляя болѣзненную и одностороннюю настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли, путешествуя съ своимъ дѣломъ по разнымъ инстанціямъ, не стѣсняясь въ то же время въ своихъ выраженіяхъ, иногда очень грубыхъ, рѣзкихъ или даже циничныхъ, сутяга обращаетъ нерѣдко вниманіе на себя своимъ страннымъ поведеніемъ, своими рѣчами и угрозами, своею патологическою при этомъ несдержанностью; онъ можетъ производить въ это время впечатлѣніе чловѣка ненормальнаго, и дѣло можетъ окончиться тѣмъ, что его задержать и помѣстятъ на испытаніе въ заведеніе для душевнобольныхъ. Здѣсь онъ вскорѣ нѣсколько успокаивается, хотя продолжаетъ горячо говорить о своихъ врагахъ, о подлости и низости людской; онъ протестуетъ, безъ сомнѣнія, противъ задержанія, про-

тивъ того, что его сочли ненормальнымъ; это его возбуждаетъ; онъ готовъ признать себя, пожалуй, нервно-больнымъ, впечатлительнымъ, раздражительнымъ, но онъ не допускаетъ и мысли о психическомъ разстройствѣ. Сдѣлавшись болѣе сдержаннымъ, онъ на многихъ въ это время можетъ производить иное впечатлѣніе; онъ можетъ разжалобить своими односторонними рассказами о несправедливостяхъ людей; и иной разъ у нѣкоторыхъ остается впечатлѣніе, что, можетъ быть, онъ и правъ во многомъ, ибо въ своихъ рассказахъ преувеличенно говорить о томъ, что сдѣлали ему дурного другіе, и совѣмъ умалчиваетъ о томъ, что онъ самъ дѣлалъ, о своихъ угрозахъ, о своихъ придиркахъ и пр. Если при помѣщеніи въ психіатрическое заведеніе сутяги такого рода участвовали почему-либо родные, близкіе или знакомые, такъ онъ обрушивается на нихъ и, получивъ свободу, готовъ начинать выяснять ошибочность помѣщенія его въ специальное заведеніе, ненужность его интернированія; при этомъ, онъ не только выражаетъ свои жалобы на словахъ, но и тѣмъ, что подаетъ официальные заявленія объ этомъ прокурору, администраціи и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ признаковъ болѣзненнаго сутяжничества начинается съ того момента, когда индивидуумъ съ патологическимъ резонерствомъ или съ симптомами того, что наблюдается у преслѣдуемыхъ - преслѣдователей, помѣщается почему-либо въ заведеніе для душевнобольныхъ. Покинувъ послѣднее, онъ принимается съ поразительной настойчивостью иногда преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, кто этому такъ или иначе, по его мнѣнію, способствовалъ. Вотъ почему у преслѣдуемаго - преслѣдователя наблюдается иной разъ картина и патологическаго сутяжничества. Не находя удовлетворенія въ разрѣшеніи своего дѣла ни у администраціи, ни въ судебныхъ учрежденіяхъ, сутяга можетъ рѣшиться, конечно, и на то, чтобы прибѣгнуть къ физическому насилію надъ лицами, которыхъ считаетъ своими врагами и обидчиками; иной разъ онъ рассчитываетъ обратить этимъ вниманіе на себя, на свои обиды, на несправедливости со стороны многихъ, имъ испытываемыя. Признаки патологическаго сутяжничества обнаруживаются почти всегда въ среднемъ возрастѣ; относительно того, почему бываетъ это именно такъ, можно бы сказать лишь то, что говорилось мною, когда была рѣчь о томъ, что типическая картина бредовыхъ интерпретацій у преслѣдуемыхъ - преслѣдователей развивается также въ среднемъ

возрастѣ. Заканчивая свои соображенія и выводы относительно патологическаго сутяжничества, относительно того, что такое «*paranoia quaerulans*», нужно добавить еще разъ, что это не самостоятельная болѣзнь, это, конечно, не нозологическая единица, это—лишь одинъ изъ своеобразныхъ, болѣе уродливыхъ, можетъ быть, признаковъ того же патологическаго резонерства; ибо всѣ сутяги, безъ сомнѣнія, по складу своего характера, по своимъ прирожденнымъ особенностямъ являются чистыми, истинными резонерами, у которыхъ можно констатировать характерныя черты патологическаго резонерства.

Переходимъ теперь къ описанію слѣдующаго ряда лицъ, относящихся къ этой же категоріи, но можетъ быть, болѣе безобидныхъ въ житейскомъ отношеніи, болѣе благодушныхъ, но столь же странныхъ и оригинальныхъ субъектовъ, встрѣчающихся иногда въ обыденной жизни. Начну съ того, что познакомлю васъ съ индивидуумами, у которыхъ наблюдается такъ называемый бредъ изобрѣтеній и открытій. Старая симптоматологическая психіатрія выдѣляла даже какъ будто особую форму подъ названіемъ «*paranoia inventoria*»; но и здѣсь, конечно, мы имѣемъ дѣло не съ особой формой болѣзни, а лишь съ однимъ изъ признаковъ, обнаруживающихся на характерномъ фонѣ патологическаго резонерства. Въ наиболѣе рѣзкихъ случаяхъ, о которыхъ идетъ сейчасъ рѣчь, наблюдаются странныя, нелѣпыя мысли, бредовыя концепціи, касающіяся открытій или изобрѣтеній; и содержаніе бредовыхъ идей и представленій бываетъ, конечно, различное въ отдѣльныхъ случаяхъ этого рода. Одинъ субъектъ воображаетъ, что онъ сдѣлалъ необычайныя, великія открытія въ физикѣ; другой увѣренъ, что ему удалось разрѣшить какія-либо неразрѣшимыя проблемы въ химіи; третій — сдѣлать такое открытіе въ математикѣ, какое не приходило въ голову никому; четвертый воображаетъ, что онъ изобрѣлъ *perpetuum mobile* и т. д., и т. д. Иной разъ такой субъектъ не имѣетъ даже основныхъ свѣдѣній по тому предмету, той отрасли знаній, въ области которой онъ, по его мнѣнію, сдѣлалъ такія великія открытія; бываютъ случаи, когда ложныя идеи высказываются болѣе образованными людьми, достаточно учившимися; и тогда, конечно, патологическія проявленія будутъ бросаться въ глаза не сразу, хотя образованные специалисты всегда отличать вздорные взгляды отъ истинныхъ. Содержаніе

ложныхъ концепцій или бредовыхъ открытій и изобрѣтеній можетъ касаться какъ вопросовъ, пока недоступныхъ еще человѣческому разуму, такъ и открытій и изобрѣтеній, возможныхъ и даже вѣроятныхъ. Индивидуумы данной категоріи заявляютъ о себѣ отъ времени до времени на разныхъ поприщахъ, при различныхъ условіяхъ. Они примѣняютъ свою больную фантазію, свое патологическое творчество въ разрѣшеніи многихъ практическихъ вопросовъ; напр., нѣкоторые изъ нихъ выступаютъ въ качествѣ изобрѣтателей при испытаніи и пробахъ огнеупорныхъ матеріаловъ для построекъ и съ увѣренностью, съ полнымъ убѣжденіемъ въ непреложности своего открытія представляютъ матеріалъ, оказывающійся не только не огнеупорнымъ, а наоборотъ даже весьма легко воспламеняющимся. Объясняется, напр., премія за изобрѣтеніе для экипажей резиновыхъ шинъ, не разбрызгивающихъ грязи на плохихъ, булыжныхъ мостовыхъ; и вотъ въ качествѣ участника въ конкурсѣ появляется субъектъ съ бредомъ открытій и изобрѣтеній и выставляетъ свои модели, при чемъ оказывается, что форма резиновыхъ шинъ такова, что грязь разбрасывается еще больше. Индивидуумовъ такого рода вы встрѣчаете и въ качествѣ предсказателей погоды, и въ качествѣ изобрѣтателей воздушнаго корабля и пр. Но все, что ими дѣлается, носить на себѣ нерѣдко печать недомыслія, незнанія и незнакомства съ научнымъ методомъ, обнаруживаетъ ихъ невѣжество, резонерство, нелѣпныя фантазіи; и всѣ ихъ открытія и изобрѣтенія оказываются лишь бредовыми концепціями, свойственными многимъ лицамъ съ патологическимъ резонерствомъ. Понятно само собою, что здѣсь наблюдается, вмѣстѣ съ внутреннимъ однообразіемъ, большое внѣшнее разнообразіе; тутъ вы увидите лицъ, гдѣ патологическіе признаки выражены рѣзко, очевидны для всѣхъ почти и бросаются въ глаза тѣмъ рѣзче, чѣмъ нелѣпѣ самыя бредовыя концепціи; но тамъ, гдѣ онѣ не сразу обнаруживаются, гдѣ ихъ высказываетъ чловѣкъ, не лишенный образованія, развитія, начитанности, нѣкоторыхъ внѣшнихъ способностей, — тамъ онѣ распознаются не всегда просто и не такъ уже легко. И я хотѣлъ бы отмѣтить то обстоятельство, что существуютъ индивидуальныя проявленія въ этихъ случаяхъ и часто большія внѣшнія колебанія. Чтобы пояснить, въ чемъ выражается иногда бредъ открытій и изобрѣтеній у лицъ, страдающихъ патологическимъ резонерствомъ, я позволю себѣ

привести нѣсколько конкретных примѣровъ изъ своей врачебной дѣятельности. Напр., я припоминаю одного больного, который былъ убѣжденъ въ томъ, что ему удалось найти способъ лечити съ успѣхомъ душевныя болѣзни; онъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что онъ сдѣлалъ открытiе, чрезвычайно полезное для человѣческаго рода. Онъ полагалъ, что всякая душевная болѣзнь должна пройти, если ко рту больного привязать изображенiе креста. Онъ много носился со своимъ воображаемымъ открытiемъ; онъ обращался къ врачамъ-психіатрамъ и просилъ ихъ дать ему возможность подтвердить это открытiе; онъ много говорилъ о немъ, высказывалъ свои соображенія на этотъ счетъ съ волненiемъ; онъ убѣждалъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ былъ заинтересованъ совершенно безкорыстно; онъ имѣлъ въ виду лишь общее благо человѣческаго рода и не преслѣдовалъ своихъ личныхъ цѣлей. Онъ былъ настойчивъ въ осуществленіи своего намѣренія и не сомнѣвался въ истинности своего открытiя; онъ обращался къ священникамъ; и, когда они не соглашались съ нимъ, рѣшилъ прибѣгнуть за разрѣшенiемъ интересующаго его дѣла къ высшимъ духовнымъ лицамъ и доходилъ съ своими просьбами и заявленiями, кажется, до Синода. Встрѣчая отказы, онъ объяснялъ это посвоему; ему мерещились при этомъ низменныя стороны людей, ихъ зависть, боязнь того, что онъ будетъ возвеличенъ въ ущербъ имъ и пр.

Или вотъ еще примѣръ. Нѣсколько уже лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ пожилымъ человѣкомъ, лѣтъ 55, у котораго существовали бредовыя концепціи, связанныя съ открытiями и изобрѣтенiями. Это былъ субъектъ, происходившій изъ крестьянскаго сословія и не получившій никакого оффиціального образованія; отличаясь предприимчивостью, находчивостью и нѣкоторыми внѣшними способностями, онъ сумѣлъ скопить себѣ какимъ-то образомъ достаточное количество денегъ для того, чтобы, пустивши ихъ въ оборотъ, пріобрѣсти затѣмъ капиталъ, достаточный для открытiя небольшой типографіи; въ этой послѣдней онъ сталъ самъ заниматься съ интересомъ и велъ довольно успѣшно свои дѣла; но вотъ за послѣдніе годы онъ сталъ меньше интересоваться своими типографскими дѣлами, сталъ больше заниматься отвлеченными вопросами, сталъ говорить о законахъ физики, началъ самъ производить какіе-то опыты. И матеріальныя дѣла его типографіи пошатнулись; они стали

разстраиваться все больше и больше; но онъ, будучи занятъ, по его мнѣнію, болѣе серьезными и важными вопросами, не придавалъ этому особаго значенія, не волновался по этому поводу, продолжая спокойно заниматься физикой, какими-то опытами. На смѣну ему по типографіи явилась какая-то компанія, которая и взяла все его дѣло въ свои руки; ему было предложено достаточное вознагражденіе, онъ согласился и былъ очень доволенъ тѣмъ, что ему не приходится заниматься тѣмъ дѣломъ, которое его больше теперь уже не интересуетъ; онъ былъ весьма радъ тому, что можетъ теперь свободно, не отвлекаясь ничѣмъ, заняться изученіемъ физики и наукъ, его интересующихъ. Затѣмъ, онъ началъ увѣрять окружающихъ, что ему удалось сдѣлать гениальныя открытія въ физикѣ; ему хотѣлось бы, чтобы съ его открытіями познакомились другіе, чтобы узналъ о нихъ весь свѣтъ. Онъ отпечаталъ свои произведенія въ своей прежней типографіи, носившей его имя, и сталъ ихъ разсылать по редакціямъ газетъ и журналовъ; онъ ждалъ, даже больше, онъ былъ увѣренъ, что безпристрастная критика обратитъ, наконецъ, вниманіе на его произведенія; онъ былъ удивленъ тѣмъ, что на его сочиненіе не обращаютъ вниманія, замалчиваютъ ихъ; онъ видѣлъ въ этомъ происки, зависть со стороны профессоровъ и оффиціальныхъ представителей науки. Однажды онъ обратился за содѣйствіемъ къ одному весьма извѣстному русскому писателю съ просьбой прочесть его произведенія и высказать о нихъ свое мнѣніе; тотъ отвѣтилъ ему, что онъ не судья, не компетентенъ въ тѣхъ научныхъ вопросахъ, которые затрагиваются въ присланныхъ ему работахъ, и обѣщалъ передать ихъ на разсмотрѣніе профессору физики. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта отъ этого послѣдняго; а когда получился неблагоприятный, отрицательный отвѣтъ, онъ объяснилъ это тѣмъ, что профессоръ физики, попросту, завидуетъ ему. Тогда онъ задумалъ представить свои произведенія на съѣздъ врачей и естествоиспытателей, бывший какъ-то въ одной изъ русскихъ столицъ; но когда онъ далъ заглавіе своего сочиненія, его попросили представить рукопись, подлинникъ доклада, прежде чѣмъ допустить его до чтенія на съѣздѣ. И здѣсь онъ не имѣлъ успѣха, ибо докладъ его не былъ принятъ, и самая рукопись была ему возвращена. Позднѣе онъ написалъ еще одну работу, касающуюся агрономіи, и ему удалось добиться того, чтобы его произ-

ведение было выставлено на сельско-хозяйственной выставкѣ, бывшей въ то время въ Москвѣ. Онъ надѣялся, что обратятъ же наконецъ вниманіе на его гениальныя произведенія, и ранѣе торжествовалъ побѣду надъ своими завистниками и безчестными врагами, не хотѣвшими признать за нимъ заслугъ великаго изобрѣтателя. Но ожиданія его не сбывались, и въ газетахъ о немъ ничего не писали. Кромѣ разработки теоретическихкихъ наукъ, онъ занимался различными практическими изобрѣтеніями; напр., онъ старался открыть способъ быстро дѣлать дерево непромокаемымъ; онъ сталъ вскорѣ увѣрять, что ему удалось это, и онъ получилъ будто бы блестящіе результаты; при чемъ онъ куски своего непромокаемаго дерева отправилъ для спеціальнаго изслѣдованія въ С.-Петербургъ. Даже больше, ему удалось убѣдить кого-то изъ знакомыхъ предпринимателей и войти съ нимъ въ соглашеніе по поводу фабричнаго приготовленія такого дерева, которое не можетъ пропитываться водою. Мнѣ пришлось видѣться съ нимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія и страннаго внѣшняго вида, съ большими очками; почти вся передняя часть черепа и большая часть лица были покрыты у него рубцами; нижнія вѣки, напр., съ обѣихъ сторонъ были выворочены вслѣдствіе рубцового стягиванія; на головѣ не было почти волосъ, отчасти благодаря тѣмъ же обширнымъ рубцамъ. Оказалось, что эти обширные рубцы, которые наблюдаются у него, произошли отъ ожоговъ, полученныхъ имъ при его опытахъ и при неумѣломъ обращеніи съ легко воспламеняющимися веществами. Онъ держался съ большимъ достоинствомъ, нѣсколько горделиво, былъ любезенъ, началъ охотно разговаривать; онъ считалъ себя утомленнымъ отъ усиленныхъ умственныхъ занятій и нервнымъ, раздражительнымъ вслѣдствіе различныхъ непріятностей, которыя ему приходится испытывать. Онъ сообщилъ, что до него доходятъ слухи о томъ, что нѣкоторые считаютъ его умственно разстроеннымъ; онъ съ негодованіемъ отвергаетъ это. Вскорѣ онъ перевелъ разговоръ на свои занятія, свое увлеченіе физикой и изученіемъ законовъ, касающихся этой отрасли знанія; онъ спросилъ у меня, знакомъ ли я съ его произведеніями, и началъ мнѣ съ воодушевленіемъ, достойнымъ лучшей участи, приводить доказательства тому, что нѣтъ атмосфернаго давленія и пр., и показалъ какіе-то остатки какихъ-то физическихъ

опытовъ, имъ произведенныхъ. Если сдѣлать ему какое-нибудь возраженіе и замѣтить, что онъ, можетъ быть, ошибается, онъ начинаетъ приходить въ нѣкоторое волненіе; и тогда его воодушевленіе переходитъ извѣстныя границы, такъ что приходится воздерживаться отъ подачи репликъ и отъ своихъ замѣчаній и молча выслушивать то, что онъ повѣствуетъ о своихъ опытахъ и открытіяхъ. Онъ такъ сосредоточенъ на этихъ послѣднихъ, что все другое его мало интересуетъ. Онъ считаетъ себя великимъ человѣкомъ; ему думается, что то, что онъ открылъ въ физикѣ, можетъ произвести переворотъ въ этой наукѣ и во всемъ, что съ нею связано; онъ убѣжденъ въ томъ, что ему удалось доказать, что многіе изъ основныхъ законовъ физики ошибочны и ложны и представляютъ результатъ заблужденій человѣческаго ума; онъ не сомнѣвается въ томъ, что ему удалось открыть глаза профессиональнымъ ученымъ и доказать существованіе грубыхъ ошибокъ, упущенныхъ во всѣхъ руководствахъ по физикѣ. Онъ стремится къ тому, чтобы какъ можно скорѣе узналъ весь свѣтъ объ его открытіяхъ; но на своемъ пути онъ встрѣчается съ человѣческими пороками, злобой, съ завистью, съ боязнью сознаться въ своихъ заблужденіяхъ, и все это служитъ препятствіемъ для осуществленія его стараній принести пользу человѣчеству. Онъ рассуждаетъ такъ: какъ, въ самомъ дѣлѣ, профессора физики, напр., признаются въ томъ, что они прежде заблуждались, и какъ они могутъ отвергнуть то, во что вѣрили твердо такъ недавно? Онъ полагаетъ, что его новыя открытія объясняются такъ просто, такъ ясно, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что тѣ истины, которыя онъ даетъ, всѣмъ, конечно, понятны и для всѣхъ убѣдительно съ несомнѣнною очевидностью. Ему становится ясно, что оффиціальные представители науки не имѣютъ просто смѣлости сказать: «да, до настоящаго времени мы ошибались; теперь для насъ несомнѣнно, что нѣтъ атмосфернаго давленія и пр.» Но чтобы сдѣлать такое признаніе, рассуждаетъ онъ, надо быть Геркулесомъ, какъ онъ, нужно быть вторымъ Галилеемъ. Однако, у него сохраняется увѣренность, что идеи его, открытія его рано или поздно восторжествуютъ, и его имя станетъ бессмертнымъ, а его открытія войдутъ во всѣ учебники физики. Неудачи, которыя онъ терпитъ, онъ переноситъ какъ герой, и утѣшаетъ себя мыслью, что если не удастся при жизни достиг-

нуть желаемой цѣли, то друзья и всѣ тѣ, кто цѣнить и понимаетъ его, опубликуютъ и распространять его открытія, столь драгоценныя и полезныя для человѣческаго рода; и имъ онъ хочетъ завѣщать свои произведенія. Когда разговоръ не касается физическихъ законовъ, надъ изученіемъ которыхъ онъ такъ много трудился, онъ разсуждаетъ во многихъ отношеніяхъ, какъ обыкновенный человѣкъ, и не высказываетъ ничего абсурднаго; и это заставляетъ думать нѣкоторыхъ изъ окружающихъ, что онъ не представляетъ ничего патологическаго; такъ, напр., его сестра, женщина мало интеллигентная, находитъ, что ея братъ человѣкъ необыкновеннаго ума, очень образованъ и ученъ, полагая, что многіе его не понимаютъ и неправильно смотрятъ на него. Какъ и при другихъ разновидностяхъ патологическаго резонерства не бываетъ галлюцинацій, ни иллюзій, или же тѣ и другія при этомъ случайны и не стойки, такъ же точно онѣ не характерны и для того признака, который выражается въ формѣ того, что прежде носило названіе «*raganoia inventoria*»; ихъ не было и у нашего изобрѣтателя, котораго я вамъ представилъ сейчасъ въ своемъ разсказѣ. Здѣсь мы видѣли уже рѣзко выраженныя, очевидныя бредовыя концепціи, ложныя интерпретаціи; здѣсь абсурдныя идеи обнаружались въ рѣзкой формѣ, ярко у человѣка, въ сущности не интеллигентнаго, почти не учившагося, взявшагося за разрѣшеніе сложныхъ физическихъ проблемъ. Но иной разъ приходится встрѣчать субъектовъ той же категоріи, съ тѣми же качественными особенностями, съ такими-же ложными концепціями, но съ менѣе абсурдными интерпретаціями; и представьте себѣ, при этомъ, что подобная аномалія, менѣе рѣзко обрисовывающаяся, аномалія въ логическомъ процессѣ существуетъ у человѣка развитого, образованнаго, обладающаго значительнымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній; и вамъ будетъ ясно, что въ этомъ случаѣ не такъ просто и не такъ легко обнаружить уклоненіе въ мыслительномъ процессѣ, если оно наблюдается вмѣстѣ съ тѣмъ у индивидуума съ нѣкоторыми внѣшними способностями, не лишеннаго извѣстнаго блеска, при умѣннѣ недурно доказывать и мотивировать свою ошибочную или ложную идею. Конечно, существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней отъ изобрѣтателей, патологическое состояніе которыхъ очевидно для многихъ, если не для всѣхъ, до такихъ индивидуумовъ, гдѣ ложныя концепціи болѣе стройны и тонки

и маскируются положительными сторонами нервно-психической организаціи даннаго субъекта.

Вспоминается мнѣ одинъ молодой еще человекъ, который написалъ работу по какому-то сложному вопросу теоретической химіи; не имѣя возможности выступить въ ученomъ обществѣ, среди спеціалистовъ, онъ отпечаталъ ее, и она была въ книжныхъ магазинахъ, между тѣмъ какъ спеціалисты-химики говорили, что это изслѣдованіе является результатомъ логической ошибки, логическаго скачка и совсѣмъ не научно. И нужно было быть спеціалистомъ, чтобы увидѣть, что тутъ кроется изъянъ въ мыслительномъ процессѣ, патологическая черточка, свѣдущая къ нулю всю работу автора и что тутъ нѣтъ никакого научнаго открытія; тѣмъ болѣе, что самъ авторъ этого произведенія не говорилъ ничего абсурднаго въ другихъ отношеніяхъ и былъ лишь съ чертами, свойственными людямъ съ тою или иною степенью патологическаго резонерства.

На съѣздѣ педагогической психологіи, бывшемъ не очень давно, былъ прочитанъ одинъ докладъ, показавшійся нѣкоторымъ слушателямъ страннымъ; его заслушали, никто ничего не сказалъ, не сдѣлали по поводу него никакого постановленія и о немъ совершенно потомъ забыли. Этимъ я хочу обратить ваше вниманіе на то, что лица съ патологическимъ резонерствомъ могутъ выступать не только въ качествѣ изобрѣтателей, о которыхъ мы говорили выше, но и съ своими странными сообщеніями на спеціальныхъ съѣздахъ.

Къ лицамъ той же категоріи нужно относить и нѣкоторыхъ субъектовъ, имѣющихъ явно патологическую оцѣнку своихъ способностей; напримѣръ, встрѣчаются лица, воображающія, что они обладаютъ необыкновенно музыкальнымъ и сильнымъ голосомъ; при этомъ, они любятъ демонстрировать другимъ свои воображаемые таланты; и въ этомъ отношеніи они производятъ впечатлѣніе людей иной разъ дѣтски-наивныхъ, ибо ихъ способности поразительно рѣзко могутъ расходиться съ ихъ крайне преувеличеннымъ мнѣніемъ о своемъ дарованіи.

Нѣтъ надобности перечислять всѣ поприща, всѣ спеціальности, гдѣ выступаютъ люди съ патологическимъ резонерствомъ. Это завело бы къ тому же насъ и слишкомъ далеко. Нужно сказать, что при самыхъ разнообразныхъ индивидуальныхъ проявленіяхъ патологическаго резонерства лица данной категоріи

обнаруживаютъ тѣ основныя черты характера, о которыхъ была подробнѣе рѣчь выше.

У женщины иной разъ при патологическомъ резонерствѣ появляется эротоманическая окраска на системѣ бредовыхъ концепцій и интерпретацій; напримѣръ, возникаютъ у женщины-резонерки мысли, совершенно не соотвѣтствующія дѣйствительности, о томъ, что такой-то мужчина преслѣдуетъ ее своими ухаживаніями; и она серьезно и иной разъ съ полнымъ убѣжденіемъ рассказываетъ о томъ, что такой-то въ нее влюбленъ. То эти рассказы ведутся въ такой формѣ, что можно, пожалуй, подумать, что это вѣрно; иногда же они носятъ нѣсколько наивный характеръ, и въ нихъ ясно выступаетъ патологическій элементъ. Тутъ создается сложная система бредовыхъ идей и ложныхъ умозаключеній. Ложныя представленія могутъ касаться, что бываетъ нерѣдко, различныхъ высокопоставленныхъ лицъ, высшихъ духовныхъ сановниковъ, митрополита, напримѣръ. Такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ лицами, относящимися къ категоріи патологическихъ резонеровъ, то тутъ будутъ черты характера, намъ уже знакомыя. Интересно, что женщина-резонерка съ эротоманическими концепціями и интерпретаціями то сердится на своего воображаемаго поклонника, то, наоборотъ, ищетъ случая показать ему свою взаимность и свое расположеніе; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ она можетъ даже преслѣдовать его, доставляя, конечно, иной разъ много непріятностей тому, на кого она обратила свое вниманіе. И въ этомъ отношеніи она напоминаетъ нѣсколько преслѣдуемыхъ-преслѣдователей, о которыхъ пришлось раньше говорить. Прежняя психіатрія выдѣляла даже какъ бы особую форму, давая ей названіе «*paranoia erotica*». Послѣ того, что было мною изложено по поводу патологическаго резонерства и многихъ его разновидностей, ясно становится, что это не особая болѣзнь, не нозологическая единица, а одинъ изъ своеобразныхъ признаковъ, стоящихъ въ тѣсной связи съ патологическимъ резонерствомъ, какъ съ врожденной нервно-психической организаціей.

Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ патологическаго резонерства, такъ и здѣсь система ложныхъ толкованій представляетъ большое разнообразіе въ отдѣльныхъ конкретныхъ наблюденіяхъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь галлюцинаціи и иллюзіи не имѣютъ особеннаго значенія, являясь иногда, и то лишь какъ

случайный добавокъ, и въ отрывочной, нестойкой формѣ. Чтобы пояснить, въ чемъ выражается иногда эта разновидность патологическаго резонерства, я позволю себѣ привести одинъ случай, мнѣ хорошо знакомый и мною прослѣженный. Это была пожилая особа, болтливая старушка, которая могла долго и безъ конца говорить о разныхъ пустякахъ; она любила обо всемъ разсуждать, при чемъ ее интересовали почти исключительно разныя житейскія мелочи, въ которыя она была вся погружена. Въ общемъ, она была благодушна, суетлива, любила ходить въ гости, гдѣ иногда проводила цѣлые часы въ разговорахъ; она мало слушала и обыкновенно сама разсказывала другимъ обо всемъ, что гдѣ видѣла и слышала; и она часто не обращала вниманія на то, интересны ли ея разказы для собесѣдника, и это даже какъ будто мало интересовало ее. Доживъ до глубокой старости, она могла все время заниматься дѣломъ, содержать себя; и это показываетъ, что у нея была извѣстная степень работоспособности, практическій смыслъ въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея были мысли, поражающія своею странностью; напримѣръ, она думала, что одинъ изъ ея знакомыхъ, по профессіи врачъ, тоже почтенный старичокъ, преслѣдуетъ ее своей любовью. Она много лѣтъ уже увѣрена въ томъ, что ея мнимый обожатель слѣдитъ за нею всюду, заглядываетъ въ окна комнаты, такъ что она тщательно ихъ завѣшиваетъ. Она полагаетъ, что онъ предлагалъ ей гражданское сожителство, а этого-то именно она и не желаетъ; и соблазнить ее ему никакъ не удастся. Она говоритъ своимъ знакомымъ, что для достиженія своихъ цѣлей ея обожатель будто бы переодѣвается, наклеиваетъ себѣ бороду, придѣлываетъ усы, мѣняетъ платье, иногда даже скрывается подъ рясою священника. Побывавъ въ театрѣ, она сообщаетъ окружающимъ, что и тамъ видѣла своего поклонника и замѣтила сразу, гдѣ онъ сидитъ и какъ онъ смотрѣлъ на нее. Въ связи съ этой идеей у нея сложилась цѣлая сложная система бредовыхъ концепцій и интерпретацій. Она имѣетъ свой взглядъ на своего обожателя, на его личность; она не сомнѣвается въ томъ, что у него много сожительницъ, и нѣкоторыхъ молодыхъ знакомыхъ она принимаетъ за его сыновей или дочерей, находя убѣдительное для нея сходство въ ихъ лицахъ съ лицомъ ея воображаемаго поклонника. Эти неправильныя мысли существу-

ютъ у нея въ теченіе многихъ лѣтъ; и одно время, подѣ влияніемъ своихъ ложныхъ идей, она сама приставала къ своему поклоннику, требуя отъ него объясненій въ его поступкахъ по отношенію къ ней; она, впрочемъ, готова бы была, пожалуй, выйти за него замужъ, но на простое сожителство не соглашалась. Въ разрѣшеніи столь важнаго для нея вопроса, она проявляла настойчивость, требуя объясненій; и тотъ лишь удивлялся, что его беспокоитъ какая-то незнакомая женщина; не зная, какъ избавиться отъ назойливой и энергичной посѣтительницы, онъ рѣшилъ обратиться за помощью къ администраціи, которая и обязала ее подпиской не приставать къ человѣку, котораго она почти не знала и къ которому не имѣла никакого отношенія. Она перестала дѣлать попытки объясниться съ нимъ, но осталась при своемъ прежнемъ мнѣніи, перетолковавъ только по своему его поведеніе. И послѣ этого инцидента она рассказывала о томъ, что часто встрѣчаетъ около своей квартиры своего обожателя въ томъ или иномъ видѣ и что онъ на улицѣ строить ей разные влюбленные знаки; она увѣрена, что онъ нерѣдко катается мимо ея оконъ и иногда незамѣтно для другихъ постучить ей въ окно, почему-то не рѣшаясь по-просту явиться къ ней въ своемъ настоящемъ видѣ. Анализируя психическій складъ ея, обращая вниманіе на основныя черты ея характера, можно было легко убѣдиться въ томъ, что она настоящая резонерка, у которой были всѣ признаки, какіе мы видѣли въ той или иной формѣ и въ различной степени у индивидуумовъ, принадлежащихъ къ разряду патологическихъ резонеровъ; и бредовыя концепціи и интерпретаціи въ данномъ случаѣ были лишь болѣе уродливымъ проявленіемъ опредѣленной нервно-психической организаціи, о которой идетъ сейчасъ рѣчь. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ патологическаго резонерства, въ происхожденіи системы ложныхъ идей и представленій не играютъ роли ни галлюцинаціи, ни иллюзіи; и бредъ тутъ сводится къ изынанамъ въ логическомъ процессѣ и является результатомъ патологическихъ умозаключеній.

IV.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при существованіи тѣхъ аномалій характера, о которыхъ была до сихъ поръ рѣчь, т.-е. при ре-

зонирующемъ конституціональномъ состояніи, какъ прирожденной нервно-психической организаціи, наблюдается рядъ неправильныхъ толкованій и интерпретацій, выражающихся въ формѣ патологической ревности. Этотъ признакъ иногда развивается весьма рѣзко; онъ бросается въ глаза даже мало наблюдательнымъ окружающимъ и отражается на поведеніи того субъекта, у котораго онъ обнаруживается. Патологическая ревность резонеровъ, повидимому, чаще встрѣчается у мужчинъ, нежели у женщинъ. Въ семейной жизни данный признакъ приноситъ много горя и несчастій, особенно, если онъ достигаетъ извѣстной интенсивности. Такъ какъ вы теперь уже знакомы съ характеромъ патологическихъ резонеровъ, съ тѣмъ, что здѣсь обыкновенно отмѣчается нѣкоторая моральная нечувствительность, такъ какъ вы видѣли, какъ настойчивы бываютъ резонеры и какъ одностороненъ бываетъ ихъ взглядъ въ какомъ-нибудь направленіи, то можете вообразить себѣ, въ какой тягостной формѣ сказывается патологическая ревность въ этихъ случаяхъ, если она всплываетъ наружу у одного изъ супруговъ. Резонеръ-ревнивецъ придирается къ женѣ, провѣряетъ ея поступки; ея доказательства для него не убѣдительны. Онъ самъ волнуется, и создается у него иногда цѣлая система бредовыхъ представлений, связанныхъ съ невѣрностью жены. Онъ, впрочемъ, не ограничивается своими подозрѣніями, своими упреками; онъ начинаетъ иной разъ угрожать своей женѣ, будучи убѣжденъ въ томъ, что она ему измѣняетъ; подъ вліяніемъ этой ревности, онъ можетъ прибѣгать къ различнымъ насильственнымъ мѣрамъ по отношенію къ своей женѣ; то онъ можетъ, напримѣръ, стѣснять ее въ выходахъ изъ дому, запирая въ домѣ двери на замки; то онъ приводитъ въ дѣйствіе свои угрозы, награждая жену толчками и даже настоящими побоями; то онъ даже готовъ покончить съ нею. И въ этихъ случаяхъ вы встрѣчаетесь съ чрезвычайно тягостной трагедіей семейной жизни; къ счастью, рѣзкіе примѣры патологической ревности у резонеровъ встрѣчаются въ жизни не такъ уже часто, хотя лицъ съ патологическимъ резонерствомъ — достаточное количество; но ихъ одностороннія, бредовыя концепціи принимаютъ инныя проявленія.

Заканчивая описаніе различныхъ бредовыхъ формъ патологическаго резонерства, нужно еще указать на то, что иной разъ

здѣсь приходится наблюдать своеобразный, иногда курьезный бредъ одержимости животными. Этотъ симптомъ, этотъ признакъ обнаруживается обыкновенно у такихъ резонеровъ, гдѣ умственное развитіе невелико, у людей мало интеллигентныхъ, у лицъ простого класса. Нерѣдко въ этихъ случаяхъ у индивидуума возникаютъ мысли о томъ, что внутри у него поселились лягушки и змѣи, зародыши которыхъ случайно, во время сна или съ сырой водой, попали будто бы въ желудокъ; разъ появились такія представленія, субъектъ продолжаетъ ихъ развивать, и у него создается сложная система ложныхъ толкованій и интерпретацій, связанныхъ съ этими ошибочными заключеніями. Онъ много объ этомъ думаетъ, это его беспокоитъ, ибо онъ увѣренъ, что не ошибается; онъ, конечно, этимъ и удрученъ, такъ какъ жизнь его представляется ему въ большой опасности. Позднѣе онъ приходитъ къ убѣжденію, что лягушка или змѣя, находящаяся въ его желудкѣ, начинаетъ тамъ размножаться; и, соотвѣтственно этимъ представленіямъ, онъ начинаетъ испытывать непріятныя ощущенія подъ ложечкой, въ животѣ; онъ начинаетъ жаловаться на боли въ этихъ областяхъ; т.-е. въ этомъ случаѣ въ картинѣ патологическаго резонерства можно отмѣтить уже ипохондрической элементъ, съ которымъ мы пока еще не встрѣчались. Полагая, что его постигла непріятность, что внутри появились живыя существа въ видѣ змѣй или лягушекъ, индивидуумъ такой, однако, сохраняетъ способность заниматься дѣломъ, и въ другихъ отношеніяхъ у него можетъ не быть ничего такого, что привлекало бы вниманіе окружающихъ. Съ нашей же точки зрѣнія, онъ, конечно, будетъ относиться къ группѣ патологическихъ личностей съ признаками резонерства, выраженнаго въ той или другой степени и создаващаго почву для такихъ курьезныхъ представленій объ одержимости животными. Никакія разубѣжденія, никакія успокоенія здѣсь не приносятъ пользы, и такой субъектъ имъ не поддается; онъ находитъ массу доказательствъ того, что онъ не ошибается. Съ этими ложными заключеніями онъ можетъ быть очень долгое время, и отъ нихъ онъ обыкновенно не отказывается; они носятъ стойкій характеръ и иногда на нѣкоторое время какъ бы становятся слабѣе и затихаютъ. Будучи убѣжденъ въ непреложной безошибочности своихъ заключеній о томъ, что внутри поселились змѣи и лягушки, такой индивидуумъ не огра-

ничивается тѣмъ, что говоритъ объ этомъ; онъ, естественно, желаетъ освободиться отъ несчастья, которое, по его мнѣнію, постигло его. Онъ обращается за совѣтомъ къ врачамъ; его вниманіе останавливается на хирургахъ; ихъ онъ проситъ помочь ему, сдѣлать операцію, хотя бы она была даже очень опасна. Извѣстны случаи, когда врачи, уступая желанію пациента, хотѣли успокоить его и дѣлали ему какую-нибудь операцію подъ хлороформомъ, въ сущности фиктивную, на примѣръ, съ поверхностными разрѣзами, и показывали яко бы вынутыхъ у него изъ желудка животныхъ, присутствіе которыхъ онъ у себя подозрѣвалъ. Иногда это на время какъ бы успокаивало пациента: но затѣмъ онъ снова начинаетъ думать, что при операціи удалили изъ него не всѣхъ животныхъ, которыя были въ его желудкѣ; онъ можетъ увѣрять въ послѣдствіи, что тамъ остались ихъ зародыши, что послѣднихъ, очевидно, не замѣтили; и опять у него развиваются тѣ же бредовыя концепціи, тотъ же бредъ одержимости животными. Иногда, при патологическомъ резонерствѣ, наблюдаются ложныя представленія не объ одержимости гадами, а объ одержимости насѣкомыми, на примѣръ, тараканами. Послѣ всего, мною высказаннаго выше, ясно, конечно, что тѣ случаи, гдѣ существуетъ бредъ одержимости животными, идетъ дѣло не о самостоятельной душевной болѣзни, а объ отдѣльномъ признакѣ, такъ пышно расцвѣтающемъ на фонѣ патологическаго резонерства у лицъ, мало развитыхъ въ интеллектуальномъ отношеніи. Къ стати нужно добавить, что такого рода ложныя мысли носятъ свое названіе и извѣстны подъ именемъ зоопатическаго бреда.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось видѣть своеобразный случай зоопатическаго бреда. Это была простая крестьянская женщина; она жаловалась на то, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ была у какихъ-то своихъ родныхъ, ночевала у нихъ; тамъ она замѣтила, что въ домѣ тогда было много таракановъ. Она увѣрять, что въ ухо залѣзъ ей въ ту ночь тараканъ. Было ли это на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, съ точностью установить не удалось. Одно несомнѣнно, что такая мысль у нея возникла. Вскорѣ она начала увѣрять, что тараканы стали въ ней плодиться, размножаться; ихъ она не видѣла своими глазами, но движенія ихъ, по ея словамъ, такъ ясно ощущала, что для нея не было сомнѣнія, что она не ошибается; ей казалось,

что таракановъ развилось въ ней многое множество. Эта женщина очень живо и картинно рассказывала о своихъ ощущеніяхъ въ тѣлѣ, вызываемыхъ присутствіемъ воображаемыхъ таракановъ. Она увѣрена, что тараканы переходятъ у нея въ тѣлѣ съ мѣста на мѣсто; они движутся будто бы у нея подъ кожей; она замѣчаетъ, что они то собираются больше въ одномъ мѣстѣ, то снова перебираются отсюда въ другое мѣсто, не давая ей покоя; она съ полнымъ убѣжденіемъ, съ непоколебимой увѣренностью рассказываетъ о томъ, какъ «они» то уходятъ къ головѣ, то переползаютъ въ руки и ноги. Ее пугаетъ особенно то обстоятельство, что «они» будто бы временами облѣпляютъ ея сердце; и это приводитъ ее тогда въ большое смущеніе. Она сообщаетъ о томъ, что «они» иногда поднимаются къ горлу и начинаютъ душить. Она не допускаетъ мысли, что, можетъ быть, ошибается; такъ стойки ея убѣжденія на этотъ счетъ! Будучи увѣрена въ томъ, что ею завладѣли тараканы, она начинаетъ беспокоиться по поводу своего здоровья, по поводу того, какъ же дальше то она будетъ жить, и будущее тревожить ее. Она вовсе не хочетъ согласиться съ тѣмъ, что она больна и заблуждается. Она волнуется по поводу того, что отъ таракановъ ей, пожалуй, не станетъ житья, и опасается, что тараканы могутъ вдругъ появиться въ глазахъ, и тогда она должна неминуемо ослѣпнуть. Эта женщина обращалась вначалѣ къ мѣстному врачу, просила его изслѣдовать ей ухо; но изслѣдованіе показало, что въ ухѣ нѣтъ ничего особеннаго. Во время разговора со мною, она рассказывала, главнымъ образомъ, о томъ, что испытываетъ отъ присутствія въ ней таракановъ. Если появляется во время разговора случайная пауза, сейчасъ же она начинаетъ повѣствовать о томъ, что дѣлаютъ въ ней тараканы; то она быстро снимаетъ обувь, показывая, что «они», т.-е тараканы, ушли сейчасъ въ ноги и ползаютъ въ такихъ-то и въ такихъ-то мѣстахъ. Какъ и въ другихъ случаяхъ патологическаго резонерства, такъ и здѣсь не было ни слуховыхъ, ни зрительныхъ галлюцинацій или иллюзій. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ ложныя интерпретаціи, бредовыя концепціи; при чемъ яркія представленія объ одержимости тараканами заставляли эту женщину прислушиваться къ ощущеніямъ въ собственномъ тѣлѣ.

На этомъ мы закончимъ описаніе различныхъ видовъ патологическаго резонерства; мнѣ думается, что нѣтъ надобности

останавливаться еще на какихъ-либо разновидностяхъ этого аномального состоянія, столь богатаго по симптоматологіи, по внѣшнимъ проявленіямъ. Индивидуальныя особенности могутъ быть чрезвычайно многообразны, и нѣтъ, конечно, возможности ни упоминать о всѣхъ нихъ, ни надобности ихъ перечислять. Я имѣлъ въ виду дать лишь руководящія идеи для того, чтобы вы могли сами представить себѣ общую картину патологическаго резонерства со всѣми его признаками. Чѣмъ обусловливается это разнообразіе внѣшнихъ проявленій, отъ чего зависитъ эта пестрая картина индивидуальныхъ особенностей, это сказать въ настоящее время трудно; приходится ограничиться пока только констатированіемъ самаго факта.

Патологическое резонерство, со всѣми его разновидностями, служить выраженіемъ прирожденныхъ особенностей нервно-психической организаци; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ своеобразной, до нѣкоторой степени обособленной, категоріей патологическихъ личностей; и у всѣхъ нихъ можно констатировать существованіе общихъ признаковъ, общихъ чертъ характера, о которыхъ мы такъ подробно говорили выше. У одной группы индивидуумовъ относящихся къ этой категоріи, дѣло ограничивается только простымъ, если можно такъ выразиться, но патологическимъ резонерствомъ и дальше этого дѣло не идетъ. Въ другой группѣ на этомъ же фонѣ возникаютъ болѣе уродливыя, причудливыя разрастанія, одностороннія, подчасъ крайне курьезныя. Тамъ и здѣсь можно говорить о качественномъ сходствѣ при количественномъ различіи. Тамъ и здѣсь предъ нами однородныя явленія, несмотря на то, что существуетъ кажущееся внѣшнее несходство.

Патологическое резонерство, по моему мнѣнію, является своеобразнымъ нейрозомъ или, вѣрнѣе сказать, психо-нейрозомъ, аналогичнымъ другимъ психо-нейрозамъ, какъ то истерія, психастенія, эпилепсія. Если бы мы представили въ своемъ воображеніи рядъ переходныхъ случаевъ отъ слабо выраженнаго патологическаго резонерства до болѣе рѣзкихъ его проявленій, до самыхъ уродливыхъ его проявленій, то одинъ конецъ этого ряда постепенно и незамѣтно сливался бы, пожалуй, съ тѣмъ, гдѣ нужно говорить о томъ, что уже приближается къ нормѣ; на другомъ же концѣ этого ряда оказались бы случаи, съ которыми встрѣчается уже клиника душевныхъ болѣзней. И въ томъ,

что одинъ конецъ нашего воображаемаго ряда нерѣзко отдѣляется отъ нормы, не имѣя съ нею опредѣленной границы, нѣтъ ничего удивительнаго, ни неожиданнаго, ибо понятіе о болѣзни и о нормѣ чисто условное, не поддающееся точному опредѣленію и ибо природа не знаетъ, въ сущности, ни патологіи, ни нормы. Можно говорить лишь о томъ, что многіе изъ тѣхъ индивидуумовъ, о которыхъ мы съ вами бесѣдовали, занимаютъ пограничную область между здоровьемъ и душевною болѣзнию; и эта пограничная зона является, конечно, весьма растяжимой, безъ рѣзкихъ очертаній съ той и съ другой стороны.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы остановиться еще на литературѣ, въ которой проявляется своеобразное творчество патологическихъ резонеровъ. Среди этихъ произведеній одни написаны такъ, что уже самая обложка и заглавіе сочиненія указываютъ на то, что это трудъ больного ума; въ другихъ случаяхъ недостатки сочиненія патологическаго резонера не сразу бросаются въ глаза и для иныхъ, незнакомыхъ съ такого рода произведеніями, можетъ показаться, что тутъ нѣтъ ничего особеннаго. Индивидуумы, о которыхъ идетъ сейчасъ рѣчь, пишутъ работы по разнымъ научнымъ и общественнымъ предметамъ; въ этихъ работахъ патологическій резонеръ, съ ложными идеями необыкновенныхъ открытій и изобрѣтеній, излагаетъ свои взгляды и наблюденія. Тутъ вы встрѣчаетесь съ сочиненіями, касающимися физики, химіи, медицины, психологіи, астрономіи, какого-нибудь отдѣла филологіи. Иногда это коротенькія брошюрки, иногда же вы находите здѣсь объемистыя сочиненія; такъ, напр., одинъ изъ субъектовъ данной категоріи занимался писаніемъ своихъ сочиненій и печатаніемъ ихъ, судя по годамъ, выставленнымъ на четырехъ томахъ его печатныхъ трудовъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, и онъ опубликовалъ за этотъ срокъ болѣе полутора тысячъ страницъ; своею литературною плодовитостью этотъ авторъ поражаетъ сравнительно съ своими коллегами, относящимися къ той же категоріи писателей, у которыхъ большое творчество проистекаетъ изъ патологическаго резонерства. И онъ печаталъ свои произведенія при разныхъ цензурныхъ условіяхъ; такъ какъ они касались quasi-научныхъ вопросовъ, то свободно проходили даже чрезъ самую строгую цензуру, которая дѣлала прежде свои помѣтки, «печатать дозволено». Просматривая эту патологическую литературу, принад-

лежащую перу патологическихъ резонеровъ, вы сразу обратите вниманіе на абсурдность содержанія, нелѣпость заключеній и сопоставленій; очень часто, вѣрнѣе сказать, почти всегда, въ наиболѣе рѣзкихъ случаяхъ вы наблюдаете стремленіе къ употребленію словъ собственнаго изобрѣтенія, словъ не употребляющихся никѣмъ, кромѣ самого автора; и эти неологизмы, иногда бессмысленные, странные, курьезные являются однимъ изъ отличительныхъ признаковъ произведеній патологическихъ резонеровъ; причемъ, неологизмы эти фигурируютъ даже иногда въ заглавіи произведенія, на его обложкѣ. Эта послѣдняя то ничѣмъ не выдѣляется среди обыкновенныхъ книгъ, то, наоборотъ, носитъ на себѣ слѣды больного ума; и это выражается обыкновенно въ видѣ своеобразныхъ символическихъ фигуръ на самой обложкѣ. Не имѣя успѣха на книжномъ рынкѣ, литература патологическихъ резонеровъ встрѣчается, однако, въ витринахъ книжныхъ магазиновъ; у нея имѣются лишь случайные, конечно, покупатели, приобрѣтающіе ее по ошибкѣ или интересующіеся ею съ психіатрической точки зрѣнія. Надо добавить, что многіе авторы такихъ произведеній охотно раздають и рассылаютъ ихъ всѣмъ желающимъ.

С. Сухановъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Hugo Münsterberg. Philosophie der Werthe. Grundzüge einer Weltanschauung. S. VIII—486. Leipzig Joh. Ambrosius Barth. 1908.

Книга Мюнстерберга является знаменіемъ времени. Она стремится выйти изъ узкихъ и специальныхъ рамокъ науки философіи, доступной только небольшому кругу лицъ; она стремится вынести философію въ жизнь, тѣсно связать ее съ нею и, такимъ образомъ, дать міросозерцаніе, именно научно-обоснованное міросозерцаніе. Она хочетъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что выработала философія, и примѣнить это къ жизни, давъ послѣдней научный смыслъ, а наукѣ сообщивъ, такимъ образомъ, жизненное значеніе. Именно въ этомъ—знаменіе времени этой книги. Мы переживаемъ, съ одной стороны, неудовлетворенность по отношенію къ философіи, ибо она оторвалась отъ нашей непосредственной жизни, съ другой — неудовлетворенность «жизненными» міросозерцаніями, ибо они мало считаются съ наукой и научной работой философіи. Книга Мюнстерберга хочетъ удовлетворить обѣимъ сторонамъ: она хочетъ создать новый типъ философіи — *типъ научно-обоснованнаго философствованія*. И для этого она хочетъ обновить спекуляціи Фихте, хочетъ дать плоть и кровь ихъ мертвенному скелету и хочетъ опереть ихъ на дѣйствительные продукты человеческого духа: науку, искусство, общественность, право, религію, философію и т. д. Это обновленіе идетъ по направленію къ обоснованію *системы цѣнностей*. Цѣнность — вотъ спайка науки-философіи съ жизнью. Ибо цѣнность есть всегда «иское» въ жизни; не должно ли, съ другой стороны, искать въ

жизни того, что является продуктомъ общечеловѣческаго духа, т.-е. что *должно* быть искомо? Во главѣ философіи долженъ быть поставленъ познавательный вопросъ о смыслѣ и сущности цѣнности. «Простая вѣра въ цѣнности и проповѣдь, даже одухотворенное, увлекательное признаніе недостаточны для этого; необходима трудная, строгая, зачастую утомительная отвлеченная работа». Отграничить такую философію отъ всѣхъ отдѣльныхъ наукъ, отъ всѣхъ отдѣльныхъ областей человѣческаго творчества и, тѣмъ не менѣе, оставить ее въ тѣсномъ соприкосновеніи и съ тѣми, и съ другими, давъ, такимъ образомъ, цѣностямъ и жизненный смыслъ, и безусловную независимость — вотъ истинная задача философіи - міровоззрѣнія. Двѣ задачи встаютъ передъ такой философіей: дать *теорію* цѣнностей и дать ихъ *систему*. Потому книга Мюнстерберга распадается на двѣ части: первая трактуетъ о «смыслѣ цѣнностей», вторая — о «мірѣ цѣнностей». Мы остановимся, главнымъ образомъ, на первой части, такъ какъ въ ней рѣшается принципиальный вопросъ о возможности философіи цѣнностей и о ея значеніи. Вторая часть имѣетъ, конечно, свое собственное значеніе. Достаточно уже того, что это *первая система цѣнностей*, выведенная съ удивительной точностью и законченностью умѣлаго архитектора мысли. Но по отношенію къ основной инициативѣ Мюнстерберга она играетъ, разумѣется, второстепенное значеніе. Мы бросимъ потому на нее бѣглый взглядъ.

I. *Теорія или смыслъ цѣнностей.* а) *Цѣнности и природа.* Задавая себѣ вопросъ о смыслѣ и сущности цѣнностей, философія, естественно, не можетъ быть какой-либо спеціальной наукой, такъ какъ вопросъ касается цѣнности вообще. Равнымъ образомъ, она не можетъ логически опираться на данныя какой-либо отдѣльной науки, ибо это значило бы завѣдомо предуставить сущность цѣнности. *Философія должна задать вопросъ чисто-теоретикопознавательного, т.-е. непредвзято и безпредосмысленно.* Потому она не можетъ своимъ исходнымъ пунктомъ взять міръ естествознанія. Естествонаучная дѣйствительность есть продуктъ опредѣленной обработки человѣческимъ духомъ даннаго ему матеріала. Этотъ міръ предвзять въ своей спеціальности. И онъ предвзять какъ разъ и главнымъ образомъ въ томъ, что въ его предѣлахъ не существуетъ никакихъ упоминаній о цѣнности. Естествознаніе опредѣляетъ свое мышленіе условіями

времени, пространства и причинности: феномены одинаковы по своей цѣнности въ его глазахъ: ввести цѣнную разницу значило бы нарушить естественнонаучную методу. То же слѣдуетъ сказать и о психическихъ явленіяхъ и ихъ изучающей психологіи. Психическія явленія суть часть природы, психологія есть дисциплина каузальная, далекая отъ всякой оцѣнки и предпочтенія. Разумѣется, психологія тоже интересуется дѣятельностью оцѣнки, нашими личными переживаніями ея,—но только какъ естественнымъ фактомъ. И если кто и считаетъ задачей психологіи не только пассивно созерцать этотъ естественный феноменъ, но и интересоваться его жизненнымъ смысломъ, т.-е. интересоваться живой человѣческой личностью въ ея непосредственномъ переживаніи, еще не лишенномъ своего внутренняго субъективизма и концентрирующемся въ цѣли-стремленіи, то, по справедливому замѣчанію Мюнстерберга, тотъ «долженъ признавать двѣ существенно различныя психологическія науки: во-первыхъ, психологію причинную, для которой всѣ внутреннія переживанія стали уже содержаніями сознанія, долженствующими подобно внѣшнимъ тѣламъ быть разложенными на ихъ элементы и уясненными изъ ихъ причинной связи; во-вторыхъ же, «волюнтаристическую» психологію, въ которой внутреннія переживанія понимаются и истолковываются по своему смыслу и своей первичной связи, какъ дѣятельности единой личности». И эта «самопсихологія» совпадаетъ съ задачами философскихъ дисциплинъ, логики, этики и т. д. Для психологіи же, какъ таковой, наши переживанія являются своеобразно объективированными; они суть содержанія, а не дѣятельности нашего сознанія. Потому отпадаютъ и всѣ апелляціи къ чувству удовольствія, ибо психологически оно является только содержаніемъ сознанія. Философски же оно лишено значенія именно потому, что не идетъ далѣе своего психологическаго значенія. Опирая этику на чувство удовольствія, значитъ не только нарушать ея сущность, но также и нарушать психологическую сущность этого чувства. Чтобы рѣшить вопросъ о сущности цѣнности и оцѣнки, необходимо, стало быть, выйти за предѣлы объективации или, вѣрнѣе, предупредить ее: нужно взять не чувство удовольствія въ его данности, а переживаніе этого чувства въ его непосредственной оцѣнивающей, цѣлестремлящейся направленности, нужно проникнуть въ самую жизнь. Въ

жизни, будь то жизнь мышленія и даже естественно-научного мышленія—это безразлично, человѣкъ есть дѣйствующая личность, дѣйствующее сознание. Онъ не пассивный зритель, онъ творецъ; *и онъ творецъ, чтобы стать зрителемъ.* Это творчество, эта дѣйственность сознания можетъ только *переживаться*, быть понято, усвоено: подлежать естественному или психологическому познанію оно не можетъ. Въ этомъ и заключается его первичность и непродвзятость. Здѣсь долженъ быть положенъ исходный пунктъ безпредпосылочной философіи; здѣсь и только здѣсь мы сталкиваемся въ непосредственномъ переживаніи съ цѣнностями, какъ нашими собственными хотѣніями. «Въ этой непосредственной дѣйствительности, въ которой вещи не суть ни физическіе атомы — тамъ, внѣ меня, ни заточенныя въ меня психическія содержанія сознания, а только неразъединенныя дѣйствительныя пережитыя вещи, въ этой дѣйствительности я самъ никогда не бываю по отношенію къ вещамъ пассивнымъ зрителемъ, но всегда хотящимъ, для котораго вещи суть средство и цѣль, страхъ и пожеланіе».

б) *Цѣнности и личность.* Однако въ сферѣ нашего самопереживанія, въ сферѣ нашихъ дѣйствій и желаній, въ сферѣ нашей личности мы наталкиваемся на «цѣнности» различнаго порядка: однѣ изъ нихъ не идутъ за предѣлы самаго переживанія и въ немъ заключаются; онѣ присущи данной личности, въ данный моментъ и т. д.; таково чувство удовольствія, получаемое отъ ѣды и т. п. Другія цѣнности, наоборотъ, не сопряжены ни съ какимъ-либо отдѣльнымъ переживаніемъ, ни даже съ какою-либо личностью. Онѣ имѣютъ свое собственное значеніе, идущее мимо преходящаго, напр., наука, право и т. п. Первыя цѣнности имѣютъ только условный характеръ, вторыя—безусловный. И всѣ психологическія теоріи цѣнности, конечно, не идутъ далѣ первыхъ, ибо, несмотря ни на какія отвлеченія, не могутъ достигнуть полной своей безотносительности къ живому индивидууму. Что же касается сознательной проповѣди относительной, обусловленной природы цѣнности, которая нынѣ раздается со стороны релятивизма, прагматизма, иммедіатизма и эмпириокритицизма, то она забываетъ просто самую сущность нашего переживанія: его направленность въ глубинѣ на безусловное и сверхличное, а кромѣ того, постоянно сворачиваетъ на путь специальной науки, т.-е. покидаетъ методъ безпредпо-

сылочной философіи. Въ какую крайность впадаетъ при этомъ мысль (тяготѣетъ ли она къ интеллектуализму, волюнтаризму или эмоціонализму) безразлично. Становясь на точку зрѣнія уже произведенной переработки переживанія, философія теряетъ подъ собою почву; рассматривая же міръ цѣнностей, какъ міръ обусловленный, она должна перестать вѣрить въ его неизбежность и смотрѣть на него, какъ на случай, иллюзію, самообманъ. Но такъ какъ самимъ фактомъ своего непосредственнаго переживанія человѣкъ убѣждаетъ себя въ противномъ, и только дальнѣйшая рефлексія можетъ сдѣлать его релятивистомъ или скептикомъ, то мы, желая быть совершенно безпристрастны, будемъ исходить только изъ того, что говоритъ намъ само безпредпосылочное переживаніе. И оно намъ говоритъ, что рядомъ съ относительными цѣнностями есть абсолютныя. Оно полно этимъ убѣжденіемъ. Ибо сомнѣваться въ этомъ значитъ сомнѣваться въ себѣ самомъ и зажимать ротъ всѣмъ своимъ сужденіямъ.

с) *Цѣнности и долженствованіе.* Абсолютный міръ цѣнностей не есть, однако, что-либо чуждое нашему переживанію, что-либо ему запредѣльное. Наоборотъ, онъ имманентенъ нашему переживанію, ибо онъ есть само это переживаніе, самохотѣніе, въ его сверхличной части. Абсолютныя цѣнности значимы потому, что онѣ обязательны для каждаго, кто хочетъ и переживаетъ. Но при этомъ онѣ независимы отъ индивидуальной воли, такъ какъ выражаютъ собою сверхиндивидуальное. Что же побуждаетъ насъ слѣдовать цѣностямъ, хотѣть ихъ? Необходимость или долженствованіе? Конечно, не первая, ибо она относится къ міру естествознанія. Но и не второе, ибо долженствованіе предполагаетъ уже возможность нехотѣнія, а цѣнности знаменуютъ собою одно абсолютное и обязательное хотѣніе. Долженствованіе понятно въ сферѣ пріятнаго, въ сферѣ социальныхъ регулятивъ, устанавливаемыхъ изученіемъ структуры и развитія общества. Но цѣнности не имѣютъ съ этимъ ничего общаго: онѣ исходятъ не отъ личнаго субъективнаго сознанія и не относятся къ міру природы и психики. Конечно, долженствованію можетъ быть приданъ обязательный, безусловный характеръ. Но и тогда оно не въ состояніи разрѣшить противорѣчія воли. Оно можетъ сыграть тогда отрицательное значеніе: оно ограждаетъ отъ мысли, что цѣнность происходитъ

изъ чуждаго ей источника—изъ метафизическаго бытія. Если же оно выступаетъ съ положительными претензіями, то оно можетъ только принести вредъ, ибо затемняетъ сущность воли и абсолютной цѣнности, какъ абсолютнаго воленія и абсолютнаго удовлетворенія. Съ понятіемъ долженствованія въ сферу переживанія вводится чуждый элементъ; въ переживаніи переживается только безусловное воленіе, и не переживается оно не можетъ. Даже въ сферѣ нравственности долженствованіе не имѣетъ мѣста, такъ какъ нравственность, какъ безусловная цѣнность, всегда переживается, какъ хотимая и удовлетворяющая. Въ смыслѣ долженствованія по отношенію къ ней не можетъ быть никакого выбора. Человѣкъ всегда хочетъ нравственнаго, т.-е., какъ мы увидимъ, вѣрности самому себѣ. Если же онъ грѣшитъ противъ нея, то не потому, что не хотѣлъ ея, а потому, что былъ увлеченъ другимъ, не цѣннымъ и въ истинномъ смыслѣ слова не хотимымъ, а только привлекательнымъ. Наконецъ, введеніе понятія долженствованія въ сферу цѣнностей нарушило бы ихъ систематическое единство; какъ формы долженствованія, онѣ не имѣли бы общаго пункта. Потому цѣнность должна быть формулирована какъ чистое, абсолютное и сверхличное хотѣніе, сказывающееся въ личномъ переживаніи личности, но съ нимъ вовсе не совпадающее. Цѣнность, абсолютное хотѣніе, есть абсолютное удовлетвореніе воли. И его-то мы переживаемъ, когда отрѣшаемся отъ своего преходящаго «я».

д) *Цѣнности и чистое хотѣніе.* Мы говоримъ, что цѣнность должна дать удовлетвореніе: въ этомъ заключается ея связь съ волей. Но въ такомъ случаѣ удовлетвореніе служитъ связью между цѣнностью и удовольствіемъ. Цѣнно то, что доставляетъ удовольствіе. Т.-е. цѣнность должна потерять свой абсолютный характеръ. Чтобы этого не случилось, необходимо освободить удовлетвореніе отъ удовольствія. И на самомъ дѣлѣ, «удовольствіе при раздраженіи есть стремленіе къ его продленію, которое смѣшивается съ самимъ воспріятіемъ раздраженія». Приятно, такимъ образомъ, не само удовольствіе, а раздраженіе и имъ вызываемое воспріятіе. Удовольствіе придаетъ послѣднимъ характеръ пріятнаго; само оно его не носитъ. Отсюда ясно, что не оно служитъ моментомъ, направляющимъ волю. Цѣлью воли является не удовольствіе, а осуществленіе связаннаго съ удовольствіемъ раздраженія. Потому и удовлетвореніе воли оказы-

вается независимымъ отъ удовольствія; удовлетворенность воли возникаетъ изъ осуществленія раздраженія, а не изъ чувства удовольствія. Удовлетворенность, стало быть, можетъ разсматриваться независимо отъ чувства удовольствія. И сверхличныя цѣнности не находятся ни въ какой зависимости отъ него, удовлетворяя волю. Эта воля и есть чистая воля. Удовлетвореніе этой воли совершенно безлично, или, вѣрнѣе, сверхлично. Равно сверхличны и побудители такой воли. Это уже не индивидуальныя ощущенія или воспріятія. Чистая воля возбуждается переживаніями, опредѣляющимися съ точки зрѣнія безличныхъ цѣнностей: науки, искусства, права и т. д. И, будучи возбуждена, она стремится къ незаинтересованному удовлетворенію, которое и находитъ въ осуществленіи хотимаго, т.-е. въ *тожествѣ*. Научное мышленіе есть именно такая воля; удовлетвореніе свое оно находитъ въ научномъ сужденіи, которое есть, по своей сущности, отождествленіе новаго съ прежнимъ. Въ научномъ сужденіи реализуется, такимъ образомъ, цѣнность науки независимо отъ индивидуальныхъ переживаній. Чистая воля есть, стало быть, утвержденіе особаго міра, міра независимаго отъ насъ, хотъ и даннаго намъ въ нашихъ переживаніяхъ. Въ этихъ послѣднихъ мы направляемся несомнѣнно на то, что хотимъ сдѣлать независимымъ отъ насъ и цѣнить абсолютно. Въ такомъ актѣ утвержденія и данъ намъ міръ чистыхъ цѣнностей. Утвержденіе этого міра есть удовлетвореніе нашего воленія къ нему, т.-е. внесеніе тожества въ міръ нашихъ переживаній. Удовлетвореніе отождествляется съ воленіемъ въ одномъ и томъ же значеніи чистой и безусловной цѣнности. Міръ цѣнностей есть самоутвержденіе чистой воли. И, спрашивая, что устанавливается такимъ актомъ самоутвержденія цѣнности, мы достигаемъ системы цѣнностей. Актъ самоутвержденія міра цѣнностей или чистой воли таитъ въ себѣ тожество трехъ основныхъ формъ: тожество сохраненія (*Erhaltung*): каждая часть въ переживаніяхъ должна сохранять себя одной и той же; тожество согласованія (*Uebereinstimmung*): различныя части должны поддерживать тожество между собою; тожество проявленія (*Betätigung*): каждая часть должна быть тожественна съ собою въ другой формаціи. Въ конечномъ же счетѣ и эти три формы тожественны въ законченности міра безусловныхъ цѣнностей. Итакъ, міръ цѣнностей означаетъ собою абсолютизацію переживанія въ его сверхъ-

индивидуальной сущности, освобождение его отъ личныхъ субъективныхъ моментовъ. Это освобождение совершается нами наивно въ самомъ переживаніи, но можетъ быть сознательно поднято до культурнаго созидательства. Этимъ міръ цѣнностей дѣлится на двѣ части: міръ жизненнаго опыта и міръ культуры. Наконецъ, въ каждой изъ областей возможно отнесеніе цѣнности къ тремъ точкамъ зрѣнія или сторонамъ переживанія: къ внѣшнему міру, внутреннему міру и міру интраобщественному (Mitwelt). Отсюда возникаетъ система 24 цѣнностей, являющихся развѣтвленіями одной и той же сверхъиндивидуальной дѣятельности волевого осуществленія самотождества и самоутвержденія. Кто не совершаетъ въ своихъ переживаніяхъ акта такого утвержденія, не стоитъ въ связи съ міромъ цѣнности, а равно и съ нами, его совершающими, тотъ — внѣ истины, красоты, нравственности и т. п.; онъ оставленъ своимъ мимолетнымъ переживаніямъ и живетъ въ вѣчно движущейся иллюзии, въ вѣчно царящемъ хаосѣ впечатлѣній. Для насъ же актъ самоутвержденія чистой воли есть становленіе міра цѣнностей. Чистая оцѣнка являетъ собою, стало быть, аргіогі этого міра, чистое взаимопроникновеніе и отождествленіе опытовъ. Итакъ, міръ цѣнностей есть міръ, находимый нами въ нашихъ личныхъ переживаніяхъ нашихъ безличныхъ чистыхъ волненій самотождественности во всѣхъ направленіяхъ.

II. *Міръ цѣнностей а). Цѣнности бытія.* Естественно начинать систему цѣнностей съ цѣнности непосредственно-переживаемаго бытія, жизненнаго опыта. Бытіе дано намъ въ переживаніи, конечно, не какъ физическое или техническое, ибо это суть опосредственныя теоретическія переработки бытія. Непосредственно мы переживаемъ бытіе въ нашей дѣятельности, на него направленной, т.-е. бытіе *практическое*. Это практическое бытіе переживается нами въ формѣ *экзистенціального* сужденія, т.-е. какъ экзистенціальное требованіе, какъ актъ экзистенціального признанія. Ясно, что объекты и самый актъ въ этомъ случаѣ не распадаются, что они еще едины въ общемъ волевоомъ переживаніи чистой жизненной дѣйствительности. Между нашимъ «я» и «вещами» не произошло еще расщепленія. Мы знаемъ о «насъ» одновременно съ «вещами» — въ ихъ переживаніи. Вещи не превращены еще въ самостоятельные объекты: онѣ только мои цѣли, мои средства и т. п. Намъ незачѣмъ прибавлять, что въ

самой этой практической данности вещей лежитъ сверхъиндивидуальная цѣнность, ибо таково именно ихъ переживаніе. Дѣло идетъ, конечно, не о личномъ нашемъ переживаніи и не о подтвержденіи его переживаніями другихъ людей, а объ абсолютной-цѣнностной сущности его требованій: въ нашемъ переживаніи опытнаго бытія лежитъ уже требованіе его признанія со стороны другихъ людей, т.-е. требованіе утвержденія его тождественности. Опытнo-жизненное бытіе должно сохранить себя во всѣхъ переживаніяхъ. Естественно, что бытіе это требуетъ признанія и своихъ необходимыхъ формъ: пространственности и временности. Естественно, что бытіе это освобождается отъ всего преходящаго въ сферѣ индивидуальныхъ переживаній и обнаруживается только въ своей абсолютной сущности. Всѣ обманы чувства, явленія фантазіи и пр. не имѣютъ, конечно, никакого значенія по отношенію къ нему, ибо они сопряжены съ индивидуальными переживаніями.—Но переживаніе бытія имѣетъ дѣло не только съ вещами, но и съ существами: мы знаемъ о существованіи другихъ такъ же хорошо, какъ о существованіи вещей. Это знаніе тоже совершенно непосредственно выступаетъ, какъ требованіе постоянного самотождества этихъ другихъ, каковое мы переживаемъ въ состояніи сочувствія ¹⁾ имъ и ихъ дѣйствіямъ. Переживаніе другого есть только другая сторона переживанія вещи, такъ какъ вещь подразумѣваетъ всегда требованіе ея тождественности, обращенное ко всякому переживающему ее. Абсолютизація цѣнности существа реализуется черезъ языкъ и систему понятій, которые позволяютъ утвердить абсолютное тождество другого. Ихъ помощью этотъ другой снова и снова переживается, какъ тотъ же самый. Естественно, что переживая существованіе другого, мы требуемъ абсолютнаго, сверхъиндивидуальнаго. Бытіе другого является для насъ цѣнностью, какъ наличность тождественнаго требованія по отношенію къ вещамъ, какъ наличность тождественной воли, обращенной на опытное бытіе вещей. «Независимое, абсолютное бытіе вещей заключается, стало быть, въ томъ, что объектъ остается въ опытѣ каждаго возможнаго субъекта себѣ тождественнымъ; независимое бытіе существа, души—въ томъ, что воля тоже-

¹⁾ Конечно, не въ нравственномъ смыслѣ, а въ томъ, что мы чувствуемъ и понимаемъ переживанія другихъ людей непосредственно, чувствуемъ ихъ такъ же, какъ себя самихъ.

ственно ведетъ себя по отношенію къ каждому возможному объекту».—Однако, есть и еще одна сторона въ переживаніи бытія: мы переживаемъ себя самихъ, какъ независимую, абсолютную волю, какъ независимую абсолютную, сверхличную оцѣнку, ибо мы направляемся и на абсолютныя цѣнности, ибо мы и ихъ непосредственное бытіе можемъ чувствовать. «То, что цѣнности абсолютны, можетъ значить только, что ихъ оцѣнка независима отъ индивидуальнаго хотѣнія», т.-е., что дѣлая ихъ предметами хотѣнія, мы представляемъ абсолютную дѣйствительность оцѣнивающей воли. Здѣсь лежитъ центръ всякой цѣнности и всякой сверхиндивидуальной воли. Дѣло философіи дать систему цѣнностей, исходя какъ разъ изъ этого пункта.

в) *Цѣнности связи.*—Общимъ свойствомъ всѣхъ направленной непосредственнаго опыта является стремленіе нашей воли осуществить повсюду тожество. И если въ жизненномъ опытѣ оно осуществляется наивно, то нѣтъ ничего естественнѣе того, что воля стремится поддерживать его и *сознательно*, во избѣжаніе промаховъ наивнаго переживанія и для полного удовлетворенія его стремленія къ абсолютно и сверхлично тожественному. Такимъ образомъ, возникаетъ сознательная переработка непосредственнаго переживанія въ связанное цѣлое: эта переработка и есть наука. Она имѣетъ самостоятельную цѣнность рядомъ съ цѣнностью бытія, но, конечно, играетъ служебную роль, ибо воля проявляетъ себя въ ней ради усвоенія тожественно-абсолютной природы переживанія. Наука вырабатываетъ связь переживаній; для вещей—эта связь означаетъ переходъ къ ихъ тожественной природѣ; научная воля стремится помощью понятій и причинныхъ законовъ постичь тожество переживаемаго и, такимъ образомъ, возвыситься надъ нимъ. Ясно, что отношеніе научной воли къ вещамъ иное, чѣмъ непосредственной, ибо въ научной волѣ вещи отрываются отъ непосредственно ихъ переживающаго субъекта и рассматриваются имъ «пассивно». Здѣсь зарождается различіе между вещами физическими и вещами психическими, а равно и имъ соответствующими науками. При чемъ психическое означаетъ собою тотъ остатокъ, который оставляетъ намъ переработка даннаго въ переживаніи. Психическое не есть дѣйствительность, а только то, что остается послѣ выработки всего дѣйствительнаго, только голая субъективность, только и только индивидуальное. И получить дѣйствительное

значеніе техническое можетъ только косвенно, поскольку оно можетъ быть изучено физиологіей мозга и нервовъ. Только такъ можетъ она быть сведена къ тождественному черезъ квантификацію и причинное узаконеніе.—Въ свою очередь и существо познается въ своей дѣйствительности только черезъ связь, черезъ установленіе историческихъ связей между личностями и историческимъ цѣлымъ. Исторія есть выработка тождества существъ, субъектовъ, душъ; исторія пишетъ повторенія въ переживаніи существъ, но только повторенія внѣвременнаго, внѣпространственнаго и внѣкаузальнаго: существа исторіи свободны: Всѣ старанія исторіи направляются на то, чтобы, подобно естествознанію, преодолѣть новое и въ исторической связи дать тождественное многихъ вѣль. И это все лишь для того, чтобы познать непосредственно переживаемую сущность нашего ближняго.—Наконецъ, сфера переживаемыхъ нами оцѣнокъ и самоволеній должна быть обработана тоже въ направленіи къ установленію тождественности нашего личнаго существа, какъ абсолютной и сверхличной воли. На мѣсто насъ долженъ быть поставленъ разумъ, связующій всѣ сверхличныя оцѣнки въ одно цѣлое, въ одну систему сверхличнаго субъекта. Нормативныя науки заняты какъ разъ этимъ: установить тождество субъекта черезъ посредство системы понятій и законовъ—вотъ ихъ цѣль. Въ сферѣ этихъ наукъ мы различаемъ слѣдующее: нѣкоторыя изъ нихъ служатъ только вспомогательными дисциплинами для фиксаціи оцѣнокъ; таковы математика и логика; другія, наоборотъ, заняты самими оцѣнками, самими актами утвержденія и ихъ хотятъ поставить въ связь другъ съ другомъ; таковы диалектика, этика и эстетика. Наконецъ, въ качествѣ нормативной дисциплины, имѣющей дѣло съ оцѣнками въ сферѣ самихъ нормативныхъ наукъ, т.-е. оцѣнками, направленными на нахожденіе тождества среди оцѣнокъ, должна быть введена метафизика.

1) *Цѣнности единства* и а) *Цѣнности прекраснаго*: Вся дальнѣйшая отстройка міра цѣнностей идетъ по только что данному масштабу. Мы скажемъ о ней только нѣсколько словъ. Въ то время, какъ переживаніе познаній стремится достигъ утвержденія тождества въ сохраненіи одного повсюду, переживаніе эстетическаго хочетъ дать единство множественнаго; его согласованіе внутри себя. При этомъ первой стадіей является наивное

требованіе такого самосознания въ переживаніи, которое является какъ бы голосомъ самого прекраснаго. Въ нашемъ волево́мъ переживаніи эстетическаго мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что отъ насъ независимо прекрасно и требуетъ нашего сочувствія къ его красотѣ. Въ этомъ сущность сверхъиндивидуальнаго эстетическаго единства. Къ этому присоединяется сознательная выработка эстетическаго самоощущенія въ искусствѣ, совершаемая въ требованіи прекраснаго. Эта выработка реализуетъ переходъ къ *недѣйствительному*, т.-е. къ невозбужденію ожиданій, къ полной созерцательности. Здѣсь сознательно утверждается абсолютная цѣнность прекраснаго независимо отъ какихъ-либо личныхъ переживаній и качествъ. Въ однихъ областяхъ переживаніе можетъ относиться къ природѣ, міру людей и нашему внутреннему міру. Цѣнность единства проявляется сообразно этому, какъ гармонія, любовь и счастье. Цѣнность прекраснаго, — какъ пластическое искусство, поэзія и музыка. Этотъ отдѣлъ книги чрезвычайно интересенъ своими деталями.

е) *Цѣнности развитія* и *цѣнности творчества*. Переживаніе можетъ быть обращено на становленіе, на поступокъ. И въ немъ можетъ быть затребована его безусловная значимость. Наивно въ переживаніи безусловной значимости поступка, дѣйствія, творчества переживается безусловное стремленіе быть другимъ, оставаясь самимъ собою, безусловная воля къ развитію, самоутверждая себя въ каждомъ моментѣ. Ясно, что развитіе здѣсь не имѣетъ ничего общаго съ естественно-научнымъ понятіемъ развитія. Ибо оно относится не къ бытію, а къ становленію, къ созиданію, къ творчеству. Здѣсь мы требуемъ въ переживаніи тождества творца, а не тождества сотвореннаго, *самоутвержденія*, а не самосохраненія. Сознательная выработка этого тождества ведетъ отъ сверхличнаго развитія къ нравственности, къ творчеству, къ сознательному сверхличному созидательству. Цѣль здѣсь не только переживается, она поставлена и достигается сознательно. Согласно возможному смыслу переживанія развитіе принимаетъ формы: роста по отношенію къ вещамъ, прогресса—по отношенію къ людямъ, саморазвитія по отношенію къ себѣ; а сознательное созидательство осуществляется, какъ хозяйство, право и нравственность. Въ этомъ отдѣлѣ чрезвычайно много интересныхъ деталей. Особенно интересны доводы за то, что хозяйство есть абсолютная цѣнность.

к) Цѣнности божества и е) Цѣнности основанія. Наконецъ, въ переживаніи дано не только требованіе каждой изъ цѣнностей въ отдѣльности, но и ихъ общаго единенія въ одномъ общемъ тождествѣ. Требованіе это дается въ религіозномъ переживаніи. Культура получаетъ здѣсь смыслъ въ своемъ цѣломъ. И такое значеніе ей придается вѣрой въ безусловность такого тождества всего, въ святое, какъ первооснову цѣннаго. «Религія есть форма формъ». Въ религіи дается нѣчто сверхдѣйствительное, какъ основа цѣнностей дѣйствительностей. Только такъ доступно оно переживанію. Къ сознательному выясненію этого сверхдѣйствительнаго стремится философія не какъ простое познаніе, а какъ *убѣжденіе*, какъ міросозерцаніе, какъ великій сверхъиндивидуальный разумъ. Философія есть становленіе метафизической цѣнности убѣжденія. Въ философіи дается убѣжденное переживаніе Сверхъ-я, какъ первоосновы всѣхъ цѣнностей, какъ существа сверхчеловѣческаго разума. Въ переживаніи мы имѣемъ тогда религіозныя цѣнности: творенія, откровенія и искупленія; въ философской выработкѣ религіознаго тождества: цѣнности мірового цѣлаго, человѣчества и Сверхъ-я. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ сходятся всѣ нити цѣннаго переживанія, которое достигаетъ его только косвенно, черезъ требованіе и осуществленіе въ хотѣннй безусловныхъ цѣнностей. Эта часть книги Мюнстерберга самая интересная и самая существенная, ибо только изъ нея мы узнаемъ, чего собственно онъ хочетъ, а онъ хочетъ *обновленія метафизики*, проведя ее черезъ горнило современнаго критицизма. Если метафизика умерла со стороны бытія, то она должна возникнуть со стороны цѣнности. Въ своей высшей сущности цѣнность представляетъ собою сверхдѣйствительную волю. И знаніе этого намъ дано въ вѣрѣ, въ критической обработкѣ убѣжденій вѣры. И если въ этомъ лежитъ главная цѣль всѣхъ стремленій Мюнстерберга, то въ этомъ же скрывается и его «Ахиллесава пята». Отсюда нужно начинать критику Мюнстерберговой системы цѣнностей. Философія есть особая отрасль знанія. Тому доказательство самая книжка Мюнстерберга, претендующая на значеніе системы философіи. Пусть философія трактуетъ объ особыхъ предметахъ; но она обязана это дѣлать подобно другимъ наукамъ. Если ея предметомъ являются цѣнности, то это еще ее нисколько не уполномочиваетъ возвышаться въ качествѣ убѣжденія въ суще-

ствованіи цѣнностной метафизической сверхдѣйствительности. Ибо эта послѣдняя есть только лишь дѣйствительность цѣнностей. И едва ли не будетъ правильно счесть философію совокупностью отдѣльныхъ философскихъ дисциплинъ, опертыхъ на одну и общую—на теорію познанія. Но вѣдь современный критицизмъ, по наставленію Канта, и видѣлъ всегда уничтоженіе старой догматической метафизики какъ разъ въ замѣнѣ метафизики теоріей познанія. Зачѣмъ же создавать новую нормативистическую метафизикую?

Б. Яковенко.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Антоновъ, А. Могаска. Философская поэма. Спб. 1909. Ст. 71. Ц. 60 к.

Берсъ, А. А. Борьба за существованіе на небѣ. Спб. 1909. Ст. 14. Ц. 20 к.

Булгановъ, С. Д. Соотвѣтствуетъ ли личность и жизнь Мухаммеда ученію мухаммеданской догматики о пророкахъ? Курскъ 1909. Ст. 16. Ц. 10 к.

Васильевъ, Н. А. Третій международный философскій конгрессъ въ Гейдельбергѣ. Спб. 1909. Ст. 35. Ц. 30 к.

Введенскій, Александръ. Новое и легкое доказательство философскаго критицизма. Спб. 1909. Ст. 25. Ц. 30 к.

Зиммель, Георгъ. Религія. Перев. съ нѣм. подъ ред. С. А. Котляревскаго. Москва 1909. Ст. 82. Ц. 40 к.

Компейре. Жанъ Массе и обязательное образованіе. Перев. П. Д. Первова. Москва 1908. Ст. 62. Ц. 25 к.

Крогіусъ, А. Изъ душевнаго міра слѣпыхъ. Спб. 1909. Ст. II+231. Ц. 1 р. 25 к.

Le Bon, Gustave. Возникновеніе и исчезновеніе матеріи. Харьковъ 1909. Ст. 56.

Локоть, Т. В. Вопросы половой этики и любви. Спб. 1909. Ст. IV+181. Ц. 1 р.

Міе, Gustaw. Ионы и электроны. Популярныя лекціи. Перев. съ нѣм. І. Наумова. Спб. 1909. Ст. 69. Ц. 30 к. Международная бібліотека.

Немезій, епископъ Емесскій. О природѣ челоуѣка. Переводъ съ греческаго съ примѣчаніями, съ приложеніемъ предисловія и словаря **Θ. С. Владимірскаго.** Почаевъ 1905. Ст. XXXIV + 206 + 42 + III.

Рейснеръ, М. А. Духовная полиція въ Россіи. Спб. 1909. Ст. 107. Ц. 75 к.

Соколовъ, В. П. Индивидуализмъ и духовное просвѣщеніе. Спб. 1909. Ст. 47. Ц. 40 к.

Столица, З. Н. Книга для родителей. Воспитаніе нравственности въ подростоающемъ поколѣніи. Спб. 1909. Ст. 73. Ц. 60 к.

Струве, П. Б. О нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія. Спб. 1909. Ст. 20.

Ziehen, Th. Принципы и методы опредѣленія степени умственнаго развитія. Переводъ **О. Фельцмана.** Москва 1909. Ст. 89. Ц. 40 к.

Въ № 1 (96) за 1909 годъ вкранись слѣдующія опечатки:

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
84	19	ощущеніе	ощущенія
85	6	имъ	ничѣмъ
85	11	однако	одинаково
91	7	стоя	стоявшаго

Московское Психологическое Общество.

ССХХХІХ. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 8 ноября 1908 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: Н. А. Абрикосова, К. А. Андреева, Ц. П. Балталона, А. О. Бачинскаго, Н. Г. Городенскаго, Н. П. Корелиной, Ю. В. Каннабиха, А. А. Мануилова, М. К. Морозовой, И. Ф. Огнева, П. Д. Первова, Г. И. Россолимо, Э. Е. Рыбакова, В. П. Сербскаго, кн. Е. Н. Трубецкаго, А. Н. Филиппова, Н. А. Умова, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпетта, членовъ соревнователей: С. Г. Шахъ-Назарова, Н. П. Ферстеръ и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Д. ч. Общества Г. И. Челпановъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Объ экспериментальномъ изслѣдованіи высшихъ умственныхъ процессовъ».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: Ю. В. Каннабихъ, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. Д. Виноградовъ, В. М. Хвостовъ, Г. И. Россолимо, А. О. Бачинскій, Л. М. Лопатинъ.

4) Въ закрытой части засѣданія была произведена баллотировка предложенныхъ въ дѣйствительные члены—П. П. Блонскаго и въ члены-соревнователи А. В. Бломеріусъ. Оба балло-

тируемые оказались избранными (П. П. Блонскій—10 голосами противъ 1, А. В. Бломериусъ—9 противъ 2).

Засѣданіе было закрыто въ 12¹/₂ ч. ночи.

ССХІ. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 13 декабря 1908 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: П. П. Блонскаго, С. Н. Булгакова, Н. Г. Городенскаго, А. А. Мануилова, Г. А. Рачинскаго, И. В. Попова, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпетта, членовъ-соревнователей: А. В. Бломериусъ, Н. П. Ферстеръ и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Дѣйствительный членъ Общества И. В. Поповъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Элементы греко-римской культуры въ исторіи древняго христіанства».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: С. Н. Булгаковъ, М. М. Покровскій, Г. А. Рачинскій, Л. М. Лопатинъ.

4) Въ заключеніе Л. М. Лопатинъ выразилъ референту отъ имени присутствующихъ благодарность за глубоко интересный, изящно изложенный рефератъ.

Засѣданіе было закрыто въ 12¹/₂ ч. ночи.

ССХІІ. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 20 декабря 1908 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: Н. А. Абрикосова, К. А. Андреева, А. О. Бачинскаго, П. П. Блонскаго, Н. Г. Городенскаго, Н. В. Давыдова, М. К. Любавскаго, А. А. Мануилова, М. К. Морозовой, И. Ф. Огнева, Г. И. Россоломо,

кн. Е. Н. Трубецкого, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпетта, члена-соревнователя Н. П. Ферстеръ и гостей. Обязанности секретаря исполнялъ за отсутствіемъ Н. Д. Виноградова Г. И. Челпановъ.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочтенъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Дѣйствительный членъ Общества В. М. Хвостовъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о свободѣ воли».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которомъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: П. П. Блонскій, кн. Е. Н. Трубецкой, Г. И. Челпановъ, Н. Г. Городенскій, Л. М. Лопатинъ.

ССХІІІ. Протоколъ годичнаго распорядительнаго собранія 31 января 1909 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: Н. А. Абрикосова, А. Н. Бернштейна, Н. П. Корелиной, Э. Е. Рыбакова, П. П. Соколова, В. М. Хвостова и Г. И. Челпанова.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Л. М. Лопатинъ сообщилъ о кончинѣ почетнаго члена-учредителя Общества проф. Колоколова и дѣйствительныхъ членовъ Общества Ю. П. Бартенева и Э. Н. Плевако. По предложенію предсѣдателя собраніе почтило память почившихъ вставаніемъ.

2) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

3) Секретарь Н. Д. Виноградовъ прочелъ отчетъ о состояніи Общества за время съ 26-го января 1908 года по 30-е января 1909 года.

4) Казначей Н. А. Абрикосовъ доложилъ отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ Общества за это время.

5) Секретарь редакціи журнала «Вопросы Философіи» Н. П. Корелина доложила отчетъ по изданію за истекшій годъ.

6) Обсуждался вопрос о планѣ занятій Общества въ текущемъ полугодіи. Послѣ обмѣна мнѣній выяснилось, что въ настоящемъ полугодіи предполагаются къ обсужденію рефераты слѣдующихъ лицъ: кн. Е. Н. Трубецкого («О панметодизмъ въ этикѣ»), П. П. Блонскаго («Объ индивидуальной психологіи»), Н. Д. Виноградова («О прагматизмъ Джемса»), Г. И. Челпанова («О душѣ»), П. П. Соколова («О философіи Г. Бергсона»).

7) Былъ поднятъ вопросъ о празднованіи исполняющагося въ январѣ 1910 года двадцатипятилѣтія существованія Общества. Послѣ обмѣна мнѣній по этому вопросу рѣшено было устроить торжественное публичное засѣданіе въ январѣ 1910 года. Въ этомъ засѣданіи долженъ быть прочтенъ отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій срокъ и должны быть произнесены рѣчи, имѣющія своимъ предметомъ движеніе мысли въ области философіи и психологіи за истекшія 25 лѣтъ (какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи), въ связи съ тѣми перспективами, которыя открываются для этихъ наукъ въ настоящее время. Отчетъ и намѣченныя рѣчи должны быть помѣщены въ одномъ изъ номеровъ журнала «Вопросы философіи и психологіи» за 1910 годъ, который долженъ также продаваться въ видѣ отдѣльнаго сборника. Въ качествѣ ораторовъ на предполагаемомъ засѣданіи намѣчены слѣдующія лица: Л. М. Лопатинъ, кн. Е. Н. Трубецкой, Г. И. Челпановъ, А. Н. Бернштейнъ (отчетъ долженъ быть составленъ секретаремъ Общества). Г. И. Челпанову, кромѣ того, поручено приготовить планъ очерковъ по исторіи философіи и психологіи за послѣднія 25 лѣтъ. Рѣшено было первое подготовительное засѣданіе устроить въ маѣ.

8) Были произведены выборы въ почетные члены Общества, по письменному заявленію, подписанному восьмью членами, проф. Гейдельбергскаго университета В. Виндельбанда. Проф. В. Виндельбандъ оказался избраннымъ единогласно.

9) Были произведены выборы членовъ совѣта на новое трехлѣтіе.

Избранными оказались слѣдующія лица: предсѣдателемъ — Л. М. Лопатинъ, товарищемъ предсѣдателя — проф. Г. И. Челпановъ, кандидатомъ въ товарищи предсѣдателя — проф. В. П. Сербскій (всѣ единогласно); секретаремъ — прив.-доцентъ Н. Д. Виноградовъ, товарищемъ секретаря — прив.-доцентъ А. Н. Берн-

штейнъ, кандидатомъ въ товарищи секретаря—Н. П. Корелина (всѣ единогласно); казначеемъ Н. А. Абрикосовъ, товарищемъ казначея—прив.-доцентъ А. С. Бѣлкинъ, кандидатомъ въ товарищи казначея—прив.-доцентъ Ѡ. Е. Рыбаковъ (всѣ единогласно), библиотекаремъ проф. П. П. Соколовъ (единогласно).

Засѣданіе было закрыто въ 12 ч. ночи.

Отчетъ о состояніи Московскаго Психологическаго Общества за время отъ 26-го января 1908 года по 30-е января 1909 года.

Составъ Общества.

Въ отчетномъ году въ составѣ Общества произошли слѣдующія измѣненія: скончались—почетные члены Общества: Э. Целлеръ, И. П. Мржеевскій, Ф. Паульсенъ; члены-учредители: А. И. Чупровъ и Г. Е. Колоколовъ; дѣйствительные члены: А. Г. Петровскій, Ю. П. Бартенева, Ѡ. Н. Плевако; вновь избраны: въ дѣйствительные члены—А. А. Мануиловъ, Д. М. Петрушевскій, А. С. Алексѣевъ, И. И. Жегалкинъ, П. П. Блонскій; въ члены-соревнователи—А. В. Бломериусъ. Къ 31 января 1909 г. Общество состояло изъ 13 почетныхъ членовъ, 5 членовъ-учредителей, 156 дѣйствительныхъ членовъ, 20 членовъ-соревнователей, 7 членовъ-корреспондентовъ, а всего—изъ 201 лица.

Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества, избранный въ годичномъ засѣданіи 11 марта 1906 года, въ отчетномъ году состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: председателя—профессора Л. М. Лопатина, товарища председателя—проф. В. П. Сербскаго, кандидата товарища председателя—проф. кн. Е. Н. Трубецкаго, секретаря—приватъ-доцента Н. Д. Виноградова, товарища секретаря—приватъ-доцента А. Н. Бернштейна, кандидата товарища секретаря—Н. П. Корелиной, казначея—Н. А. Абрикосова, товарища казначея—приватъ-доцента А. С. Бѣлкина, кандидата товарища казначея—приватъ-доцента С. А. Суханова, библиотекаря—Ю. И. Айхенвальда, редакторовъ «Трудовъ Общества»—Н. А. Иванцова и Г. А. Рачинскаго; членами ревизіонной комиссіи были: приватъ-доценты: Н. В. Давыдовъ, Д. В. Викторовъ, П. В. Тихомировъ.

Дѣятельность Общества.

1) *Засѣданія.* Въ отчетномъ году Общество имѣло восемь за-сѣданій: одно годовое распорядительное и 7 очередныхъ. Въ очередныхъ засѣданіяхъ были прочитаны и подвергнуты обсу-ждению доклады слѣдующихъ лицъ: *Н. Г. Городенскаго* «Обще-ственная природа моральнаго сознанія», *П. К. Энгельмейера* «Къ теоріи творчества»; *Г. И. Челпанова* «О предметѣ психологіи» и «Объ экспериментальномъ изслѣдованіи высшихъ умственныхъ процессовъ»; *П. П. Блонскаго* «Фридрихъ Паульсенъ, какъ фи-лософъ и педагогъ», *И. В. Попова* «Элементы греко-русской культуры въ исторіи древняго христіанства», *В. М. Хвостова* «Къ вопросу о свободѣ воли».

2) Журналъ *Вопросы Философіи и Психологіи* издавался въ отчетномъ году подъ редакціей *Л. М. Лопатина*, въ составъ редакціоннаго комитета входили кромѣ того слѣдующія лица: *Ю. И. Айхенвальдъ*, *А. Н. Бернштейнъ*, *А. С. Бѣлкинъ*, *Н. Д. Виноградовъ*, *Б. К. Млодзѣвскій*, *П. И. Новгородцевъ*, *Г. А. Рачинскій*, *В. П. Сербскій* и *Н. А. Умовъ*.

3) *Премія Д. А. Столыпина.* Согласно постановленію годич-наго распорядительнаго собранія отъ 26 января 1908 года сро-комъ для представленія сочиненій на означенную премию назна-чено 1-е января 1911 года.

Секретарь **Н. Виноградовъ.**

Отчетъ казначея Психологическаго Общества за 1908 годъ.
(24 годъ).

Поступило:

Остатокъ отъ п./г.	3 р. 98 к.
Членскихъ взносов	160 " — "
За продажу изданій Общества .	1082 " 67 "
Пособіе отъ Университета . . .	400 " — "
Отъ М. К. Морозовой	3000 " — "
Изъ конторы журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» . .	300 " — "
% по тек. сч. Юнкеръ и К ^о за 3 года.	21 " 06 "
% по вкладному билету М. У. Банка.	78 " 66 "
	<u>5046 р. 37 к.</u>

Выдано:

На засѣданія и пр.	45 р. — к.	
„ почтов., телегр. и разъѣздн. .	23 „ 87 „	
„ канцеляр., типогр. и наградн.	18 „ — „	
Въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» .	4147 „ — „	
По сч. Кушнеревъ и К ^о за пе- чатаніе соч. Лейбница	546 „ 97 „	
За публикаціи	54 „ 74 „	
По сч. Брокгауза въ Лейпци- гъ за книги	61 „ 38 „	
За полку для книгъ	6 „ 05 „	
На премію имени Н. И. Шиш- кина.	25 „ — „	
% причисл. къ тек. сч. Юн- керъ и К ^о	21 „ 06 „	
% причисл. къ вклад. бил. М. Уч. Банка.	78 „ 66 „	
	<hr/>	5027 р. 73 к.
Остатокъ въ приходо-расходной кассѣ на 1902 г.	<hr/>	18 р. 64 к.

Состояніе капиталовъ Психологическаго Общества.

Къ 1 января 1909 года:

Въ приходо-расходной кассѣ	18 р. 64 к.	
Въ конторѣ журнала «Вопросы Фи- лософіи и Психологіи».	3153 „ 47 „	
На текущ. сч. у Юнкеръ и К ^о	150 „ 64 „	
На вкладѣ въ Моск. Учетн. банкѣ по билету за № 42300. Капиталь и проценты преміи Д. А. Столы- шина	1853 „ 44 „	
	<hr/>	5176 р. 19 к.

ССХЛІІІ. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 7 марта 1909 года.

Засѣданіе было открыто въ 8^{1/2} ч. вечера, въ аудиторіи ги-
стологическаго института, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Ло-

патина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: К. А. Андреева, А. О. Бачинскаго, В. И. Вернадскаго, П. Б. Ганнушкина, Н. М. Горбова, Н. Г. Городенскаго, Н. П. Корелиной, Б. К. Млодзѣвскаго, И. Ф. Огнева, П. Д. Первова, Э. Е. Рыбакова, В. П. Сербскаго, Н. А. Умова, Г. И. Челпанова, членовъ-соревнов. А. В. Бломериусъ, Н. П. Ферстеръ, С. Г. Шахъ-Назарова и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Сторонній посѣтитель Общества проф. А. А. Эйхенвальдъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Современное міровоззрѣніе физиковъ».

2) Послѣ перерыва происходилъ обмѣнъ мнѣній по поводу прочитаннаго реферата, въ которомъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: Г. И. Челпановъ, Б. К. Млодзѣвскій, Н. М. Горбовъ и Л. М. Лопатинъ.

3) Въ закрытой части засѣданія были предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: проф. А. А. Эйхенвальдъ (Л. М. Лопатинымъ, Г. И. Челпановымъ, Б. К. Млодзѣвскимъ, В. П. Сербскимъ и Н. Д. Виноградовымъ) и Н. А. Бердяевъ (Л. М. Лопатинымъ, Г. И. Челпановымъ и Н. Д. Виноградовымъ), и въ члены-соревнов. М. Н. Хмѣленская (Л. М. Лопатинымъ и Г. И. Челпановымъ).

Засѣданіе было закрыто въ 11¹/₂ ч. вечера.

ССХLIV. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 14-го марта 1909 года.

Засѣданіе было открыто въ 8¹/₂ ч. вечера, въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: К. А. Андреева, А. О. Бачинскаго, П. Б. Ганнушкина, В. Е. Гіацинтова, Н. Г. Городенскаго, Н. А. Иванцова, Б. К. Млодзѣвскаго, М. К. Морозовой, И. Ф. Огнева, Д. М. Петрушевскаго, Г. А. Рачинскаго, В. П. Сербскаго, кн. Е. Н. Трубецкого, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпетта, члена-соревнов. А. В. Бломериусъ и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Дѣйствительный членъ Общества кн. Е. Н. Грубецкой прочелъ рефератъ подѣ заглавіемъ: «Панметодизмъ въ этикѣ». (Къ характеристикѣ ученія Когена).

2) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: В. А. Савальскій, Б. А. Фохтъ, В. М. Хвостовъ.

3) По окончаніи преній предсѣдатель выразилъ, отъ имени присутствующихъ, благодарность референту за глубоко интересный докладъ.

4) Въ закрытой части засѣданія были прочитаны и утверждены протоколы двухъ предшествующихъ засѣданій.

5) Была произведена баллотировка предложенныхъ къ избранію въ дѣйствительные члены Общества А. А. Эйхенвальда и Н. А. Бердяева, и въ члены-соревнов. М. Н. Хмѣленской. Всѣ баллотлируемые оказались избранными (А. А. Эйхенвальдъ—единогласно, Н. А. Бердяевъ и М. Н. Хмѣленская—большинствомъ 8 противъ 1).

Засѣданіе было закрыто въ 12¹/₂ ч. ночи.

**Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго при
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 1-ое апрѣля
1909 года.**

Почетные члены:

1. Герье, Владиміръ Ивановичъ.
2. Звѣревъ, Николай Андреевичъ (членъ-учредитель).
3. Каринскій, Михаилъ Ивановичъ.
4. Ключевскій, Василій Осиповичъ.
5. Кони, Анатолій Ѳедоровичъ.
6. Струве, Генрихъ Егоровичъ.
7. Толстой, гр., Левъ Николаевичъ.
8. Виндельбандъ, Вильгельмъ (Германія).
9. Вундтъ, Вильгельмъ (Германія).
10. Гефдингъ, Гаральдъ (Данія).
11. Джэксъ, Уильямъ (С. Америка).
12. Рибо, Томасъ (Франція).
13. Рише, Шарль (Франція).
14. Фулье, Альфредъ (Франція).

Члены-учредители:

15. Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
16. Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ, }
17. Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ, } профессора Московск.
18. Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ, } университета.
19. Фортунатовъ, Филиппъ Ѳедоровичъ, академикъ Имп. Акад.
Наукъ.

Дѣйствительные члены:

20. Абрикосовъ, Алексѣй Алексѣевичъ.
21. Абрикосовъ, Николай Алексѣевичъ.
22. Айхенвальдъ, Юлій Исаевичъ.
23. Алексѣевъ, Александръ Семеновичъ, проф. Моск. унив.
24. Андреевъ, Константинъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
25. Анри, Викторъ.
26. Аппельротъ, Германъ Германовичъ, адъюнктъ - профессоръ сельскохозяйственнаго института.
27. Баженовъ, Николай Николаевичъ, докторъ медицины.
28. Балталонъ, Цезарь Павловичъ, преподаватель средн. учебн. заведеній.
29. Басистовъ, Алексѣй Павловичъ, магистрантъ философіи.
30. Бачинскій, Алексѣй Осиповичъ, прив.-доцентъ Москов. унив.
31. Безобразова, Марья Владиміровна, д-ръ философіи Бернскаго университета.
32. Безобразовъ, Павелъ Владиміровичъ.
33. Бердяевъ, Николай Александровичъ.
34. Бернштейнъ, Александръ Николаевичъ, психіатръ.
35. Блонскій, Павелъ Петровичъ.
36. Боборыкинъ, Петръ Дмитріевичъ, писатель.
37. Бобровъ, Евгений Александровичъ, профессоръ Варшавскаго университета.
38. Боткинъ, Яковъ Алексѣевичъ, психіатръ.
39. Брунъ, Михаилъ Исаіевичъ, присяжн. повѣрен.
40. Брюхатовъ, Левъ Дмитріевичъ, преподав. средн. уч. завед.
41. Булгаковъ, Сергѣй Николаевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
42. Бѣлкинъ, Алексѣй Сергѣевичъ, прив.-доц. Москов. унив.
43. Вагнеръ, Владиміръ Александровичъ, докторъ зоологіи.
44. Васильевъ, Александръ Васильевичъ, проф. Казанск. унив.
45. Введенскій, Александръ Ивановичъ, проф. Спб. унив.
46. Введенскій, Алексѣй Ивановичъ, проф. Московск. духовн. академіи.
47. Вентцель, Константинъ Николаевичъ.
48. Веселовскій, Алексѣй Николаевичъ, докторъ всеобщей литературы.
49. Вернадскій, Владиміръ Ивановичъ, проф. Моск. унив.

50. Вешняковъ, Ѳедоръ Владиміровичъ.
51. Викторовъ, Давидъ Викторовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
52. Випперъ, Робертъ Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
53. Викторскій, Сергѣй Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
54. Виноградовъ, Николай Дмитріевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
55. Виноградовъ, Павелъ Гавриловичъ, проф. Оксфордск. унив.
56. Вульфертъ, Антонъ Карловичъ.
57. Вырубовъ, Григорій Николаевичъ, писатель.
58. Гамбаровъ, Юрій Степановичъ, проф. Петерб. политехникума.
59. Ганнушкинъ, Петръ Борисовичъ, психіатръ.
60. Герасимовъ, Осипъ Петровичъ.
61. Гиацинтовъ, Владиміръ Егоровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
62. Гиляровъ, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевск. унив.
63. Голицынъ, кн., Борисъ Борисовичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.
64. Горбовъ, Николай Михайловичъ.
65. Гротъ, Константинъ Яковлевичъ, проф. Петерб. унив.
66. Грушна, Аполлонъ Аполлоновичъ, проф. Моск. унив.
67. Горская, Зинаида Степановна.
68. Городенскій, Николай Гавриловичъ, проф. Моск. Духов. Акад.
69. Гуторъ, Василій Петровичъ.
70. Давыдовъ, Николай Васильевичъ.
71. Данилевскій, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. унив.
72. Де-Роберти, Евгенийъ Валентиновичъ, писатель.
73. Дерюжинскій, Владиміръ Ѳедоровичъ, редакторъ журнала Министерства Юстиціи.
74. Джонстонъ, Вѣра Владиміровна.
75. Дриль, Дмитрій Андреевичъ, докторъ уголовного права.
76. Елеонскій, Николай Александровичъ, протоіерей, профессоръ Москов. университета.
77. Ефименко, Александра Яковлевна, писательница.
78. Жегалкинъ, Иванъ Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
79. Жуковскій, Николай Егоровичъ, проф. Моск. унив.
80. Занцевичъ, Константинъ Петровичъ, присяжн. повѣрен.
81. Зеленогорскій, Ѳедоръ Александровичъ, проф. Харьковскаго университета.
82. Зерновъ, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
83. Зографъ, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
84. Зыковъ, Владиміръ Павловичъ, прив.-доц. Моск. унив.
85. Ивановскій, Владиміръ Николаевичъ, прив.-доц. Казанск. унив.

86. **Иванцовъ**, Николай Александровичъ.
87. **Иванюковъ**, Иванъ Ивановичъ, д-ръ политической экономіи.
88. **Казанскій**, Александръ Павловичъ, проф. Новорос. унив.
89. **Намаровскій**, гр., Леонидъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
90. **Наннабихъ**, Юрій Владиміровичъ, психіатръ.
91. **Карѣвъ**, Николай Ивановичъ, д-ръ всеобщей исторіи.
92. **Колубовскій**, Яковъ Николаевичъ, преподаватель педагогич. курс. въ Петербургѣ.
93. **Конисси**, Даніиль Павловичъ.
94. **Корелина**, Надежда Петровна, секретарь редакціи «Вопросовъ Фил. и Псих.».
95. **Корниловъ**, Александръ Александровичъ, прив.-доц. Моск. университета.
96. **Коробкинъ**, Ѳедоръ Семеновичъ, препод. средн. учебн. зав.
97. **Коршъ**, Ѳедоръ Евгеньевичъ, проф. Моск. унив., академикъ Имп. Академ. Наукъ.
98. **Котляревскій**, Сергѣй Андреевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
99. **Ланге**, Николай Николаевичъ, проф. Новорос. унив.
100. **Ланнь**, Фердинандъ, лекторъ Моск. унив.
101. **Лапшинъ**, Иванъ Ивановичъ, прив.-доц. Спб. унив.
102. **Лопатинъ**, Левъ Михайловичъ, проф. Моск. унив.
103. **Лосскій**, Николай Онуфріевичъ, прив.-доц. Спб. универс.
104. **Любавскій**, Матвѣй Кузьмичъ, проф. Моск. унив.
105. **Лютославскій**, Викентій Францевичъ.
106. **Мальшинъ**, Александръ Ивановичъ, психіатръ.
107. **Мамуна**, гр., Иванъ Андреевичъ, врачъ.
108. **Мануиловъ**, Александръ Аполлоновичъ, ректоръ Моск. унив.
109. **Масарикъ**, Ѳома Осиповичъ, проф. Чешскаго универс. въ Прагѣ.
110. **Мензбиръ**, Михаилъ Александровичъ, проф. Моск. унив.
111. **Милюковъ**, Павелъ Николаевичъ, магистръ русск. исторіи.
112. **Млодзѣвскій**, Болеславъ Корнеліевичъ, проф. Моск. унив.
113. **Моніевскій**, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
114. **Морозова**, Маргарита Кирилловна.
115. **Мороховецъ**, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. унив.
116. **Некрасовъ**, Павелъ Алексѣевичъ.
117. **Немировичъ-Данченко**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
118. **Новгородцевъ**, Павелъ Ивановичъ, директоръ Коммерческаго Института.

119. Огневъ, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. унив.
120. Охоровичъ, Юліанъ, д-ръ медицины.
121. Первовъ, Павелъ Дмитріевичъ, препод. средн. учебн. завед.
122. Петрушевскій, Дмитрій Моисеевичъ, проф. Моск. унив.
123. Поповъ, Иванъ Васильевичъ, проф. Моск. духовн. акад.
124. Поржезинскій, Викторъ Карловичъ, проф. Моск. унив.
125. Постовскій, Николай Павловичъ, психіатръ.
126. Преображенскій, Петръ Васильевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
127. Пржевальскій, Владиміръ Владиміровичъ.
128. Радловъ, Эрнестъ Львовичъ, профессоръ философіи въ училищѣ Правовѣдѣнія.
129. Рачинскій, Григорій Алексѣевичъ.
130. Ржондновскій, Николай Ивановичъ.
131. Розановъ, Матвѣй Никаноровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
132. Россолимо, Григорій Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
133. Ротъ, Владиміръ Карловичъ, проф. Моск. унив.
134. Рузскій, Николай Виттовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
135. Рутковскій, Л. В., прив.-доц. Спб. унив.
136. Рыбановъ, Ѳедоръ Егоровичъ, психіатръ.
137. Савинъ, Александръ Николаевичъ, проф. Моск. унив.
138. Саводникъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, препод. средн. учебн. заведеній.
139. Сербскій, Владиміръ Петровичъ, проф. Моск. унив.
140. Серджи, Джованни, проф. антропологии въ Римск. унив.
141. Синорскій, Иванъ Алексѣевичъ, проф. Кіевск. унив.
142. Скрыбинъ, Александръ Николаевичъ, профес. Московскоѣ консерв.
143. Смирновъ, Ѳедоръ Александровичъ.
144. Соболевскій, Василій Михайловичъ.
145. Соколовскій, Павелъ Эмиліевичъ, проф. Берл. унив.
146. Соколовъ, Павелъ Петровичъ, проф. Моск. духовн. акад.
147. Софроновъ, Ѳедоръ Васильевичъ, земскій врачъ.
148. Спасскій, Анатолій Алексѣевичъ, проф. Моск. дух. акад.
149. Стрѣльцовъ, Павелъ Павловичъ, психіатръ.
150. Сухановъ, Сергѣй Алексѣевичъ, психіатръ.
151. Танѣевъ, Владиміръ Ивановичъ, присяжн. повѣр.
152. Тимирязевъ, Клементій Аркадьевичъ, проф. Моск. унив.
153. Тимковскій, Николай Ивановичъ, писатель.
154. Тихомировъ, Павелъ Васильевичъ, проф. Нѣжинскаго лицея.

155. Трубецкой, кн., Евгений Николаевичъ, проф. Моск. унив.
156. Уляницкій, Владиміръ Антоновичъ, проф. Харьковскаго университета.
157. Успенскій, Сергѣй Николаевичъ, психіатръ.
158. Умовъ, Николай Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
159. Фаворскій, Андрей Евграфовичъ, присяжн. повѣрен.
160. Филипповъ, Александръ Никитичъ, проф. Моск. унив.
161. Фонъ-Штейнъ, Станиславъ Ѳедоровичъ, прив.-доц. Москов. университета.
162. Хвостовъ, Веніаминъ Михайловичъ, проф. Моск. универс.
163. Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, проф. Москов. унив.
164. Цертелевъ, кн., Дмитрій Николаевичъ.
165. Челпановъ, Георгій Ивановичъ, проф. Московск. унив.
166. Чижъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьевск. унив.
167. Шайневичъ, Мартинъ Осиповичъ, психіатръ.
168. Шварцъ, Александръ Николаевичъ, Министръ народнаго просвѣщенія.
169. Шервинскій, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. унив.
170. Шпеттъ, Густавъ Густавовичъ.
171. Штейнъ, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
172. Зверлингъ, Сергѣй Николаевичъ.
173. Эйхенвальдъ, Александръ Александровичъ, проф. Инженерн. училища.
174. Якоби, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
175. Яковенко, Владиміръ Ивановичъ, психіатръ.

Члены-соревнователи:

176. Абрикосова, Марія Филипповна.
177. Абрикосова, Глафира Алексѣевна.
178. Абрикосовъ, Александръ Алексѣевичъ.
179. Андреева, Александра Алексѣевна.
180. Гончарова, Анна Сергѣевна.
181. Бломериусъ, Агнеса Васильевна.
182. Горскій, Константинъ Николаевичъ.
183. Каринская, Марія Александровна.
184. Любенкова, Юлія Львовна.
185. Львовъ, кн., Дмитрій Петровичъ.
186. Мазаровичъ, Николай Ивановичъ.
187. Мошкина, Екатерина Дмитріевна

188. Мальновская, Софья Александровна.
189. Мамонтовъ, Михаилъ Анатоліевичъ.
190. Павловъ, Александръ Владиміровичъ.
191. Петрункевичъ, Анастасія Сергѣевна.
192. Ремезовъ, Иванъ Дмитріевичъ.
193. Селивачовъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ.
194. Ферстеръ, Наталія Павловна.
195. Хмѣленская, Марія Николаевна.
196. Шахъ-Назаровъ, Семенъ Григорьевичъ.

Члены-корреспонденты:

197. Гелеръ фонъ-Равенбургъ.
198. Мансъ Дессуаръ.
199. А. Байерсдерферъ.
200. Шренкъ фонъ-Нотцингъ.
201. Левицкій, И. Н.
202. Демковъ, М. И.

Примѣчаніе. Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», а во время засѣданій—въ залѣ засѣданія. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи». Взносъ для дѣйствительныхъ членовъ 5 руб., для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.

Философскія изслѣдованія, == == обзорѣнія и проч.,

издаваемыя подъ редакціей проф. Г. Челпанова.

СО Д Е Р Ж А Н І Е .

- Т. I. Вып. 1-й. **Шиманскій, А. Н.** Ученіе Канта и Спенсера о пространствахъ.
Челпановъ, Г. И. Объ имманентной философіи.
 Отчетъ о дѣятельности Псих. Семинаріи за 1897—1902 г.
- Т. I. Вып. 2-й. **Щербина, А. М.** Ученіе Канта о вещи въ себѣ.
Вайнштейнъ, А. Э. Ученіе о реальности по Шубертъ-Зольдерну.
Челпановъ, Г. И. Авенариусъ и его школа.
- Т. I. Вып. 3-й. **Щербина, А. М.** Ученіе Канта о вещи въ себѣ (окончаніе).
Зѣньковскій, В. В. Современное состояніе психофизической проблемы.
Шпеттъ, Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта (Введеніе).
Челпановъ, Г. И. Априоризмъ и эмпиризмъ (отвѣтъ проф. Гиллярву).
- Т. I. Вып. 4-й. **Шпеттъ, Г. Г.** Проблема причинности у Юма и Канта.
Челпановъ, Г. И. Рѣцензія на соч. И. С. Продана „О памяти“.
 Отчетъ о дѣятельности Псих. Семинаріи за 1902—1906 г.
- Т. II. Вып. 5-й. **Блонскій.** Ученіе Беркли о реальности.

Цѣна за каждый выпускъ 1 р.

Складъ изданія въ редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ и въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Москва, Моховая, противъ Университета.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ ПРОДАЮТСЯ:

Проф. А. И. Введенскій. Философскіе очерки. *Вып. I.* О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Цѣна 1 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. 4-е изд. Цѣна 2 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. 2-е изд., вновь редактированное проф. А. И. Введенскимъ по 4-му нѣмецк. 2 тома. Цѣна 4 руб.

Т Р У Д Ы

С.-Петербургскаго Философскаго Общества:

Выпускъ I. Декартъ. Метафизическія размышленія. Перев. подъ редакціей и со статьей проф. А. И. Введенскаго. Декартъ и раціонализмъ. Цѣна 1 р.

Выпускъ II и III. Малекбраншъ. Исканіе истины. Перев. подъ ред. и со статьей Э. Л. Радлова. Цѣна 5 руб.

Выпускъ IV. Беркли. Трактатъ о началахъ чело-вѣческаго знанія. Перев. подъ ред. и со статьей Н. Г. Дебольскаго. Цѣна 40 коп.

Выпускъ V. Аристотель. Этика. Перев. и вступительная статья Э. Л. Радлова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Открыта подписка на 1909 годъ

XX г.

на журналъ

XX г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей; за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ и систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ и друг., о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Бекаряковъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Вишперъ, А. Ф. Гартвигъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, С. Т. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, А. Г. Дауге, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатъевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, проф. Т. В. Локоть, А. И. Лотоцкій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, С. П. Моравскій, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсяннико-Кудиковскій, проф. И. Г. Оршанскій, проф. А. П. Павловъ, проф. А. А. Радцигъ, Г. Роковъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Сеницкій, Л. Д. Сеницкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Θ. Фортунатовъ, Л. Б. Хавкина-Гамбургеръ, В. П. Хопровъ, В. И. Черноуцскій, Н. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховскій, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Кожушенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

У Ч Е Н Ы Я З А П И С К И

ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета
на 1909 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія, публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничѣ книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, библиографическія отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнѣе преподаванія распределеніе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей: памятники историческіе и литературные, съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **А. Александровъ.**

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

28 годъ изданія ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1909 г. 28 годъ изданія

„РЕБУСЪ“ Единственный въ Россіи популярно-научный ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики.

Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: *телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медиумизма, гипнотизма, явленій спиритизма и другихъ оккультныхъ явленій и фактовъ.*)

Независимое слово внѣ школъ и партій о всѣхъ спорныхъ вопросахъ науки и жизни.

Выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 3-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, романы, стихотворенія и новеллы, соответствующіе направленію журнала.

За прошлые года въ журналъ, въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны: проф. Ф. Майерса—„О послѣсмертномъ существованіи“ и „Прижизненные призраки“; проф. А. Бутлерова—„Статьи по медиумизму“; А. Ансакова—„Анимизмъ и спиритизмъ“; проф. Н. Вагнера—„Фотографія невидимой руки“; А. Дассье—„Позитивизмъ въ области спиритуализма“; проф. Ш. Рише—„Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ“; д-ра Ж. Мансвелль—„Феномены психизма“; д-ра М. Принса—„Множественность личности“; проф. Ч. Ломброзо—„Непокойные дома“; А. Шопенгауера—„О духовидѣніи“; д-ра Дю-Преля—„Душа, какъ организующее начало“; М. Сабуровой—„Смерть только метаморфоза“; проф. Шарко—„О сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ“; д-ра Охоровича—„Лекціи о животномъ магнетизмѣ“; А. Уоллеса—„Духовный дарвинизмъ“; проф. В. Крукса—„Объ относительности человѣческихъ знаній“; П. Чистякова—„Исторія волшебства и суевѣрій“; „Кантъ, какъ спиритуалистъ“; „Радій и ясновидѣніе“ и др.; затѣмъ Отчеты Лондонскаго Общества психическихъ изслѣдованій русскаго спиритуалистическаго общества и др.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 руб.
За границу на годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 к. (можно высылать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ редакціи журнала — Арбатъ, домъ Нейдгарта, кв. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

ВѢСТНИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ И ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ.

Выходитъ 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, не менѣе 24 стр. каждый, подъ редакціей приватъ-доцента В. Ф. Кагана.

Программа журнала: оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элементарной математики. Статьи, посвященныя вопросам преподаванія математики и физики. Опыты и приборы. Научная хроника. Разныя извѣстія. Математическія мелочи. Темы для сотрудниковъ. Задачи для рѣшенія. Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшившихъ. Упражнения для учениковъ. Задачи на премию. Библиографическій отдѣлъ: обзоръ спеціальныхъ журналовъ; замѣтки и рецензіи о новыхъ книгахъ.

Статьи составляются настолько популярно, насколько это возможно безъ ущерба для научной стороны дѣла.

Предыдущіе семестры были **рекомендованы:** Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для гимн. муж. и жен., реальн. уч., прогимн., город. уч., учит. инст. и семинарій; Главн. Воен.-Учебн. Зав.—для воен.-уч. заведеній; Учен. Ком. при Св. Синодѣ—для дух. семинарій и училищъ.

Пробный номеръ высылается **бесплатно** по первому требованію.

Условія подписки: Подписная цѣна съ пересылкой: за годъ **6 руб.**, за полгода—**3 руб.** Учителя и учительницы низшихъ училищъ и всѣ учащіеся, выписывающіе журналъ непосредственно изъ конторы редакціи, платятъ за годъ **4 руб.**, за полгода **2 руб.** Допускается разсрочка подписной платы по соглашенію съ конторой редакціи.

Отдѣльные номера текущаго семестра по 30 коп., прошлыхъ семестровъ по 25 коп.

Адресъ для корреспонд.: Одесса. Въ редакцію „Вѣстника Опытной Физики“.

Газета „Свобода“, приостановленная на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, вновь разрѣшена и будетъ выходить въ С.-Петербургѣ съ 7-го декабря 1908 года **двумя изданіями** до 700 отдѣльныхъ номеровъ въ годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 Г.

на большую прогрессивную и независимую ежедневную политическую, экономическую, литературно-научную газету

„СВОБОДА“

УТРЕННЯЯ ГАЗЕТА.

ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА.

Подписная цѣна на два изданія газеты «Свобода»

съ доставкой и пересылкою въ С.-Петербургъ и иногороднимъ: на годъ—12 р., на полгода—7 р., на 3 мѣсяца—4 р. 50 к., на одинъ мѣсяць—1 р. 50 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ—8 руб., въ мартѣ—остальные 4 руб. За границу—на годъ—26 руб., полгода—15 руб., одинъ мѣсяць—3 р.

Редакція и главная контора газеты „Свобода“: С.-Петербургъ, Невскій пр., 65. Телеф. № 2000.—Экспедиція и типографія „Свободы“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 17.

Редакторъ-издатель газеты „Свобода“ *П. Н. Подмайловъ.*

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СЕРІЯ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ СБОРНИКОВЪ,

издаваемая при Комисіи по организациі домашняго чтенія.

Редакторы отдѣловъ: прив.-доц. Н. Д. Виноградовъ (филос. отд.), М. О. Гершензонъ (литературный отдѣл), прив.-доц. П. П. Гензель (эконом. отд.), Б. А. Кистяковскій (юр. отд.), прив.-доц. Н. К. Кольцовъ (ест.-науч. отд.), проф. Д. М. Петрушевскій (историч. отд.).

Изданіе стремится освѣдомить читателей съ дѣлженіемъ научной и научно-популярной литературы и слѣдовать за развитіемъ русской общественной жизни. Въ каждомъ вып. помѣщаются: 1) обзоры, 2) рецензіи и 3) систематич. указатель новыхъ книгъ.

Въ семи выпускахъ за 1908 г. помѣщено 16 обзоровъ, 133 рецензіи. Въ каждомъ вып. печатается систематич. указатель нов. книгъ (научн. и популярно-научн.)—Заглавіе обзоровъ: Русскій Крестьянскъ (обз. экономич. литер.), Н. А. Савицкаго.—Половой вопросъ, пр.-доц. М. А. Членова.—Живая старина въ русск. лит. по искусству, бар. Н. Н. Врангеля.—Изученіе Пушкина и пушкинск. журналъ, В. Е. Якушкина.—Теорія цѣнности, В. К. Дмитриева.—Законовѣдніе, пр.-доц. Е. Е. Ефимова.—Общая эстетика, Н. В. Самсонова.—Раннее христіанство, Н. М. Никольскаго. Земск. самоуправленіе и земск. хозяйство, Н. Н. Авинава.—Национальный вопросъ, Н. П. Борецкаго-Бергфельда.—Исторія Малороссіи, И. П. Житецкаго.—Философія марксизма, Н. Н. Алексѣева.—Экономич. статистика, пр.-доц. Г. Г. Швигтцау.—Л. Толстой и русская интеллигенція (бытн. литература), С. Л. Франка.—Сибирь (географ. обзоръ), А. А. Борзова.—Сельско-хозяйственная кооперація, А. Н. Анциферова.

3-й годъ изданія—8 книжекъ въ годъ.

Съ 1-го января 1909 г. превращается въ журналъ.

Годъ—3 р. 50 к. Полгода—1 р. 75 к. Отдѣльный вып.—50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и провинціи и въ конторѣ журнала: Москва, Арбатъ, Никольскій пер. 19. Телеф. 214—36.

Можно подписываться и на серію 1908 г. Ц. 3 р. 50 к. Полгода—1 р. 75 к. „Критич. Обзоръ.“ за 1907 г. продается въ видѣ переплетеннаго тома, ц. 2 р. Содержаніе: 15 обзоровъ, 171 рецензія, 2 программы комисіи по организациі домашн. чтенія.

Отдѣльные выпуски продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Ц. отд. вып. 1907 г.—40 к., слѣдующихъ годовъ—50 к.

Редакторъ Б. А. Кистяковскій. Издательница Е. Н. Орлова.

Годъ изданія сорокъ четвертый.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1909 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ. Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ. Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Объявленія изъ губерній: Нижегород., Казанск., Симбирск., Самарск. и Саратов. и изъ Закаспійск. края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банковск. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Мало-Демид., соб. д.), всѣ же прочія исключительно центральной конторою Л. и Э. Метцль и К^о (Москва, Мясницк., д. Сытова). Плата за объявленія со строки текста: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

Подписная цѣна съ пересылкою 1 годъ—7 руб. 50 коп., 1/2 года—3 руб. 75 коп., 3 мѣс.—2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель В. И. Склабинскій.

Съ 1-20 ноября въ Москвѣ выходитъ ежемѣсячный иллюстри-
рванный журналъ

СЪВЕРНОЕ СІЯНІЕ.

Желая доставить широкой публикѣ возможность быть въ курсѣ современной культуры, „Сверное Сіаніе“ будетъ давать въ каждой книгѣ не менѣе 10 иллюстрированныхъ законченныхъ статей по литературѣ, искусству, наукамъ и общественнымъ вопросамъ. Въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться беллетристика, оригинальная и переводная, дѣтскій отдѣлъ, библиографія и т. д.

Въ годъ въ 12 книгахъ будетъ дано не менѣе девяносто шести печатныхъ листовъ, не менѣе 1000 иллюстрацій въ текстѣ и, кромѣ того, не менѣе двѣнадцати цвѣтныхъ иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ.

СОТРУДНИКИ:

Ю. И. Айхенвальдъ, А. Е. Архиповъ, А. Н. Бенуа, П. Я. Билибинъ, А. Блокъ, гр. В. Н. Бобринская, п.-д. М. М. Богословскій, проф. С. Н. Булгаковъ, И. А. Бунинъ, А. М. Васнецовъ, С. А. Венгеровъ, С. Виноградовъ, В. В. Владиміровъ, А. С. Волжскій, пр.-д. А. Э. Вормсъ, бар. Н. Н. Врангель, Л. И. Гальберштадтъ, М. Н. Гернетъ, М. О. Гершензонъ, З. Н. Гиппіусъ, В. С. Гиацинговъ, Сергій Глаголь, пр.-д. В. А. Горбуновъ, Сергій Городепскій, И. Е. Грабарь, Б. А. Грифцовъ, пр.-д. Н. В. Давыдовъ, А. К. Джигелеговъ, А. Ф. Діесперовъ, Дюнео, М. В. Добужинскій, А. В. Ельчаниновъ, В. Е. Егоровъ, пр.-д. М. Д. Загряцковъ, Б. К. Зайцевъ, В. Д. Замирайло, А. У. Зеленко, Л. Зильовъ, С. В. Ивановъ, И. А. Ильинъ, проф. Н. А. Каблуковъ, В. В. Каллашъ, пр.-д. Б. А. Кистяковский, пр.-д. И. А. Кистяковский, П. С. Коганъ, П. Кожевниковъ, пр.-д. О. О. Кокошкинъ, пр.-д. И. К. Кольцовъ, С. С. Кондурушкинъ, пр. д. С. А. Котляревскій, Н. А. Крашенинниковъ, Сергій Кречетовъ, И. И. Лазаревскій, В. Г. Малахіева-Мировичъ, проф. М. А. Мензбиръ, Д. С. Мережковский, А. М. Миръ, А. В. Модестова, П. П. Муратовъ, П. А. Нилусъ, И. А. Новиковъ, проф. И. д. Озеровъ, Л. В. Пастернакъ, С. С. Перемидовскій, В. В. Перелетчиковъ, А. С. Петровскій, проф. Д. М. Петрушевскій, Н. Поляковъ, А. С. Пругавинъ, Г. А. Рачинскій, А. М. Ремизовъ, Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, пр.-д. П. М. Сакулинъ, А. В. Серединъ, А. А. Смирновъ, Федоръ Сологубъ, М. П. Сомовъ, В. И. Стражевъ, Треплевъ, А. М. Федоровъ, П. А. Флоренскій, Д. В. Философовъ, В. Н. Харузина, проф. А. В. Цингеръ, А. Н. Чеботаревская, Г. И. Чулковъ, пр.-д. Г. Г. Шпеттъ, В. Ф. Эрнъ, К. О. Юонъ, пр.-д. А. И. Яковлевъ, С. П. Яреминъ и многіе другіе, отъ которыхъ редакція не успѣла еще получать отвѣта.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи 5 р., на 6 мѣсяцевъ—2 р. 75 к., на 3 мѣсяца—1 р. 40 к., на 1 мѣсяцъ—60 к. За границу на годъ—7 р. Цѣна отдѣльной книжки 50 к. Книгопродавцамъ уступка.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала, въ отдѣленіи журнала у Н. Печковской и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и провинціи.

Отдѣльные №№ продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ жел. дорогъ.

Адресъ главной конторы: Кузнецкій пер., д. Хомякова, № 6, кв. 3. Телеф. 134—60. Контора открыта ежедн., кромѣ празд., отъ 11 до 5 час.

Издательница гр. В. Н. Бобринская.

Редакторъ А. М. Поццо.

III-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 г.

III-й годъ изданія.

на большую политическую, экономическую общественную и литературную газету

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“.

Взявъ своимъ лозунгомъ независимость и поставивъ главною дѣлюю широкою и полную освѣдомленность, редакція „ГОЛОСА МОСКВЫ“ привлекла для ближайшаго участія въ газетѣ выдающихся ученыхъ и специалистовъ по всѣмъ отраслямъ знанія, образовала обширную сеть своихъ корреспондентовъ и, не останавливаясь передъ крупными затратами, создала свое телеграфное агентство.

Какъ то, такъ и другое дало газетѣ возможность занять среди другихъ изданій совершенно самостоятельное мѣсто. Свѣдѣнія о текущей жизни Петербурга и о дѣятельности всѣхъ государственныхъ учреждений получаются ежедневно по телефону. Важнѣйшія событія иллюстрируются художниками. Въ главныхъ городахъ всего міра и во всѣхъ русскихъ городахъ СВОИ корреспонденты. Ежедневно сатирическіе и юмористическіе „ФЕЛЬЕТОНЫ“ на злобу дня. Широкое мѣсто отводится „ВОПРОСАМЪ ИСКУССТВА“ и художественной „ЛИТЕРАТУРѢ“.

Подписная цѣна на 1909 годъ:

				Для лицъ духовн. знан., военныхъ, учителей и студ.					Для лицъ духовн. знан., военныхъ, учителей и студ.
на 12 мѣс.	9 р.	— к.	6 р.	— к.	на 6 мѣс.	4 р.	5 к.	3 р.	— к.
„ 11 „	8 „	50 „	5 „	50 „	„ 5 „	4 „	— „	2 „	50 „
„ 10 „	7 „	75 „	5 „	— „	„ 4 „	3 „	25 „	2 „	— „
„ 9 „	7 „	— „	4 „	50 „	„ 3 „	2 „	50 „	1 „	50 „
„ 8 „	6 „	25 „	4 „	— „	„ 2 „	1 „	80 „	1 „	10 „
„ 7 „	5 „	50 „	3 „	50 „	„ 1 „	— „	90 „	— „	60 „

Безплатно прилагается новымъ подписчикамъ, подписавшимся не менѣе чѣмъ на 3 мѣсяца, отдѣльнымъ оттискомъ романъ *Н. Энгельгардта* „МОСКОВСКОЕ РУШЕНИЕ“. Адресъ Главной Конторы: Москва, Леонтьевскій пер., домъ № 5. Тел. 148-60.

Отвѣтств. редакторъ П. И. Смирновъ.

Издатель: „Московское Товарищество для изданія книгъ и газетъ“.

Открыта подписка на 1909 годъ

НА ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

(3-й годъ изданія).

ОРГАНЪ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЬСТВА.

Выходитъ 20 разъ въ годъ книжками отъ 2—4 листовъ.

Подписная цѣна на журналъ 2 руб. въ годъ, на полгода—1 р. 25 к.

Цѣна отдѣльной книжки 15 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Полянка, Успенскій переулокъ, домъ 8, кв. 2.

Редакторы-издатели: Н. В. Тулузовъ и П. М. Шестаковъ.

Открыта подписка на 1909 годъ

(XIV годъ изданія)

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ для семьи и школы

„В С Х О Д Ы“.

Въ 1909 году „ВСХОДЫ“ будутъ издаться въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы.

Въ 1909 г. подписчики на „ВСХОДЫ“ получатъ:

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и пр. Постоянные отдѣлы: Изъ науки и жизни.—Критическій указатель дѣтской и народной литературы.

12 №№ „Библиотеки Вскодовъ“—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Въ составъ „Библиотеки Вскодовъ“ 1909 г. между прочимъ войдутъ „Семейная Хроника“ и „Дѣтскіе годы Багрова-Внука“. **С. Т. Аксанова.** Юбилейное изданіе съ портретами и иллюстраціями въ текстѣ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой: На годъ въ Россіи 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1/4 года 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 42 к. За границу 8 р. Плата за объявл.: 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р., 1/4 стр.—10 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, 4-я Рождественская, № 8; въ конт. Печковской: Москва, Петровскія линіи, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-изд. Э. Монвижъ-Монтевидъ.

Въ 1909 году будетъ продолжаться (33-й годъ) изданіе

Ж У Р Н А Л А

„ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ“.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: **общій отдѣлъ**, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, и отдѣлъ **официально-справочный**. Цѣна журнала съ пересылкой во всѣ города Россіи:

	Отдѣлъ общій	Отдѣлъ оф.-справ.	Оба отдѣла.
За 12 мѣсяцевъ	4 руб. 40 коп.	4 руб. 40 коп.	8 руб. — к.
„ 6 „	2 „ 20 „	2 „ 20 „	4 „ — „
„ 3 „	1 „ 20 „	1 „ 20 „	2 „ — „
„ 1 „	— „ 40 „	— „ 40 „	— „ 80 „

Моск. Городскимъ Управленіемъ издается ежемѣсячный журналъ „**Бойни**“, посвященный вопросамъ боевскаго дѣла.

Цѣна журнала **3 р.** за годъ и **2 р.** за 6 мѣсяцевъ, съ перес. и доставкой. Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Открыта подписка на 1909 годъ.

Вышла ноябрьская (одиннадцатая) книга.

Содержаніе: I. Вожди. — кн. А. И. Сумбатова. II. Воздушный путь. — Е. Д. Бальмонта. III. Стих. Н. Гумилева. IV. Брачная жизнь. — Эдитъ Уортонъ, пер. съ англ. Н. М. Коремной. V. Степанъ Стоговъ. — А. М. Федорова. VI. Стих. Г. А. Рачинскаго. VII. Пора любви. Ром. Жераръ д'Увилля. Пер. съ франц. З. Н. Журавской. Продол. VIII. Восемь мѣсяцевъ въ Сибирской тюрьмѣ. — В. Оконч. IX. Влад. Соловьевъ о христіан. общественности. — Волжскаго. X. Организация работодателей въ ихъ отношеніяхъ съ организац. рабочими. — Г. Б. Швигтау. XI. Личность и вещь. — С. Л. Франка. XII. Жизнь Мопассана. — Ал. Чеботаревской. XIII. Письмо изъ С.-А. Сед. Штатовъ. — П. А. Тверского. XIV. По южнымъ славянскимъ странамъ. — А. А. Стаховича. XV. Письмо изъ Англии. — С. И. Рапопорта. XVI. Замѣтка о „Синей птицѣ“. Ю. Айхенвальда. XVII. Нашъ офиціозъ. — А. С. Изюева. XVIII. Иностр. политика. — Л. Гальберштадта. XIX. Некрологи (А. А. Потѣхинъ и А. П. Ленскій). XX. Библи. отд. XXI. Объявленія.

Продолжается подписка на 1908 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. и перес.:	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу . . .	14 р.	10 р.	50 к.	7 р.	3 р. 50 к. 1 р. 25 к.

Подписка принимается: въ Москвѣ — конт. журн.: Воздвиженка, Ваганьков. пер., д. Куманина. Въ Спб., Вильнѣ, Варшавѣ — въ кн. магаз. Карбасникова. Въ Кіевѣ — кнѣжн. магаз. Оглоблина и Соколовскаго. Въ Одессѣ — кн. магаз. „Трудъ“.

Книжный складъ журнала „Русская Мысль“.
Москва.

Высылаетъ по заказамъ, наложен. платежомъ всѣ существующія въ продажѣ русскія и иностр. книги по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы, а также ноты и учебныя принадлежности.

Выполненіе быстрое и аккуратное.

„НОВАЯ РУСЬ“

большая ежедневная политическая, общественная и литературная газета.

Издается при ближайшем участіи А. А. Суворина и постоян. сотрудн. „Руси“.

Подписная цѣна на газету „Новая Русь“:

Съ дост. и пер. на годъ—12 р., на 11 м.—11 р. 25 к., на 10 м.—10 р. 50 к., на 9 м.—10 р., на 8 м.—9 р., на 7 м.—8 р., на 6 м.—7 р., на 5 м.—6 р. 10 к., на 4 м.—4 р. 90 к., на 3 м.—3 р. 70 к., на 2 м.—2 р. 50 к., на 1 м.—1 р. 30 к. Безъ дост. на годъ—10 р., 11 м.—9 р. 20 к., 10 м.—8 р. 50 к., 9 м.—7 р. 70 к., 8 м.—6 р. 90 к., 7 м.—6 р. 15 к., 6 м.—5 р. 50 к., 5 м.—4 р. 40 к., 4 м.—3 р. 80 к., 3 м.—2 р. 90 к., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р. За границу на годъ—20 р., 11 м.—19 р., 10 м.—18 р., 9 м.—17 р., 8 м.—15 р., 7 м.—13 р., 6 м.—11 р., 5 м.—10 р., 4 м.—8 р., 3 м.—6 р., 2 м.—4 р. 1 м. 2 р.

Подписная цѣна для гг. студентовъ, сельскихъ учителей, сельского духовенства и сельскихъ фельдшеровъ на годъ 9 р., а помѣсячно—90 к. Льготная подписка принимается исключительно въ главной конторѣ газеты „Новая Русь“, Спб., Мойка, 32.

Гг. сельскіе учителя, сельское духовенство и сельскіе фельдшера могутъ подписываться кромѣ главной конторы въ земскихъ учрежденіяхъ.

Подписка принимается: въ главной конторѣ газеты „Новая Русь“, Спб., Мойка, 32. Отдѣленія: Москва, П. С. Арсеневъ, Большая Дмитровка, д. № 15, кв. 26. Вильна: П. И. Гродзенскій, Яковскій пер., д. № 15, кв. 24. Варшава: Мерекій, Меловая, 12. Рига: Артель газетчиковъ, Ивановская, № 14. Одесса: М. Арфинъ, Рышельевская ул., д. № 42. Севастополь: Н. Н. Савостинъ, кіоскъ противъ памятника Нахимова. И въ агентствахъ во всѣхъ городахъ Россіи.

Во избѣжаніе задержекъ на почтѣ и въ доставкѣ газеты, „Новая Русь“ необходимо писать полностью.

Издатель Г. М. Михинъ.

Редакторъ И. К. Заіончковскій.

7 руб. въ годъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

7 руб. въ годъ.

„НОВЫЯ МЫСЛИ“

Съ ноября настоящаго 1908 года начнетъ выходить въ свѣтъ ежемѣсячникъ „НОВЫЯ МЫСЛИ“ типа лучшихъ заграничн. изданій, съ иллюстр. и обширной програм. Редакція журнала уже имѣетъ матеріалъ разнообразн. содержанія и получила обѣщаніе на сотрудничество: М. П. Арцыбашева, В. В. Башкина, А. Грина, Я. Голина, А. И. Куприна, Анатолия Каменскаго, В. Ленскаго, Н. Ф. Олигера, А. Рославлева, Федора Соллогуба, Скитальца, Т. Щепкиной-Куперникъ. Кромѣ того, редакція ведетъ переговоры и ожидаетъ поступленія частью уже начатыхъ работъ отъ Леоніа Андреева, Валерія Брюсова, Ад. Блока, К. Бальмонта, П. Д. Боборыкина, С. Городецкаго, Гусева-Оренбургскаго, П. П. Гвѣдича, С. Я. Елпатьевскаго, Бориса Зайцева, Н. Тимковскаго, Семена Юшкевича. Художники: Г. Куингъ, А. Эберлингъ, А. Эйссеръ и др. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, бібліографія, провинціальный, художественный и научные отдѣлы. Кромѣ того задачи, за рѣшеніе которыхъ интересныя и цѣнныя преміи.

Содержаніе № 1: Федоръ Сологубъ — „Ванька ключникъ“ и „Пажъ Жеанъ“. М. Арцыбашевъ — „Еврей“. В. Башкинъ — „Сѣверъ“. Н. Олигеръ — „Гусляръ“. Анатолій Каменскій — „Сѣверный балъ“. В. Ленскій — „Братъ“. С. Турстонъ — „Маскарадъ“. Стихи: Т. Щепкина-Куперникъ, А. Рославлевъ и др. Фламариоцъ — „Пылъ вселенной“. Критическое обзорѣе. Статьи по спорту, женскимъ и дѣтскимъ вопросамъ, провинціальный отдѣлъ, задачи.

Подписная цѣна 7 (семь) руб. въ годъ. Подписавшіеся до 15 ноября с. г. получаютъ ноябрьскую и декабрьскую книжки бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, Екатерининск. кан., 21, кв. 18. Д. Г. Макъ-Дональдъ.

Издатели: **Джемсъ Генри Макъ-Дональдъ.**
Виола Ре Скоттъ.

КОМИССІЯ

по организаціи домашняго чтенія,

состоящая при Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній.

Комиссія выпустила въ свѣтъ программы двухъ типовъ: 1) Эпизодическія, 2) программы на 4-лѣтній систематическій курсъ. 1) Программы домашняго чтенія на I-й годъ систематическаго курса. Цѣна 35 к. съ пересылкой наложеннымъ платежомъ 63 к. 2) Программы домашняго чтенія на II-й годъ систематическаго курса. Цѣна 45 к., съ пересылкой наложеннымъ платежомъ 76 к. 3) Программы домашняго чтенія на III-й годъ систематическаго курса. Цѣна 60 к., съ пересылкой наложеннымъ платежомъ 95 к. 4) Программы домашняго чтенія на IV-й годъ систематическаго курса. Цѣна 55 к., съ пересылкой наложеннымъ платежомъ 91 к. Четыре выпуска „Программъ домашняго чтенія“ состоятъ изъ слѣдующихъ семи отдѣловъ: 1) наукъ математическихъ, 2) физико-химическихъ, 3) біологическихъ, 4) философскихъ, 5) общественно-юридическихъ, 6) исторіи и 7) исторіи литературы. Содержаніе каждаго изъ этихъ отдѣловъ распределено между четырьмя годами систематическаго курса.

Эпизодическія программы серія I. Цѣна 20 к., съ пересылкой наложеннымъ платежомъ 41 к. Содержаніе: 1. Пирамиды (Древній Египетъ). 2. Средневѣковый городъ. 3. Исторія французской революціи. 4. Смутное время въ Московскомъ государствѣ. 5. а) Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи. б) Растительныя сообщества Средней Россіи. 6. Валленштейнъ Шиллера. 7. Байронъ и его время. 8. Новгородскія былины. 9. Городское хозяйство и городскіе финансы. 10. Факторы преступности. 11. Основы судебной реформы 1864 года въ Россіи. 12. Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ.

Эпизодическія программы серія II. Цѣна 15 к., съ пересылкой наложеннымъ платежомъ 35 к. Содержаніе: 1. Корея. 2. Японія. 3. Право войны. 4. Средневѣковая исторія Англій. 5. „Горе отъ ума“ Грибоедова. 6. „Анна Каренина“, ром. Л. Н. Толстого. 7. Дарвинизмъ.

Кромѣ того, „Комиссія домашняго чтенія“ выпустила въ свѣтъ Сборникъ программъ для чтенія по вопросамъ государственнаго строя.

Содержаніе: Предисловіе. Ч. I. Историческія программы. 1. Программы по всеобщей исторіи. 2. Программы по русской исторіи. Ч. II. Программы по вопросамъ государственнаго строя.

I. Общая часть.

1. Общее ученіе о правѣ. 2. Исторія философіи права. 3. Государственное право.

II. Отдѣльныя программы.

1. Общее ученіе о государствѣ. 2. Государственныя реформы. 3. Правовое государство. 4. Раздѣленіе властей. 5. Судъ въ правовомъ государствѣ. 6. Земское самоуправленіе. 7. Политика Аристотеля. 8. Средневѣковая исторія Англій. 9. Старый порядокъ и революція. 10. Земскіе соборы. 11. Планъ государственнаго преобразованія Сперанскаго.

Цѣна Сборника 50 к., съ пересылкой наложеннымъ платежомъ 85 к.

КОМИССІЯ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ Покровка, М. Успенскій пер., д. № 3 Дебуи.

7 годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 годъ 7 годъ изданія
на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“.

Журналъ предназначается преимущественно для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ), которымъ еще мало доступны существующіе у насъ журналы болѣе старшаго возраста. При этомъ „Семья и Школа“ ставитъ своей задачей одинаково примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихъ въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной народной школы.

„Семья и Школа“ состоитъ изъ 12-ти ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6 отдѣльныхъ книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“.

Въ „Семьѣ и Школѣ“ принимаютъ участіе: Е. А. Бакупина, И. А. Бѣлоусовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Г. Григорьевъ, С. Д. Дрожжннъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, В. В. Капелькинъ, О. Карышева, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьковъ, Н. К. Кольцовъ, М. А. Круковский, В. Н. Львовъ, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, Н. Новичъ, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, А. Н. Рождественская, Р. Рубинова, В. Г. Рудневъ, П. Н. Сакулинъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, П. П. Сушкинъ, Н. Д. Телешевъ, М. В. Тиличева, В. Н. Харузина и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ „Семьи и Школы“ и за 6 книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 р., безъ доставки 2 р. 50 к. За границу 5 р. Подписка на полгода 1 р. 50 к. (принимается исключительно въ редакціи). Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карбасникова. Пробный номеръ журнала высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки. Подробный проспектъ безплатно. Погородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“. Москва, Гончарная ул., д. № 17. Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

Открыта подписка на 1909-й годъ—II годъ изданія.

„ГОЛОСОСТЬ“.

Двухнедѣльный иллюстр. журн.
посвящ. литер., общ. жизни, ис-
кусствамъ и наукѣ.

„Голосъ“ въ 1909-мъ году будетъ выходить въ увеличенномъ объемѣ въ г. Москвѣ при пополненномъ составѣ сотрудниковъ въ художественной обложкѣ. Изящная вѣщность.

Въ журналѣ „Голосъ“ принимаютъ участіе: Леонидъ Андреевъ, Ив. Бѣлоусовъ, Ив. Бунинъ, А. Вербицкая, Дм. Глушковъ, А. Доброхотовъ, С. Дрожжннъ, П. Засодимскій, Бор. Зайцевъ, Алекс. Пестоминъ, Н. Киселевъ, А. И. Купринъ, Л. Малининъ, Р. Могуая, М. Михаловская, Н. Могуцій, Сергій Пинусъ, А. Пругавинъ, Н. Степаненко, проф. Н. Сумцовъ, Н. Телешовъ, Н. Тимковский, Павелъ Тулубъ, А. Туркинъ и мн. др.

Въ журналѣ „Голосъ“ помимо широко поставленнаго беллетристическаго отдѣла, будутъ помѣщаться критическ. статьи, статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія и искусства. Путешествія. Историч. статьи и мемуары. Общ. и экон. статьи. „Литература и жизнь“. Библиографія. Сатира. Иллюстр. и пр. Подписная цѣна съ доставкой и перес.: На годъ—3 руб., на 1/2 года—2 руб.

Разсрочка: При подпискѣ 1 р.; къ 1-му февраля и къ 1-му марта также по одному рублю. Деньги могутъ высылаться сберегательными (но не почтовыми) марками. Главная контора и редакція журнала „Голосъ“ Москва, Рождественка. Звонарскій пер., д. № 6.

Редакторъ-издатель Н. В. Могуцій.

Открыта подписка на 1909 годъ на журналы:

1) „Юная Россія“ („ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“)

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.
СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Въ годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки, 5 р. съ пересылкой.

Въ 1909 г. журналъ „Юная Россія“ („Дѣтское чтеніе“) дастъ всѣмъ подписчикамъ: 12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИЖЕКЪ, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и проч.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Майковъ, А. К. Толстой, Полонскій, Фетъ, Тютчевъ. Сборникъ стихотвореній съ портретами и біографіями поэтовъ, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. II. Люди всякаго чина и званія. (Изъ исторіи человѣческаго общества). Культурные очерки Л. А. Берлина: 1) Торговые люди; 2) Судьи; 3) Ученые; 4) Врачи; 5) Поэты и писатели; 6) Артисты и 7) Воины. III. Альбомъ русскихъ писателей (12 портретовъ) Оставшіеся комплекты журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ за прежніе годы 1897—1907 гг. по 4 р. съ пересылкой въ предѣлахъ Евр. Россіи.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшено къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, для учительскихъ бібліотекъ и бесплатныхъ народныхъ читальнь.

1 р. 75 к. безъ пересылки, 2 р. съ пересылкой.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцамъ уступка 50%.

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: За стр. 40 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 20 р., за $\frac{1}{4}$ станицы 10 р., за $\frac{1}{8}$ стр. 5 р.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская бібліотека, 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908—9 годъ
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНИЕ“.

Изданіе А. Н. Коншина. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.

Журналъ „Свободное Воспитаніе“ имѣетъ своею цѣлью разработку вопросовъ о свободномъ воспитаніи и образованіи, т.-е. такомъ воспитаніи и образованіи, которое основано на самостоятельности, на удовлетвореніи свободныхъ запросовъ дѣтей и юношества и на производительномъ трудѣ, какъ необходимой основѣ жизни.

Въ связи съ основной задачей журнала стоятъ слѣдующія задачи: 1) разработка вопроса о реформѣ личной, семейной и общественной жизни въ смыслѣ измѣненія самыхъ условий воспитанія и 2) содѣйствіе защитѣ дѣтей отъ жестокости и эксплуатаціи. Всѣ эти задачи журнала предполагается разрабатывать по слѣдующей программѣ:

1) Статьи, очерки и корреспонденціи по вопросамъ умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія, образованія и самообразованія. 2) Статьи, очерки и рассказы изъ семейной, школьной и общественной жизни съ точки зрѣнія интересовъ воспитанія и образованія. 3) Статьи о материнствѣ и воспитаніи ребенка въ первые годы жизни. 4) Статьи и очерки по вопросамъ защиты дѣтей отъ жестокости и эксплуатаціи. 5) Статьи о свободно-образовательныхъ начинаніяхъ для трудового населенія. 6) Статьи и очерки по ручному труду (земледѣльческому, ремесленному и т. д.). 7) Очерки и статьи по природовѣдѣнію, устройству экскурсій и т. д. 8) Очерки по вопросамъ гигиены дѣтства и юношества. 9) „Изъ книги и жизни“. Обзоръ журналовъ, книгъ и газетъ по вопросамъ воспитанія и образованія. 10) Переписка между родителями, воспитателями, учителями и вообще всѣми интересующимися вопросами реформы воспитанія и образованія. 11) Вопросы и отвѣты редакціи и читателей. 12) Библиографія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Е. М. Бемъ, И. А. Беневскій, д-ръ Г. М. Беркенгеймъ, Л. А. Бессель, П. П. Бирюковъ, П. Н. Бирюкова, Е. П. Буагакова, д-ръ А. С. Буткевичъ, проф. Ю. Н. Вагнеръ, В. М. Величкина, К. Н. Венцель, С. А. Венцель, М. В. Веселовская, Ю. А. Веселовскій, А. М. Викторовъ, Е. Е. Горбунова, И. П. Горбуновъ-Посадовъ, А. А. Громбахъ, Н. Н. Гусевъ, Е. А. Дунаева, С. Н. Дурылинъ, И. И. Живаго, А. У. Зеленко, А. С. Зоновъ, А. А. Зубрилинъ, О. В. Кайданова, Е. А. Караваева, акад. Н. А. Касаткинъ, М. В. Кистяковская, М. М. Ключевскій, А. Н. Коншинъ, П. В. Кротковъ, С. А. Левицкій, В. П. Лукьянская, Ю. П. Менжинская, К. А. Михайловъ, д-ръ Д. В. Никитинъ, Сергѣй Орловскій, А. П. Печковскій, Е. П. Поповъ, С. А. Первухинъ, А. Б. Петрищевъ, В. В. Петровъ, С. А. Порѣцкій, А. С. Пругавицъ, Ф. А. Рау, д-ръ В. В. Рахмановъ, П. А. Рубакинъ, проф. П. Е. Рѣпинъ, М. Х. Свентицкая, И. М. Соловьевъ, Е. К. Соломинъ, В. М. Сухова, А. М. Хирьяковъ, С. Г. Чефрановъ, Е. И. Чижовъ, С. Т. Шадкій, д-ръ А. Шкарванъ, М. А. Эртель и другіе.

Подписной годъ считается съ 1 сентября 1908 г. по 1 сентября 1909 г.

Подписная цѣна: на 1 годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб., за полгода—1 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ 2 р. 50 к. Для сельскихъ учителей съ доставкой и пересылкой на годъ 2 р., на полгода—1 р. Подписная плата можетъ вноситься въ два срока: первая половина при подпискѣ, вторая не позже февраля мѣсяца. Подписка принимается въ Москвѣ: 1) въ конторѣ редакціи „Свободнаго Воспитанія“, Дѣвичье поле, Трубецкой пер. № 10. 2) въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Петровскія ливніи) и 3) въ конторѣ Н. П. Печковской (Петровскія ливніи): въ Петербургѣ: въ Подвижномъ музеѣ Технич. обл. (Прилукская, 10), а также во всѣхъ конторахъ по приѣму подписки и книжныхъ магазинахъ, принимающихъ подписку на журналы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій и популярно-научный журналъ

XVIII г.
изданія.**„ОБРАЗОВАНИЕ“**XVIII г.
изданія.

Съ 24 октября журналъ перешелъ въ руки новой редакціи и выходитъ своевременно. „Образованіе“ въ дальнѣйшемъ явится безпартийнымъ органомъ, поставившимъ своею задачею давать въ беллетристическомъ отдѣлѣ здоровую, художественную литературу. Широко ставятся экономической и публицистической отдѣлы и обзоръ внутренней и вѣшной жизни. Вводятся новые отдѣлы: научно-популярный и педагогическій. Въ критико-библиографическомъ отдѣлѣ кромѣ статей и историко-литературнаго и критическаго характера будутъ даваться подробный обзоръ книгъ и журналовъ, выходящихъ въ Россіи и за границей.

Журналъ издается при редакционномъ участіи: Дм. Карышева, В. Тотоміанца, П. Новорусскаго, Н. Носкова.

Двойная книга за сентябрь-октябрь находится подъ арестомъ, наложеннымъ по распоряженію Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати и по освобожденіи будетъ немедленно разослана гг. подписчикамъ. Ноябрьскій № выходитъ 2-го декабря, слѣдующіе номера будутъ выпускаться по 20 числамъ каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 7 р., на полгода—3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 40 к., на одинъ мѣсяць—85 к. За границу на годъ—10 р., на полгода—5 р., отдѣльные номера продаются въ конторѣ журнала и въ книжныхъ магазинахъ по 85 к.

Принимается подписка въ С.-Петербургѣ, 5 Рождественская, 23, въ конторѣ „Образованія“. Редакторъ-издатель Дм. Карышевъ.

Открыта подписка на 1909 годъ (4 г. изданія)

На профессиональный и общественно-педагогическій журналъ

„НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ“

(выходитъ 20 разъ въ годъ).

Въ составъ сотрудниковъ вошли: П. С. Абрамовъ, проф. Г. Е. Аванасевъ, проф. А. К. Бороздинъ, И. П. Бѣлокопскій, В. П. и Э. О. Вахтеровъ, А. Г. Вязловъ, Б. Д. Гринченко, Д. И. Дорошенко, П. Я. Дриляхъ, Я. П. Дущечкинъ, С. А. Ефремовъ, Е. А. Звягинцевъ, С. А. Золотаревъ, В. В. Кирьяковъ, К. Ф. Лебединцевъ, С. П. Лисенко, А. А. Локтинъ, Э. П. Матушевскій, Л. Л. Мищенко, И. Е. Орѣшникъ, А. Б. Петришевъ, П. П. Полторацкій, С. С. Раецкій, вр. М. П. Рашковичъ, Л. Н. Рупнень, С. Ф. Русова, В. В. Симоновскій, О. П. Смирновъ, прив.-доц. В. П. Твердохлебовъ, д-ръ П. П. Тутышкинъ, Г. А. Фальборкъ, В. П. Чарголускій, Н. В. Чеховъ, Г. П. Шерстюкъ, П. М. Шестаковъ, Е. Г. Шольиъ, М. Л. Цитронъ и др.

Программа журнала: Руководящія статьи по очереднымъ вопросамъ школьной реформы. Всесторонняя разработка вопросовъ профессиональнаго учительскаго быта. Научно-популярныя статьи по педагогикѣ, психологій, школьной гигиенѣ, санитаріи и пр. Вопросы вѣтшкольнаго образованія.

Постоянные отдѣлы журнала: I. Вопросы народнаго образованія въ Госуд. Думѣ. II. Въ учительскихъ обществахъ (критическіе обзоры). III. Хроника народнаго образованія. IV. Изъ жизни заграничной школы. V. Народное образованіе въ земствахъ и городахъ. VI. Въ народныхъ университетахъ. VII. Среди педагогическихъ журналовъ. VIII. Сообщенія съ мѣстъ. IX. Литературныя новости. X. Справочныя свѣдѣнія по народному образованію. XI. Въ помощь самообразованію. XII. Среди книгъ (библиографія). XIII. Почтовый ящикъ. XIV. Письмо въ редакцію.

Съ 1908 г. журналъ выходитъ съ иллюстраціями. Подписная цѣна на годъ—2 р. 50 к., на полгода—1 р. 25 к., на 3 мѣс.—75 к., на 1 мѣс.—30 к. Допускается самая широкая разсрочка. Мѣнѣ рубля—можно сберегать марками. Пробный номеръ журнала высылается бесплатно. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно по слѣдующему адресу: Кіевъ, редакція журнала „Народный Учитель“, Львовская, 81, кв. 10.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

н а

„Богословскій Вѣстникъ“

1909-й годъ.

(Восемнадцатый годъ изданія.)

Въ 1909 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ на прежнихъ основаніяхъ по нижеслѣдующей программѣ:

I. Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ (Св. Кирил. Александр.).

II. Оригинальныя изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи.

III. Изъ современной жизни: обзорѣнія важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ.

IV. Изъ періодической печати: отклики духовной и свѣтской прессы на важнѣйшіе вопросы современной церковно-общественной мысли и жизни.

V. Хроника академической жизни: отчеты о магистерскихъ диспутахъ, объ ученыхъ юбилеяхъ, о работѣ научныхъ академическихъ обществъ и кружковъ и о различныхъ переимѣнахъ во внѣшней и внутренней жизни нашей Академіи.

VI. Библіографія, рецензія и критика выдающихся новинокъ какъ русской, такъ и иностранной богословско-философской и церковно-исторической литературы.

VII. Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься протоколы Совѣта Академіи за 1908 годъ и автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго, за 1890—1891 годы.

Въ качествѣ приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ подписчикамъ его въ 1909 году будетъ предложена цѣнная книга нашего маститаго церковнаго историка и ученаго академика *Е. Е. Голубинскаго*:

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГІЙ РАДОНЕЖСКІЙ

и созданная имъ Троицкая Лавра.

Жизнеописаніе Преподобнаго Сергія и путеводитель по Лаврѣ.

Съ приложеніемъ четырехъ гравюръ: двухъ видовъ Лавры XVII в. и нынѣшняго, плана Сергіевского посада и карты дороги отъ Москвы до Троицы. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 2 руб. 25 коп.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ книги *Е. Е. Голубинскаго*.

Восемь рублей съ пересылкой.

Прим. Безъ пересылки **семь** рублей, за границу **десять**.

Допускается подписка на журналъ безъ приложенія (цѣна 7 руб.). Допускается разсрочка на два срока (при подпискѣ 4 руб. и къ 1 июля 4 руб.). Подписавшіеся на журналъ безъ приложенія пользуются такой разсрочкой: на два срока—при подпискѣ 4 руб. и къ 1 июля 3 руб.

За переимѣну адреса 20 коп.

Прим. Подписчики „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30%, въ зависимости отъ размѣровъ заказа.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ э.-орд. проф. А. Покровский.

Открыта подписка на 1909 г.
на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ

СОЮЗЪ ЖЕНЩИНЪ

(3-й годъ изданія.)

Журналъ посвященъ вопросамъ, связаннымъ съ борьбою за равноправіе женщинъ и улучшеніе ихъ матеріальнаго, культурнаго и правового положенія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, выпусками отъ 1½ до 2 листовъ большаго формата (48—96 столб., 3—6 общ. журналн. листовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ—2 р. 50 к., на полгода—1 р. 50 к. Подписка принимается въ редакціи журнала: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 84, кв. 9.

Ред.-Изд. **М. А. Чехова.**

1909 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА Годъ III.
на журналъ

Современная Психіатрія,

издаваемый при участіи Н. А. Вырубова, В. А. Гиляровскаго, В. И. Семидалова и С. А. Суханова подъ редакціей А. Н. Бернштейна и П. Б. Ганнушкина.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ около 3-хъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 6 руб., за границу 8 руб. Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Современной Психіатріи“: Москва, Б. Левшинскій пер., 14.

Плата за объявленія:

Впереди текста: страница 40 р., ½ страницы 20 р., ¼ страницы 15 р.
Позади текста: страница 25 р., ½ страницы 15 р., ¼ страницы 10 р.

КОММЕРЧЕСКОЕ САМООБРАЗОВАНИЕ.

Библіотека — журналъ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ, издаваемая кружкомъ специалистовъ подъ ред. Н. Иванова. Подписная цѣна съ дост. и перес. 5 руб.

Первые пять выпусковъ вышли и разсылаются подписчикамъ, остальные 7 книгъ будутъ выходить ежемѣсячно по 1 вып. въ мѣс. начиная съ декабря мѣс. с. г. Съ требованіями обращ. въ контору „Коммерческаго Самообразования“: С.-Петербургъ, Итальянская 15, кв. 43.

Принимается подписка

на выходящую въ г. Оренбургѣ ежедневную газету

ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ.

Условія подписки:

на годъ—6 руб., ½ года—3 р. 50 к., 3 мѣсяца—2 руб., 1 мѣсяць—70 коп.

Адресъ редакціи: г. Оренбургъ, Неплюевская у., д. Городисскаго.

Открыта подписка на 1909 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

а) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ **5** руб., б) съ приложеніемъ одного изъ томовъ „І. Златоуста“ или „Ѡ. Студита“—**6** р. **50** к., в) съ приложеніемъ журнала „Христіанское Чтеніе“ **8** руб., г) съ обоими приложеніями (б и в)—**9** руб.

За границей: а) за журналъ отдѣльно **7** руб., б) съ приложеніемъ одного изъ томовъ твореній „св. І. Златоуста“ или „преп. Ѡ. Студита“—**9** руб. в) съ приложеніемъ „Христіанскаго Чтенія“—**10** руб., г) съ обоими приложеніями—**11** р. **50** к.

Редакторъ проф. И. Евсеѣвъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 годъ

НА

ВѢСТНИКЪ ОЛОНЕЦКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА,

II годъ изданія.

Подписная плата за I годъ рубль.

Подписка принимается въ г. Петрозаводскѣ, при Губернской Земской Управѣ.

Принимается подписка на 1909 годъ

На журналъ

МОСКОВСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Редакторъ журнала **КН. Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ.**

Ближайшіе сотрудники: С. А. Котляревскій, А. Л. Погодинъ, П. Б. Струве и кн. Г. Н. Трубецкой. Въ теченіе года подписчики получаютъ 50 книжекъ въ 4 листа еженедѣльно за исключеніемъ праздниковъ Рождества и Пасхи. Условія подписки на 1909 годъ. За годъ **5** руб., за 6 мѣс. **3** руб., за 3 мѣс. **1** руб. **50** коп. За границу вдвое. Допускается разсрочка только годовымъ подписчикамъ по слѣдующимъ условіямъ: при подпискѣ **3** р. и въ 1 мая **2** р. Объявленія принимаются въ конторѣ отъ 11—5 часовъ дня. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи.

Адресъ конторы: Москва, Пречистенскій бул., д. Кальмееръ. Тел. 127—18.

ЗАПИСКИ

МОСКОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

(десять выпусковъ въ годъ.)

За годъ съ пересылкой и доставкой 5 руб., за полгода 3 руб., безъ пересылки и доставки за годъ 4 руб. 50 коп., за полгода 2 руб. 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Нечетные №№ — оригинальныя работы и изслѣдованія по вопросамъ техническимъ и социально-экономическимъ на почвѣ русской дѣятельности, обзоры, библиографія (переводныя статьи не печатаются).

Четные №№ — изъ внутренней жизни Общества, протоколы засѣданій, отчеты о дѣятельности Отдѣленія и отдѣловъ; приложенія, состоящія изъ законченныхъ трудовъ членовъ Общества или отдѣловъ его.

Подписка принимается: 1) въ книжномъ магазинѣ Н. Лидертъ, Москва, Петровскія линіи, и 2) въ редакціи „Записокъ“, Знаменка, М. Знаменскій пер., д. К. К. Мазинга.

Объявленія принимаются у С. С. Кальмансона, Москва, Мясницкая, 29, кв. 9, телеф. 109—12.

Редакціонный комитетъ: { **Я. Ф. Каганъ-Шабшай.**
П. И. Кедровъ.
И. Я. Перельманъ.

XV годъ **въ 1909 году** **годъ XV**

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ“

будеть выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1909 года.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Царовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платять, при подпискѣ въ Главной Конторѣ, по 5 рублей въ годъ.

Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложеніями — по 2 рубля.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10%, за продажу отдѣльныхъ книгъ — 25%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для печатанія въ „Журналъ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 к. за строчку, 8 руб. за страницу и 4 руб. за полстраницы.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ **В. В. Дерюжинскій.**

Годъ изданія 9-й.

Принимается подписка на 1909 г.

на ЖУРНАЛЬ

Невропатологіи и Психіатріи

имени С. С. Корсакова,

издаваемый Обществомъ невропатологовъ и психіатровъ, состоящимъ при Императ. Московскомъ Университетѣ,

подъ редакціей

Проф. В. К. Рота и В. П. Сербскаго, приватъ-доцентовъ А. Н. Бернштейна, Л. С. Минора, П. А. Преображенскаго, Г. И. Россолимо и д-ра В. И. Яковенко.

Журналъ выходитъ 6 разъ въ годъ книгами въ 10 — 12 листовъ и содержитъ: 1) оригинальныя статьи по невропатологіи и психіатріи, криминальной антропологіи, судебной психопатологіи, психологіи, педагогическимъ вопросамъ. 2) Рефераты. 3) Корреспонденціи и отчеты съѣздовъ и засѣданій обществъ. 4) Рецензіи книгъ. 5) Хроника и смѣсь. 6) Объявленія.—Приложенія: а) Библиографическій указатель статей и книгъ по невропатологіи и психіатріи; в) Протоколы Общества невропатологовъ и психіатровъ при Московскомъ Университетѣ.

Подписная цѣна въ годъ съ пересылкой и доставкой—10 руб.; за границу—12 руб.

Цѣна за объявленія въ 1 стр.—15 руб.; за $\frac{1}{2}$ стр.—10 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи:

Москва, Дѣвичье поле, Клиника нервныхъ болѣзней.

Вышла изъ печати новая книга:

Памяти Л. И. Поливанова.

(Къ 10-лѣтію его кончины).

Изданіе Общества бывшихъ воспитанниковъ гимназіи
Л. И. Поливанова.

Портретъ. Біографическій очеркъ.—Влад. Соловьевъ: Некрологъ Л. И. Поливанова.—Л. Лопатинъ: Личность и взгляды Л. И. Поливанова.—Л. Бѣльскій: Л. И. Поливановъ какъ педагогъ.—В. Гіацинтовъ: Къ характеристикѣ Льва Ивановича.—А. Венкстервъ: Л. И. Поливановъ и Шекспировскій кружокъ.—А. Сливицкій: Л. И. Поливановъ по личнымъ моимъ воспоминаніямъ и по его письмамъ.—Изъ бумагъ Л. И. Поливанова: Философскія размышленія. Письмо къ начинающей романисткѣ. — Приложение: Положеніе о преміи имени Л. И. Поливанова.

Особенный интересъ представляетъ матеріалъ, принадлежащій перу Л. И. Поливанова: двѣ вышеупомянутыя статьи его изъ неизданныхъ бумагъ и вошедшіе въ „Воспоминанія“ А. Сливицкаго многочисленные отрывки изъ писемъ Л. И. Поливанова (отъ поры гимназической до послѣднихъ лѣтъ его жизни).

Предназначая сборникъ главнымъ образомъ для тѣхъ, кто лично зналъ и цѣнилъ Л. И. Поливанова, и прежде всего для его многочисленныхъ учениковъ, составители сборника надѣются, что оригинальная личность Л. И. Поливанова и его дѣятельность на поприщѣ науки, литературы и общественно-педагогическомъ привлекутъ къ себѣ и общій интересъ, за предѣлами круга людей, его знавшихъ.

Цѣна 1 р. 75 к.

Доходъ отъ изданія поступаетъ въ Общество бывшихъ воспитанниковъ гимназіи Л. И. Поливанова.

Складъ изданія при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. (Москва, Именовская ул., с. д.) ◆ Телефонъ № 5—26, 66—13.